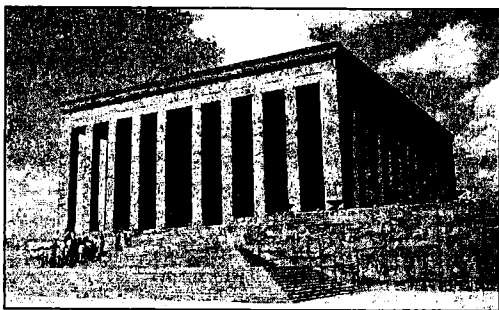

Н.Г. КИРЕЕВ

ИСТОРИЯ ТУРЦИИ XX ВЕК

**Москва
Крафт+ ИВ РАН
2007**

УДК 94(560)''19''

ББК 63.3(5Туц)6

К 43

Ответственный редактор тома *А.З. Егорин*

Редактор издания *Г.В. Миронова*

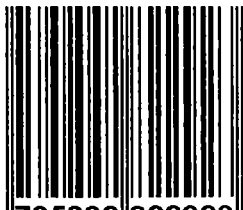
Киреев, Н.Г.

К 43 История Турции XX век / Н.Г. Киреев. – Москва: ИВ РАН: Крафт+, 2007. – 608 с. – ISBN 978-5-89282-292-3

В монографии кратко изложена история возникновения и развития турецкого государства до начала XX в., подробно проанализированы основные этапы развития Турции в XX в. – от молодотурецкого движения до прихода к власти правительства «умеренного» ислама в начале XXI в. Книга рассчитана на широкий круг читателей. Может быть использована для преподавания в вузах курсов всеобщей истории и новейшей истории Востока.

Автор монографии – известный специалист по новейшей политической и социально-экономической истории Турции. По указанной тематике его перу принадлежит ряд книг и статей.

ISBN 978-5-89282-292-3

9 785892 822923

© Н.Г. Киреев, 2007

© Институт востоковедения РАН, 2007

ВВЕДЕНИЕ

Турецкая Республика – государство, расположенное на двух континентах – в Европе и в Азии¹. Её площадь – 814 578 кв. км. Население – 71,3 млн. человек (2003 г.). Немалое число граждан Турции (3 млн.) проживает в других странах (главным образом западноевропейских). Среднегодовой доход на душу населения – 2530 долл. (2001 г.). Доля городского населения – 64,9 %. Уровень грамотности – 82,3% (мужчины – 91,7%, женщины – 72,4%).

Европейская Турция составляет по площади незначительную часть от всей территории, но здесь находится самый крупный город страны – Стамбул с населением в 10 млн. человек. Азиатская Турция, или Анатолия, занимает полуостров Малую Азию, где расположены столица – Анкара (4 млн. человек) и другие крупные города – Измир (3,4 млн.), Адана (1,8 млн.) и др.

Европейскую и азиатскую части страны разделяют проливы Босфор и Дарданеллы, Мраморное море. Черноморские проливы имеют важное экономическое и военно-стратегическое значение для Турции и других черноморских государств.

В подавляющем большинстве население Турции – это турки, в стране проживают также несколько десятков тысяч греков и евреев (в основном в Стамбуле и Измире), армян и лазов; выходцев с Северного Кавказа, которые в обиходе объединены общим именем – черкесы. Самое многочисленное национальное меньшинство – курды, они проживают преимущественно на востоке и юго-востоке страны. Последние данные по их численности были представлены в официальной переписи 1965 г. Тогда на курдском языке разговаривало 2,3 млн. человек.

По вероисповеданию подавляющее большинство населения – мусульмане (99%), в основном сунниты. Ислам в недавнем прошлом был государственной религией, ныне демократический принцип свободы религии увязывается с другим – секуляризмом. Это не означает, что страна по своим традициям, культуре перестала быть частью всего мусульманского мира, она – член международных и региональных исламских организаций. Два религиозных

праздника – Рамазан и Курбан-байрам включены в перечень национальных праздников.

Остальные верующие – христиане (православные, григориане, католики и т. д.), иудаисты. В прошлом Малая Азия была одним из основных центров распространения раннего христианства. Здесь проповедовал апостол Павел, родился Николай Угодник, и сейчас паломники и туристы посещают часовню, где, по преданию, скрывалась Дева Мария. Во времена существования здесь крупнейшего христианского государства средневековья (IV–XV вв. н. э.) – Византийской империи её население было в основном греческим и славянским (на западе), армянским и грузинским (на востоке).

Согласно конституции Турция – унитарное светское государство в форме республики (Türkiye Cumhuriyeti) с президентом, парламентом (Великое Национальное Собрание Турции – меджлис) и правительством, формируемым по итогам очередных парламентских выборов.

* * *

В течение многих веков территория страны была не только кратчайшим караванным путем, соединявшим Азию, Африку и Европу, но и ареной жестоких сражений, завоевательных походов и нескончаемых миграций племён и народов, в результате которых исчезали одни государства и возникали другие. По дорогам Малой Азии проходила армия Александра Македонского, войска крестоносцев, воины Тимура...

В XI в. в Малой Азии стали особенно активно расселяться и создавать свои уделы (бейлики) тюрки-сельджуки – пришельцы-кочевники из туркменских (огузских) племён Центральной Азии. Эта племенная ветвь названа по имени их предводителя Сельджука (X – начало XI вв.), создавшего династию Сельджукидов.

Победа сельджуков над византийцами под Малазгиртом (Манцикертом) в 1071 г. многими историками считается свидетельством окончания в Малой Азии эпохи христианского, греческого (румского) владычества и начала новых форм государственности – тюркско-мусульманской. Эта победа, нашедшая на Востоке шумный отзвук, передала Малую Азию Сельджукидам. Огузы легко и быстро проложили дорогу в глубь страны, отряды акынды («налётчиков») временами лавинами подступали к Черноморскому

Проливу, к воротам столицы Византии – Константинополю. Недавние пришельцы прочно осели в Малой Азии, они уже «не кочевники, бродящие с места на место, занятые исключительно поисками пастбищ. Они думают о создании государства» – Конийского (Румского) султаната, и его столицей становится Иконииум (совр. Конья) ².

Объединение сельджуками к XIII в. почти всей Анатолии в единый Румский султанат способствовало оживлению торговли, его столица Конья насчитывала до 100 тыс. жителей, стала благоустроенным городом с развитым ремеслом, торговым обменом, множеством мечетей, медресе, бань. Владениями султаната стали побережья омывающих Малую Азию теплых морей – в 1207 г. они завоевали Анталию, в 1214 г. – Синоп.

Российские историки отмечают интенсивный в этот период процесс разложения родоплеменного строя среди тюркских племён, обосновавшихся в Малой Азии ³. Этносоциальные конфликты между оседлой и кочевой частью населения подрывали стабильность этого государственного образования. После 1243 г. Конийский султанат стал вассалом монгольских ильханов Ирана. К 1307 г. султанат окончательно распался на мелкие княжества.

Одно из них было представлено перекочевавшим под натиском монголов в Анатолию огузским племенем кайя. Жизнь этого племени продолжилась сначала в районе Эрзурума, пока туда не пришли монголы, затем в Караджадаге (окрестности Анкары), затем поредевшее племя (оно насчитывало всего 400 шатров) во главе с Эртугрулом Гази перебралось далее на запад в район Сёгюта. В 1231 г. Эртугрул, будучи командиром отрядов акынды, отличился в походе сельджуков против изникских византийцев. В 1279 г. он был назначен беём уджа (военного поселения) Сёгют. После его смерти (1281 г.) вождем племени и беём уджа старейшины избрали его сына Османа, а после нескольких военных успехов соответствующий фирман ему был послан сельджукским султаном. В 1289 г. власть Османа была закреплена «сверху» присланными дарами – бунчуком, саблей, конем с серебряной упряжью ⁴. Так небольшой приграничный удел стал ядром будущей мировой империи средневековья.

Османскому бейлику удалось возвыситься над остальными племенами также и за счёт второй волны притока тюрок-переселенцев из Средней Азии. Среди беженцев было много горожан,

улемов, торговцев и ремесленников. Как считает Х. Иналджык, уже «в XIII веке Анатолия во всех отношениях стала выглядеть родиной турок, проезжая Восточную Анатолию в 1279 г., Марко Поло упомянул эту территорию как *Туркмению*»⁵. С 1289 г. Осман начал расширять за счёт византийских земель границы своего небольшого владения. Столицей этого государства в 1326 г. (при сыне Османа – Орхане) стал город Бруса (Бурса). Постепенно бейлик распространил свою власть по всей Анатолии, а затем и на Балканах.

Турецкие историки, повествуя об исходных причинах возникновения мировой империи, убеждены, что сильнейшим фактором при этом стала идеология газавата. «Обратившийся к газавату на землях Византии и Балкан бейлик Османа в короткое время овладел обширными территориями... Завоевания и переход к оседлости на Балканах способствовали превращению бейлика в империю уже при Баязите Молниеносном...»⁶

Миграционные потоки, происходившие и мирным расселением, и захватом территорий, уже тогда сопровождались идеологией ислама и восхвалением борьбы с врагами, неверными и еретиками, причём отступники из среды мусульман также составляли серьёзную угрозу для суннитов-огузов. Последние стали активно привлекать и на новой родине проповедников-дервишей, наследников влиятельных кругов туркестанской суннитской общины. Централизующая суннитская идеология вносила организационное начало в охваченные шиизмом ближневосточные общества. Позже, после наведения «внутреннего порядка», идеология газавата окончательно превратила боевые дружины мусульман в передовой отряд ислама в борьбе с христианством, хотя постоянное преследование шиитов в Турции, пусть завуалированное, не прекратилось до наших дней. Благодаря дервишам Ахмеда Есеви Анатолия полностью поменяла свой облик. Хорасанские дервиши выполняли на этой земле волю основателя ордена: «Садись на лошадь и отправляйся на запад; там, где лошадь стала, спешивайся и начинай служить». Эти дервиши-акынды появились после того, как сила тюрок была объединена в исламе, их молитвы, произнесённые с мимберов в одну из пятниц 1071 г., призвали к единению всех тюрок. «С этими молитвами и восторгами люди вошли в Малазгирт; проявляя героизм и веру в Аллаха, помяная Кылычарслана и Мевляну... они вскоре овладеют Анатолией»⁷.

Другие авторы называют основные составляющие газавата – «связь *текке-казарма* в широком смысле – это связь *религия-джихад*, а в османской цивилизации такая связь представлена единением янычар с бекташи»⁸. О значимости газавата у сельджукидов писал и В.А. Гордлевский, подчёркивая, что в Малой Азии Сельджукиды жили, окруженные «областью войны» и, устремляясь на христиан, совершали формально газават – священный набег, рекомендуемый, поощряемый воинствующим исламом»⁹. Территорией, где происходило противостояние воинов креста и воинов газавата, была и Анатолия. Несомненно, при близком и постоянном общении с византийцами, их пышным и расточительным двором у суровых сельджукских воинов и их *гази* зрела и укреплялась мечта о том, что их меч, освящённый верой в Аллаха, подобно золотому ключику, откроет врата в некий счастливый и благополучный мир – примерно такой, в каком жили «заевшиеся» византийцы. Непрерывавшееся продвижение на запад тюркского кочевого населения под знаменем газавата сопровождалось, безусловно, прежде всего исламизацией, а потом и тюркизацией Анатолии. Складывавшаяся в Османском государстве из различных тюркских племён и оставшегося местного населения мусульманскую народность стали называть турками-османами, после появления янычар ордена Бекташи стал их духовным покровителем. Это элитное пешее войско султана – янычарский корпус было учреждено при Мураде I в 1363 г. (1365 г.?), что также способствовало победам османов – ведь средневековые европейские государства в это время ещё не создали регулярной пехоты, её роль выполняли иностранные наёмники¹⁰.

На начальном этапе своей государственности турки-османы понесли крупное военное поражение – в 1402 г. близ Анкары от грозного Тимура. Их султан Баязид оказался в плену и вскоре там умер, турецкие историки пишут, что он покончил с собой. Спустя десяток лет османы сумели восстановить свои силы и продолжить завоевания. Даже этот случай в истории Дома Османов не мог прервать династию, ибо выбрать наследника не составляло труда – жены и наложницы падишаха рожали и девочек и мальчиков достаточно регулярно и в немалом количестве¹¹.

С захватом в 1453 г. турками-османами Константинополя, после многих недель осады и кровопролитного штурма, прекратила

существование Византийская империя. Её поверженная столица на три дня была отдана на разграбление войскам султана. Правда, в руки турок не попало и половины того, что захватили и уничтожили крестоносцы ранее в одном из своих походов при взятии Константинополя в 1204 г., но богатства и на этот раз были захвачены огромные, а ущерб, нанесенный культурному наследию, был невосполнимым¹².

С этого момента началась полоса расцвета Османской империи, превратившейся в могущественное государство средневековья. В его руках оказались важнейшие мировые стратегические и торговые пути того времени. После захвата Константинополя Мехмед II ликвидировал независимость Сербии, завоевал Боснию, Герцеговину, Грецию, установил свою власть над дунайскими княжествами – Молдавией и Валахией, над Крымским ханством, подчинил себе почти всю Анатолию. Сельджукский газават трансформировался в османский, имперский, теперь священный меч пробивал падишаху и его войскам дорогу уже в другое царство благополучия – богатую Европу, к воротам Вены, и призом здесь для них представлялось «кызылэльма» – некое золотое («красное») яблоко («держава») – символ власти, который держит в своих руках император Священной Римской империи. Турецкое нашествие стало постоянной угрозой для многих государств Европы¹³.

Для турок это было поистине новым временем – по невиданным темпам и продолжительности захвата под знаменем газавата все новых и новых территорий, преобразований во многих сферах амбициозной молодой империи – в военной организации, хозяйственной жизни, идеологии.

Уместно отметить, что уже в ранний период империи, при султани Баязиде II (1481–1512 гг.) через посредничество крымского хана были установлены дипломатические контакты с Московским государством. Это государство тогда не представляло угрозы империи – такой угрозой были Польша, Литва и Золотая Орда. В 1492 г. Баязид II отправил в Москву посольство, которое, правда, не было пропущено через литовские владения. Он же в 1496 г. предоставил Ивану III право для его подданных свободно торговать на всех территориях империи. Это было связано с намерением Баязида II примирить интересы крымского хана с Москвой, однако этого не случилось, впереди предстояла борьба между

Москвой и Крымом за Казанское и Астраханское княжества. В 1497–1499 гг. в Стамбул впервые приезжали русские послы¹⁴.

В экономике первые века имперского владычества были отмечены в первую очередь строительством мечетей и дворцов, но не только этим – можно говорить об обустройстве городов, сооружении обширных крытых рынков, караван-сараев, источников воды. Османские купцы (мусульмане, греки, армяне, евреи) вытесняли торговцев-«франков», в их торговых списках были бурский шёлк, стамбульское и салоникское сукно, адрианопольские кожи. Большое распространение получили вакуфы с их социальной деятельностью благодаря обширной недвижимости, связям с орденами. Например, в Анатолии в 1528 г. в качестве вакуфного имущества было зарегистрировано 45 благотворительных помещений, 342 мечети, 1095 медреситов, 110 медресе, 625 больших и малых обителей, 75 крупных постоянных дворов и караван-сараев, 238 бань и т. д. После перестройки Стамбула также с участием вакуфов Бурса, Изник, Эдирне, София, Ускюп, Енишехир, Монастир и др. подверглись стремительному архитектурному преобразованию в мусульманский город. В качестве учреждений науки было создано рядом с мечетью Фатих 8 специальных медресе, куда «была открыта дорога для всякого способного юного мусульманина», они содержались на вакуфные средства. Помимо религиозных дисциплин, там преподавались медицина, астрономия, математика. В упомянутой работе Иналджык приводит итоги переписи населения Стамбула через 25 лет после его захвата: из 14 803 семей города 8951 были мусульманскими, 3151 – православными, 1647 – иудейскими и др. В подсчёт не вошло османское воинство.

После захвата Константинополя в империи была установлена система религиозных общин (миллетов): греко-православной (с 1454 г.), армяно-григорианской (с 1461 г.) и иудейской (с 1393 г.). Правовое положение подданных империи определялось принадлежностью к таким общинам¹⁵.

С самого начала Османское государство сложилось как военно-феодальное. Экономика империи базировалась на сельском хозяйстве, а оно, в свою очередь, на мелком землепользовании, основой хозяйствования была семейная ячейка – *чифтхане*. Сама земля считалась по большей части собственностью государства, земельный режим *мири* предоставлял государству контрольные и

регулирующие полномочия над всем крестьянством. Прежде всего земли мира – это те, которые были под зерновыми, а питание больших масс людей, города, армии зависело от зерновых прежде всего ¹⁶.

Своего высшего политического могущества и максимума захваченных территорий империя достигла при Сулеймане Кануни (1520–1566 гг.). Что касается связей турок со своей прародиной, с туркестанскими тюрками, они сохранялись на протяжении веков, причём более поздние пришельцы составляли в империи уже отдельную социально-этническую категорию, наиболее активную в завоевательных походах султана. Они вели, как правило, кочевой образ и даже назывались – *туркмены*. Вместе с тем шиитский Иран стал со временем серьёзным препятствием в сохранении и тем более упрочении этих связей. Таким препятствием стала и Россия, когда присоединила в 1556 г. Астраханское ханство и вышла со стороны Поволжья к Северному Кавказу, в то время как на западе северокавказского региона распоряжались крымские ханы, с 1475 г. – вассалы Османской империи. Характер отношений Крыма с народами Северного Кавказа описан В.Д. Смирновым, который, в частности, отмечал, что одновременно с «родственно-дружелюбными отношениями Крымских ханов к одним черкесским племенам у них вечно продолжались нелады с другими» ¹⁷.

Другой историк, также Смирнов (Николай Александрович), уже в середине XX в. более подробно раскрыл характер отношений Турции и Крыма с народами Северного Кавказа. «Только с конца первой четверти XVI в. можно датировать начало турецкого военного проникновения на Кавказ. Хотя в руках турок к этому времени были Крым и устье Дона и даже отдельные пункты побережья, но всё же турецкое продвижение на Кавказ началось не с севера, а с юга, со стороны Трапезунда (морским путем) и Курдистана и Армении – сухопутным. Постепенно и не без труда турки создают на Черноморском побережье свои опорные пункты, которые затем уже во второй половине XVI в. превращаются в небольшие крепости: Сухуми, Гагры, Суджук, Темрюк и др. Турки попытались установить нечто вроде военного протектората над узкой прибрежной полосой... Восстановить во всех подробностях путь турецкой экспансии на Кавказ через Крым и Азов труднее и сложнее, чем проследить их движение по

южному пути. Ведь здесь одновременно действовали турецкие и крымские захватчики! Что касается Турции, то она доказывала, что все крепости на Черноморском побережье построены руками турок и никогда не были в татарских руках, почему Крым и претендовать на них и на побережье не имеет права. Исключение турками сделано только для Тамани»¹⁸.

Присоединение земель Казанского и Астраханского ханств к Московскому государству оценивается турецкими историками как чрезвычайно важное историческое событие. «Исламские государства, – пишет А. Сайдам, – которые могли бы оказать Казани помощь, были слишком далеко. Могучее государство того времени, османское, не слишком интересовалось тамошними делами. Казань оказалась одинокой перед постепенно усиливавшимися русскими. Падение Казанского ханства стало поворотным моментом и для русских, и для тюркских стран... В руки русских перешла Астрахань, открылся путь в Каспийское море... Завоевание Казани и Астрахани стало не только началом Российской империи, это было, по словам Пола Хенце, началом “русского вопроса”, означающего угрозу Османскому государству. С тех пор на протяжении веков самые важные внешние проблемы Османского государства возникали либо напрямую из-за России, либо при её поддержке». На этих же страницах своей книги А. Сайдам с сожалением пишет, что «в те времена Османское государство определять в этом регионе политику полностью предоставило ханам и само этим не занималось, более того, оно русских не замечало. Когда русская опасность открыто себя проявила, было уже поздно. Ибо предоставленная сама себе и сумевшая спокойно усиливаться Россия при Иване III и особенно при Иване IV (Грозном) приобрела в Европе огнестрельное оружие и создала сильную армию. Кроме того, она создала прочные оборонительные линии против крымских набегов». Он пишет: «Некоторые черкесские, ногайские, чеченские беи признали верховную власть Ивана IV, некоторые из них, даже отказавшись от веры отцов, предпочли христианство. Не удовлетворившись достигнутым, русский царь, чтобы ещё больше использовать черкесов, вмешался в их внутренние распри. Так, кабардинский принц Темрюк в борьбе с соперниками использовал дружбу с Иваном. Он отослал в Москву своего сына как заложника, а дочь выдал замуж за царя. 20 августа 1561 г. принц Кабарды предоставил га-

рантии безопасности русским купцам, согласился на сооружение вдоль Терека оборонительных укреплений»¹⁹.

После присоединения территории Астраханского ханства московские цари, включая Ивана Грозного, не стремились усложнять и без того непростые отношения с Крымом и все ещё могущественной Турцией. Правда, по просьбе грузинских и кабардинских князей, искавших у России защиты от Турции, во второй половине XVI в. в районе нынешнего Кизляра была поставлена русская пограничная крепость, именовавшаяся терским городком (Терки), и за время существования, из-за разливов и наводнений, неоднократно переносившаяся с места на место. Городок «был поставлен на скрещении путей, ведущих на юг – в Дагестан, Персию и страны Закавказья, на запад – к Черноморскому побережью, на северо-запад – к Азову и на Дон, на северо-восток – к Астрахани. Подобное местоположение делало его военно-стратегическим и торговым пунктом южной окраины Русского государства»²⁰. В 1569 г. Турцией совместно с крымским ханом была предпринята попытка захватить Астрахань – не столько в плане борьбы с Россией за Поволжье, сколько для использования его в нуждах шедшей тогда войны с Ираном. Попытка обернулась крупной неудачей – Астрахань взять не удалось, а отступление по безводной, так называемой «кабардинской дороге» оказалось для армии ещё более губительным, чем сами военные действия²¹.

Цитируемый выше А. Сайдам считает, что цели астраханского похода были намного шире, среди них было желание «ликвидировать русскую угрозу, не дать русским препятствовать совершению хаджа паломникам из Туркестана и Северного Кавказа, обеспечить совместные с туркестанскими ханствами действия против Ирана; согласно же черкесским источникам, османский падишах стремился справиться с черкесами и распространить на них мусульманскую веру». Он пишет, что в отличие от дагестанцев и ногайцев принятие черкесами ислама оказалось возможным в конце XVIII – начале XIX вв.²²

Набеги из Крыма совершались не только на Кавказ, они опустошали Украину, достигали порой и Москвы. В Крыму процветала торговля и пленными кавказцами, и захваченными во время набегов на север славянами. Турецкие крепости запирали выход с Дона и Днепра в море, препятствуя казакам ловить рыбу, добывать соль, торговать. В 1637 г. донские казаки совместно с отря-

дом запорожцев овладели турецкой крепостью Азов, закрывавшей выход в Азовское море, и продержались в ней пять лет. Долго своими силами казаки обороняться не могли и обратились за помощью к Москве. Собранный в 1642 г. по этому поводу Земский собор высказался против принятия Азова «под руку» царя, так как это означало бы войну с Турцией, и казаки вынуждены были оставить Азов²³.

Османская империя теряла свое экономическое и военное превосходство над Европой с XVI в., а к концу следующего стали очевидными её внутривосточные разногласия, определяемые обострением экономических проблем, неизбежно сопровождавших начавшийся *период остановки*. Победоносные завоевания завершились, главного средства обогащения в период остановки – грабежа завоеванных территорий, получение военной добычи, рабов и дани – уже не было. До тех пор, пока основным занятием османской элиты, военной и гражданской, являлась война, пока этот источник кормил и обогащал её, такая система существования империи считалась единственно оптимальной и не подлежала замене. Вместе с тем уже с конца XVI в., вследствие роста доходности земли, она постепенно «пошла по рукам» – началась концентрация земель в руках уже не только военачальников, но и гражданской бюрократии – столичной и провинциальной знати (аяны, эшраф), торговцев, ростовщиков и т. п.²⁴

Так в это время складывались предпосылки упадка империи, причём ряд причин такого упадка свидетельствовал, что убежденность в бесконфликтном сосуществовании народов империи не соответствовала истине, позже станет очевидным, что одной из важнейших причин её упадка и затем распада стали этноконфессиональные противоречия.

Наиболее ярким свидетельством ослабления военной мощи империи стало её поражение в 1683 г. под Веной. С этого времени началось последовательное отделение от Османской империи завоеванных ею территорий в Европе, причём впервые со всей очевидностью опасным противником проявила себя Россия. Пережив трудные, «смутные» времена, она нашла силы на рубеже XVII–XVIII вв. начать борьбу за выход к Черному морю, чтобы укрепиться на его берегах и обезопасить себя от набегов крымских татар, во имя стабильного развития российской торговли на Чёрном море²⁵. Эти действия сказались на наступательных

возможностях турок в Центральной Европе, что облегчило разгром Австрией и Польшей турецкого войска под Веной. Поражение под Веной стало в истории вехой, обозначившей начало периода отступления Османской империи из Европы, возникновения так называемого Восточного вопроса.

Крымские походы 1687 и 1689 гг., особенно неудача первого Азовского похода Петра I в 1695 г., показали, что Турция осталась для России опасным противником. Лишь построив в Воронеже флот, русской армии удалось на следующий год, в 1696 г., захватить турецкую крепость Азов. На Карловицком мирном конгрессе (1699 г.), подведшем итог войны «Священной лиги», Россия заключила с Османской империей перемирие, закрепленное затем в 1700 г. мирным договором. По нему Россия сохранила за собой Азов с прилегающими землями и добилась отмены ещё существовавших ежегодных выплат крымскому хану²⁶.

В начале XVIII в. Турции сопутствовали некоторые временные успехи – окружение армии Петра I на Пруте в 1711 г., повлекшее за собой отказ России от Азова, отвоевание Мореи у венецианцев в 1715 г. и пр. Но эти успехи были непрочными, надвигалась новая война с Россией, стремившейся вернуть Запорожье, Азов, Таганрог. Турция же, со своей стороны, явно рассчитывала умножить достигнутые недавно успехи. В начавшейся в 1735 г. войне русские войска заняли Азов и вышли к Чёрному морю в устье Днепра и на берега Крыма, где командовал фельдмаршал Миних²⁷. В войну включилась Австрия, русские войска овладели Очаковым, Бахчисараем, турки поспешили заключить мир. Подписанный в 1739 г. Белградский мирный договор, ввиду дипломатической поддержки, оказанной туркам Францией, признал границу с Австрией по Дунаю и Саве. Этот договор далеко не соответствовал успеху русского оружия, но Турция окончательно потеряла Азов (и Таганрог), правда, Россия не получила право иметь здесь укрепления. Договор запрещал России иметь не только военный, но даже торговый флот на Азовском и Чёрном морях²⁸.

Все эти события свидетельствовали, что о торговом использовании Чёрного моря российскими купцами ещё в начале XVIII в. говорить было преждевременно, торговля России через Чёрное море как с Османской империей, так и со средиземноморскими странами продолжала оставаться в зачаточном состоянии. Лишь Белградский мирный договор открывал России возможности на-

чать торговые перевозки по Чёрному морю. Статья 9-я этого документа предусматривала свободу торговли между подданными двух стран, однако оговаривала, что «русским подданным торговля на Черном море дозволяется лишь на кораблях подданных Османского государства»²⁹. Вслед за этим по требованию коммерц-коллегии и сената резидент в Стамбуле Вешняков и сменивший его затем Неплюев начали отправлять в Санкт-Петербург репортажи о торговых возможностях Турции, её торговых партнёрах, условиях торговли, пошлинах и т. д. Представлены были копии трактатов о торговле с Англией, Францией, Голландией.

Адриан Неплюев (резидент в Стамбуле в 1746–1751 гг.) указывал в своих посланиях на необходимость учреждения в Стамбуле одного-двух русских торговых домов, писал, что рекомендованы должны быть люди достойные, «не подлые и не пьяные».

Одновременно русский дипломатический представитель вёл переговоры и с иностранными купцами, действовавшими в Стамбуле – венецианцами, голландцами и др., проявившими интерес к возможности открытия торгового пути между Стамбулом и Черкасском (в устье Дона). Особый интерес был при этом проявлен к таким товарам из России, как горностаи, соболь, норка, белка, белая и красная лисица, корсак, хорь, куница, белая и черная кошка, каракуль. Помимо мехов компания намеревалась закупать икру, масло, юфть, воск, мёд, сало. В Россию компания готова была поставлять сушёный виноград, орехи, вино, лимонный сок, хлопчатую бумагу, деревянное масло, финики, головной сахар, ладан и прочие овощи, и ароматы³⁰.

Мирные торговые отношения отнюдь не стали определяющими во взаимоотношениях Османской империи с Россией. Османская правящая элита ещё не осознавала своего нового места в мировой политике того времени и не теряла надежды вернуть захваченные территории, это особенно касалось России, которая, казалось, совсем недавно терпела поражения, возвращала Азов и т.п. С другой стороны, Россия, почувствовав свою силу, стремилась окончательно обезопасить свои южные границы от набегов крымских татар, закрепить и расширить завоёванные ею позиции на Чёрном море.

В этих условиях стала неизбежной русско-турецкая война 1768–1774 гг., начатая Турцией. Русскую армию возглавил П.А. Румянцев, под командованием которого в 1770 г. были

одержаны победы в Бессарабии – у Ларги, где турки потеряли около 3000 человек против 100 убитых русских, и у реки Кагул. Армия Румянцева захватила несколько турецких крепостей, а русский флот под командованием адмиралов Г.А. Спиридова и С.К. Грейга, пройдя из Балтийского моря в Эгейское, блокировал турецкий флот в Чесменской бухте и затем уничтожил его, что обеспечило русскому флоту господство на Эгейском море и блокаду Дарданелл. В июле 1774 г. Румянцев заключил выгодный для России Кючук-Кайнарджийский мир, который стал «поворотным пунктом в развитии международных отношений Оттоманской империи», продемонстрировал «резкое изменение соотношения сил в черноморском бассейне»³¹. Османская империя признала независимость Крымского ханства; право российских торговых судов плавать беспрепятственно по Черному морю, проходить через Черноморские проливы; присоединение к России Азова, Керчи и других территорий; покровительство России над Молдавией и Валахией и над православной церковью в Турции³².

В 1783 г. Екатерина II присоединила Крым к России, последний крымский хан Шагин-Гирей признал власть императрицы. Россия получила земли и по Кубани.

После присоединения к России Крыма и Грузии, пишет А. Сайдам, Османское государство признало свою прежнюю политику в отношении Кавказа ошибочной и недостаточной, сосредоточила свое внимание на Кавказе, который имел важную значимость для восточных границ империи. Чтобы сохранить против России свои земли в Азии, Османское государство намеревалось превратить Черкессию в приграничную территорию. Посетившие после Кючук-Кайнарджийского договора берега Черкессии Каптан-ы Дерья Гази Хасан паша и Джаникли Али паша в представленном докладе утверждали, что, приобщив черкесов к цивилизации, их можно сделать зависимыми от империи, превратить в заслон перед наступлением с севера. Помимо этого, берега можно было, по их словам, обустроить так, чтобы они смогли заменить потерянные крымские порты. Правительство (Бабиали), найдя эти соображения верными, предположило, что из черкесов можно создать военную силу в восемьдесят тысяч человек, после чего начало действовать, чтобы распространить здесь ислам «во имя того, чтобы отдалить народ от традиций идолопоклонства». Эта обязанность была возложена на Ферах Али пашу, который был

известен своим обслуживанием сражений, своей набожностью и моральной чистотой. Назначенный в 1781 г. в сторожевые войска Согуджака, он оказал благотворное воздействие на черкесов. Он добился успехов в привитии им османской культуры, занимаясь также и строительством. Заново были построены порт Геленджик (прежде всего Согуджак), а также Анапа. «Благодаря активности османских государственных деятелей среди черкесов, чеченцев, лезгин и грузин распространился ислам. С учреждением губернаторства Согуджак (позднее Анапа) было обеспечено привязывание местных племён к центру. Крымские порты были в некотором роде заменены портами в Черкессии. Таким образом, беспокойство, вызванное продвижением русских, распространилось также и на черкесов и дагестанцев, что упрочило влияние среди них Османского государства». Автор пишет, что Порты, для поддержания в орбите своего влияния ханов Дагестана и Азербайджана, черкесских племён, оказывало им всяческие знаки внимания, посылала подарки. Однако происходившие между ханствами военные конфликты, а также нарушение даваемых Порте обещаний препятствовали успехам здесь османской политики.

В то же время народы Кавказа не намерены были легко покориться России. Они постоянно использовали любую возможность, чтобы оказать ей сопротивление. Самый первый тому пример – выступление в 1783 г. тариката накшбеди под руководством имама Мансура.

Военные действия на Кавказе против России приняли острый характер, превратились в религиозную войну – *кавказский газават*. Рядом с Мансуром в качестве добровольцев находились анатолийские турки. Мансур был первым имамом, сражавшимся за политически независимое государство в регионе. Когда началась русско-турецкая война 1787 г., Порты призвала имама Мансура и других ханов начать войну против русских. Тем более что в небольших масштабах кавказцы вооруженную борьбу против русских уже вели ³³.

С другой стороны, развивая идею создания своего «пояса безопасности» против Османской империи, Екатерина II обдумывала осуществить так называемый «греческий проект», согласно которому турок следовало изгнать из Европы и воссоздать греческую империю. Речь шла уже не о прямом захвате Дарданелл и Босфора, а об установлении политического контроля над Проли-

вами, о режиме Проливов, обеспечивающем безопасность черноморских берегов России. Проливы, как и полуостров Пелопоннес, и Крым, и Балканы, должны были войти в «буферную зону», прикрывающую границы Российской империи.

Начав в 1787 г. очередную войну с Россией с целью возвращения Крыма и других территорий, Османская империя стремилась вовлечь в эту войну и народы Северного Кавказа, призывала к этому имама Мансура и других ханов, тем более что, как пишет уже цитированный нами турецкий автор, они долго оказывали сопротивление русским, пусть и незначительное. Однако, по признанию автора, «отсутствие должной помощи от Османского государства в виде оружия, провианта, планов и программ», а также обещание русских установить с черкесами, кабардинцами, дагестанцами вечный мир «помешали одержать победу». Турция потерпела в этой войне поражение в результате успехов русских войск под командованием А.В. Суворова, Г.А. Потёмкина, Н.В. Репнина, русского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова³⁴. Завершилась война Ясским мирным договором 1792 г., по которому Турция окончательно признала присоединение Крыма и Кубани к России. Новая граница была установлена и по Днестру, Турция отказалась также от претензий на Грузию.

Турецкие историки отмечают по этому поводу, что войну начало Османское государство с тем, чтобы вернуть Крым, но потерпело поражение. Территориальные потери Османского государства оказались весьма значительными, «но что самое главное – русская опасность стала более серьёзной, русские стали господствовать на Черном море... Эта война показала, насколько ослабело османское могущество; именно поэтому впервые была осознана необходимость обращаться за помощью к европейским державам, используя политические перемены и прогресс в Европе»³⁵.

В этот же период туркестанские государства Бухара, Коканд, Хива, Кашгар, Афганистан и Туркменистан все чаще и настойчивее просили поддержки у империи, прежде всего военной, но было уже поздно – самыми активными игроками в этом регионе стали покончившая со своим «смутным временем» Россия, Англия и Китай.

Кавказ оказался под властью России, тем более что шиитский Иран по-прежнему оставался препятствием на пути осман к Кавказу и Центральной Азии – так, по крайней мере, считают турец-

кие историки. Вместе с тем культурные связи, просвещение, организация хаджа и всё, что относилось к религиозным функциям султана как халифа, были заметными в отношениях с Туркестаном. Военно-политическое сотрудничество при всем желании обеих сторон было затруднительным: в годы продвижения на Запад туркам было не до туркестанцев, а позже этому помешала прогрессирующая слабость империи при одновременном укреплении российской государственности³⁶.

Неудачно, с потерями территорий, воевала Турция в XVIII в. и с Венецией. Она также была вынуждена признать за Россией и Австрией право покровительствовать христианскому населению империи. В 1798 г. в Египте появился Наполеон, начались первые сражения с французской армией. Ушло в прошлое османо-турецкое сотрудничество в европейских делах, началось сближение с Англией.

Военные поражения сопровождались дальнейшим ослаблением центральной власти и ростом сепаратизма местных феодалов. Иналджык считает, что именно в это время аяны, провинциальная знать, превратились в полновластных хозяев провинций. Нараставшее недовольство в османском обществе время от времени находило свое выражение в массовых социальных потрясениях.

Отмечался и упадок культуры, население оставалось почти сплошь неграмотным. Светского обучения практически ещё не было, в исламских же школах (медресе) обучалось лишь небольшое число учащихся. Весьма примечательное сравнение: только в 1729 г., т. е. намного позже появления в Европе первой печатной книги на изобретённом Иоганном Гутенбергом печатном станке (Библия в 2-х томах, 1452–1456 гг.), также позже «Апостола» Ивана Фёдорова (1564 г.) появилась первая печатная книга на османском – в типографии, которую организовал выходец из Венгрии Ибрагим Мютеферрика.

Преобладало средневековое невежество и религиозный фанатизм. Носители «народного ислама» – дервишские ордена усиливали суеверие и предрассудки в народе. Ордена и их обители получили распространение по всей территории империи, в XVIII в. в одном Стамбуле действовало три тысячи обителей, получая полную поддержку от государства. Литература и искусство, являвшиеся и прежде монополией небольшой прослойки господствующего класса, потеряли оригинальность и сводились зачас-

тую к слепому подражанию заимствованным у Ирана или у Европы формам. Произведения «диван эдебияты» были понятны только верхушке османской элиты, выполнялись языком, лишь отдаленно напомиавшим турецкий. Считалось, что писать на турецком – «значило показать свою необразованность, унизить собственное достоинство»³⁷.

Но именно в XVIII в., его второй половине, начался мучительный и робкий, половинчатый процесс пересмотра идеологии в пользу вестернизации, отказ от воинственных лозунгов газавата, признание превосходства западной цивилизации ввиду «убедительных» аргументов – участвовавших военных поражений империи. Уже не стало «государственных» планов продолжения газавата, все меньше снисходительности и высокомерия проявлялось в оценках силы и возможностей главных европейских держав того времени. Более того, при султани Селиме III (1789–1807 гг.), как будет показано далее, была предпринята первая, отмеченная историками, как серьезная, попытка преобразований.

ВРЕМЯ ОСМАНСКОЙ ЕВРОПЕИЗАЦИИ

Первые шаги на пути европеизации

Пока Турция осмысливала произошедшие в Европе перемены и их первые неприятные для неё итоги, прежде всего военные, Европа уже начинала жить в новом времени и распространяла влияние далеко за свои пределы не только с помощью военной силы. Западный мир приступил к формированию индустриальной рыночной экономики, гражданского общества, института частной капиталистической собственности. На смену феодальным монархиям шел конституционный парламентский строй. Разумеется, утверждение демократических принципов в жизни западного общества в XIX в. не стало окончательным. Во многих странах сохранялись пережитки традиционных отношений, остро стояли социальные и национальные проблемы.

Что касается Османской империи, то к началу XIX в. передовая часть её элиты осознала научно-техническое и, соответственно, военное превосходство Запада и необходимость выбираться из средневековья. Это понимание распространилось прежде всего на военную область, и в меньшей мере – на экономику, науку и образование, на управление громадной империей.

Очевидно, что властителями и идеологами угасавшей Османской империи владели два взаимоисключающих стремления – стать такой же сильной, как Европа, чтобы успешно противостоять ей в современном мире, и сохранить в основе «свои» прежние ценности – средневековое толкование религии, газават, понятие собственности, роли государства и т. п.

На рубеже XVIII–XIX вв. при Селиме III (1789–1807 гг.) речь, прежде всего, шла о намерении создать вместо янычарского корпуса, ставшего неуправляемой вольницей, регулярную армию – «низами джедид» («новая система») ¹.

24 февраля 1793 г. учреждённый султаном Совецательный меджлис представил Селиму соответствующий проект реформы. Для подготовки и обучения кадров новой системы были учреждены артиллерийское, военно-инженерное и морское училища. Преподавали в них французы или турки, прошедшие соответствующую подготовку у французов. При военно-инженерном и морском училище была создана типография. Эти меры высоко оцениваются турецкими историками-правоведами – впервые за столетия была создана дисциплинированная и современная армия². Также впервые были учреждены постоянные дипломатические представительства Империи – в Вене, Берлине, Лондоне и Париже. Двор Селима III стал центром внедрения европейской культуры в турецкое общество, в особенности французской, поскольку Франция являлась старейшим союзником Османской империи³.

Что касается намерения ликвидировать янычарский корпус, эта попытка первоначально только усилила анархию во власти, вызвала противодействие большинства крупных феодалов, духовенства и в особенности самих янычар, умножила их мятежи. В мае 1807 г. очередной мятеж янычар в Стамбуле положил конец и внедрению «новой системы», царствованию и самой жизни Селима III.

Лишь спустя 18 лет уже другому султану – Махмуду II (1808–1839 гг.) удалось расправиться с янычарами – с помощью единственной уцелевшей части реформируемой армии. Им был артиллерийский корпус, который со временем превратился в мощную и хорошо вооруженную силу, верную султану.

15 июня 1826 г., когда началось очередное крупное восстание янычар, султан приказал верным ему войскам окружить площадь Атмеданы, где расположились мятежники. Янычары попытались вырваться из окружения, ринулись по одной из улиц навстречу наступавшим артиллеристам. Началось поголовное уничтожение всех, кто там находился. Истребление было полным⁴.

В пятницу 16 июня 1826 г. было официально объявлено о роспуске янычарского корпуса, даже запрещалось произносить это название. Ограничена была и почти не контролируемая ранее деятельность дервишей ордена Бекташи.

Проблемы империи в эти годы отнюдь не сводились к поведению янычар. Турецкий историк признаёт, что в эти годы Османское государство было в состоянии анархии⁵.

Назрела необходимость реформирования не только военного дела, но и системы управления империей. В указанные годы было создано министерство вакуффов, которое начало осуществлять государственный контроль за деятельностью улемов. В 1834 г. вводилась европейская система чиновничьих рангов Порты. В 1826 г. в Стамбуле открылось первое светское Военно-медицинское училище, через год – хирургическая и терапевтическая школы. Обучение велось на французском языке преподавателями из Франции. Стала выходить правительственная газета на французском – «Le Moniteur Ottoman» и на турецком «Takvimi Vekai». Развивалось книгопечатание, в быт турок входили элементы европейского быта.

При всё том же Махмуде II последовала ещё одна реорганизация армии, на этот раз проводившаяся при участии прусской военной миссии (1835–1837 гг.), во главе с Хельмутом Карлом Мольтке, будущим германским генерал-фельдмаршалом, начальником генштаба и крупным военным теоретиком. Проведены были и некоторые гражданские реформы: отмена военно-ленной системы, замена тюрбана феской, создание почты по европейскому образцу, введение паспортной системы, подготовка гражданского кодекса и некоторые другие мероприятия по централизации государственного управления. Характеризуя эту деятельность Махмуда II, М. Тодорова пишет, что его деятельность «вдохновляла централизаторская политика Петра I»⁶.

Восточный вопрос

В начале XIX в. империя и по территории, и по населению ещё сохраняла статус великой мировой державы, однако свои проблемы она была уже не в состоянии решать самостоятельно. Это происходило в контексте решения так называемого Восточного вопроса – при самом активном участии европейских держав – Англии, Франции, Австро-Венгрии, России, Пруссии (позже Германии). Дело сводилось в конечном счёте не только к поощрению мер по реформированию османского государства, но и одновременно к санкционированию ими окончательной утраты его территорий в Северной Африке, Аравии, Месопотамии, на Балканах, в Причерноморье, на Кавказе, ослаблению политической и экономической независимости. В этих регионах росли национальные

движения, причём они сопровождались соперничеством там европейских держав в борьбе за влияние.

В решении Восточного вопроса с конца XVIII в. активно участвовала и Россия. Она заметно укрепила свои позиции за счёт Османской империи на Балканах, Чёрном море после присоединения Новороссии, Крыма, Бессарабии и ряда северокавказских и закавказских областей. Уже в XIX в. Россия объективно нуждалась в нормализации отношений с Турцией, в стабилизации политической обстановки в черноморском регионе, укреплении границ империи. Одной из важнейших задач российской дипломатии в этом регионе было обеспечение наиболее выгодного международно-правового режима черноморских проливов (Босфора и Дарданелл): свободное плавание по ним русских торговых кораблей, возможность прохода через них русских военных судов, гарантии со стороны Турции недопущения в Чёрное море военно-морских сил западных стран. Неудивительно, что русское правительство стремилось превратить Чёрное море в закрытый для других держав российско-турецкий бассейн.

Схожие цели определяли и заинтересованность России на Кавказе. Вхождение ряда его регионов в состав России способствовало развитию торговли через черноморские порты, а также через Астрахань, Дербент и Кизляр на Каспии. Расширение территории Российской империи на Кавказе в геополитическом плане укрепляло южные границы по естественным (горным) преградам, давало возможность усиления политического и военного давления на Турцию и Персию. Здесь беспокойство России вызывало английское вмешательство в дела Закавказья. Ещё в середине XVIII в. Великобритания использовала своё влияние в Персии для проникновения в Закавказье и обеспечения выхода к Каспийскому морю. Этот регион рассматривался ею, с одной стороны, как средство политического давления на Россию, с другой – как фактор защиты своих интересов на Среднем и Ближнем Востоке, безопасности владений в Индии. Возрастал интерес к этому региону и у британской буржуазии⁷. В этом же контексте можно оценивать «вечное» стремление Англии, «владычицы морей», защищать принцип фактически неограниченной свободы прохода через черноморские проливы военных кораблей нечерноморских держав.

Важной стала для России в этот период другая составляющая Восточного вопроса – поддержка балканских народов, усиливавших борьбу за свою независимость, за освобождение от османского владычества. Цели национальных движений на Балканах, особенно активно развернувшихся с начала XIX в., и политики России в этом регионе во многом смыкались⁸.

Уместно признать, что социально-экономический уровень развития России не обеспечивал её теми финансовыми и промышленными возможностями решения Восточного вопроса, которыми обладали и всё более пользовались развитые европейские державы (а впоследствии и США)⁹. Россия не раз пыталась решать спорные проблемы дипломатическими средствами, согласовывать в Восточном вопросе свои действия с европейскими странами, сознавая при этом, что Великобритания, Австрия, Франция имели собственные интересы на Востоке, не совпадавшие с российскими.

В 1805 г. Россия и Турция подписали в Стамбуле союзный договор, подтверждавший право прохода русских кораблей через черноморские проливы. Однако уже на следующий год отношения между двумя империями резко ухудшились, что было связано прежде всего с ростом национально-освободительного движения в турецких владениях на Балканах. Сербское восстание во главе с Карагеоргием, начавшееся в феврале 1804 г., явилось прологом воссоздания сербского государства. Руководители восстания обратились за помощью к России. На первых порах Россия ограничилась, учитывая существование русско-турецкого договора, поддержкой сербов дипломатическими и политическими мерами. Кроме того, русское правительство скрытно оказывало им помощь деньгами, оружием и боеприпасами. Однако после того как в 1806 г. Порта закрыла Проливы для русских кораблей и начала постоянно нарушать свои обязательства в Дунайских княжествах, началась (в декабре 1806 г.) русско-турецкая война. Если Турция рассчитывала вернуть Крым и Причерноморье, восстановить господство над Молдовой, Валахией и Сербией, то для России эта война носила вынужденный характер и не имела цели приобретения ею новых территорий за счёт Турции. В задачу входило закрепление политических позиций на Востоке, достигнутых в конце XVIII столетия, в частности в черноморском бассейне и на Балканском полуострове. В ходе войны заметно

окрепли и расширились связи между Россией и Сербией, в 1807 г. между ними было заключено соглашение, на основе которого Россия начала оказывать существенную материальную и военную помощь сербскому освободительному движению.

На первом этапе войны российская Дунайская армия действовала нерешительно, хотя в 1810 г. русские войска и переходили Дунай. В марте 1811 г. командующим Дунайской армией был назначен М.И. Кутузов. Он нанёс туркам сокрушительное поражение под Рушуком (июнь 1811 г.), в ноябре разгромил турецкие силы на Дунае. На Кавказе на первом этапе войны (1806–1807 гг.) турецкое командование, надеясь на поддержку Англии и Франции, намеревалось войти в Грузию через крепость Карс. В июне 1807 г. русские войска разбили турок на реке Арпачай и остановили их наступательные действия. Поход русской армии на Эривань в октябре 1808 г. окончился неудачей. Успешнее русские войска действовали на Черноморском побережье Кавказа, они взяли Поти, Анапу, Сухумскую крепость. В результате Абхазия вошла в состав России (1810 г.). На втором этапе войны (август 1810 г. – июнь 1812 г.) при активном посредничестве английских дипломатов шах и султан договорились о совместных действиях, используя при этом солидную финансовую и военную помощь Англии. Однако в сентябре 1810 г. турецко-персидская группировка была разгромлена при Ахалкалаки, в 1811 г. русские войска взяли эту крепость. К началу 1812 г. международная обстановка изменилась. Наполеон, готовясь к войне с Россией, большое место отводил в ней Турции, которая должна была, по его замыслу, связать часть русских сил на Дунае и в Закавказье. Поэтому Россия поспешила начать мирные переговоры с Портой в Бухаресте. Главные разногласия касались границ России на Кавказе. Турецкие дипломаты под нажимом Англии и Франции настаивали на том, чтобы вопрос о Кавказе был снят с обсуждения на мирной конференции. Однако военные поражения на Дунае и Кавказе заставили Турцию быть более уступчивой. В мае 1812 г. был подписан Бухарестский мирный договор, который подтвердил необратимость прежних приобретений России. К России отошла Бессарабия; Молдова и Валахия остались в составе Османской империи на правах автономии. Была предоставлена широкая автономия Сербии. Россия в качестве гаранта получила право контроля за выполнением этого условия договора турецким

правительством. Порта была вынуждена признать вхождение Восточной и Западной Грузии, Абхазии в состав России. К ней также отходили крепости Сухум и Редут-Кале. Россия возвращала Турции завоёванные в ходе войны Анапу, Потю и Ахалкалаки.

Бухарестский мирный договор имел особое значение для России, если учитывать, что его заключение состоялось за месяц, а ратификация – за день до вторжения Наполеона в Россию. Договор позволил русскому командованию высвободить Дунайскую армию и сосредоточить все силы на отражении наполеоновской агрессии. (В 1826 г. договор был дополнен Аккерманской конвенцией, обязавшей Турцию соблюдать привилегии Молдавии, Валахии и Сербии и гарантирующей России право свободы торговли на территории Турции и судоходства в её водах.)

В последующие годы стало очевидным, что Турция не примирилась со многими условиями Бухарестского договора. Прежде всего она нарушила положения, которые оговаривали самоуправление Сербии. Стремясь к восстановлению своих позиций на Балканах, собрав крупные силы, турки в 1813 г. начали военные действия против продолжавшегося восстания сербов и разгромили их. Однако в 1815 г. в Сербии вновь вспыхнуло восстание, на этот раз Россия, одержавшая к этому времени победу над Наполеоном, смогла более решительно выступить в защиту сербов. В результате в 1816 г. между Турцией и Сербией был подписан новый мир, по которому султан окончательно признал сербскую автономию. В том же году во время специальной миссии графа Г.А. Строганова турки подтвердили права Дунайских княжеств на автономию, а также готовность соблюдать свободу навигации в Проливах и торговли российских подданных в Османской империи.

Что касается статей Бухарестского договора по Кавказу (так же как и Гюлистанского – с Персией), Турция и Персия, пользуясь поддержкой Великобритании, фактически немедленно стали проводить политику их ревизии. В 1816 г. Персия поставила вопрос о заключении нового соглашения с тем, чтобы вернуть шаху азербайджанские ханства. Турецкое же правительство не только отказывалось признать русские приобретения в Закавказье, полученные ею по Гюлистанскому миру 1813 г., но и не выполняло условия Бухарестского мира. Оно доказывало в Константинополе Г.А. Строганову принадлежность Турции кавказ-

ского побережья Чёрного моря, а также свои права сюзерена над Грузией, Имеретией, Гурией и др. Обострение этой ситуации произошло в 1820-е годы под воздействием военно-политической обстановки на Северном Кавказе, произошедших там сепаратистских и антирусских выступлений.

В тот же период XIX в. Восточный вопрос получил своё продолжение и в тесной связи с национально-освободительным движением в Греции. Его подготовила и затем возглавила тайная организация «Филики Этерия» («Общество друзей»), планы которой увязывались с антитурецкими выступлениями в других районах Балкан. В те времена многие греческие патриоты не только находили убежище в России, но и занимали видное положение в русской армии и на дипломатической службе.

В марте 1821 г. вспыхнуло греческое восстание под руководством А. Ипсиланти, участника Отечественной войны 1812 г. и бывшего генерала русской службы. В активизации политики России по отношению к греческому восстанию большая роль принадлежала русской общественности¹⁰. В 1824 г. российская дипломатия сформулировала программу решения этого вопроса, предусматривавшую предоставление Греции на части её территории автономии в составе Турции. Однако греки стремились к полной независимости, в результате русские предложения были отвергнуты не только турецкой, но и греческой стороной. После того как на помощь туркам в Грецию прибыли две хорошо вооружённые и обученные по европейскому образцу дивизии вассала султана – египетского паши Мухаммеда Али, греческая революция оказалась на грани поражения.

Последней попыткой российского правительства согласовать действия держав в этом вопросе стала в начале 1825 г. Петербургская конференция, в которой участвовали Россия, Австрия, Пруссия, Англия и Франция. Турция отвергла предложения участников конференции о посредничестве, Александр принял решение действовать в греческом вопросе самостоятельно.

В силу затянувшихся наполеоновских войн европейское направление в первой четверти XIX в. было основным для России, затем, в период царствования Николая I, центральное место занял всё тот же Восточный вопрос, причём благоприятное его решение для России зависело от режима Черноморских проливов – Босфора и Дарданелл. Свободный проход через них русских тор-

говых судов способствовал экономическому развитию и процветанию огромных южных районов государства. Недопущение в Чёрное море иностранных военных судов также было одной из задач российской дипломатии.

Что касается судьбы балканских народов, на позиции России сказывалось кредо Николая I в его европейской политике – необходимость борьбы с революционной заразой. Он колебался между политикой «status quo» – сохранения территориальной целостности Османской империи и политикой раздела наследства «больного человека» совместно с другими европейскими государствами. Так, с воцарением Николая I начались активные переговоры между Россией и Великобританией, причём последняя стремилась прибрать к рукам лидерство при всех решениях Восточного вопроса, что ей вполне удавалось на протяжении XIX в. и позже в XX в., с учётом известной паузы 1920-х годов, возникшей в результате интервенции англичан в Турцию. Эти переговоры завершились подписанием в апреле 1826 г. Петербургского протокола, по которому Греция должна была получить автономию, а её население – свободу торговли, защиту собственности и право выкупать землю у турецких владельцев. Протокол предусматривал возможность вооружённого выступления двух держав в пользу Греции, а также, что было особенно важно для России, возможность её «единоличного вмешательства во внутренние дела Османской империи с целью защиты греков». Английское правительство, поняв достигнутые Россией преимущества, на практике всячески тормозило реализацию этого соглашения.

Подписание русско-английского Петербургского протокола внесло изменение в расстановку сил на международной арене и дало России возможность самостоятельно выступить против Турции. В результате в октябре 1826 г. была подписана Аккерманская русско-турецкая конвенция, обязавшая Турцию соблюдать политические условия Бухарестского мирного договора 1812 г., особые привилегии Дунайских княжеств и внутреннее самоуправление Сербии. Было оговорено право нечерноморских государств, торговавших с Россией, свободно проводить свои корабли через Босфор и Дарданеллы.

Эта конвенция заставила западные державы активизировать свои действия для решения греческого вопроса. В июле 1827 г. Россия, Англия и Франция заключили Лондонскую конвенцию.

В ней вновь провозглашался принцип автономии Греции и предусматривалась возможность применения насильственных мер против Порты. Турция отвергла ультиматум союзников в пользу греков, а её войска продолжали боевые действия против них и овладели большей частью Мореи (часть Пелопоннеса).

После этого к юго-западному берегу Пелопоннеса была послана русско-англо-французская эскадра, которая разгромила турецко-египетский флот в Наваринской бухте 8 (20) октября 1827 г. Морское поражение Турции напугало Англию и Францию. Они выступили с заявлением о прекращении военных акций против Турции. Ободренная этим решением Порта закрыла Проливы для прохода русских торговых судов. В декабре 1827 г. она обратилась к своим подданным с воззванием начать *джихад* – священную войну с неверными. В результате русско-турецкие дипломатические отношения были разорваны, русский посол покинул Константинополь.

26 апреля 1828 г. Россия объявила войну Османской империи в связи с систематическим невыполнением ею условий Бухарестского мирного договора 1812 г. и Аккерманской конвенции 1826 г. Причиной войны также стал отказ Порты выполнить требования европейских держав предоставить Греции автономию. Турция также стремилась к войне, рассчитывая восстановить свое влияние на Балканах и Кавказе. Основные события этой войны развернулись на Балканах, 100-тысячная русская армия под командованием П. Х. Витгенштейна перешла пограничную р. Прут и вторглась на территорию княжества Молдова. Далее русские войска заняли Яссы и Бухарест. Однако турки упорно сопротивлялись.

Русский военно-морской флот успешными действиями обеспечивал господство на Чёрном море, а со стороны Средиземного моря блокировал Дарданеллы. После затяжных и упорных боёв, продолжавшихся с апреля 1828 г. до весны 1829 г., России наконец удалось овладеть стратегической инициативой. Были захвачены крепости Шумла и Силистрия. Летом 1829 г. русские войска перешли через Балканы. 8 (20) августа турки без боя сдали Адрианополь (Эдирне), что означало приближение конца войны.

На Кавказском театре военных действий также были достигнуты значительные успехи: летом 1828 г. русские войска взяли Карс, Анапу, Поти, Ахалцих, Ардаган и Баязет. Важнейшие укрепленные пункты Турции на черноморском побережье и в

Западной Армении перешли в руки России. В кампании 1829 г. русские войска захватили стратегическую крепость в Северной Анатолии – Эрзерум. Таким образом, летом 1829 г. Турция потерпела поражение и на Балканах, и на Кавказе. Пытаясь предотвратить взятие русскими войсками столицы Османской империи, султан Махмуд II санкционировал начало двусторонних переговоров о мире.

Мирный договор по итогам этой войны был подписан 2 (14) сентября 1829 г. в Адрианополе (Эдирне), он закрепил успехи русского оружия на Балканах и Кавказе. Россия приобрела дельту Дуная, черноморское побережье Кавказа от Анапы до Поти, крепости Ахалцих и Ахалкалаки, Восточную Армению. Порта отказалась от претензий на ранее отошедшие к России земли в Закавказье, она окончательно признавала присоединение Грузии и Восточной Армении к России¹¹.

Таким образом, к России перешли и важнейшие укрепленные пункты в Закавказье, и весь берег Чёрного моря от устья р. Кубань до крепости Поти включительно. Оговаривался в расплывчатых формулировках переход к России горных районов Северо-Западного Кавказа. Позже это давало возможность Великобритании не признавать факта присоединения и считать «Черкессию» независимой от России территорией. Турции возвращались занятые в ходе войны Карс, Баязет, Эрзурум, а также часть Ахалцихского пашалыка¹².

Договор гарантировал широкую автономию для Греции (вскоре в 1830 г. она провозгласила свою независимость); подтверждались автономные права Сербии и Дунайских княжеств; провозглашалась свобода торговой навигации в Проливах. Турция обязывалась выплатить контрибуцию за нанесённые русским подданным убытки.

Итак, Османская империя потеряла Сербию, Египет, Грецию, ставших независимыми, были расширены права Молдовы и Валахии. В 30-х годах XIX в., когда египетский паша вступил в вооружённый конфликт с султаном, вмешательство европейских держав привело в конечном счете к учреждению фактически коллективной опеки над Османским государством.

Во внешней политике России и после заключения Адрианопольского мирного договора Восточный вопрос продолжал занимать важное, если не центральное, место. При этом всё большую

значимость приобретала проблема международно-правового режима Черноморских проливов. Развитие южных районов России и расширение черноморской торговли напрямую зависели от возможности беспрепятственного прохода русских торговых судов через Босфор и Дарданеллы. Проливы имели также важное стратегическое значение. Свободный проход иностранных военных кораблей в Чёрное море представлял существенную опасность для южных рубежей России, что позже подтвердила Крымская война, а потом Первая и Вторая мировые войны. Та же возможная опасность распространялась и на Кавказ, где многие годы длилась Кавказская война. Не менее важной оставалась и балканская проблема, включавшая необходимость укрепления возросшего авторитета Российской империи.

После подписания Адрианопольского мирного договора Турция воспринималась Россией в качестве удобного соседа, поддержка которого признавалась в те годы наиболее выгодной политикой. Стремясь укрепить русско-турецкие межгосударственные отношения, Россия досрочно вывела свои войска из Дунайских княжеств, сократила размеры контрибуции, которую Порта выплачивала России по указанному договору. Сторонниками сохранения в отношении Османской империи политики «status quo» и поддержки её целостности выступали и другие, помимо России, великие державы, что не исключало конкуренции между ними за политическое и экономическое влияние на это всё ещё крупное государство. Такая ситуация не помешала Франции захватить в 1830 г. Алжир.

В 1832 г. возник первый турецко-египетский конфликт. Паша Египта, номинально находившегося в составе Османской империи, Мухаммед Али начал против своего сюзерена – султана военные действия, слабая турецкая армия подверглась разгрому. Порта обратилась за помощью к европейским правительствам. У западных держав просьба султана о помощи не нашла немедленного отклика. Франция, тесно связанная с Мухаммедом Али, не спешила с ответом Порте. Английский кабинет из-за сложной обстановки внутри страны также не торопился вмешиваться в турецко-египетский конфликт. В этих условиях лишь Россия выступила в защиту целостности Османской империи. Это решение диктовалось, с одной стороны, общей политической линией русского правительства на сохранение устойчивости Турции, с дру-

гой – стремлением укрепить русско-турецкие отношения и усилить русское влияние в Константинополе. На Ближний Восток Николай I спешно послал своего генерал-адъютанта Н.Н. Муравьёва для вручения ультиматума египетскому паше с требованием прекратить поход на Константинополь. Вслед за этим в Босфор прибыл 30-тысячный русский десантный отряд для защиты турецкой столицы. Только после этого европейские государства потребовали от Египта договориться с Турцией (что и произошло в 1833 г.), одновременно они стали настаивать на выводе русских войск с берегов Босфора.

Несмотря на это, турецкое правительство, напуганное египетской агрессией, предложило России заключить союзный договор о дружбе и взаимопомощи. Договор был подписан 26 июня (8 июля) 1833 г. в местечке Ункяр Искелеси под Константинополем на 8 лет. Он подтверждал Адрианопольский мирный договор 1829 г. и другие русско-турецкие договоры и соглашения. Была гарантирована помощь Турции со стороны России в случае нового турецко-египетского конфликта. Взамен Россия получила наиболее выгодный для неё режим Черноморских проливов. По отдельной секретной статье султан брал на себя обязательство закрывать по требованию России Босфор и Дарданеллы для прохода военных кораблей западноевропейских держав в Чёрное море. Ункяр-Искелесийский договор был крупным успехом русской дипломатии на Ближнем Востоке. Он на некоторое время ослабил влияние западноевропейских держав в Турции и усилил русские позиции в Константинополе.

Совместные попытки Англии, Франции и Австрии дезавуировать Ункяр-Искелесийский договор окончились неудачей. Именно в этот момент Николай I проявил политическую твёрдость и в угрожающей ноте отверг претензии западных держав. Мало того, используя противоречия между ними, русское правительство пошло на решительное сближение с Австрией, стремясь отколоть её от враждебного блока и опереться на неё в решении Восточного вопроса. В сентябре 1833 г. между Россией и Австрией была подписана конвенция в Мюнхенграце (современная территория Чешской Республики). Эта конвенция содержала гарантии целостности Османской империи и договорённость о совместных действиях сторон в случае ниспровержения существовавшего в Турции порядка. Австрия, таким образом, де-юре признала Ункяр-Иске-

лесийский договор. Итак, на первом этапе решения Восточного вопроса Россия обеспечила торговому флоту выход в Средиземное море, первой из великих держав добилась права прохода своих военных кораблей через Проливы. Турция дала согласие на покровительство России Сербии и Дунайским княжествам и православному населению Османской империи, а также была вынуждена де-факто признать интересы России на Кавказе и Закавказье.

Однако эти успехи были недолгими, России не удалось их закрепить, а в конечном счёте они были утрачены во время Крымской войны.

Первый танзимат

Первые реформы на рубеже веков не предотвратили дальнейшего ослабления Османской империи хотя бы уже потому, что эти нововведения в принципе не затрагивали средневековые основы османского государства, не смогли изменить в лучшую сторону его экономическую структуру.

Ослабление османского государства, принявшее системный и необратимый характер, крупные территориальные потери, в том числе в результате войн с Россией, побуждали Порту решительным образом расширить масштабы начатого при Селиме III и продолженного Махмудом II реформирования государства. В конце 1839 г. виднейший политик, дипломат и реформатор того времени, безусловно, западник, Мустафа Решит-паша (1880–1858 гг.) представил султану записку с предложениями по более решительному реформированию государственного и общественного устройства империи, после чего с одобрения султана был подготовлен соответствующий документ в духе манифеста. Неким его прологом, пробой новых отношений империи с Европой стал англо-турецкий торговый договор, подписанный в августе 1838 г. тем же Мустафой Решит-пашой (тогда министром иностранных дел империи) и английским послом в Стамбуле лордом Ф. Понсоби.

Договор, ставший образцом для других такого рода международных соглашений, вводил либеральную систему торговли для иностранцев и подданных империи, устанавливал размер пошлины для импорта – 5%, для экспорта – 12%. Одно из положений договора гласило, что «Османская империя официально заявляет

о полной ликвидации системы монополий, касавшейся как товаров сельского хозяйства и ремесла, так и всех других товаров; полностью отменяется система получения у Порты разрешений, требуемых ранее муниципалитетами и чиновниками на торговлю или перевозку товаров из одной местности в другую». О неоднозначном, скорее негативном воздействии такой меры на отсталую экономику империи (исключая балканский регион) пишет Х. Иналджык: «Излишне либеральный торговый режим, принятый под нажимом западных держав, оказал немедленное и разрушительное воздействие на всю экономику империи, в то же время, несомненно, он стал весьма благоприятным для упрочения среднего класса балканских стран, представители которого, торговцы-христиане, монополизировали торговые связи с Европой и всемерно поддерживали свои национально-освободительные движения»¹³.

Западничество Решит-паши объяснимо – он близко ознакомился с европейскими режимами, будучи в 1830-е годы послом в Париже, в Лондоне, позже занимая посты министра иностранных дел, садразама Высокой Порты. Появление в Париже первого постоянного посла империи знаменовало начало нового этапа турецкой дипломатии, связанного с утерей империей былой воинственности на территориях европейских государств и осознания необходимости решать там вопросы уже дипломатическим путём, в постоянных контактах с западноевропейской дипломатией. Турецкие историки считают, что именно Париж и Лондон были теми центрами тогдашней Европы, где с помощью дипломатии Турция могла добиваться обеспечения своей территориальной целостности и своего будущего, защищая себя «от России и сепаратистских движений». Помимо этого, дипломатическая деятельность Турции во французской и английской столицах обеспечивала советы и помощь Европы в модернизации и усилении Османской империи путём реформ. Осознавая это, Решит-паша утверждал: «Мы ничего не сможем сделать, если не обратимся к цивилизации, а она может прийти лишь из Европы»¹⁴. Европеизации предстояло стать главным фактором развития, причём вводить в действие предложение Решит-паши, оформленное двором как *Гюльханейский хатт-и хюмаюн* пришлось новому султану – Абдул Меджиду (1839–1861 гг.) вместо скончавшегося Махмуда II.

Торжественная церемония по этому поводу началась с публичного оглашения 3 ноября 1839 г. Решитом-пашой от имени пади-

шаха текста фирмана, именуемого «Гюльханейским хатт-и-хюмаюном» (во дворцовом комплексе Гюльхане). Этот акт стал важной вехой в турецкой истории¹⁵. Провозглашение реформ танзимата явилось «событием, которое должно было стать поворотным моментом не только в турецко-османско-исламской истории, но и в истории человечества. Этой декларацией был задокументирован отказ от системы, в своей основе утверждавшей в течение 12 веков свою неизменность и своё превосходство, и установление вместо неё принципа равенства и безопасности всех людей – подданных империи. Принципы Французской революции... менее через полвека и раньше даже, чем в некоторых странах Запада, утверждались на территории Османской империи. Задачей было достигнуть таким способом уровня западной цивилизации»¹⁶.

Действительно, в этом султанском рескрипте были провозглашены такие новшества, как принцип гарантии индивидуальной безопасности и равенства перед законом всех подданных, безопасность жизни и имущества, справедливое распределение и взимание налогов, реорганизация армии, преобразования в административном управлении, судебном деле, в сфере культуры и образования.

Фирман начинался со следующих слов: «С момента возникновения Османского государства благодаря его безусловной приверженности шариату Султанат оставался сильным, а его народ – счастливым. Однако ввиду того, что за последние 150 лет не соблюдались шариат и законы, прежние сила и богатство обернулись бессилием и нищетой. Истина состоит в том, что страны, которые не придерживаются законов шариата, не могут оставаться на ногах и все наши помыслы с момента восшествия на престол сосредоточились на том, чтобы поднять страну и обеспечить благополучие народу. Если принять во внимание географическое положение нашей страны, плодородие её земли и способности народа, то при принятии необходимых мер мы с помощью Всевышнего исполним наши пожелания в течение 15 лет... В основе новых вводимых нами законов – безопасность жизни, защита чести, достоинства и имущества, упорядочение налогов, призыва в армию и срока военной службы».

Особо был упомянут принцип равенства мусульман и немусульман: «согласно шариатскому праву, нами гарантируется всему народу страны, что этими мерами по защите жизни, чести и

достоинства будут пользоваться все без исключения подданные, как мусульмане, так и другие миллеты (религиозные общины)»¹⁷.

Это был действительно важнейший документ того времени, первый, свидетельствующий о готовности верховной власти страны приступить к европеизации. Вместе с тем бросается в глаза желание авторов совместить принципы традиционализма, приверженности абсолютизму и шариату с идеями модернизации государства и общества в соответствии с опытом европейских государств. Речь идёт, таким образом, о европеизации, модернизации на принципах шариата. Объявлена бесспорным принципом защита жизни, имущества и чести подданных империи. Подчёркнута необходимость подготовки законов, на основе указанных принципов, представительным для того времени меджлисом, после чего они подлежали утверждению высшей гарантией – клятвой падишаха¹⁸.

Принцип равенства всех османских подданных перед законом, и мусульман, и немусульман, всеми комментаторами выделяется в фирмане как особо важный, новый принцип существования османского общества. По их мнению, М. Решит-паша был убеждён, что если это требование будет выполняться, зулум, произвол власти, прекратится, к каждому в стране придёт спокойствие и безопасность.

В последнем разделе фирмана эта реформация «открыто предстаёт как революционная мера» в словах: «прежнее управление в полном смысле слова обновляется». Авторы намекают на схожесть некоторых положений фирмана с французской Декларацией прав человека и гражданина, принятой Учредительным собранием Франции по тем временам совсем недавно – 26 августа 1789 г.¹⁹

Этот первый акт танзимата был призван послужить прологом к серии намеченных Решитом-пашой реформ в области юстиции, административного устройства, просвещения, финансов, военного дела и т. д. Некоторые мероприятия действительно последовали за Гюльханейским рескриптом: для выработки новых законов и контроля над их выполнением был создан Высший совет юстиции, подверглось пересмотру устаревшее уголовное законодательство, были образованы коммерческие суды для разбора торговых тяжб. Была принята целая серия законов «прямого действия». Уже через 7 месяцев в мае 1840 г. появился Уголовный кодекс, который вводил правовой контроль над теми судебными

делами, которые не подлежали рассмотрению шариатским судом и решались согласно обычному праву от имени султанской власти. Всеобщая правовая предназначенность этого закона, его равное применение ко всем – и к отдельному лицу, и к сословию, и даже к падишаху – предстаёт перед нами как новый, заимствованный у Европы принцип.

Таким же образом были подготовлены законы об открытости судов, что имело место тогда в западных конституциях, о справедливости налогов и призыве на военную службу – все они базировались на положениях фирмана, вдохновлённого Западом. Позже, уже в 1850 г., был принят Торговый кодекс, заимствовавший немало положений из соответствующего французского кодекса 1807 г. Восприняв положение о проценте, этот новый кодекс вступил в противоречие с исламским правом²⁰.

В осуществление хатт-и-хюмаюна было реорганизовано дело народного образования, впоследствии создан университет в Стамбуле, издан административный кодекс, разделены функции пашей между представителями военного, гражданского и финансового ведомств, созданы смешанные коммерческие суды. Взимание хараджа (поголовное обложение христиан) было возложено вместо чиновников на представителей христианских общин. Военная реформа – отмена принудительной вербовки и введение в 1843 г. воинской повинности, реорганизация армии по европейскому образцу – дала известные результаты.

Но фирман не преодолел, да и не мог преодолеть внешних и внутренних затруднений империи. Конечно, в сфере реформаторских планов султанская власть тех лет оказалась к Европе ближе, нежели крепостническая Россия. Другое дело – реализация этих планов осталась, как мы увидим далее, на бумаге, империя продолжала слабеть и уменьшаться, словно шагреньевая кожа.

Внешние условия танзимата

Сопоставляя с начала XIX в. внутренние и внешнеполитические события, касавшиеся империи, череду военных конфликтов, восстаний – и национальных, и реакционных типа янычарских и других, можно легко представить трудности, стоявшие на пути османской элиты при выходе из той исторической западни, в которой оказалось по своей вине османское государство. Так про-

должалось и до, и во время принятия фирмана и его реализации и последующих мер по реформации государственного устройства империи Османов.

Достаточно напомнить, что фирман был оглашён почти сразу после драматического возобновления летом 1839 г. египетского кризиса, инициированного мятежным Мухаммедом Али. В этом втором турецко-египетском конфликте военные действия вновь завершились полным разгромом турецкой армии и переходом её флота на сторону противника. На этот раз европейские державы без промедления вмешались в турецко-египетскую распря, причём Англия и Австрия выступили на стороне султана, Франция поддержала Мухаммеда Али, стремясь обеспечить независимость Египта от Турции.

Что касается России, к началу этого второго кризиса её позиции на Ближнем Востоке ослабли. Русское правительство вплоть до Крымской войны продолжало ошибочно рассматривать Англию как благожелательную сторону в международных делах России на Ближнем Востоке. Между тем всё очевиднее становилось противодействие Англии российским действиям прежде всего по двум темам Восточного вопроса – по Проливам и по Кавказу.

В 1840–1841 гг. с участием России были заключены с Турцией две лондонские конвенции по восточным делам. Первую (1840 г.), об оказании султану помощи против египетского паши, подписали, кроме Англии и России, Австрия и Пруссия, выступив в ней гарантами целостности Турции и противниками египетской независимости. Что особенно касалось России, конвенция впервые провозгласила международный принцип регулирования закрытия и открытия проливов Босфор и Дарданеллы. В июле 1841 г. была подписана вторая лондонская конвенция – на сей раз с участием Франции. Провозглашался принцип закрытия названных проливов для военных кораблей всех европейских держав (в том числе русских) в мирное время. Эта конвенция 1841 г. заменила соответствующие положения Ункяр-Искелесийского договора, лишив Россию права решать свои отношения с Турцией в вопросе о проливах путём двусторонних актов и изолировав её флот в черноморском бассейне. Соглашение не обеспечивало безопасность южных рубежей России – в случае начала военных действий Порты могла открыть Проливы для кораблей иностранных держав. Позже, во время Крымской кампании 1853–1856 гг. и Пер-

вой мировой войны 1914–1918 гг., иностранные военные суда беспрепятственно проходили через Проливы.

С этого времени перед русским правительством встала нелёгкая задача изменения нового режима Проливов, ущемлявшего права России на её южных рубежах. Возможность реализовать эту задачу Николай I видел теперь в естественном распаде Османской империи под влиянием общеизвестных «внутренних» факторов. Во время своего визита в Лондон в 1844 г. в переговорах с новым министром иностранных дел Дж. Эбердином он поставил вопрос о разделе Османской империи при возможной смерти «больного человека», однако поддержки у собеседника не получил.

Представляется, что в Петербурге начало европеизации Османской империи при очевидном патронаже Англии и Франции не было оценено должным образом – как некая основа и гарантия её долгосрочного сохранения и одновременно стратегического сближения с Европой. Между тем к этому времени уже немало шагов было предпринято внутри османского государства и во внешнеполитической ориентации в сторону Запада. Таковым шагом стала и реализация фирмана – в определённом смысле детища и Англии, и Франции, в нём просматривались перспективы мирной экономической колонизации империи в рамках торгового договора 1838 г. о «свободе торговли». На территориальные приграничные приобретения Англия рассчитывать не могла, влияние в Греции она имела, Кипр она вскоре, в 1878 г., получила.

Охлаждение русско-английских отношений, особенно проявлявшееся в решении Восточного вопроса, сопровождалось укреплением англо-французского единения. Их тесный союз впервые в истории был назван «Сердечным согласием» («entente cordiale»). Он основывался на общей враждебности к России.

В последние годы царствования (после подавления революций 1848–1849 гг.) Николай I всё больше утрачивал понимание диалектики Восточного вопроса, складывавшейся международной ситуации, неадекватно оценивал внутри- и внешнеполитические возможности России, её военный потенциал. Главной целью внешней политики России оставалось противодействие европейскому революционному движению, реанимирование Священного союза (в 1849 г., например, Россия поддержала интервенцию против венгерской революции).

В итоге накануне Крымской войны Россия оказалась в международной изоляции. Однако Николай I и его окружение сочло, что как раз в это время Россия в состоянии открыто поставить вопрос о территориальном разделе Турции, при этом приводились, казалось бы, весомые аргументы, корнями уходившие в далёкое крестоносное прошлое, указывалось, в частности, на необходимость максимального расширения прав православного населения империи. В ходу был и панславизм.

Эти бесконечные планы территориального характера выглядели анахронизмом, не учитывали положений, пусть даже декларативных, Гюльханейского хатта, вновь принятых законов. Продолжение Россией активной политики в отношении Османской империи в столь крайней форме в условиях, когда перед Турцией возникли новые горизонты всестороннего сотрудничества с Западом, лишь способствовали упрочению этого сотрудничества и привели в конечном счёте к военному союзу Турции с Англией и Францией.

Непосредственным поводом для военного конфликта, вылившегося затем в кровопролитную и крайне неудачную для России Крымскую войну, стал её спор с католической Францией относительно прав католического и православного духовенства на Святые места в Палестине, являвшейся в то время провинцией Османской империи. Французское правительство долго и настойчиво требовало от турецкого султана Абдулмеджида передать «ключи от Гроба Господня» в Палестине, т. е. контроль над Святыми местами, католическому духовенству, русское же правительство по инициативе православных священников Иерусалима настаивало на том, чтобы этот контроль был в руках православной церкви. Конфликт обернулся войной. Султан отверг российские требования, после чего Николай I приказал своим войскам занять Дунайские княжества, формально находившиеся под властью султана.

Начиная войну и надеясь на победу, Россия рассчитывала пересмотреть в свою пользу режим черноморских проливов и одновременно укрепить ослабевшие политические позиции на Балканах. Турция же не рассталась со своими надеждами вернуться на Балканы, в Крым, на Кавказ – уже обновлённой, с европеизированной армией, с Гюльханейским фирманом в руках, а главное, заручившись поддержкой своих европейских союзников.

Западным державам казалось, что пора изолировать Россию от балканских народов, остановить её продвижение на Кавказе и на Каспии, низведя, по возможности, до уровня второстепенной державы. Имея собственные немалые аппетиты на Востоке, особенно стремилась к этому Великобритания, которая выдвинула широкую программу отторжения от России части её владений.

Недооценка российского руководства сложившейся ситуации вокруг упомянутого конфликта усугублялась и серьёзнейшими внутренними факторами – состояние и уровень её экономики если и отличалось от турецкой в лучшую сторону, то ненамного и не соответствовали потребностям великой державы и, в частности, военным потребностям, возникшим затем в ходе войны, единым противником в которой оказались наиболее развитые страны Европы. Почти полное отсутствие железных и надёжных грунтовых дорог не позволяло быстро оперировать войсками и военной техникой, кстати, также весьма отсталой. Артиллерия по техническим возможностям уступала английской и французской, в русском флоте преобладали парусные суда, в то время как англо-французский флот почти целиком состоял из паровых судов.

После того как несколько ультиматумов российского правительства по поводу Святых мест и положения немусульман были отвергнуты Турцией (явно при поддержке Франции и Англии), в июне 1853 г. русские войска вошли в Дунайские княжества, а затем заняли Бухарест. 4 октября 1853 г. Турция объявила войну России, 20 октября Николай I подписал манифест «О войне с Оттоманской Портою».

Последовавшие за этим контратаки турок оказались безрезультатными, начались вялотекущие позиционные бои.

На Кавказе положение русских войск осложнялось сопротивлением горцев, борьбой с Шамилем и адыгами. Гарнизоны, размещенные на турецкой границе в крепостях Ахалцих, Ахалкалаки, Александрополь и Эривань, были небольшими (всего около 5 тыс. человек). В конце октября 1853 г. пятитысячный турецкий отряд напал на пост св. Николая между Поти и Батумом, что положило начало боевым действиям на Кавказе. Главные силы турок двинулись на Александрополь, а их 18-тысячный Ардаганский отряд пытался прорваться через Боржомское ущелье в долину Куры. Но к этому времени русские успели перебросить морем из Крыма пехотную дивизию и сформировать армяно-грузинское

ополчение. Несмотря на численное преимущество, турки потерпели поражение в ноябре под Ахалцихом и затем у селения Башкадыклар. Прорваться далее, соединиться с Шамилем туркам не удалось, в Крымской войне «ослабленный имамат не сумел оказать действенной помощи турецкой армии на Кавказе»²¹.

А. Сайдам пишет, что после начала Крымской войны положение русских войск на Кавказе осложнилось, однако нельзя сказать, что Турция и Шамиль должным образом воспользовались этим – для этого должна была быть чёткая согласованность действий. Бабиали (стамбульское правительство) направило осенью 1853 г. Шамилю и другим лидерам движения послания с призывом к джихаду, сотрудничеству, активизации действий против русской армии. Шамиль и некоторые его близкие родственники и сподвижники были награждены османскими орденами, им присвоены высокие звания: Шамилю – везира и главнокомандующего, другим – бригадного генерала, и т. д.²²

На море вице-адмирал П.С. Нахимов, командир отряда кораблей Черноморского флота, узнав, что турецкая эскадра в Синопе, стал готовить десантную операцию в тылу русских войск на Кавказе и опередил противника – русский флот под командованием В.А. Корнилова и П.С. Нахимова в Синопском сражении 18 (30) ноября 1853 г. отправил на дно турецкую эскадру. Исход этого сражения заставил западные державы активизировать поддержку Турции.

В начале января 1854 г. англо-французская эскадра вошла в Чёрное море «для защиты османской территории». 9 февраля 1854 г. последовал Манифест императора Николая I «О прекращении политических сношений с Англией и Францией», а в марте между Великобританией, Францией и Турцией был заключён Константинопольский союзный договор против России, по условиям которого обе западные державы согласились послать в помощь Турции сухопутные и морские войска и вывести их из страны немедленно после заключения мирного договора. Со своей стороны султан дал обязательство не заключать сепаратного мира. Вслед за этим Англия и Франция объявили (в конце марта) России войну, а 10 апреля 1854 г., согласно заключённому в Лондоне союзному договору, учредили оборонительный и наступательный союз против России – во имя сохранения Турции в её настоящих границах и европейского равновесия²³. Получилось

так, что первые шаги Турции по проведению широкомасштабной реформации и европеизации (согласно первому документу танзимата) были предприняты в годы Крымской войны, когда она стала военным союзником Англии и Франции.

В марте 1854 г. русские войска форсировали в ряде мест Дунай и сосредоточились в Северной Добрудже, а в мае, преодолев упорное сопротивление турок, осадили крепость Силистрию – ворота в Болгарию. Австрия крайне враждебно отреагировала на занятие Дунайских княжеств и стала стягивать войска в пограничную Трансильванию. Из-за опасности удара австрийцев в спину к сентябрю русская армия была отведена за Прут, а княжества были оккупированы австрийцами.

Война разгоралась, союзникам удалось легко перенести основные бои на территорию России – Проливы были предоставлены в их распоряжение. В течение 1854 г. флот Великобритании и Франции предпринял ряд ударов по русским портам не только в Чёрном море, но и на самых дальних направлениях²⁴. Париж и Лондон оказали содействие в получении Турцией в 1854 г. от банкирских контор Палмер (Лондон) и Голдшмит (Париж) 6% займа в размере 3 млн. ф. ст. «для покрытия военных расходов османского правительства в Крымской войне». Это был первый заём Турции из целой серии последующих займов, составивших впоследствии в итоге громадный так называемый Оттоманский долг. Второй заём последовал на следующий год – в размере 5 млн. ф. ст. под 4%. Третий заём на 5 млн. ф. ст. под 6% был предоставлен уже в 1958 г. – для ликвидации ущерба, нанесенного Турцией закончившейся к тому времени войной²⁵.

На Кавказе было отмечено наиболее масштабное участие турецкой армии в Крымской войне, там Турция действовала без участия союзных войск. Летом 1854 г. турецкая армия вторглась в Грузию, пытаясь прорваться к Тифлису, но в итоге боевые действия были перенесены на территорию Турции. На границе с Персией в июле 1854 г. русский отряд разбил во встречном бою 20-тысячный корпус турок и через два дня овладел крепостью Баязет. Главные русские силы 24 июля 1854 г. при Кюрюк-Даре нанесли поражение 60-тысячной группировке под командованием Зариф-паши, после чего турки потеряли возможность вести наступательные действия на Кавказе. Весной 1855 г. 40-тысячный корпус генерала Н.Н. Муравьёва оттеснил турок к

Эрзеруму. Гарнизон пограничной турецкой крепости Карс (33 тыс. человек) оказался в блокаде, а в ноябре того же года капитулировал. Пользуясь господством на море, турки высадили в русском тылу, в Сухуми, 45-тысячный корпус Омер-паши, который начал продвижение в Грузию. Осенью 1855 г. русский отряд оказал Омер-паше упорное сопротивление на реке Ингури, а затем остановил турок, которые отошли к Сухуми и в феврале 1856 г. эвакуировались в Турцию.

По-иному, не в пользу России развивались военные действия вне Кавказа. На Чёрном море англо-франко-турецкий флот насчитывал 34 линейных корабля и 55 фрегатов, большинство из которых были паровыми. Русский черноморский флот состоял из 14 парусных линейных кораблей, 6 фрегатов и 6 пароходов-фрегатов. Осенью 1854 г. союзники осуществили высадку своих главных сил в Крыму с целью захвата Севастополя – главной базы русского черноморского флота. Его осада длилась 349 дней, пока превосходящие вооружённые силы Франции, Великобритании, Турции и (с 1855 г.) Сардинии не заняли город. К декабрю 1855 г. на всех фронтах боевые действия были прекращены. Потери России в Крымской войне составили 500 тыс. человек, Турции – 400 тыс., Франции – 95 тыс., Англии – 22 тыс. человек.

Еще осенью 1855 г. новый император Александр II (Николай I скончался 18 февраля 1855 г.) посетил Крым и убедился в бесперспективности продолжения войны. В конце февраля 1856 г. начал работу Парижский мирный конгресс, завершившийся 18 (30) марта 1856 г. подписанием Парижского мира между Россией, Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией.

Мирный Трактат с приложением конвенции о Проливах от 18 (30) марта 1856 г. «во имя Бога всемогущего» постановлял «быть на вечные времена миру и дружеству между» участниками Крымской войны, обязывал императора всероссийского «возвратить е. в. султану город Карс с цитаделью оною, а равно и прочие части оттоманских владений, занимаемые российскими войсками». Аналогичным образом император французов, королева Великобритании и Ирландии, король сардинский и султан обязывались «возвратить императору всероссийскому города и порты: Севастополь, Балаклаву, Камыш, Евпаторию, Керчь-Еникале, Кинбурн, а равно и все прочие места, занимаемые союзными войсками»²⁶.

Несомненно, ряд положений этого договора, касавшихся Чёрного моря, наносил существенный удар по престижу России и безопасности её южных границ. Так, военное поражение в Крыму надолго подорвало позиции России на Балканах и на Ближнем Востоке. Россия лишалась единоличного права покровительства Дунайским княжествам и Сербии. В то же время все территориальные и политические претензии Турции «об исправлении русско-турецкой границы» и судьбах Закавказья были отвергнуты²⁷.

Достаточно неожиданной статьёй мирного договора можно считать девятую, которая касалась внутренних дел Османской империи, имея лишь косвенное отношение к проблемам, которыми занималась мирная конференция в Париже. В статье было записано, что реформы танзимата продолжают, а договаривающиеся державы «признают высокую важность сего сообщения, разумея при том, что оно ни в каком случае не даст сим державам права вмешиваться, совокупно или отдельно, в отношения е. в. султана к его подданным и во внутреннее управление империи его».

После завершения конгресса там же, в Париже, 15 апреля 1856 г. было подписано соглашение о союзе между Англией, Австрией и Францией, по которому Османской империи этими державами гарантировались территориальная целостность и суверенитет – в соответствии с выполнением Россией всех пунктов Парижского мирного договора. Сложилась так называемая «Крымская система», имевшая антирусскую направленность²⁸.

Второй танзимат

Итак, с официального благословения подписантов Парижского мирного договора, в правление султана Абдулмеджида (1839–1861 гг.) Турция начала второй этап реформ танзимата. Речь идёт о документе, именуемом турецкими историками *Хатт-и шерифе* (или Ислахат ферманы – фирман о реформах) и принятом 28 февраля 1856 г., всего за месяц до подписания Парижского договора. Он был принят в условиях неприкрытого давления военных союзников Турции, на исходе победоносной для них и Турции Крымской войны, поэтому по своему общему содержанию был призван довести до конца и конкретизировать реформы, намеченные и начатые 3 ноября 1839 г. Поскольку реформация и реформаторы активно поддерживались Англией и затем Францией, вся

эта активность должна была предупредить военное решение проблемы, острота которой на рубеже XIX и XX вв. явно приближалась к максимуму.

Географический (приграничный) фактор облегчал для России и Австрии военное решение Восточного вопроса, но Англия и Франция лишь на дальних окраинах империи либо на море могли прибегнуть к такому способу, а на Балканах и на Кавказе для них он был недоступен. Все надежды урегулировать здесь Восточный вопрос в свою пользу эти две ведущие державы связывали с переговорами о реформах в империи, которые таким образом решали бы, наконец, обострившиеся до крайности этнорелигиозные конфликты.

Но не станут ли эти реформы «новым платьем короля» – ведь всё более очевидным для многих европейских политиков становилось несоответствие путей и направлений развития европейских держав и Османской империи, несмотря на достижения последней, представлявших две разные цивилизации. Равенство прав мусульман и христиан империи уже было декларировано в первом манифесте танзимата, в нём ясно сказано о гарантиях равных прав всех подданных империи.

И на этот раз в фирмане султан заявлял, что «с момента воцарения на престол нашим главным желанием была забота о счастье всех наших подданных». Причём утверждалось, что предпринятые ранее реформы «во имя счастья всех подданных» принесли «очень полезные результаты, государство с каждым днём богатее и благоустраивается», ныне пришло время «ещё более укрепить и расширить новый порядок» благодаря «как усилиям всех моих подданных, так и дружеской поддержке великих держав». «Гарантии, дарованные мною согласно оглашённому в Гюльхане Хатт-и Хумаюну и благам Танзимата для защиты жизни, имущества и чести всех моих подданных любой религии и верования, ещё раз мною подтверждаются и для практического выполнения этих гарантий будут предприняты необходимые эффективные меры. И сейчас остаются в силе все привилегии и религиозные льготы, дарованные в прошлом моими предками христианам и другим немусульманам»²⁹.

Новый документ уточнял целый ряд привилегий для немусульман, при этом чаще всего под этим словом подразумевались христиане. Так, меджлисы, образуемые в патриархатах, должны

требования подданных-христиан доводить до сведения правительства; избрание патриарха должно регулироваться определёнными правилами. Руководители христианских общин не могли собирать у своей паствы средства на общину – деньги обеспечивались властями. Для исполнения своих обрядов каждая христианская община создавала свой совет; предпринимались меры к быстрому исполнению просьб, направляемых правительству христианами, причём не могло быть никакого вмешательства в религиозные дела христиан. Христиане могли поступать на государственную службу, получать образование в военных и гражданских учебных заведениях. В случае возникновения торговых и уголовных тяжб судебные заседания должны были происходить публично и при участии смешанной комиссии – в том случае, если в тяжбе с одной стороны оказывается мусульманин, с другой – христианин, либо если с одной стороны участвует христианин, а с другой – иностранец. В некоторых правовых ситуациях христиане по желанию могли обратиться к своим патриархатам. Иностранцам разрешалось владеть в Османском государстве недвижимым имуществом.

Фирман не только подтверждал, но особо, даже нарочито подчёркивал принцип полного равенства между всеми подданными империи, независимо от их вероисповедания, позже, как мы увидим, идея равенства воплотится в доктрину османизма. Внешне этот манифест являлся актом «суверенной воли» султана, но упоминание его в парижском трактате означало, что исполнение фирмана ставится под контроль иностранных держав.

Оценивая Ислахат ферманы, турецкие учёные-юристы пишут, что документ, обеспечивая равенство между христианами и мусульманами, даже «нарушал в известной мере исламское право». Так, по их мнению, «признание за христианами и иностранцами преимуществ при судебных разбирательствах создавало опасность подрыва и разрушения правового единства». Столь же негативным действием для них было включение фирмана в текст Парижского договора, «ведь в этом же договоре запрещается вмешательство во внутренние дела Османского государства, коим и является упомянутое включение», и таким образом косвенно допускается, что великие державы могут распоряжаться Османской империей»³⁰. Поэтому исполнение второго фирмана оказалось делом сложным, оно осуществлялось главным образом в

Стамбуле и ближайших регионах. В дальних эялетах соответствующие инстанции принимали и рассылали множество инструкций и распоряжений, разъяснений, шла длительная переписка о том, например, как учреждать местные медресы с привлечением немусульман, как заменять систему откупов, как собирать налоги созданному ещё в 1838 г. министерству финансов и т. п. На местах игнорировались положения о равенстве, об ограничении действия шариатского права, в том числе в системе образования³¹.

Именно на местах в возникавших конфликтах между проводниками танзимата и улемами последние обвиняли сторонников танзимата в безбожии, а некоторые крайние националисты упрекали в низкоклонстве перед Западом, в готовности ликвидировать господство тюрко-исламских принципов в угоду немусульман, в стремлении привести страну под господство европейских держав. Эти круги наиболее активно представлял садразам Хюсрев-паша (Коджа) и др. Однако, находясь под постоянным давлением своих союзников, апеллировавших к статье 9-й нового султанского манифеста, султанская власть, как могла, продолжала выполнять то, что было в нём обещано, многие государственные службы, учебные заведения, находившиеся ранее под контролем и руководством положений шариата, постепенно менялись в соответствии с европейским законодательством. Влияние улемов заметно уменьшилось, были приняты важные меры по регулированию в сфере личного права немусульман – таких как религия, наследование, брак и т. д.

В осуществление хатти-шерифа продолжилась реорганизация народного образования, был создан университет в Стамбуле (Дарульфюнюн, 1863 г.), издан административный кодекс, разделены функции пашей между представителями военного, гражданского и финансового ведомств, созданы смешанные коммерческие суды. Был введён уголовный кодекс. Взимание хараджа (поголовное обложение христиан) было возложено вместо чиновников на представителей христианских общин. Все эти реформы – половинчатые, недостаточные, проводимые в обстановке противодействия феодально-клерикальных сил, – мало удовлетворяли буржуазию. Только военная реформа-реорганизация армии по европейскому образцу дала известные результаты.

Следует упомянуть принятие закона о муниципалитетах (1854 г.), о создании Архивного управления и т. д. Особо важным называется турецкими авторами Земельный кодекс 1858 г.³²

Согласно современным оценкам турецких специалистов, значимость закона 1858 г. состоит в следующем: с его принятием частнособственнические земли были отделены от земель в деревнях и касаба от государственных земель, они представляли собою частную земельную собственность. Частные земли, ранее очень ограниченные по площади, со временем получили большое распространение³³.

Примером регулирующей деятельности властей в сельском хозяйстве в соответствии с требованиями времени можно считать попытки Мидхат-паши в его бытность правителем Дунайского вилайета организовать там кредитные сельскохозяйственные кассы, что должно было «ослабить гнёт ростовщиков в сельском хозяйстве вилайета» и таким образом способствовать экономическому развитию края и развитию в нем капиталистических отношений³⁴.

Судьба Земельного кодекса и некоторых других важных законов отражала острую борьбу в турецкой элите, окружении султана по поводу конкретного содержания реформ, декларируемых Танзиматом. Европейское и шариатское право сталкивались в реформаторских законах постоянно. Так произошло и с другим важнейшим законом – Гражданским кодексом. Подготовка его была поручена комиссии, возглавляемой известным историком с весьма консервативным мировоззрением Ахмедом Джевдет-пашой (1822–1895 гг.), который отверг предложения о принятии за основу французского гражданского кодекса. Он был убеждён, что мусульманскому обществу будет невозможно воспринять гражданское право христианского государства, что необходимо систематизировать и упорядочить гражданское право на основе исламского права, т. е. шариата. В результате на свет после долгой работы комиссии (в 1868–1876 гг.) появился 16-томный труд Меджелле-и Ахкам-и Адлийе – первый в исламском мире Гражданский кодекс³⁵.

Меджелле не был единственным документом этого периода, регулирующим право в стране. Во второй половине XIX в. был принят ряд законов, касающихся суда, прокуратуры, нотариата и адвокатуры. Как пишет И. Ортайлы, «стало очевидным, что мо-

нистической форме судебного разбирательства, предусмотренной мусульманским правом, нанесён серьёзный удар, поскольку в исламе отсутствует право личности защищаться перед судебной инстанцией самому или через адвоката, отсутствуют принципы множественности суда. Основа судебного разбирательства в исламе монистическая. В итоге... суды были реорганизованы в иерархическую систему; практика свидетельствовала, что кади перестал считаться единственным независимым юридическим авторитетом»³⁶.

В целом период реформ подходил к своему завершению, энтузиазм в правящей элите по поводу европеизации угасал. Абдулазиз, вступивший на престол в 1861 г. после смерти Абдулмеджида, продолжил некоторые реформы, но, укрепившись на троне, утратил к ним интерес, что, естественно, сопровождалось усилением гнёта в отношении как турецкого, так и инонационального населения.

Османская европеизация не мыслилась без сохранения основ шариата. Олицетворением такой «модели» реформации были деятели типа Ахмеда Джевдета-паши, активно влиявшего на политику дворца, воспитанного в системе медресе, в традициях мусульманской культуры³⁷. Несдержанный на язык Мидхат-паша, отец турецкой конституции, в одной из дискуссий с Джевдетом-пашой, которого он явно недолюбливал, обвинил его в незнании Европы, незнании французского языка, в то время языка европейской культуры и дипломатии, и заявил, что «любой чистильщик обуви знает французский лучше тебя!»³⁸.

Идеологическим обоснованием необходимости сохранения такой социальной модели продолжали быть идеи, оставшиеся от средневековья, от эпохи побед, завоевательных войн, обеспечивших империи статус могущественнейшей мировой державы. Это были прежде всего идеи о величии и могуществе государства. Как справедливо пишет Фероз Ахмат, «идея о том, что величие государства – прежде всего», прочно укоренилась в османском обществе, его культуре. Эта идея обеспечивала вмешательство государства во все сферы деятельности общества. И в годы расширения империи, и в годы её отставания любая инициатива исходила от государства»³⁹.

О неэффективности многих положений танзимата можно судить по состоянию в указанные годы основы финансового бла-

гополучия государства и его возможностей на пути самостоятельной модернизации – налоговой системы. Оценивая её, В.И. Шпилькова подчёркивает, что налоги использовались непроизводительно, не направлялись в сферы материального производства, большая часть их шла на содержание султанского двора, государственной администрации и армии, а также на удовлетворение нужд османской феодальной верхушки. Со второй половины XIX в. значительная часть налогов поступала в руки западноевропейских государств⁴⁰.

По данным В. Эльдема, до конца века и даже позже старые налоги в большинстве своём оставались основными, в том числе такие, как десятина (ашар), на скот (агнам), таможенный налог⁴¹. Остались и внутренние таможенные сборы, препятствовавшие развитию рынка, продолжала действовать откупная система. В те годы национальная предпринимательская прослойка была немногочисленной и неспособной решать задачи «догоняющего развития».

Львиная доля расходов государства приходилась на содержание власти. Многие исследователи обращают внимание на чрезвычайно высокое жалование верхушки турецкой бюрократии в период танзимата. В. Эльдем пишет, что в Турции денежной аристократией империи были не крупные торговцы и промышленники, а верхушка бюрократии. Для верхушки бюрократии это не было единственным источником их существования, поскольку многие из них владели и землей⁴². Писатель Яхья Кемаль, вынужденный в процессе развала империи оставить Македонию, поселился в Стамбуле у своего родственника в особняке на берегу Босфора. Когда однажды автор спросил одного из гостей особняка, почему тот, имея хорошие музыкальные данные, занимается чиновничьей работой в министерстве финансов, в ответ услышал: «Ах, вы не знаете всех сладостей государственного жалования, это знает лишь тот, кто его получает». Другой постоянный гость, судейский чиновник, «раз в два-три месяца снимал свой халат, чтобы отправиться в присутствие за жалованием»⁴³.

Консерватизм и живучесть «капы кулу» – султанского чиновничества, особенности его верхушки – также рассматривается в контексте причин, приведших к упадку и развалу Османской империи. Побывавший в Турции в годы Танзимата русский географ П.А. Чихачев писал, что высокие оклады чиновников – тяжёлое бремя для финансов страны. «В Турции не менее 30 министров и

120 мяширов, или маршалов. Содержание одного министра составляет в среднем 250 тыс. фр. в год, а каждого мяшира – 200 тыс. фр., т. е. в целом 81 млн. фр. Иными словами, министры и высшие военные чины обходятся государству в сумму, превышающую одну шестую часть всего годового дохода., с другой стороны, громадные оклады высших военных чинов являются резким контрастом с ничтожной оплатой служащих более низкого ранга»⁴⁴.

Богатствам и расходам султанов в XIX в. в самый разгар реформ и после них, европеизации, их невероятным размерам поражались многие авторы. П.А. Чихачев записывал, находясь в Стамбуле в 1858 г.: «Личный долг султана (возрастающий ежегодно)... принимает ужасающие размеры. В настоящее время он, по-видимому, не ниже суммы государственного долга. В Европе почти невозможно представить себе более сумасбродное расточительство»⁴⁵.

Джон Фрили пишет о расточительстве султана Абдулазиза. После своего путешествия по Европе в июне–августе 1867 г., во время которого он был принят главами государств в Париже, Лондоне, Брюсселе, Кобленце и Вене, он на своей яхте «Султание» вернулся по Дунаю и Чёрному морю в Стамбул – «под восторженные крики своих подданных». После этой поездки султан «пустился в расточительство, подорвавшее его репутацию. Помимо огромных каменных зданий на территории Чирагана и Бейлербея, он также построил летние дворцы в Кагитхане, Чекмедже и Измите, а затем ощутил нужду в изящной мебели и красивых женщинах, чтобы украсить и оживить эти дворцы»⁴⁶. Дворец Йылдыз, когда становился резиденцией султана, превращался в целый город. Сырьё для действовавшего здесь дворцового фарфорового завода доставлялось из Франции. Здесь же был дворцовый театр, в котором выступали оркестры, ставили оперы, оперетты, показывали комедии. Дворцовый сад управлялся особой администрацией во главе с генеральным директором, в его распоряжении – контролёр, четыре управляющих и 300 садовников. В различных службах дворца насчитывалось несколько сотен людей, начиная от маршалов, имамов, руководителей служб и кончая десятками поваров, врачей, аптекарей, брадобреев, библиотекарей, гаремных евнухов и т. п.⁴⁷

Всё это – свидетельства о том, что до последних дней в империи сохранялся феодальный абсолютистский режим с его понятиями величия и мощи государства, причём главные составляющие этого режима – не только сам султан, но и его ближайшее окружение, «жадную толпой стоящее у трона», верхушка военной и гражданской бюрократии, центральные правительственные органы, правители в провинциальных центрах. При таком режиме разговоры о реформах, о подлинной европеизации во имя модернизации и укрепления государства были насмешкой.

Разумеется, в тот период всемирной истории, когда капитализм как мировая система уже завершал своё утверждение, он неизбежно воздействовал и на османское общество, на его феодальный аппарат, верхушку, побуждал её к действиям, к тому же Танзимату. В экономическую «европеизацию» был в состоянии включаться не столько «предпринимательский элемент», сколько традиционные обладатели крупной недвижимости, прежде всего земли – землевладельцы и кадры бюрократии, что означало часто одно и то же ⁴⁸.

Итак, во второй половине XIX в. империя являла собою всё более противоречивую картину – некую амальгаму традиционного исламского государства и общества с явными признаками поверхностной вестернизации. Побывавший в эти годы в Стамбуле итальянский художник Эдмондо Д'Амичи воочию убедился в этом. Он пишет, что район Пера в Стамбуле – европейский город, «улица, по которой мы идём, окаймлена английскими и французскими отелями, богатыми кафе, яркими магазинами, театрами, консульствами, клубами, посольскими особняками, среди которых каменный дворец русского посольства возвышается, словно крепость...». Слышится греческая, итальянская, французская речь, «турки в восхищении останавливаются перед витринами магазинов и парикмахеров, турчанки стоят с открытым ртом перед витринами модисток; европеец говорит громко, смеётся и шутит посреди улицы, мусульманин чувствует, что он здесь чужой». Любопытны высказывания и о мусульманских кварталах, в которых невооружённым взглядом можно было видеть происходившие перемены, прогресс реформаторов и сопротивление старых турок. «Старый негнибемый турок носит ещё тюрбан, кафтан и традиционную обувь из желтого сафьяна, причём у самых негнибемых – самый большой тюрбан. Реформиру-

ванный турок одет в длиннополое черное пальто и брюки со штрипками, как турка его выдает лишь феска»⁴⁹.

Начатые ранее реформы и, прежде всего, реформы танзимата постепенно приближали общество и государство к переменам, неизбежность которых ощущали все слои общества, хотя и далеко не все в элите были готовы пойти на эти перемены. И сейчас историки спорят о том, насколько органичны были реформы в рамках модернизации и какие из них носили поверхностный, подражательский характер и оказывались имитацией.

После Крымской войны пришло время борьбы нарождавшейся турецкой буржуазии и «новых» старых собственников за учреждение конституционного режима, который должен был сменить режим нерегулярных султанских фирманов с их пышными декларативными положениями о благе народа и равенстве подданных.

Идеологами конституционного движения стали интеллигентско-чиновничьи круги, представители военной верхушки. Несомненно, зарождение в 1860-х годах такого движения могло произойти под воздействием реформ танзимата, а также по причине возраставшего неверия в готовность абсолютистской власти продолжать и углублять реформы.

Движение за европеизацию и возрождение с началом периода Танзимата вошло в новую фазу, проявив себя в идеологии, культуре и образовании. Впервые в истории Турции создавались средние школы светского типа – рюштие. Открывались морские и инженерные училища, библиотеки и музеи; лицеи начали готовить новую, светскую интеллигенцию. Наиболее одарённую молодёжь посылали за границу для получения или продолжения образования. Министрами назначали людей, получивших образование на Западе или прошедших там стажировку. Бюро переводчиков, созданное в Стамбуле в 1832 г. при министерстве иностранных дел, уже не группа толмачей, после 1839 г. оно выглядело маленьким институтом, где изучались западные языки, устраивались литературные диспуты. В открывшемся Галатасарайском лицее («Mekteb-i Sultani») преподавание велось на турецком и французском языках. Многие из окончивших его впоследствии заняли видные посты в армии и государственных учреждениях. Элементы западного быта входили в жизнь населения Турции, в первую очередь это касалось аристократических кругов. На улицах городов появлялись люди, одетые в

западное европейское платье, во дворце и в частных особняках ставились отрывки из западноевропейских пьес и т. п.

Начали издаваться общественно-политические газеты на турецком языке, увеличилось число переводных произведений, в частности учебников и практических руководств, составлялись грамматики турецкого языка, выходили словари. В турецкий язык вошло много новых иностранных слов, выразивших новые понятия, новые идеи, связанные с новыми явлениями в области культуры, литературы, искусства.

Оживление общественной жизни ознаменовалось появлением целой плеяды общественных деятелей, публицистов, поэтов и писателей, многие из которых выступали как выразители просветительской идеологии⁵⁰.

Историк Т. Туная пишет, что именно в этой среде в 1865 г. возникло общество новых (или молодых) османов – любителей истории. В этой группе играли ведущую роль видные представители турецкой интеллигенции – первые турецкие просветители, такие как поэт, автор пьес Намык Кемаль, литератор Шинаси-бей, крупный чиновник и поэт Зия-паша, учитель Али Суави-бей и др. К группе примкнул крупный государственный деятель, в дальнейшем ставший одним из руководителей тайного общества, Мидхат-паша. Они объединились вокруг центральной идеи – создания в стране конституционного режима⁵¹. Члены группы требовали, чтобы в империи, как и в Европе, было эффективное централизованное правительство, был избранный парламент, была конституция. 24 марта 1867 г. ими был согласован проект конституции, но в мае Намык Кемаль и Зия-паша вынуждены были бежать за границу вследствие раскрытия планов общества и опасаясь репрессий режима Абдулазиза. Мидхат-паша остался в Турции.

Одно из центральных мест в программе «новых османов» занимала концепция османизма. В работах Намыка Кемалья, Мидхат-паши и ряда других идеологов «новых османов» подробно обосновывалась идея о возможности полной ликвидации национальных и религиозных противоречий в результате осуществления конституционных преобразований в Османской империи. Идеиные вожди «новых османов» доказывали, что возможно братское единение всех народов империи⁵².

Уместно напомнить, что 30 мая 1876 г. ярый противник движения «новых османов» Абдулазиз был свергнут (не без их участия) с престола. Ему припомнили также январский демарш европейских держав по поводу расправ в Боснии и Герцеговине, салоникских погромов, а также кровавое подавление восстания в Болгарии весной 1876 г. и т. д. Его сменил на короткое время Мурад V, который противником конституционных идей вовсе себя не считал⁵³.

Однако, как пишет Д. Фрили, «к тому времени, когда Мурад сел на трон, он стал уже безнадёжным алкоголиком, а его психика настолько деградировала, что он был не в состоянии править». Мидхат-паше и его сподвижникам ничего не оставалось, как организовать в августе 1876 г. низложение Мурада V и затем посадить на престол Абдулгамид II. «Шейх-уль-ислам, державший нос по ветру, тут же выпустил фетву, в которой говорилось о неспособности Мурада V править страной в результате затмения ума. Мурад воспринял эту новость совершенно безропотно». 31 августа утром Абдулгамид прибыл в Топкапы и сразу же прошёл в тронный зал, где все министры и прочие государственные деятели империи провозгласили его султаном Абдулгамидом II. В десять часов залпы из ста пушек возвестили населению о низложении старого султана и воцарении нового, после чего Абдулгамид II сел на пристани в султанский катер и в сопровождении других весельных судов, на которых находились все придворные, проследовал во дворец Долмабахче⁵⁴. Итак, после трёхмесячного правления Мурада V на османском престоле воцарился Абдулгамид II. «Новые османы» надеялись на то, что проведение намеченных ими реформ и введение конституции погасит разгоревшееся в это время пламя восстаний в христианских провинциях.

Восстание в Болгарии, вспыхнувшее в апреле 1876 г., было подавлено, однако военные действия против Турции начали Сербия и Черногория, опиравшиеся на моральную поддержку Российской империи. Указом Абдулгамид II была учреждена комиссия по разработке проекта конституции, главой которой был назначен Мидхат-паша. 6 декабря проект был готов и утверждён кабинетом министров. Абдулгамид назначил Мидхат-пашу великим везирем, а 19 декабря 1876 г. был создан первый парламент Османской империи.

Торжественное объявление конституции состоялось 23 декабря 1876 г. Конституция определяла общую структуру государства, его органы и взаимодействие между ними, основные права и свободы граждан; таким образом, впервые было документально установлено правовое положение Османской империи⁵⁵. Она провозглашала в Турции конституционную монархию.

Султан имел право назначать и смещать министров, объявлять войну, заключать мир, вводить военное положение и прекращать действие гражданских законов, за ним признавалось право отправлять в ссылку любого, кого он мог посчитать угрозой государству. Провозглашалась личная свобода и равенство перед законом всех подданных империи без различия вероисповедания, гарантировалась безопасность движимой и недвижимой собственности, неприкосновенность жилища, пропорциональное распределение налогов и податей на основе закона, запрещение барщины, конфискаций и штрафов. Она также декларировала свободу печати, объявила об обязательном начальном образовании. Предусматривалось создание двухпалатного парламента, в котором члены сената назначались султаном пожизненно, а палата депутатов избиралась на основе высокого имущественного ценза. Члены сената назначались султаном пожизненно из лиц не моложе 40 лет, занимавших ранее высокие государственные посты. Сенат имел право отвергать законопроекты, принятые палатой депутатов. Палата депутатов избиралась мужским населением империи тайным голосованием из расчета 1 депутат на 40 тыс. жителей. Ими могли быть подданные империи, владеющие турецким языком и достигшие 30-летнего возраста. В права этой палаты входило обсуждение и утверждение государственного бюджета, а также рассмотрение и утверждение законопроектов, касающихся финансов и положений конституции. В конституции были, наконец, определены права и обязанности министров и чиновников империи, а также принцип гласности и независимости судов, подчёркивалось, что Османская империя – единое целое, которое не подлежит расчленению. Этот пункт был направлен против освободительной борьбы нетурецких народов. Все подданные империи объявлялись «османами» и считались равными перед законом. Государственным языком признавался турецкий, а государственной религией – ислам.

Несмотря на всю ограниченность, конституция носила прогрессивный характер. И всё же влияние «новых османов» в турецком обществе не было достаточно сильным, чтобы обеспечить беспрепятственное развитие Османской империи по новому пути.

Введением конституции Абдулгамид II стремился, с одной стороны, успокоить нараставшее в стране брожение, с другой – внести разлад в действия великих держав. Ведь 11 декабря 1876 г. в Стамбуле началась работа международной конференции, созданной по последствиям кровавых событий, развязанных властями империи в турецких владениях на Балканах. После некоторых споров уполномоченные европейских держав выработали единый проект автономии Боснии, Герцеговины и Болгарии. Заключительное заседание конференции состоялось 23 декабря, на него были также приглашены представители турецкого правительства. В разгар заседания раздались мощные залпы из сотни орудий. Это был салют в честь провозглашения конституции. Министр иностранных дел Османской империи Сафдет-паша торжественно объявил изумлённым делегатам об этом событии и заявил, что конференция теряет всякий смысл, поскольку конституция уже обеспечивает проведение всех необходимых реформ. Тем самым рекомендации конференции полностью отклонялись. 20 января 1871 г. её работа была прекращена, и европейские державы отозвали своих послов из Стамбула.

Вскоре после провозглашения конституции султан начал готовить её ликвидацию⁵⁶.

Сменила ли оформившаяся в XIX в. доктрина османизма доктрину газавата? Султанские фирманы 1839 и 1856 гг., а теперь конституция 1876 г. и все сопутствовавшие им законодательные акты не содержали и намёка на газават – наоборот, за сохранявшейся пышной риторикой о могуществе империи звучала тревога и растерянность, страх перед новой обновленной Европой, готовность следовать за этой новой Европой и даже надежды интегрироваться в этот новый мир. Отказ в условиях начавшейся османской европеизации от газавата подразумевал одновременно и отказ, по крайней мере на бумаге, от его внутренней составляющей – бесправия немусульманского населения империи.

Отсутствие у конституционалистов прочной социальной базы позволило султану Абдулгамиду вскоре расправиться с их лидером Мидхат-пашой и декларированным конституционным режимом.

5 февраля 1877 г. Мидхат-паша был арестован и доставлен на борт султанской яхты «Иззеддин». Её капитан получил приказ отвезти бывшего великого везира в любой иностранный порт по его выбору. Таким способом отец первой турецкой конституции был выдворен из Турции за границу. За несколько дней до этого были высланы другие лидеры младоосманов.

Парламент собрался в марте 1877 г.; кандидаты младоосманов не были допущены к баллотированию. Он состоял преимущественно из крупных землевладельцев, представителей высшей бюрократии и духовенства, делегированных от миллетов. Сколь ни был послушен султану этот парламент, в течение двух первых (и последних!) сессий 1877–1878 гг. он всё же осмеливался критиковать деятельность правительства и поднимал свой голос в защиту прав миллетов, о близких ко двору казнокрадах, об управлении вилайетами, об организации муниципалитетов, о бюджете, о печати. В мае 1877 г. палата потребовала у правительства объяснений причин тяжелых поражений, которые понесла турецкая армия в войне с Россией (о войне см. ниже). На сессии палаты второго созыва дело дошло до того, что депутаты стали ставить вопрос о доверии великому везиру и ряду министров – палата смогла даже добиться от султана смены кабинета министров.

Когда катастрофическое поражение турецких войск в войне с Россией стало очевидным и перед русской армией была практически открыта дорога на Стамбул, султан Абдулгамид в середине февраля 1878 г. распустил парламент на неопределённый срок. Хотя конституция формально отменена не была, парламент не собирался в течение 30 лет, до революции 1908 года.

Итоги османской реформации и Восточный вопрос к началу XX века

Неисполнение Портой в провинциях империи объявленных ею же реформ по уравниванию прав христиан с мусульманами, продолжение произвола местных феодалов вызывали всё большее недовольство населения. По-видимому, выполнение этих обещаний в рамках танзимата превратилось в безнадёжное дело.

Подтверждалась истина о том, что на Востоке, по крайней мере в мусульманском мире, в Османской империи-халифате переход к гражданскому, светскому мышлению носит затяжной ха-

ракти. Карл Маркс, внимательный комментатор бурных событий в Османской империи в середине XIX в., писал в газете «Нью-Йорк Дейли Трибьюн» в 1854 г. по поводу надежд европейских политиков на «уравнение в правах христианской и магометанской религий» в империи: «Это означает полное отделение государства от церкви, религии от политики. Но турецкое государство, как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви, политики и религии. Коран является для Турецкой империи и её правителей одновременно источником веры и закона. Но возможно ли уравнять в правах перед Кораном правоверного и гяура, мусульманина и райю? Это непременно означало бы на деле — заменить Коран новым гражданским кодексом, другими словами... разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей»⁵⁷. Турецкий автор М. Кара высказывал аналогичную мысль по-своему: «вестернизация, начавшаяся с приходом XIX в., предусматривавшая соединить воедино два совершенно различных мира в один, напоминала попытки приладить две разные головы одному человеку»⁵⁸.

В 1874–1875 гг. турецкое правительство усилило налоговое давление в своих балканских владениях, даже не посчитавшись с неурожаями. Особенно резко увеличились налоги в середине 1870-х годов, когда финансовое положение Османской империи (но не правящей элиты!) стало катастрофическим, а в октябре 1875 г. она объявила о частичном финансовом банкротстве. Сборщики податей прибегали к репрессиям, другая сторона всё чаще бралась за оружие. Как мы отмечали в предыдущем параграфе, в 1875 г. вспыхнуло восстание сербов в Боснии и Герцеговине, повстанцы требовали замены ашара поземельным налогом, национального равноправия, религиозной свободы и т. д.

В апреле 1876 г. началось национальное восстание в Болгарии, христианское население которой выставило те же требования. По своему размаху и глубине оно стало крупнейшим восстанием против османов на Балканах. Эту борьбу поддержали жители Сербии и Черногории, добивавшиеся полного отделения от Турции⁵⁹.

Покровительствуя национально-освободительному движению в Османской империи, Россия стремилась в контакте с другими державами, в первую очередь с Австро-Венгрией, добиться про-

ведения необходимых реформ. События в балканском регионе вновь стали важной международной проблемой.

Австро-Венгрия противилась решительным требованиям России, тем более что распространившиеся в эти годы идеи панславизма касались не только Османской, но и Австро-Венгерской империи; её поддержала и стоявшая за ней уже объединённая Германия. Англия же обещала Турции свою поддержку, ведя двойную игру. Действия Англии вселяли в османское руководство уверенность в том, что снова повторятся дни англо-французского союза 1854 г. Европейские державы попытались ограничиться новыми призывами к Турции о проведении реформ в восставших провинциях. Русское правительство, подталкиваемое общественным мнением, видело путь к стабилизации обстановки во введении в Боснии и Герцеговине автономии по примеру Сербии и Румынии, но официально выступать с ним не стало, опасаясь оказаться в одиночестве.

Правда, Россия сделала один весьма серьёзный шаг в Восточном вопросе – покончила с «крымской системой», связывавшей ей руки в Чёрном море после Крымской войны. Главные инициаторы этой антироссийской системы в конце 1870 г. были ознакомлены с так называемым циркуляром А.М. Горчакова, в котором перечислялись аргументы, правомерно освобождавшие Россию от дальнейшего соблюдения ограничительных статей Парижского мирного договора 1856 г. Собравшиеся по этому поводу в Лондоне дипломаты 13 марта 1871 г. подписали конвенцию о пересмотре Парижского мирного трактата. В этом документе объявлялось об отмене нейтрализации Чёрного моря, то есть статей XI, XIII и XIV Парижского трактата и русско-турецкой конвенции 1856 г. Россия восстановила право строить военные крепости на Чёрном море и держать там военный флот, что позволяло укрепить оборону южной границы государства, расширить черноморскую торговлю и освоение Причерноморья. Договору 1871 г. была суждена довольно долгая жизнь. Он действовал фактически до Первой мировой войны, формально же просуществовал до 1920 г., то есть почти 50 лет. Итоги этой конференции стали дипломатической победой России⁶⁰.

Очередная умеренная программа реформ для балканских народов была передана султану 18 декабря 1875 г. от имени трёх держав – России, Германии и Австро-Венгрии. Англия уклонилась

от активного участия в переговорах. В ноте трёх государств предлагалось ввести свободу вероисповедания для христиан Боснии и Герцеговины, ликвидировать откупную систему взимания налогов, улучшить аграрное положение сельского населения, и др. Но поскольку в ноте не было сказано о гарантиях выполнения этих условий, инициатива не была поддержана повстанцами. Порта, разумеется, по другим причинам, также отказалась принять эту программу.

Многие слои русского общества продолжали настаивать на том, чтобы оказать действенную помощь «единоверцам», порицали жестокие методы турецкого управления. Было поддержано и болгарское восстание против национального и социального гнета османских властей. На новой встрече трёх держав (России, Германии и Австро-Венгрии) в Берлине в мае 1876 г. был подписан меморандум, в котором уже содержались намёки на действенные меры. Документ был поддержан Францией и Италией, но отвергнут Англией.

Османь жестоко расправились с участниками восстания в Болгарии, уничтожая тысячами мирное население. «Их зверства были беспримерными: убивали детей, стариков, женщин; в результате погромов погибли более 30 тыс. человек, сожжено и разгромлено около 300 селений». Это вызвало возмущение всей европейской общественности. Против действий турок выступили В. Гюго, И. Тургенев, Ч. Дарвин, У. Гладстон. Поддержку восставшим оказывало все население России, особенно активны были славянофильские круги, возглавившие сбор пожертвований в пользу восставших. На Балканы направлялись добровольцы из России – солдаты, офицеры, писатели, сестры милосердия, врачи, в их числе Н.В. Склифосовский, С. П. Боткин, писатель Г.И. Успенский, художники В.Д. Polenov, К. Е. Маковский. В сборе средств участвовали видные общественные деятели – критик В.В. Стасов, скульптор М.М. Антокольский; с публичными лекциями, деньги от которых шли на нужды восставших, выступали ученые И.И. Мечников, Д.И. Менделеев и др. В июне 1876 г. военные действия против Турции начали Сербия и Черногория. 11 декабря 1876 г. в Стамбуле в российском посольстве открылась очередная встреча держав по вопросу о выработке программы реформ в Турции. На конференции руководящую роль играл русский посол Игнатьев. Представители турецкого правительства не

были допущены на первые заседания. Конференция выработала проект реформ на Балканском полуострове; предусматривалась автономия для Боснии, Герцеговины и Болгарии. Но турки опередили дипломатов – 23 декабря, в день, когда на заседание впервые были приглашены турецкие представители для заслушивания решений конференции, их глава, министр иностранных дел, объявил о введении в стране конституции, которая, как он заверил, предусматривает все упомянутые реформы.

Переговоры в Стамбуле были продолжены, но Абдулгамид II, уверенный в своей армии, в поддержке Англии, отказывался принимать рекомендации европейских гостей. 12 (24) апреля 1877 г. в ставке русского командования в Кишинёве Александр II подписал манифест о войне с Османской империей. «Никаких присоединений земель Турции не входит в политику России», – заявил Александр II. Военные действия развернулись одновременно на двух театрах – Балканском и Кавказском. Из войск турецкой армии численностью 450 тыс. человек 338 тыс. находились на Балканах и около 70 тыс. человек – в Малой Азии. Свыше 250 тыс. воинов русское командование направило на Балканы и 55 тыс. – на Кавказ⁶¹.

Перейдя р. Прут, русские войска вступили на территорию Румынии, в мае-июне совместно с болгарскими ополченцами форсировали Дунай. 19 июля отряд генерала Гурко овладел Шипкинским перевалом, но дальнейшее продвижение русских задержалось на четыре месяца вследствие стойкого сопротивления турецких войск, осаждённых в крепости Плевна – она была взята русскими войсками 10 декабря 1877 г. Русское командование приняло решение перейти Балканы зимой. Переход через покрытые снегом Балканские перевалы, обороняемые турками, стал сложной операцией. Помогала поддержка местного населения: болгары служили проводниками, разведчиками, расчищали дороги, снабжали продовольствием. 4 (16) января 1878 г. русская армия и болгарские ополченцы вступили в Софию. Другая группа войск под командованием генерала П.Н. Карпова переходила Балканы через Троянский перевал; третья группа под руководством Ф.Ф. Радецкого – в районе Шипки, где у деревни Шейново находилась 30-тысячная турецкая армия Вессель-паши. В ожесточённых боях за Шипку и Шейново русские взяли в плен почти всю армию (21 тыс.) Вессель-паши. Территория Болгарии была

освобождена от неприятеля. В сражениях под Шипкой и Шейново погибли 5 тыс. русских и болгарских солдат. Памятник на Шипке, сооруженный Россией и Болгарией, – свидетельство их боевого сотрудничества.

Успешные действия русских и болгарских войск у Софии, Шипки, Шейново позволили начать широкое наступление по всему фронту. В начале января 1878 г. Гурко разбил турок под Филиппополем (г. Пловдив); 8 (20) января армия Скобелева заняла Адрианополь.

На Кавказском фронте после первых побед – взятии в мае 1877 г. крепости Ардаган – ситуация для России осложнилась. Порта, рассчитывая на поддержку её действий кавказскими народами, направила в Чечню и Дагестан своих агентов, после чего часть населения этих регионов подняла восстание. В таких условиях в начале октября 1877 г. русские овладели позициями у Базарджика и уничтожили турецкую армию в Авлияр-Аладжийском сражении, что позволило перейти к широкомасштабному наступлению, начать осаду Карса. 18 (30) ноября 1877 г. после ночного штурма крепость пала, в этом сражении отличились русские и кавказские офицеры и солдаты. Дагестанский полк, участвовавший в боях, получил за взятие Карса Георгиевское знамя⁶².

31 января 1878 г. в Адрианополе было подписано перемирие, по условиям которого русские заняли местечко Сан-Стефано на берегу Мраморного моря и русская армия оказалась у самых стен Стамбула. Но появление 15 февраля английского флота в Мраморном море, угроза со стороны Англии и Австро-Венгрии разрывом дипломатических отношений в случае вступления русских войск в Стамбул исключали такое развитие событий, русские войска остановились в 12 верстах от столицы. Здесь 3 марта 1878 г. был подписан Сан-Стефанский мирный договор, выгодный для Российской империи, но вызвавший бурные протесты европейской дипломатии.

Вся Болгария от Дуная до Эгейского моря и от Чёрного моря до Охридского озера становилась отдельным княжеством, лишь номинально зависимым от Турции, её крепости в Болгарии подлежали скрытию. Русские войска получали право остаться в Болгарии в течение двух лет. Турция признавала независимость Черногории, территория которой расширялась со стороны Албании, Герцеговины и по Адриатическому побережью; независи-

мость Сербии и Румынии, их территории также расширились. В Боснии, Герцеговине и других областях, населённых христианами, вводились реформы, намеченные Константинопольской конференцией в 1876 г.

На Кавказе к России отходили Ардаган, Карс, Батум и Баязет с Алашкертской долиной и окружающая их территория вплоть до Саганлугского хребта. Статья 16-я Сан-Стефанского договора 1878 г. гласила: «Ввиду того, что очищение русскими войсками занимаемых ими в Армении местностей, которые должны быть возвращены Турции, могло бы подать там повод к столкновениям и осложнениям... Блистательная Порта обязуется осуществить без замедления улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями, в областях, населённых армянами, и оградить безопасность последних от курдов и черкесов...»

Турция обязывалась возместить России издержки в 1410 млн. рублей. Из этой суммы 1100 млн. руб. погашались стоимостью уступаемых России территорий в Азиатской Турции, а 310 млн. рублей Турция должна была выплатить деньгами.

Условия договора по многим пунктам противоречили интересам прежде всего Австро-Венгерской империи и Англии, не желавших усиления России на Балканах и образования там крупного Болгарского государства. Они не признали договора, потребовали созыва европейского конгресса для обсуждения заново всех условий перемирия. В Дарданеллы направились новые английские корабли, настроения Лондона, естественно, разделяла и Турция.

Перед Россией встала тень новой Крымской войны и она была вынуждена согласиться на созыв общеевропейского конгресса в Берлине, участниками которого, помимо Турции, стали Германия, Австро-Венгрия, Франция, Великобритания, Италия. Берлинский трактат от 1(13) июля 1878 г. подтвердил положения Сан-Стефанского договора о независимости Румынии, Сербии, Черногории. Болгария по Балканскому хребту делилась на две части – Северную и Южную. Северная была признана вассальным княжеством, со своим правительством и национальной армией, но её территория уменьшалась на 2/3. Срок пребывания русской армии на территории Болгарии устанавливался в 9 месяцев. Южная Болгария («Восточная Румелия») объявлялась авто-

номной турецкой провинцией с губернатором из христиан, Македония оставалась под властью Порты.

Австро-Венгрия получала право оккупировать Боснию и Герцеговину, вопрос о судоходстве по Дунаю был решен в её пользу. Румыния попадала в зависимость от Австро-Венгрии как одно из Дунайских государств.

На Кавказе Османской империи возвращался Баязет. Батум оставался за Россией, но объявлялся свободным портом, Россия также получала крепости Карс и Ардаган. Проходы через Саганлукский хребет, ведущие к Эрзеруму, возвращались Турции. Англия укрепляла свои пути на Средний Восток – за «содействие» Порте султан согласился на оккупацию Великобританией Кипра, 4 июня 1878 г. была подписана соответствующая англо-турецкая конвенция («Кипрская»).

Берлинский конгресс не удовлетворил ни победителей, ни побеждённых. Большая часть русского общества была недовольна решениями конгресса, прежде всего в отношении Болгарии; договор не устраивал Порту, её позиции на Балканах были утрачены. Англия и Австро-Венгрия, хотя и выиграли дипломатическое «сражение» с Россией, не почувствовали себя хозяевами Востока. Оккупация Англией Кипра, Австро-Венгрией – Боснии и Герцеговины свидетельствовала об отходе этих государств от принципа «статус-кво» в Восточном вопросе. Эти захваты лишали Лондон и Вену того доверия, которое они раньше имели у султана, способствовали его переориентации на Германию.

Именно она, Германия, оказалась вне «критики» со стороны турецкого правительства. Словесными заявлениями о незаинтересованности в делах Востока и посреднической ролью, которую играл Бисмарк на конгрессе, германское правительство приобрело большое влияние на политику Порты⁶³. Осенью 1889 г., через год после восшествия на престол, в Стамбул прибыл с государственным визитом кайзер Вильгельм II. Абдулгамид оказал ему тёплый прием. Визит кайзера стал первым шагом в экономическом проникновении Германии в Турцию, важной вехой в котором явилось получение немецким капиталом крупной концессии на строительство Багдадской железной дороги.

Германия, в составе владений которой не было земель, населённых мусульманами, поддерживала провозглашенную Абдулгамидом II политику панисламизма, преследовавшую цель объ-

единения под властью турецкого султана мусульман всего мира, живших в России, в английских и французских колониях. В самой Германии получили распространение идеи пангерманизма.

Планы Германии по отношению к Турции обострили англо-германские противоречия. Строительство Багдадской дороги к Персидскому заливу угрожало английским позициям в Египте, на Ближнем Востоке, на путях к Индии. Обостряло оно и германорусские отношения. Россия не могла допустить, чтобы контроль над Проливами перешёл в руки Германии. Перед лицом растущей германской угрозы противоречия между Англией и Россией утратили свою остроту, вопрос о Константинополе и Проливах, являвшийся на протяжении почти всего XIX в. одним из основных англо-русских противоречий на Ближнем Востоке, стал играть меньшую роль. Решающими противоречиями стали здесь англо-германские, приведшие впоследствии к мировой войне.

Последний в XIX в. ближневосточный кризис начался в 1894 г. с очередного подъема национальных движений в Османской империи. Он окончательно подтверждал, что «реформами века» танзимат менее всего облегчал положение национальных меньшинств, оставшихся в империи. В Македонии и в других славянских областях Турции продолжались волнения, в условиях абдулгамидовского режима зулюма они влекли за собой уничтожение христианского населения. Волнения происходили также в Албании, в Аравии среди арабов, на острове Крит.

Они охватили также Западную Армению, поскольку с самого начала царствования Абдулгамид II положение армян в Османской империи стало предметом беспокойства великих держав. В ответ на преследование властями армян на территории империи участились акты ответного террора, осуществлявшиеся боевиками из двух организаций армянских революционеров, «гнчакистами» и «дашнаками». На подавление армянского национально-освободительного движения были брошены специальные части турецкой армии – «гамидская кавалерия», состоявшие в основном из курдов.

В августе 1896 г. армянские боевики захватили Османский банк в Галате, при этом погибли два служащих банка, а 150 пятьдесят человек стали заложниками террористов. Тогда же было совершено покушение на жизнь самого Абдулгамид. Взрывом бомбы, брошенной армянским боевиком, было убито 20 охранников сул-

тана. Сам он не пострадал, однако санкционировал погромы армянского населения в Стамбуле, в результате чего погибло свыше десяти тысяч мирных армян. Боевикам удалось добиться возможности выезда из города. Это событие взбудоражило весь мир.

Резня армянского населения усилила антитурецкие настроения в Западной Европе. Гладстон назвал Абдулгамида «великим убийцей», а Клемансо приклеил ему ярлык «йылдызского чудовища, кровавого султана». Массовые погромы армян, инспирированные сверху, имели место в 1894 г. в районе Сасуна, в 1895 г. в Эрзуруме, Трабзоне и других городах Малой Азии. Стамбульский погром оказался третьим в этом ряду⁶⁴.

Режим Абдулгамида приобрёл на рубеже веков абсолютистский характер – он давно уже расправился с парламентом, который не собирался затем в течение тридцати с лишним лет, перестала действовать и конституция 1876 г. Трагически закончилась жизнь Мидхат-паши – человека, который в надежде на учреждение в империи конституционной монархии привёл Абдулгамида к трону. В 1878 г. Мидхат был возвращен из ссылки и назначен губернатором Сирии. Через два года он был переведен в Измир, но 17 мая 1881 г. был арестован. Его и ещё девять человек предали суду по обвинению в убийстве султана Абдулазиза. 27 июня суд вынес смертные приговоры всем десяти обвиняемым, что вызвало бурю возмущения в Западной Европе, и Абдулгамиду II пришлось заменить смертные приговоры пожизненным заключением. 18 июля 1881 г. Мидхат-пашу отправили в тюрьму на Аравийском полуострове. Свою смерть он встретил 8 мая 1884 г. – тюремные стражники задушили бывшего великого везира, как считают, по приказу султана⁶⁵.

Очевидно, что в целом положение Турции – «больного человека» Европы становилось всё более критическим. Реформы не укрепили империю, она распадалась на глазах, и на Балканах появлялись новые государства; недавние владения империи становились колониями Англии и Франции; к России отходили последние нетурецкие территории в Причерноморье. Как пишет исследователь правления Абдулгамида Орхан Кологлу, мусульманское население империи было духовно растеряно оттого, что «религия уходит из рук». Граждане империи спрашивали друг друга: «Как могло случиться, что мы стали рабами у рабов наших отцов и дедов и как избавиться от этого рабства?»⁶⁶

В течение своего долголетнего (1876–1909 гг.) и жесткого правления Абдулгамид II преследовал в области внутренней политики одну основную задачу – сохранение султанского самодержавия и собственной жизни как отца османской нации, халифа всех мусульман. В этой роли он мог рассчитывать на серьезную поддержку консервативных кругов империи, панисламистов и немалого числа простых мусульман, несмотря на установившуюся в стране атмосферу жестокости. Проводилась шовинистическая политика, преследование немусульманского населения.

Можно проследить определенную связь – рост сопротивления немусульманского населения, проживавшего в османских анклавах на Балканах, часто адекватно совпадал с развитием рыночных отношений в указанном регионе, приграничном к развитым европейским государствам. Протесты недовольного крестьянства, например, были направлены против сохранявшейся там османской феодальной налоговой системы. То же самое можно сказать и о торговле, и в целом о хозяйственном прогрессе в этих анклавах.

Но и турецкое крестьянство также изнывало под бременем непомерных налогов и поборов, находилось в тисках ростовщиков и сборщиков налогов – откупщиков. Земля в основном концентрировалась в руках крупных помещиков и вакуфов⁶⁷.

Здесь уместно поставить вопрос: «А каковы были последствия реформ танзимата в экономике?» К каким социально-экономическим итогам пришло огромное государство к началу XX века?

Исследователи экономической истории Турции подчёркивают, что как и в политике, так и в сфере экономики, в торговле, в финансах реформы в известной мере «направлялись» Западом, примером чему служит принятие и действие торгового соглашения 1838 г. империи с Англией. Турецкий автор Р. Онсой напоминает, что снятие в соответствии с этим соглашением торговых ограничений облегчило проникновение на османские рынки иностранной фабричной продукции, поскольку соглашение не учитывало условий, в которых находилась экономика империи. В первой половине столетия реформисты попытались противостоять европейским странам, боровшимся за османские рынки, и создали в стране предприятия, обеспечивавшие нужды государства, однако эти меры большого успеха не получили, и с 1860-х годов власти отказались от этой борьбы⁶⁸.

Речь идёт о государственных, прежде всего текстильных, мануфактурах в связи с нуждами армии и дворца. Д. Эргиль пишет, что они были «самыми крупными промышленными предприятиями в 40-е годы XIX в.». Для их обеспечения квалифицированными кадрами было открыто техническое училище. «Из Европы было завезено необходимое для этих предприятий оборудование и приглашены технические специалисты. Общее число занятых на фабриках – османских подданных – армян, греков, евреев, болгар и турок составляло примерно 5 тыс. человек»⁶⁹. Самое большое отличие от европейских предприятий состояло в том, что продукция османских предназначалась для поставок не на рынок, которого не было, а в распоряжение государства – армии, бюрократических структур, дворца. Описанные выше примеры расточительного спроса правящей элиты, всего государственного механизма в целом вполне «компенсировали» потребности рынка, хотя о возможностях капиталистического накопления речь не шла⁷⁰.

Османская бюрократия, безусловно, испытывая в XIX в. колоссальное давление догоняющего развития, одновременно пыталась наладить в империи и местную предпринимательскую деятельность, но в это время уже в условиях полузависимости ей было не справиться с западными конкурентами⁷¹.

В целом, как признаёт весьма скрупулезный турецкий исследователь З. Топрак, на протяжении всего XIX в., османские акционерные компании так и не возникли, помимо действовавших «Ширкет-и хайрие» и Сельскохозяйственного банка. Он, в частности, указывает на неразработанность правовых условий предпринимательской деятельности, вплоть до Первой мировой войны «в османском обществе не существовало понятия юридического лица для ширкетов, поэтому они не могли накапливать недвижимое имущество; это задерживало экономическое развитие страны»⁷².

Правда, вдали от западных регионов империи – в районах Аданы, Мерсина, Тарсуса и др. возникали свои анклавные промышленной деятельности, первичной обработки сырья, стимулируемые возрастающим спросом иностранцев – англичан, французов, австрийцев на хлопок, шерсть, табак, лакричный корень, ковры и т. п. Но они и возникнуть могли лишь при содействии западных предпринимателей с их капиталами и навыками. Особенно интерес к хлопку подхлестнул работы по осушению заболоченных земель и

орошению засушливых, по строительству дорог, развитию мелких мануфактур по очистке хлопка, изготовлению пряжи ⁷³.

В эпоху танзимата была сделана попытка наладить систему государственного пенсионного обеспечения чиновников и военных. Она стала основываться на принципе регулярных двухпроцентных отчислений из жалования в так называемые пенсионные кассы, учреждаемые по европейскому образцу ⁷⁴.

В своих социально-экономических мероприятиях конца XIX в. государство всё чаще и в широких масштабах прибегало к такому посреднику, каким был иностранный капитал, что особенно ярко проявилось в учреждении банков, строительстве железных дорог и муниципальных предприятий в крупных городах страны. В результате иностранный капитал превратился в фактического хозяина этой экономики, если не всей, то, по крайней мере, тех её сфер, где формировался капиталистический сектор ⁷⁵.

XIX век показал, что промышленная революция в странах Европы негативно сказалась на состоянии турецкой традиционной экономики и что государство, проводя реформы, не смогло обеспечить начавшуюся интеграцию в приемлемой форме. Можно согласиться с турецким автором А. Юджекоком, который писал: «Кризис, порожденный в Османской империи европейским промышленным капитализмом, постепенно расширяясь, проник во все отрасли промышленности, стал причиной полного угасания нашей промышленности во второй половине XIX в. Почти все потребительские товары, за исключением тех, которые изготавливали сапожники, портные и пекари, поступали из Европы» ⁷⁶.

В результате османская экономика превратилась в периферийную часть мирового капиталистического хозяйства, функционируя в нём в качестве потребителя промышленной и производителем сельскохозяйственной продукции ⁷⁷.

По поводу этого уместно отметить, что в Турции всё большее число исследователей пытается осознать истинные, внутренние причины замедленного прогресса османского общества, видеть в закабалении страны не причину, а последствия особенностей её развития, внутренние тормозы, которые замедляли и искажали переход к капитализму турецкого общества. Соответственно, всё меньше исследователей во всём винит западный мир, реформы, европеизацию. Многими признаётся, что развитию национальной экономики Турции препятствовало не столько возникшее засилье

иностранный капитал, а тот институт, который способствовал утверждению этого засилья – деспотический феодально-монархический режим.

К концу XIX в. очевидной стала беспомощность власти и поверхностность характера её реформ; та форма европеизации, которую они принесли, обернулась ростом национально-освободительного движения в нетурецких регионах государства. Османизм, как его представляли фирманы и другие обещания, не проходил – он оказался нежизнеспособным. На этой почве не сужалось, а расширялось вмешательство великих держав, заканчивавшееся крупными военными неудачами – территориальными потерями (Румынии, Болгарии, части Сербии, Боснии-Герцеговины, Крита, Кипра, Туниса) и финансово-экономической зависимостью – и всё это окончилось зулюмом и блокированием конституции, физическим устранением её главного творца. Благостная вера в каждое слово фирманов уже мало у кого осталась, хотя они принесли немало нового в социально-экономическую и политическую жизнь османского общества ⁷⁸.

Разумеется, остановить прогресс общества было невозможно, ростки прогресса, которые олицетворяла деятельность конституционалистов – новых османов, их сподвижников, продолжателей дали всходы, несмотря на карательные меры власти. В специфических условиях зулюма они носили конспиративный характер, могли достаточно открыто заявлять о себе лишь в эмиграции, главным образом в странах Европы, частично – в Египте.

Так и произошло, продолжателем новых османов, конституционалистов стала новая организация Единение и Прогресс. Она стала действовать и внутри страны, и за рубежом ⁷⁹. Первоначально это была небольшая тайная группа учащихся Военно-медицинского училища в Стамбуле, затем её тайные ячейки появились в других высших школах Стамбула и Румелии (Европейской Турции), были установлены контакты с близкими по целям организациями, возникшими к тому времени в Европе. Одна из ветвей возникшего движения появилась и в Харбие – Военной академии. В ней, кстати, проучился в 1899–1902 гг. будущий лидер республиканской Турции Мустафа Кемаль. Молодой лейтенант получил военное образование и усвоил одновременно чувства патриотизма и свободы, дух протеста против деспотического режима ⁸⁰.

НАЧАЛО XX ВЕКА – КОНЕЦ ИМПЕРИИ, СМЕНА ИДЕОЛОГИИ

Абдулгамид II и младотурки

Начало нового XX века ничего хорошего не принесло угасавшему султанскому, абсолютистскому режиму империи – ни во внешних делах, ни во внутривнутриполитической ситуации. Несмотря на видимые изменения, происходившие под воздействием Запада в хозяйственной структуре империи, она и в начале XX века продолжала оставаться одним из наиболее отсталых среди крупнейших государств Евразии. Юсуф Хикмет Баюр в многотомной «Истории турецкой революции» писал: «Период правления Абдулгамидом II был для османского государства временем огромного отставания от остального мира. На первый взгляд такое утверждение может показаться преувеличением – ведь за 30 лет, с 1878 г. по 1908 г., был построен ряд железнодорожных линий, доходы государства возросли вдвое, в судебную систему были внесены видимые изменения, открывались новые учебные заведения и т. д. Однако в те же годы другие государства, в том числе соседние с империей, настолько стремительно продвинулись в своём развитии, что если его сравнить с нашим развитием, то станет очевидным, что это – вовсе не развитие, а значительное отставание»¹.

Как выразился о тех днях уже в наше время 23 декабря 2002 г. перед студентами Сакарыйского университета председатель Совета по высшему образованию Турции (ЙОК) проф. Кемаль Гюрюз в заочной полемике с пришедшей в 2002 г. к власти Партии справедливости и развития: «больной человек стал смертельно больным» – не без постоянного вмешательства в реформы консервативных кругов ислама, поэтому так и не стали реальностью принципы танзимата и конституции².

Территориальный распад империи продолжился и в XX веке. Окончательно были потеряны африканские владения, успешно завершилось национально-освободительное движение балканских народов. Империя нуждалась во всё новых займах, увеличивая и без того громадный Оттоманский долг. Сколько-нибудь самостоятельную экономику империя создавать не могла, современные по тем временам предприятия и сооружения возникали на средства и в интересах иностранцев.

Более изолированный от Европы, чем это было в течение половины прошедшего столетия, османский режим смог рассчитывать только на поддержку Германии, дружба с которой предложила Абдулгамиду II благоприятную альтернативу британскому и французскому вмешательству. Германии была предоставлена на 99 лет концессия на постройку и использование железной дороги Берлин–Багдад, она продолжала вкладывать капитал в другие сферы экономики империи, а немецкие чиновники и офицеры обучали руководящие кадры в армии³.

Что касается внутривосточной ситуации в первые годы начавшегося столетия, следует отметить главное – движение младотурок, оформившееся в организацию Единение и Прогресс (ЕиП), Абдулгамиду подавить не удалось – в наступившем XX веке оно превратилось в самое крупное общественно-политическое движение, противостоявшее султанскому режиму. Несмотря на противоречия между его руководителями и на преследования, чинимые властью, оно окрепло и расширилось – и в самой стране, и за границей; будучи достаточно разношёрстным, оно объединялось под такими бесспорными для всех противников режима лозунгами, как восстановление конституционного строя, созыв парламента.

На состоявшемся в Париже в феврале 1902 г. конгрессе сторонников младотурок участвовало от 60 до 70 человек – турок, армян, греков, арабов, албанцев, черкесов, курдов, евреев. Беспорным толчком к дальнейшему развитию движения стали революционные события 1905 г. в России⁴. Дальнейшая консолидация антиправительственного движения, установление связей с другими близкими ему организациями позволила учредить в 1906 г. руководящий комитет в Салониках (тогда этот крупный город был в составе империи).

Турецкие историки обращают внимание на то, что в это время, находясь ещё в стенах Военной академии, политическими проб-

лемами страны всё более внимательно стал заниматься Мустафа Кемаль, будущий руководитель национально-освободительного движения страны. В 1904 г. в возрасте 23 лет он завершил военное образование и, став штабным офицером в чине капитана, продолжил искать единомышленников в вопросах решения этих политических проблем. Об одном из таких собраний было донесено властям, и он был выслан из Стамбула, получив назначение в одну из провинций империи, в Сирию, где квартировали части турецкой армии.

С одним из своих близких друзей, студентом-медиком, он основал в Дамаске в 1906 г. общество «За отчизну и свободу» с единственной целью поднять восстание в Османской империи. Хотя основные контуры восстания не были ясно определены, у молодого Мустафы Кемала уже было чёткое представление о том, что такое нация, в противовес понятиям «империя» и «умма» (мусульманская община). Он обращался к идеям Французской революции и их толкованию в творчестве Намыка Кемала и в теории турецкого национализма Зии Гёкальпа. Нелегально побывав в Салониках, после тайных встреч со старыми друзьями он открыл отделение общества. В 1907 г. Мустафа Кемаль был откомандирован в армию, направленную штабом в Салоники⁵.

В декабре 1907 г. по инициативе младотурок в Париже состоялся второй «общий конгресс» всех буржуазно-революционных организаций Османской империи, оппозиционных султанскому режиму. На нём был создан единый фронт борьбы с целью свержения Абдулгамиды и установления конституционного строя⁶. Непосредственным поводом к выступлению младотурок послужило свидание в Ревеле Николая II с английским королем Эдуардом VII в 1908 г., которое было посвящено реформам в Македонии. Свидание это было расценено младотурками как сговор об отторжении Македонии от Турции. Поэтому они решили немедленно выступить против Абдулгамиды. В первых числах июля 1908 г. начальник гарнизона в Ресне (Македония) лейтенант Ниязи-бей поднял восстание, уйдя в горы вместе с организованным им повстанческим отрядом. За Ниязи-беем последовал майор Энвер-бей (впоследствии Энвер-паша) со своим отрядом. К немногочисленным военным отрядам восставших вскоре присоединилась вся македонская армия и многочисленные партизанские

отряды (четники). Вскоре вся Македония была охвачена революционным движением.

Младотурецкое восстание встретило сочувственный отклик в македонском крестьянстве, надевшемся, что младотурки, придя к власти, уничтожат произвол помещиков и султанских чиновников. Крестьяне снабжали повстанцев продовольствием, отряды Ниязи и Энвера встречали дружелюбную помощь в деревнях. Лозунг свержения султанского самодержавия объединил людей самых различных национальностей, населявших Македонию.

Опираясь на македонскую армию, комитет «Единение и прогресс» смог действовать уже более решительно. 23 июля 1908 г. отряды Ниязи и Энвера вступили в г. Монастырь. Младотурки угрожали походом на Стамбул и на следующий день султан Абдулгамид II счёл за лучшее объявить о восстановлении конституции и парламента, тем более что лидеры восставших подтвердили своё намерение сохранить власть султана как конституционного монарха и оставляли ему целую гвардейскую пехотную дивизию, насчитывавшую 20 тыс. человек⁷. В августе были опубликованы ираде о парламентских выборах, о свободе выезда за границу, о неприкосновенности жилища, об отмене цензуры (что вызвало выход немалого числа газет и журналов) и т. п.

6 августа 1908 г. под контролем младотурок было создано первое конституционное правительство. Одной из его самых трудных забот было справедливое распределение постов (включая военных) на различных уровнях новой власти с учётом интересов мусульман, армян, греков, евреев и др. Вскоре были проведены парламентские выборы и 17 декабря открылся восстановленный парламент, выборы в палату депутатов которого (Меджлис-и мевбусан) принесли полную победу кандидатам младотурок, представлявших, по их мнению, «османизм в действии»⁸.

В первое время после революции иттихадисты не занимали министерских постов в правительстве Кямиля-паши, но всё же реальная власть в стране была у комитета «Единение и прогресс», имевшего в своём распоряжении единственную реальную силу — армию. В этот период иттихадисты получали большую поддержку от населения, происходили демонстрации единения турок и нетурок. Но младотурки были намерены обеспечить руководящую роль турецкой буржуазии, прежде всего в компрадорской торговле, оттеснив буржуазию инациональную.

Против иттихадистов выступили при негласной поддержке султана влиятельные мусульманские фундаменталисты, требовавшие возврата к законам шариата, сторонники партии Ахрар. Их поддержали солдаты столичного гарнизона. 13 апреля 1909 г. вместе с фанатично настроенными учащимися медресе они ворвались в здание парламента и разогнали депутатов. Общее число мятежников достигло 100 тыс. Началась расправа с приверженцами младотурок. Русский посол в Стамбуле И.А. Зиновьев в одной из своих депеш сообщал, что «движение вызвано было пропагандой низшего мусульманского духовенства»⁹.

Отпор мятежному султану возглавил из Салоник Махмуд Шевкет-паша, командующий третьим армейским корпусом. 24 апреля его войска вошли в Стамбул, а 27 апреля 1909 г. шейх-уль-ислам выпустил фетву о низложении султана Абдулгамида, в которой он объявлялся недостойным власти. Для извещения султана о выходе фетвы к нему направилась делегация депутатов во главе с Эссадом-пашой. Другая делегация должна была сообщить принцу Мехмеду Решаду о его предстоявшем вступлении на трон¹⁰.

Посадив на трон Мехмеда V Решада, младотурки взяли в свои руки управление страной¹¹. Центральный комитет партии «Единение и прогресс» определял и направлял всю деятельность правительства.

Летом 1909 г. иттихадисты провели через парламент ряд важных изменений конституции 1876 г., направленных на превращение империи в парламентское государство и, прежде всего, реформирование османского законодательства по примеру европейского. Некоторые её статьи были и вовсе изъяты. Подобные изменения привели к появлению почти что новой конституции¹². Полномочия султана ограничивались, полномочия парламента расширялись. Министры отбирались уже не султаном, а садразамом. Были конкретизированы права парламентариев на законодательную инициативу; право падишаха созывать парламент отменялось, а право роспуска ограничивалось. Появилось положение о необходимости утверждения парламентом соглашений, подписанных с иностранными государствами, а также положение о том, что парламент может отправить правительство в отставку, высказав ему недоверие. Получило подтверждение право на свободу организации собраний и обществ, что позволяло создавать политические партии. Изъята была статья 113, касавшаяся права

султана вводить чрезвычайное положение. На падишаха возлагалась обязательность соблюдать священные нормы шариата и др.¹³

Как бы там ни было, и первая конституция, и вторая не принесли Османскому государству демократию. Однако же они сыграли каждая свою положительную роль в истории государства, способствовали зарождению и расширению идейной борьбы в турецком обществе за дальнейший прогресс, ликвидацию авторитарной и деспотической султанской власти¹⁴. Изменения, произведённые в конституции, значительно расширили права парламента. Вместе с тем парламент принял закон о печати, практически поставивший всю прессу под полный контроль правительства, а также закон об ассоциациях, по которому вся деятельность общественно-политических организаций оказалась под гласным надзором полиции. Так младотурецкие лидеры, оказавшись у власти, тут же принялись ограничивать политические права населения Османской империи.

В области внутренней политики иттихадисты после событий весны 1909 г. осуществили ряд реформ, прежде всего реорганизацию армии. Военная реформа была проведена по рекомендациям и под наблюдением германского генерала фон дер Гольца и офицеров его военной миссии в Стамбуле. Германские фирмы начали поставлять турецкой армии новейшее оружие. Затем младотурки провели реорганизацию жандармерии и полиции. В скором времени армия, полиция и жандармерия стали основой младотурецкой диктатуры.

По мнению Т.З. Туная, за время действия режима второй конституции этот режим пережил два периода, причём первый отличался от второго, однопартийного, существованием многопартийной системы¹⁵. Именно в такой обстановке в стране зародилось также и социалистическое движение, правда, ненадолго. В сентябре 1910 г. в Стамбуле была основана Османская социалистическая партия, которая пыталась выступать с экономическими и политическими требованиями, издавала свою газету и журнал. Это продолжалось недолго, в декабре 1910 г. партия подверглась репрессиям, ряд её руководителей был сослан, остальные эмигрировали. За весь десятилетний период правления младотурок в стране сменилось 14 правительств, политическая ситуация осложнялась постоянной внутрипартийной борьбой в стане иттихадистов.

стов. В результате страна оказалась совершенно неподготовленной к итальянской агрессии, начавшейся осенью 1911 г.

Итальянская армия нанесла турецким гарнизонам ряд поражений, итальянский флот господствовал в Средиземном море, подвергся бомбардировке ряд портов Османской империи. Итальянские войска оккупировали острова Додеканес (Южные Спорады) в Эгейском море, бомбардировали турецкие укрепления в районе Дарданелл¹⁶.

Итало-турецкая война завершилась без успеха для турецкого оружия. 18 октября 1912 г. в Уши под Лозанной был подписан мирный договор, по которому Триполитания и Киренаика стали колонией Италии (под названием «Ливия»). Италия обязалась возвратить Турции Додеканес.

В такой обстановке политические противники младотурок сумели создать в ноябре 1911 г. партию «Хюрриет ве Итиляф» («Свобода и согласие»), в которую вошли многие оппозиционные партии (в том числе давний противник «Ахрар») и политические группы. Новую партию поддерживали представители большинства национальных меньшинств, которым она обещала провести в жизнь принцип автономии национальных областей при сохранении политической целостности страны. Воспользовавшись военными неудачами, её сторонники в июле 1912 г. добились отставки правительства, учреждённый новый кабинет министров оказался под их контролем. Была объявлена амнистия, в том числе совершившим преступления при режиме «зулюма». Младотурки, потерпев поражение, начали готовиться к борьбе в новых условиях. В августе 1912 г. они провели очередной съезд партии в Стамбуле, а затем их Центральный комитет вновь перебрался в Салоники.

В то же примерно время, начиная с 9 октября, Турция стала участницей новой войны – против неё выступила коалиция в составе Болгарии, Греции, Сербии и Черногории. Поводом для войны стал отказ султанского правительства предоставить автономию Македонии и Фракии. Таким образом, независимо от целей государств балканской коалиции эта война (первая Балканская война) была борьбой за освобождение балканских народов, остававшихся под турецким владычеством.

18 октября произошли большие перемены и в Стамбуле. Кабинет министров ушёл в отставку, а новое правительство возглавил

ставленник итиляфистов Кямиль-паша. Итиляфисты воспользовались военной ситуацией, чтобы обрушить репрессии на своих политических противников. Были арестованы многие активные деятели иттихадистов¹⁷. Между тем турецкие войска потерпели ряд серьёзных поражений, балканские союзники двигались на Стамбул, причём болгарские части были остановлены только у Чаталджи. 3 ноября 1912 г. Порты попросила державы о посредничестве для заключения мира. Великие державы и страны-победители потребовали, в частности, предоставления автономии Албании и ликвидации турецкого владычества на островах в Эгейском море. Эти предложения турецкая делегация на мирной конференции в Лондоне отклонила, вместе с тем 22 января 1913 г. правительство Кямиль-паши передало Болгарии Эдирне (Адрианополь). Это вызвало бурные протесты в столице и провинциях.

Сложившаяся ситуация немедленно была использована Центральным комитетом партии «Иттихад ве теракки» для осуществления нового государственного переворота. Находившееся у власти с июля 1912 г. либеральное правительство 23 января 1913 г. было свергнуто. Это произошло после того, как около двухсот офицеров-иттихадистов во главе с Энвер-беем и Талаат-беем окружили здание Высокой Порты, ворвались в зал, где шло заседание кабинета, убили военного министра Назым-пашу и его адъютантов, арестовали великого везира, шейх-уль-ислама, министра внутренних дел и министра финансов. Кямиль-паша подал в отставку, было сформировано новое правительство, состоявшее из младотурок. Великим везиром стал Махмуд Шевкет-паша, занимавший в последнем правительстве младотурок пост военного министра.

Убийство военного министра привело к серьёзным разногласиям в среде армейского офицерства, недовольство младотурками проявляла и часть духовенства, в особенности его низшие слои. Младотурецким лидерам пришлось столкнуться и с новым подъемом арабского движения за автономию, которое в своих целях использовали Франция и Англия. В июле 1913 г. иттихадисты во время тайных переговоров с лидерами арабского движения пообещали им проведение реформ в арабских провинциях империи и высокие посты в аппарате Порты, но потом эти обещания выполнены не были.

Вернув себе власть, младотурки сделали безуспешную попытку добиться перевеса в военных действиях на Балканах. В конце концов Порта вынуждена была пойти на подписание 30 мая 1913 г. Лондонского мирного договора, по которому почти все европейские территории Османской империи оказались разделёнными между странами-победительницами. Албания ещё 28 ноября 1912 г. провозгласила себя независимым государством, но её границы и внутреннее устройство должны были определить великие державы. Вопрос о турецких островах в Эгейском море был передан на решение великих держав. После подписания Лондонского договора на Балканах не воцарился мир, ибо бывшие союзники вскоре (23 июня 1913 г.) начали новую (вторую Балканскую) войну уже между собой – из-за дележа освобожденных от османского ига территорий. Эта ситуация позволила Турции, вторгшись в Болгарию, восстановить власть империи над Эдирне и добиться установления западной границы империи по реке Марица¹⁸.

Между тем оппозиция младотуркам внутри страны оставалась весьма серьёзной. 11 июня 1913 г. в своём автомобиле на пути в резиденцию правительства сторонником итиляфистов был убит великий везир Махмуд Шевкет-паша, герой революции 1908 г. Это убийство позволило младотуркам начать кампанию террора против своих противников, запретить все политические партии, арестовать некоторых их активистов. В итоге после краткого периода конституционного правления власть ЕиП проявилась как военная диктатура во главе с триумvirатом, в котором были представлены Мехмет Талат-паша, Ахмет Джемаль-паша и Энвер-паша. Последний, военный министр, безусловно, являлся признанным лидером этого триумvirата.

Что касается Мустафы Кемалю, он был удален триумvirатом от событий в столице, получив назначение 14 октября 1913 г. военным атташе в Софии. Согласно И. Ортайлы, в период пребывания Кемалю в Софии в качестве военного атташе (с 20 ноября 1913 г.) сформировались, на конкретных примерах только что добившейся независимости страны, его «прогрессивные ориентиры, направленные на усилия по общественной, политической и культурной модернизации» империи¹⁹.

Формирование младотурецкой идеологии

Развитие событий в империи, связанное как с внешними факторами, так и с внутривосточной деятельностью младотурок, сопровождалось в первое десятилетие XX в. глубокими изменениями в идейно-политических воззрениях влиятельных элит османского общества. При всем своём несовершенстве реформация и европеизация XIX в. приносила свои плоды и в сфере идей. Уже на рубеже веков начался лихорадочный поиск прежде всего таких концепций, которые смогли бы предложить османскому обществу продолжение вестернизации и одновременно сохранение имперских принципов, уходящих в далекое прошлое. Мало кто готов был тогда признать этот путь утопией.

В качестве государственной идеологии более всего приемлемым долго оставался османизм. Он был продекларирован в первом фирмане танзимата в 1839 г. и уточнён во втором в 1856 г. В этих документах-манифестах приветствовались одновременно и шариат, и европеизация, и равенство наций, и процветание империи. Сохраняя приверженность исламизму, османизм часто соседствовал и с панисламизмом, и мы могли видеть, как в различных вариантах он некоторое время обслуживал и зулюм, и конституционалистов, и даже часть нетурецкой элиты.

Термин «соотечественники-османы» вошёл и в арсенал средств политической пропаганды младотурок. За этим подразумевалось требование «единой и неделимой» Османской империи, поскольку в этом государстве нет якобы никаких отдельных народов – все являются османами. После восстановления в 1908 г. турецкой конституции и её последующего обновления пропаганда идей османизма особенно усилилась и в балканских провинциях²⁰.

Можно допустить, что в период «весны» младотурецкой революции некоторым деятелям нетурецких буржуазно-национальных организаций казалось возможным «равноправное единение» всех народов Османской империи. Вспомним пёстрый многонациональный состав восстановленного парламента. Но эти надежды были разбиты вскоре практикой великодержавной деятельности младотурок²¹.

После балканских войн (1912–1913 гг.) младотурки, ввиду неудач с проповедью и насаждением османизма, всё более предпочитали идеи тюркизма²². Политические лозунги младотурок

трансформировались в национализм, продолжавшиеся негативные перемены в мировом статусе империи, превращение «больного человека» Европы в «смертельно больного» – всё это побуждало османских идеологов не ограничиваться сохранением лишь традиционных концепций, сопровождалось обращением к новым. Как правило, этот процесс идейного обновления характеризовался стремлением сочетать европеизацию и исламизм. Османисты-западники, признавая, что запад – это не друг Турции, тем не менее призывали брать у него в качестве примера экономическую и социальную жизнь, снабжать османское общество его наукой и технологией. Другой же вопрос – надо ли усваивать духовные, моральные ценности Запада, иными словами, его цивилизационные ценности – решался отрицательно. В ином случае следовало отказаться от принципов исламской морали и имперских амбиций²³.

Поэтому наиболее влиятельной, считает Туная, оставалась идеология исламизма, сохранявшая свои мощные корни в исторических успехах ислама. «Идентичность функций государства и исламской религии – главнейшая причина того, что это течение полностью господствовало над жизнью каждого османа и османского общества». Исламисты, как и ранее, оставались убеждёнными в том, что мусульманство превосходит западную цивилизацию и в XX веке обладает всеми политическими и социальными достижениями, какие есть у Запада, поэтому не нуждается в западной цивилизации²⁴.

Доктрина исламизма, переходящая периодически в панисламизм, пригодилась младотуркам не только для сохранения власти Османского государства в регионах с немусульманским населением. Она использовалась ими и как идеологическое оружие в борьбе с арабским, а также курдским национально-освободительным движением. Правительственные войска в 1910–1914 гг. жестоко расправлялись с курдскими повстанцами в районах Дерси-ма, Битлиса, в Иракском Курдистане. Вместе с тем младотурки старались использовать курдские племена в качестве своего орудия в борьбе с национально-освободительными движениями других народов империи, в частности против армян, арабов и лазов. Как каратели, они вели себя и в Албании.

Что касается армянского вопроса, то младотурки не допустили проведения давно ожидавшихся реформ, направленных на урегу-

лирование административных, экономических и культурных проблем в районах с армянским населением. Продолжая политику Абдулгамида II, они обостряли в этих районах межнациональные отношения, разжигая вражду между курдами и армянами. Именно в эти годы многое было подготовлено младотурками к тому трагическому избиению армян, которое произошло в годы Первой мировой войны.

В противоречивом процессе смены идеологий в умах началась постепенная замена османизма на тюркизм и его пантюркистские крайности, приспособления его к исламу и т. п. Как утверждалась в это время концепция тюркизма в целом? Прежде всего признаётся, что турецкий тюркизм запоздал со своей идентификацией – его значительно опередили в России татары, узбеки (Туркестан) ²⁵.

В 1904 г. в газете «Тюрк», издававшейся в Египте (подальше от Стамбула!), появилась статья «Три вида политики» («Üç Tarz-ı Siyaset»). В ней были названы три варианта выбора государственной идеологии, стоявшие перед османским государством – османизм, исламизм и тюркизм. Османизм означает равенство родового происхождения, религий, учений и т. п. во имя создания совместной родины. Исламизм – это собирание всех мусульман мира в едином исламском союзе. Что касается тюркизма, именно с него автор начал свою статью, «мысль о необходимости осуществлять национальную политику на расовой основе – эта мысль абсолютно нова, не думаю, что она существовала ранее как в Османском государстве, так и в других тюркских государствах, ставших достоянием истории... Тюркский союз начинается с тюрок Османской империи и достаточно отуреченных нетюрок, осознающих свою тюркизацию... Затем переход к объединению тюрок, населяющих Азию и Восточную Европу, и в итоге – возникновение великой политической нации». Эта последняя форма объединения тюрок оценивалась в статье как наиболее важная: «самой большой пользой является объединение расселившихся в большей части Азии и Восточной Европе тюрок, которые едины по языку, расам, обычаям и даже в большинстве случаев по религии. Таким образом, они послужат делу организации великой политической нации, которая сможет сохранить себя среди других великих наций и в этом большом сообществе самую главную

роль будет играть Османское государство – наиболее сильное, наиболее передовое и цивилизованное из тюркских обществ»²⁶.

Автором присланной в Каир статьи был Юсуф Акчура, ставший вскоре одним из лидеров течения тюркизма, которое первоначально оказалось заметным лишь в некоторых журналистских статьях, но не сразу получило признание в османском обществе – даже многие иттихадисты так и не смогли преодолеть османизм. Примечательно, что Акчура (1876–1935 гг.) был выходцем из России. Он родился в Симбирске, принадлежал к влиятельному татарскому роду Акчуриных, после смерти отца в 1883 г. переехал с матерью в Стамбул. Здесь он получил начальное и среднее образование, окончил в 1897 г. военное училище в звании штабс-офицера²⁷.

Взгляды Ю. Акчуры западными исследователями однозначно оцениваются как пантюркистские. Так, Поултон пишет: «Идею туранизма – унификация всех тюркских народов (Turkic peoples) от Балкан до Китая в единую страну, именуемую Туран – изначально можно заметить в идеях Акчуры. Туранистское движение, которое можно рассматривать как крайнее проявление этнического национализма, заявило о себе серьёзно вслед за младотурецкой революцией и было привнесено эмигрантами из России». Поултон убежден, что именно в это время при младотурках «идея Турана как прародины всех тюрков получила распространение». Причём он не был единственным российским тюрком, перебравшимся в Османскую империю и посвятившим себя распространению идей туранизма²⁸.

Можно считать, что эти российские тюрки надеялись, реанимировав Османскую империю также и с помощью новой идеологии, сделать её локомотивом тюркизма во имя свободы тюркских народов России. Они прибывали в империю, получая там, кстати, намного больше возможностей – без ограничений – удовлетворить свои потребности в продолжении духовного, интеллектуального роста в лоне своей исламской культуры. В основе это было явление духовного порядка²⁹. Однако оно превратилось в запрограммированную на многие десятилетия политику – враждебность к России. Это явление в самой империи дополнялось горьким сознанием, что поражения исходят от России, причём они сопровождались потерей также и приграничных тюркских, мусульманских братьев на Кавказе.

Однако большинство турецких историков, оценивая важную роль российских тюрок в национальном пробуждении турок Османской империи, всё же не считают возможным признавать их истинными пионерами в этом движении. Главенствующую роль в детальной разработке «своей» многовариантной и более гибкой, сообразно меняющемуся времени, концепции тюркизма они признают за «своими» же тюрками и прежде всего за Зиёй Гёкальпом³⁰.

В опубликованном им в начале войны альманахе «Кызыл-эльма» он приводит своё ранее написанное стихотворение «Туран», содержание и направленность которого характеризуют следующие, например, строки, и поныне часто повторяемые пантюркистами: «родина для турок – это не Турция и не Туркестан, родина – это великая и вечная страна – Туран». Как он считал, именно такие стихи должны были вдохновить турок на победу в войне. Кстати говоря, непосредственной причиной его ссыльного пребывания на Мальте (1919–1921 гг.) в числе других депутатов султанского парламента указывалась в документах следующая – нарушение общественного порядка, насильственные действия (zorbalık) в отношении армян. Его биографы особо подчёркивают, что «идейные взгляды З. Гёкальпа следует оценивать отдельно в различные периоды его деятельности». До 1908 г. – он защитник свободы и перемен в обществе, находился под влиянием конституционализма младотурок и османизма, после 1908 г. начал выступать от имени группы идеалистов и националистов³¹.

Свою пространную оценку эволюции взглядов Гёкальпа Тарык Туная начинает со времен второй конституции, тогда доктрина тюркизма утверждалась в следующей формулировке: «под знамёнами османизма турки живут, не осознавая, кто они», им необходимо стать нацией. В таком виде «они смогут войти в исламский интернационал в качестве сильного элемента, поколебленные основы Османского султаната вновь упрочатся». Одновременно «будет найден путь к объединению с миллионами турок, живущих вне границ страны, они обретут уверенность в себе. Более того, возникнет Тюркский Союз, столь же сильный, как Союз ислама. У этой большой нации есть большая страна, имя этой родины – Туран». Как считает Туная, это прежде всего доктрина национализма – ведь именно она «стала идеологическим фундаментом для Турецкой республики», она «как идеология сконцентрирована была в доктрине и в движении Защиты Прав»

и «это новое движение не было Туранизмом (пантюркизмом), оно лишь стремилось к созданию национального и независимого государства»³².

Такое восприятие тюркизма Гёкальпа свойственно и другим турецким авторам. Так Эмре Конгар пишет: «Турецкий национализм – последнее национальное течение, возникшее с запозданием в период распада империи. Хозяева империи, то есть турки, увидев её распад и осознав, что государство, которым они управляют – это империя, возникающая на чужих территориях и с чужим населением, возможно, осознали себя именно как турки. Понятия турецкая нация, турецкая родина, турецкий язык и турецкая культура – всё это возникло в те времена и получило своё развитие». Когар особо подчёркивает, что не только «кемализм усвоил формулировку национализма Гёкальпа», но в последние годы своей жизни и Зия Гёкальп «воспринял кемалистское положение о том, что ничего не следует ждать от всего того, что находится за пределами границ Турецкой республики. Идеи туранизма он пересмотрел в рамках кемалистской революции и упорядочил их»³³.

Экономика в начале века

Идеологические поиски не могли не отразиться на экономике. В этой сфере они тоже продолжались, причём достаточно непоследовательные, поиски, начатые в ушедшем веке. Ведат Эльдем отмечает, что «в последний период империи ни одно из сменявшихся друг друга правительств не имели осознанную всеобъемлющую экономическую программу, их меры в экономике сводились к изысканию срочных мер для разрешения возникавших ситуаций». Но что важно, «после второй конституции национальный капитал, ранее ничем себя не проявлявший в экономике, начал действовать на местном рынке». Лишённый ранее возможностей конкурировать с иностранным капиталом с его преференциями, он «начал доверять власти»³⁴.

Обеспечить успехи в социально-экономической сфере призвана была политика «национальной экономики», начатая иттихадистами в 1908 г. и продолженная в 1914–1918 гг., когда она неизбежно приняла форму военной экономики, опиравшейся в условиях всемерного распространения концепций тюркизма на турецкую элиту. То есть в отличие от прежних периодов учредителями

создаваемых акционерных компаний оказывались представители турецкой знати, бюрократы, политики. Турецкий исследователь Зафер Топрак отмечает: «Самые выдающиеся примеры национальных ширкетов дала стамбульская организация партии Единение и прогресс». Например, созданное ею Хейети махсуса-и тиджарийе взяло на себя обязательство снабжать Стамбул продуктами питания, а вырученные средства использовать для учреждения новых национальных ширкетов. В Стамбуле было создано три таких ширкета, в других городах – Конье, Измире, Айдыне, Бурсе, Кютахье ещё несколько, некоторые из них занимались банковской деятельностью³⁵.

И всё-таки самым активным участником и регулятором в реорганизации экономики страны всё более становился внешний рынок и его главные участники – развитые страны. Олицетворением этих явно неравноправных связей продолжало оставаться Управление Оттоманского долга и сохранявшийся с давних времен капитуляционный режим. В конце XIX века управление государственными финансами перешло под контроль иностранных держав – главных кредиторов империи; такой порядок сохранялся и при младотурках (отменён был лишь при кемалистах).

Накануне Первой мировой войны степень включенности хозяйственных структур Османской империи в жизнедеятельность мирового капиталистического рынка (при минимальном наличии внутреннего) достигла наибольшего уровня – в 1913 г. уже около 26,5% общего объема сельскохозяйственного производства империи шло на экспорт. Общая стоимость османского экспорта по отношению к ВВП составляла тогда же свыше 14%, а стоимость импорта оценивалась в 19,4% ВВП империи³⁶.

Что касается русско-турецких экономических связей, то в принципе мало что изменилось после заключения первых торговых договоров между странами. Проблемы торговли почти никогда не занимали сколько-нибудь важного места в отношениях двух стран-соседей хотя бы из-за частых войн. Лишь в начале XX века бурный подъем экономики России заставил русское правительство и предпринимателей искать пути к расширению объемов и совершенствованию форм русского экспорта в Османскую империю. Но турецкие рынки давно контролировались Европой, объём русско-турецкой торговли значительно отставал. Впереди были Австро-Венгрия и Германия, за ними следовали Италия,

Англия, Франция, Бельгия, США и др. Они контролировали 90% ввоза в империю. Даже возросшие на рубеже веков возможности России в результате промышленного подъёма удовлетворялись в значительной мере внутренним спросом. Это обстоятельство определяло нестабильный, спорадический характер российского экспорта в Турцию в не слишком продолжительные периоды мирных отношений. Так и не сформировалась стабильная правовая база, в то время как большинство западноевропейских стран имели с Турцией торговые соглашения, которые позволяли успешно решать все вопросы, связанные с обменом товарами, так как они всегда дополнялись тарифными соглашениями ³⁷.

Попытки иттихадистов уже после начала войны хотя бы частично избавиться от бремени зависимости – отменить капитуляции, увеличить импортные пошлины, ввести более жёсткий закон о деятельности иностранных компаний и др. мало что дали в условиях военного времени, тем более что военные противники Турции не признали эти «новшества». Наибольшее недовольство и внешней, и внутренней политикой триумvirата проявляла азиатская буржуазия, связанная напрямую с сельским хозяйством и в то же время с трудом допускаемая к внешнеторговым операциям, кредитам и льготам, контролируемым компрадорами. Вместе с тем военная обстановка, рост экспорта всё же позволял ей приблизиться к определённой доле доходов от внешней торговли.

Процесс создания капиталистических имений начался с проникновения западноевропейского капитала в страну ещё в конце XIX века с тем, чтобы обеспечить этому капиталу наиболее выгодные условия обработки либо производства сырья (табака, хлопка, зерна, инжира и др.) для последующего вывоза его в развитые капиталистические государства. Наибольшую активность проявили англичане, организовав сами либо с помощью местных землевладельцев, торговцев в окрестностях Измира, Аданы, во Фракии несколько хозяйств с привлечением наемного труда. В некоторых случаях англичане использовали издольщиков или арендаторов ³⁸. В своём детальном исследовании о буржуазии Османской империи О.Г. Инджикян также обращает внимание на появление сельских хозяйств капиталистического типа в Анатолии, хотя это и произошло позднее, чем в некоторых других, например, балканских провинциях империи ³⁹.

Следует отметить и гипертрофированную роль крупнейших морских портов Турции – Стамбула (импорт) и Измира, что обеспечивало торговому капиталу этих городов исключительно благоприятное положение во внешнеторговых операциях – оптовых поставках готовых импортных товаров фабричного производства, керосина и оптовых закупках экспортируемого сельскохозяйственного сырья. Обогащение портовой буржуазии, в большинстве инациональной, накопление миллионных богатств на вывозе табака, тифтика, хлопка, сухофруктов и других товаров, на ввозе текстиля, сахара, керосина, машин и одновременно относительное «прозябание» торговой буржуазии турецкого происхождения, ростовщиков глубинных районов Анатолии определили одну важнейшую особенность противоречий между крупным и мелким торговым капиталом – она состояла в их географическом и этнорелигиозном разделении. Крупный капитал концентрировался преимущественно в Стамбуле, Измире, меньше в Адане, и некоторых других городах ⁴⁰.

В ряду частичных реформ, призванных обеспечить некоторое развитие капитализма в сельском хозяйстве, можно назвать принятие в 1913–1914 гг. законов о переписи земельных участков, о владении недвижимым имуществом, об упорядочении владения государственными и вакуфными землями. Впрочем, их реализация была остановлена с началом мировой войны и они почти не затрагивали основы фактически феодальных и полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве – как далее мы увидим, даже кемалисты долго не решались на аграрную реформу.

В 1913 г. на промышленных предприятиях госсектора, включая военные, было занято до 5 тыс. рабочих, стоимость продукции исчислялась в 120 млн. курушей (в то время примерно 1,1 млн. ф. ст.). Все источники говорят о том, что государственные предприятия были самыми крупными в обрабатывающей промышленности, но даже в начале нового века они работали в основном не на рынок, а на армию, флот и дворец. Рынок промышленной фабричной продукции расширялся за счёт импорта готовых изделий европейского производства, легко подавлявшего кустарные изделия местного производства ⁴¹.

Рост экономической эксплуатации страны западным капиталом способствовал расширению производства в отраслях, где уже участвовал иностранный капитал. Так, заметно возросла добыча

полезных ископаемых в стране, спрос на них в значительной мере определялся экспортом. Добыча эреглийского угля началась союзниками турок впервые во время Крымской войны. К концу XIX века ручное изготовление ковров в Эгейском регионе частично контролировалось уже представителями английского торгового капитала. Высокие прибыли, которые английское купечество получало от продажи на мировых рынках знаменитых малоазиатских ковров, заставляли стимулировать их выделку в Западной Анатолии.

Помимо коврового производства иностранный капитал подчинил себе в Турции и некоторые другие отрасли её традиционной промышленности, продукция которых могла представлять интерес на мировом рынке. Потребностями французского капитала определялись и значительная часть производства шёлка-сырца в империи. Германский и английский капиталы конкурировали между собой за господство на хлопковых плантациях Аданы, стремясь прибрать к своим рукам производство, очистку и экспорт турецкого хлопка.

В результате деятельности иностранных компаний в Турции в 1899–1913 гг. сбор хлопка в стране увеличился в 4 раза, производство табака выросло более чем в 3 раза. Примерно за это же время в стране удвоилось производство изюма, инжира, сбор орехов. Экономический рост отраслей османской экономики, наиболее ориентированных на мировой рынок, стал очевиден⁴².

Планы железнодорожного строительства, с трудом согласовавшиеся основными иностранными инвесторами – германскими, французскими, английскими, реализовывались медленно и к началу мировой войны были далеки от завершения, железнодорожная сеть страны была явно маломощна. Не была достроена германским капиталом «магистраль века» – Багдадская железная дорога. От азиатской части Стамбула (Хайдар-паша) через Конью она уже во время войны достигла Нусайбина, а на южном, иракском участке действовал отрезок Багдад – Самарра. С ответвлениями на Анкару и Мардин протяженность этой линии составляла 2068 км. Действовали также линии Измир – Касаба (703 км) и Измир – Айдын (610 км), Муданья – Бурса (42 км), Мерсин – Адана (55 км)⁴³.

Сооружая железные дороги, иностранные инвесторы одновременно стремились к хозяйственному освоению зон прокладки

этих дорог. Так поступали немцы в связи со строительством Багдадского пути, они стремились к комплексному освоению концессионных территорий. Согласно данным А.Д. Новичева, в тех районах Центральной Анатолии, где были проложены железнодорожные линии, товарность зерновых поднялась до 25–26%, тогда как в других областях Малой Азии эти показатели не превышали 8–10% ⁴⁴.

Решили проверить себя в железнодорожном строительстве в Турции и некоторые американские фирмы. Американский адмирал Колби М. Честер, побывавший в 1901 г. на военном корабле в турецких водах, вновь прибыл через некоторое время в Турцию в качестве посредника нескольких американских фирм и от их имени в 1908 г. добился согласия властей на концессию по строительству железных дорог в Анатолии. В августе 1909 г. Османская палата депутатов одобрила основные положения проекта и поручила министру общественных работ заключить договор с Честером ⁴⁵.

Однако американская инициатива встретила отпор со стороны государств Европы, как Германии, так и стран Антанты. Она ставила под сомнение будущее Багдадской железной дороги, угрожала попыткам «Дойче банка» получить право на разработку нефтяных месторождений в той же Месопотамии. В то время повышенный интерес к месопотамской нефти уже стали проявлять и Англо-иранская нефтяная компания (АИНК), созданная в 1909 г., а также группа «Роял Датч Шелл», представлявшая интересы главным образом английского капитала. Последней группе оказывал поддержку Гульбенкян, османский подданный, называемый «Талейраном нефтяной дипломатии», который пользовался большим влиянием среди нефтяных дельцов ⁴⁶.

К моменту намечавшегося подписания соглашения с концессией Честера имелись, помимо американской группы, сильные претенденты на месопотамскую нефть ⁴⁷.

Франция также выступила против концессии Честера. Она сама рассчитывала получить крупные концессии в тех же районах, а будущие линии по проекту Честера угрожали проектировавшимся Французским железнодорожным концессиям. Русская дипломатия поддерживала Францию хотя бы уже потому, что направление железнодорожной ветки в сторону Вана, предусматривавшееся честеровской концессией, не могло не тревожить Россию ⁴⁸.

Кстати говоря, позиция США в вопросе об отмене капитуляций, которая по решению турецкого правительства была объявлена 1 октября 1914 г., не отличалась от позиций европейских держав, в том числе Германии и Австро-Венгрии – турецкому правительству были посланы ноты протеста⁴⁹.

Беспокойство американской дипломатии по поводу капитуляционного режима объяснялось стремлением сохранить в неизменном виде разветвленную систему американских религиозных миссий и учебных заведений в империи. Архимандрит Иона в своей работе, посвящённой протестантской пропаганде среди православных христиан Востока, отмечает особую активность американцев в такой пропаганде: «почти всегда протестантские миссионеры (в особенности американцы-пресвитериане) являются деятельными торговыми агентами крупных европейских и американских торговых фирм» и что «коммерческий характер проповеди Евангелия очень часто принимает слишком яркую окраску»⁵⁰.

Завершая краткий рассказ о положении османской экономики в последние два неполных десятилетия существования империи, уместно сказать, что трудности её развития вскоре, в годы войны, стократно усложнились. В турецкую армию было призвано 3 млн., то есть почти всё мужское население призывного возраста. В деревнях Малой Азии фактически не оставалось трудоспособных мужчин и сельское хозяйство таким образом лишилось рабочих рук. Для нужд армии у крестьян были реквизированы лошади и почти весь крупный рогатый скот. Это привело к тому, что большая часть крестьянских полей оставалась незасеянной. Если в Турции до войны обрабатывалось 60 млн. дёнюмов* земли, то к концу – лишь 25 млн. В результате четырёхлетней войны экономическая основа Османской империи – сельское хозяйство – была разорена.

Правительство реквизировало у сельского населения последние запасы пшеницы, ячменя, риса, было отобрано даже зерно, заготовленное для посевов. Значительная часть этих продуктов отправлялась в Германию и Австро-Венгрию.

Зерно у крестьян покупали по ничтожной цене якобы для нужд армии; более того, крестьянин сам должен был доставить это зерно в военные склады, а взамен денег он получал справку.

* Дёнюм – единица измерения площади, равная 919,3 кв. м (40×40 аршин).

В годы войны от голода и эпидемий в Малой Азии погибло свыше 2,5 млн. человек.

Существенные изменения произошли в промышленности: одни отрасли понесли большой убыток, а другие – получили стимул для роста⁵¹.

Турция в Первой мировой войне

Военно-политический союз с Германией не только сохраняемый, но и всемерно укрепляемый младотурками, определял неизбежность вовлечения государства в Первую мировую войну, начавшуюся между Центральными державами и Антантой после известного сараевского убийства летом 1914 г.

После этого события кайзер Германии Вильгельм, принимая 5 июля австрийского посла, заявил: «С выступлением против Сербии не мешкать!» В Турции великий везир сказал, что в случае выступления России Турция будет в европейской войне на стороне Тройственного союза, и советовал австрийцам не удовлетворяться их первоначальным требованиям к Сербии, а отобрать Новобазарский санджак, чтобы таким образом «нанести великосербской идее смертельный удар». Для Османской империи он просил только «прикрытия от России». Младотурки охотно также соглашались «спровоцировать восстание мусульман в Сербии и даже распространить его в Албанию... Турки повели себя так, как будто всё уже решено и Турция является союзницей германо-австрийского блока»⁵².

15 (28) июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила Сербии войну, Россия не могла оставить в беде своего союзника и тем самым полностью утратить свои и без того не очень прочные позиции на Балканском полуострове. Начавшаяся мобилизация русской армии привела к тому, что союзница Австро-Венгрии – Германия 19 июля (1 августа) объявила войну России, а через два дня – Франции, 22 июля (4 августа) Великобритания объявила войну Германии и вскоре большинство стран Европы стали участниками Первой мировой войны. Германский блок сумел привлечь на свою сторону также и Болгарию, давнюю соперницу Сербии. Немцы обещали вознаградить её за счёт территорий Сербии, Греции и Румынии⁵³.

Первоначально младотурецкие власти Турции говорили о нейтралитете страны, однако общеизвестно, сколь активно и после-

довательно в течение последних предвоенных лет немцы, заявляя о себе как о единственном и надёжном союзнике разваливавшейся империи, поддерживали в качестве государственной идеологии панисламистские и пантюркистские устремления лидеров младотурок, непосредственно распространявшиеся прежде всего на российские территории и на Балканы. Это был великий шанс при поддержке Германии в новейшее время возродить и успешно переориентировать, казалось бы, забытый газават – с Запада на Восток, на Россию, «виновницу» всех бед империи, и восстановить в новом виде и империю и одновременно халифат за счёт захваченных у России территорий, населённых миллионами тюрок-мусульман⁵⁴.

Уже 2 августа, по окончании долгих переговоров с немцами, три члена турецкого кабинета – Саид Халим, Энвер и Талаат – подписали соглашение о военном союзе с Германией. Заключив его и распустив в тот же день парламент, младотурецкий триумvirат в лице недавнего военного атташе в Берлине, а ныне – военного министра и одновременно начальника генштаба Энвер-паша; министра внутренних дел и председателя ЦК партии Единение и Прогресс Талаата и морского министра Джемаля приступили к всеобщей мобилизации, причём вооружённые силы империи предоставлялись в распоряжение германского командования. Эти лица «собирались тайком для обсуждения важнейших вопросов, не ставя о принятых решениях в известность остальных членов правительства»⁵⁵. После достижения таких договорённостей германское командование направило два своих новейших крейсера – «Гебен» и «Бреслау» в Дарданеллы, причём на всем пути их преследовали английские военные корабли. Энвер-паша приказал пропустить их в Мраморное море, что нарушало объявленный самими же турками нейтралитет. Несмотря на предупреждение стран Антанты 8 августа, османское правительство нарушило нейтралитет и пренебрегло Гаагской конвенцией (1907 г.), по которой военным судам запрещалось заходить в Босфор и Дарданеллы в мирное время без специального разрешения султана⁵⁶.

Такое согласие турецкой стороны обеспечило ей приобретение от Германии дополнительных обязательств. В представленной туркам по этому поводу германской ноте было заявлено, что в случае вступления Турции в войну с Антантой Германия обес-

печит ей содействие в отмене капитуляций и окажет «свои добрые услуги» для достижения между Турцией и Болгарией соглашения о разделе завоёванных последней областей (подразумевались территориальные компенсации во Фракии, которых Турция давно добивалась в переговорах с Болгарией о военно-политическом соглашении). Если же Греция вмешается в войну на стороне Антанты и будет побеждена, то Германия добьётся передачи Турции островов в Архипелаге, потерянных ею в результате первой Балканской войны. Наконец, германское правительство обязывалось «исправить восточные границы Оттоманской империи таким образом, чтобы обеспечить непосредственное соприкосновение Турции с мусульманским населением России». Единственная оговорка заключалась в том, что дополнительные обязательства Германии имели значение лишь тогда, когда «Германия и её союзники выйдут из войны победителями и будут в состоянии диктовать её участникам свою волю»⁵⁷.

Между тем подготовка к военным действиям шла своим ходом, немецкие солдаты продолжали минирование проливов, строились новые оборонительные сооружения, а немецкие войска непрерывным потоком поездами прибывали в Стамбул. С 25 августа 1914 г. бедуины, поддержанные Германией и Энвер-пашой, предприняли наступательные действия на Синае⁵⁸.

Несмотря на лихорадочные попытки Антанты в последний момент «купить» нейтралитет Турции, цена, затребованная ею, оказалась «неподъемной» – турки требовали вернуть им острова Эгейского моря. Кроме того, пребывание крейсеров «Гебен» и «Бреслау» буквально на виду султанского дворца Долмабахче производило должное впечатление на его обитателей⁵⁹.

12 октября 1914 г. на заседании центрального комитета партии Единение и Прогресс было решено вступить в войну. Как писал в своих мемуарах видный деятель младотурецкой партии Мевляндаде Рифат, Энвер-паша, доказывая необходимость участия Турции в войне на стороне Германии, отмечал: «Германия согласна, чтобы мы отвоевали Египет, Кавказ и даже Иран... Таким образом, нет сомнения, что мы можем открыть путь к Турану и осуществить единение турок»⁶⁰.

27 октября 1914 г. германо-турецкий флот в полном составе вышел из проливов в Чёрное море, а уже в ночь на 16 (29) октября 1914 г. произошло нападение на Одессу. Два турецких эсмин-

ца, купленные ещё в 1910 г. в Германии, под русским флагом⁶¹ и с немецкой командой вошли в Одесскую гавань, один из них, «Тайрет», торпедировал канонерскую лодку «Донец», затем были обстреляны военные и торговые суда, нефтяная гавань и порттовые сооружения. В 6 часов утра вблизи Севастополя был замечен «Гебен» и два сопровождавших его эсминца, вскоре крейсер начал беспрепятственный обстрел Севастополя и кораблей эскадры. Уже на выходе он отразил атаку русских миноносцев и нанёс тяжёлые повреждения их флагману. Только в 10 часов «Гебен» удалился из севастопольских вод. Другие суда противника под командованием немецкого офицера 29 октября бомбардировали Новороссийский порт, атаке подверглась Феодосия, на оперативно расставленных противником минах подорвалось несколько торговых и пассажирских судов и военных кораблей. В Стамбуле немедленно было объявлено, что обстрел черноморского побережья был совершён в ответ на попытку русского военного корабля расставить мины у Босфора⁶².

Таким образом Турция фактически начала войну против России, после чего 20 октября (2 ноября) Россия объявила войну Османской империи. 11 ноября в стамбульской мечети Фатих была оглашена фетва шейх-уль-ислама о джихаде против держав Антанты и издано соответствующее ираде султана Мехмеда V. Обращаясь к «моей армии», «моему флоту», «моим героическим солдатам», султан повторил легенду о русских минёрах у Босфора, о нарушении международного права, напоминал о том, что «за последние триста лет империя понесла большие территориальные потери из-за российского правительства», что русские, французы и англичане «приносят страдания миллионам мусульман, проживающих в халифате, являются причиной многих наших бедствий». Султан не сомневался в победе, имея в качестве «братьев по оружию» две «самые храбрые и сильные армии в мире». Одновременно с султанским ираде Энвер-паша как вице-генералиссимус опубликовал и своё обращение к армии, выразив уверенность, что «враги будут разгромлены» истинными сынами героев османского прошлого, «вперёд и только вперёд, ибо победа, слава, героическая смерть и райское блаженство – всё это для тех, кто идет вперёд»⁶³. В воззвании, выпущенном младотурецким правительством, было сказано: «Наше участие в мировой войне оправдывается нашим национальным идеалом. Идеал на-

шей нации... ведёт нас к уничтожению нашего московского врага, для того чтобы благодаря этому установить естественные границы нашей империи, которые включают и объединят все ветви нашей расы»⁶⁴. Последующие несколько фетв разъясняли, что все мусульмане должны бороться с неверными стран Антанты, в то время как Германия и Австрия являются опорой и защитой ислама. Однако вскоре стало очевидно, что в такой «джихад» не поверили мусульмане и России, и арабских территорий и государств. В Мекке местный лидер арабов объявил свой джихад – против младотурок и немцев, призвав поддержать «подлинных защитников ислама» – англичан.

Итак, на вызовы начавшегося XX века младотурки ответили вынужденным разочарованием в османизме, обращением к тюркизму и пантюркизму (часто в сочетании с исламизмом и панисламизмом), внешнеполитической переориентацией в Европе на Германию, максимумом враждебности к России.

М. Шахинлер пишет в своей работе, что такая экспансионистская политика не имела «какой-либо ясной концепции», а была, «главным образом, делом рук Энвер-паши и министра внутренних дел Талаат-паши. Анализ условий вступления в войну четко показывает, что слабое правительство переполняли воинственные идеи», хотя «роль посла Германии Вангенхейма и офицеров Лимана фон Сандерса и Брайссарта была в этом вопросе, несомненно, первостепенной»⁶⁵.

В годы войны Турция участвовала на нескольких фронтах сражений с войсками стран Антанты – Кавказском, Месопотамском, Сирийском и Дарданелльском. Военно-стратегический план Энвера, одобренный немецкими генералами, предусматривал на первом этапе наступление в двух стратегических направлениях – на Кавказ против России и к Суэцу против Англии и Египта, что должно было обеспечить вовлечение в войну всего исламского мира Африки, а также России, включая Волго-Уральский район и Среднюю Азию; после этого открывалась для Турции возможность, с участием на её стороне Ирана и Афганистана, утверждения в мусульманских провинциях Индии.

Уже осенью, 2 ноября 1914 г., открылись военные действия на Закавказском фронте. Они начались, когда части русской армии перешли в нескольких местах границу, а турки одновременно вторглись в пределы Российской империи в районах Батума и

Карса. Кавказский фронт оказался растянутым на 720 км, во главе его стоял граф И.И. Воронцов-Дашков, но, принимая во внимание его более чем почтенный возраст, всеми делами фактически руководил начальник штаба Н.Н. Юденич. Всего в распоряжении российского командования находилось 170 тыс. штыков, турки располагали большими силами.

Наиболее значительным событием в кавказской кампании 1914 г. стала Сарыкамышская операция, длившаяся с 9 по 25 декабря и завершившаяся разгромом 3-й турецкой армии, потерявшей 90 тыс. человек и свыше 60 орудий. Однако и потери российской армии в ходе операции были велики – более 20 тыс. человек⁶⁶.

Турецкий автор Ш.С. Айдемир пишет об этом сражении как о «сарыкамышской драме». Турецкая армия, получив от командующего операцией Энвера-паши приказ овладеть Сарыкамышем и крепостью Карс, а затем и всем Южным Кавказом, оказалась не готовой ко всему этому – к холодам, отсутствию своевременного снабжения и координации действий, – она стремительно теряла в атаках солдат. Но вновь и вновь следовал приказ прибывшего к месту сражения Энвера: «Атаковать!» Командующий армией Хафыз Хаккы-паша, увидев через снежную бурю, что у него осталось от недавних 40 тыс. солдат всего 80 человек, заплакал навзрыд: «Всё кончено!» Вернувшийся после этого разгрома в Стамбул Энвер-паша ограничил рассказ об операции одной фразой: «Мы нанесли врагу тяжелый удар!» И вот после всего этого Энвер приказал генералу Казыму Карабекиру двигаться из Тебриза через Решт к Тегерану и, заняв его, двигаться дальше в направлении Индии. «Это был первый подарок турецкому народу от командующего Энвера-паши и его немецких сподвижников»⁶⁷. Нет сомнения, что эта кажущаяся безумием затея основывалась на идее-фикс Энвера, с которой он не расстался до последнего дня своей жизни – поднять на ноги всех мусульман, всех тюрок против Запада, против Англии и, безусловно, против России.

Перейдя в контрнаступление, русская армия отбросила турецкую к озеру Ван, в феврале–мае 1915 г. Малазгирт, Башкале, Шахах, Котур, Арчеш и Ван были очищены от турецких войск.

Известно, что на стороне русской армии храбро сражались армянские добровольческие отряды (дружины). По этому поводу современный армянский автор А. Сваранц пишет в своей книге: «По совету Воронцова-Дашкова представители армянского духо-

венства и светских кругов призвали армян Закавказья и диаспоры пополнить русскую армию и армии стран Антанты добровольцами и содействовать освобождению Западной Армении⁶⁸.

Такая позиция всех армян – и в Европе, и в России стала поводом для младотурок учинить кровавую расправу и организовать массовое преследование армянского населения империи. 16 сентября 1915 г. член властной «тройки» империи – Талаат-паша заявил, что «необходимо положить конец их (армян) существованию, если даже потребуются для этого трагические меры, и не следует обращать внимание ни на возраст или пол, ни на угрызения совести». Приводя это высказывание, современник событий того времени американец Элиот Гр. Мирс добавляет от себя: «вслед за этим началась эта страшная депортация»⁶⁹. Другой член «тройки» утверждал по этому поводу, что существует армянский заговор и что неизбежно всеобщее армянское восстание. Пока разгромленная османская армия отступала в зимние месяцы 1915 г. к озеру Ван в военной зоне, и была предпринята эта массовая депортация не менее 2 миллионов армян. Вскоре эта операция превратилась в бойню, когда этнические турки и курды напали на армянские деревни или устраивали массовую резню беженцев по дороге. По самым осторожным оценкам, число погибших составило 600 000 человек, другие источники приводят число более 1 миллиона. Положение переживших депортацию было едва ли лучше в условиях военного режима в Сирии. Кому-то удалось бежать на российскую сторону, кому-то в страны Западной Европы. Это событие вызвало отвращение в Западной Европе, что проявилось в жестких условиях, выставленных союзниками в послевоенном урегулировании⁷⁰.

На ближневосточном театре военных действий события в конце 1914 г. развивались неторопливо: англичанам удалось захватить в Месопотамии Басру и ряд небольших городов, а турки стали угрожать вторжением Египту, после того как продвинулись на несколько километров в глубь Синайского полуострова.

По мнению Шахинлера, уже события зимы 1914 г. на Кавказе подтвердили худшие опасения Мустафы Кемалю по поводу итогов войны для турок. В это время он был вызван в Стамбул и стал в Турции первым подполковником, которого назначили командовать дивизией, речь шла о турецких войсках в районе

Анафарталар и Арыбурну на полуострове Гелиболу (Галлипольский полуостров)⁷¹.

В начавшихся с приходом 1915 г. многомесячных ожесточённых боях за Галлипольский полуостров, в Дарданеллах полковник Мустафа Кемаль, проявив высокое военное мастерство, сумел остановить силы Антанты. Это была крупнейшая десантная операция с непосредственным участием Турции. Её инициаторами, странами Антанты, предполагалось, что она отвлечет часть турецких войск, воевавших на русском фронте. Такое предложение, исходившее от русских, устраивало союзников: англичане могли первыми войти в Константинополь, что стало бы козырной картой в последующих переговорах о послевоенном устройстве мира, а французы надеялись своими действиями в Средиземноморье ускорить вступление Италии в ряды Антанты. Англия и Франция активно взялись за подготовку операции и эта активность, стремление превратить десантную операцию из отвлекающего маневра в полномасштабное действие не на шутку испугали русское руководство – оно само рассчитывало заполучить Константинополь после войны. Таким образом, подготовка Дарданелльской операции стимулировала завершение переговоров между союзниками по Антанте о судьбе Константинополя.

Соглашение по этому поводу было окончательно оформлено в марте-апреле 1915 г. в ряде договоров. Действительно, вступление Турции в войну в качестве военного противника держав Антанты как бы устраняло последние сомнения главных союзников России – Англии и Франции в отношении целесообразности владения проливами России. «Впервые в истории Турция оказалась перед лицом самой для неё неблагоприятной и зловещей коалиции – англо-русско-французской... Вступая в войну против такой коалиции, Турция действительно ставила на карту самое свое существование»⁷².

За этим последовало неизбежное, коль скоро Турция сделалась военным противником Англии и Франции, эти державы сняли свои возражения в отношении проливов; нуждаясь в помощи со стороны России в войне против Германии, они стремились обеспечить заинтересованность русского правительства в доведении войны до победного конца. Сигналы об этом со стороны союзников Россия стала получать с начала войны, причём в переговорах с русским правительством англо-французская дипломатия акцен-

тировала своё внимание на получении компенсации от России и на закреплении условия о том, что Россия сможет получить Константинополь и проливы не иначе, как ценой участия в войне против Германии до победного конца. Соответствующее соглашение было оформлено путём взаимного обмена в марте-апреле 1915 г. несколькими памятными записками министра иностранных дел С.Д. Сазонова и английского и французского послов в Петрограде Дж. Бьюкенена и М. Палеолога⁷³.

Дарданелльская операция состояла из двух этапов. На первом (с 19 февраля по 18 марта 1915 г.) предполагалось задействовать только флот, а на втором (25 апреля 1915 г. – 9 января 1916 г.) – высадить десант на Галлипольский полуостров с последующим захватом укреплений противника в районе Дарданелл. Это обеспечивало проход флота в Мраморное море. Но в начавшейся 19 февраля операции англо-французский флот так и не сумел подавить противника, форсировать Дарданеллы и нанести удар по Константинополю. Несмотря на эти неудачи, союзники утром 25 апреля, имея 18 тыс. штыков, высадились на полуостров в районе Дарданелл. Начались затяжные кровопролитные бои, в июле 1915 г. на полуостров было десантировано ещё несколько дивизий, однако перелома в свою пользу Антанте добиться так и не удалось. Против десанта союзников успешно действовал Мустафа Кемаль, сумевший добиться в январе 1916 г. изгнания отсюда войск Антанты. 9 января с эвакуацией последнего британского солдата Галлипольская операция бесславно закончилась⁷⁴.

Что касается военных действий на Кавказе в 1915 г., то к сентябрю этого года русско-турецкий фронт растянулся от Чёрного моря через Ван до озера Урмия близ турецко-персидской границы. Затем в результате наступательной операции русских войск в 1916 г. были заняты: в феврале – Эрзурум, Битлис, в апреле – Трапезунд, в конце июля – Эрзинджан. Бои здесь шли с переменным успехом⁷⁵.

20 декабря 1917 г. Мустафа Кемаль отправился в Германию вместе с наследником престола принцем Вахидеддином. Он согласился сопровождать в этой долгой поездке Вахидеддина, тщетно пытаясь внушить ему свои политические идеи. Как пишет Миллер, Кемаль, как опытный генерал, сумел при посещении германского фронта изучить не только те объекты, которые выбрало для показа Вахидеддину германское командование, но и

ряд других, по своему усмотрению. Кемаль пришел к убеждению, что для Германии война проиграна и что Турция, во всяком случае, должна выйти из подчинения немцам⁷⁶.

31 октября 1918 г., на следующий день после подписания союзниками Мудросского перемирия с Оттоманской империей, М. Кемаль принял командование группой Йылдырым в Адане, но 7 ноября она уже была расформирована и 13 ноября он возвратился в Стамбул.

Следует отметить, что, после того как в феврале 1916 г. русская армия овладела Эрзерумом и Битлисом, она оказалась непосредственно на подступах к Ираку и Сирии. Опасаясь перехода арабских стран под русскую оккупацию, английская и французская дипломатия, представленная Майклом Сайксом и Жоржем Пико поспешила согласовать свои взаимные территориальные требования в отношении будущего раздела азиатской Турции и затем представить их России – так, как это было с проливами весной 1915 г.⁷⁷ Прибыв в Петроград, Сайкс и Пико вручили 9 марта 1916 г. Сазонову меморандум с изложением их проекта. Сазонов выдвинул ряд контрусловий, потребовав, в частности, передачи России Турецкой Армении, области Хаккяри и части южного побережья Чёрного моря. Как можно понять из уже окончательно согласованных между Англией, Францией и Россией документов, за последней признавались права, сформулированные в телеграмме Сазонову российского посла в Лондоне А.К. Бенкендорфа от 17(30) мая 1916 г.⁷⁸

Как развивались военные действия в 1916 г. на других фронтах? На Салоникском фронте крупные операции не проводились, а обстановка в Месопотамии складывалась не в пользу англичан – туркам в том же году удалось принудить в Кут-эль Амаре к капитуляции английский отряд под командованием генерала Таунсхенда, однако затем ход военных действий повернулся в пользу англичан, они овладели Багдадом и начали наступление на Палестину.

Необходимо отметить, что борьба арабских народов Османской империи – Хиджаза, Ирака, Сирии, Палестины и Ливана, использовавшаяся Англией и Францией для изгнания турок и установления своего господства, никак не соответствовала призывам младотурок к джихаду под знаменем панисламизма. Сопротивление арабов ожесточало против них турецкие власти и ни

о каком джихаде не могло быть и речи, в указанных странах тысячи арабов были казнены и высланы в концентрационные лагеря. Борьба арабов в годы войны сыграла существенную роль в окончательном разгроме турецко-германских войск на Месопотамском и Сирийско-Палестинском фронтах и освобождении арабских стран от турецкого владычества, продолжавшегося четыре столетия.

В результате военных действий в 1914–1917 гг. Турция потеряла почти всю Восточную Анатолию, Месопотамию, Сирию и Палестину. Турецким войскам удалось отстоять лишь Галлипольский полуостров⁷⁹. Военные итоги доказывали, что рискованная и авантюристическая политика Энвер-паши, его мечты о восстановлении империи были обречены на неудачу. Турецкая историография давно разобралась с бесперспективностью для Турции военного союза с кайзеровской Германией, в который вовлёл страну авантюризм Энвера и его окружения. Это понял Мустафа Кемаль и ещё раз убедился в скрытых пороках такого союза, когда побывал в Германии. Ю.Х. Баюр пишет, что уже провал немецкого молниеносного наступления на Марне в сентябре 1914 г. «убедил М. Кемалья, что немцы не смогут выиграть войну», что противник значительно превосходил их по людскому и промышленному потенциалу, господствовал на море, препятствуя немцам использовать мировые торговые пути для снабжения страны. Кемаль считал, по словам Баюра, что «немцы в крайней степени заражены империалистическим духом», что «необходимо противиться их стремлению распоряжаться всем и вся в османском государстве»⁸⁰. Стратегические планы Энвера, рассчитанные на глобальную панисламистскую и пантюркистскую пропаганду в пользу турецких завоевательных походов, казалось бы, окончательно провалились, причём очевидно было для многих, что эти планы никак не совпадали с собственными аппетитами Германии и на Балканах, и на Ближнем Востоке, и в английской колонии Индии.

Но конец 1917 г. принёс участникам Первой мировой войны неожиданности глобального значения. Российская империя опередила «больного человека» Европы – в результате октябрьской революции она раньше Османской империи ушла в историю⁸¹. Последовавшие за этим события, выход Советской России из войны, гражданская война, появление на кавказских границах

Турции новых государств, провозгласивших независимость от Советской России – все это возродило вновь пантюркистские планы младотурок.

В октябре 1917 г. на основании Декрета о мире советское правительство предложило воюющим странам заключить перемирие и начать переговоры о мире без аннексий и контрибуций.

Опубликованная в ноябре 1917 г. Декларация прав народов России провозглашала равноправие и суверенитет народов, обеспечение их права на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Тезис о самоопределении должен был привлечь на сторону советской власти нерусскую часть населения страны. При этом было бы упрощением считать, что большевики делали ставку на распад страны. Они в то время мечтали о мировой революции, в ходе которой временное отделение станет прологом к созданию «Всемирной республики Советов» (ведь произошла же вскоре, в 1918 г., ноябрьская революция в Германии, просуществовала несколько месяцев венгерская советская республика в 1919 г.).

В такой обстановке официальное провозглашение национальных свобод в Советской России породило немало разнообразных государственных форм, появившихся в различных частях бывшей империи, в частности по соседству с Турцией. Так, в Закавказье с ноября 1917 г. по март 1918 г. действовал Закавказский комиссариат – правительство Закавказья со столицей в Тифлисе, затем был учрежден Закавказский сейм как орган государственной власти в Закавказье. Созванный 9 апреля 1918 г., он провозгласил независимость от Советской России Закавказской демократической федеративной республики, затем на её месте образовалось три республики – Грузия, Армения и Азербайджан. Что касается Северного Кавказа, там был учреждён Центральный Комитет Северного Кавказа, 20 ноября 1917 г. он поменял своё название на временное правительство и объявил об отделении от России в качестве независимого государства.

Между тем призыв большевистского правительства к прекращению мировой войны не нашел поддержки у воевавших сторон, в то же время Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция согласились заключить с ним перемирие. Большевики в начале декабря договорились с младотурецким командованием на Кавказском фронте о прекращении огня, общее же перемирие со все-

ми военными противниками было подписано советской делегацией в Брест-Литовске ⁸².

3 марта 1918 г. был, наконец, заключен сепаратный Брестский мир – кабальный для Советской России. Она обязалась «незамедлительно» произвести «полную демобилизацию своей армии, включая и войсковые части, вновь сформированные теперешним правительством».

Непосредственно российско-турецкие отношения регулировала статья IV: «Россия сделает все от нее зависящее, чтобы обеспечить скорейшее очищение провинций Восточной Анатолии и их упорядоченное возвращение Турции. Округа Ардагана, Карса и Батума также незамедлительно очищаются от русских войск. Россия не будет вмешиваться в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов, а предоставит населению этих округов установить новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией» ⁸³.

Воспользовавшись ситуацией, нарушив букву и дух Брестского мира, турецкая армия в середине февраля 1918 г. перешла в наступление по всему Кавказскому фронту. Ей противостояли армянские и грузинские национальные части, заменившие русские войска, оставившие фронт по условиям Брестского договора. В конце апреля султанские войска заняли Карс, затем Батум ⁸⁴.

В мае 1918 г. в Стамбул прибыла «специальная полномочная делегация» Северного Кавказа под председательством Абдулмеджита Чермоя и Хайдара Баммата. Главные цели, которые она преследовала, были – добиться признания Турцией и её союзниками независимости Северного Кавказа и подписать соглашение о помощи. По окончании переговоров с турецким правительством Исполнительный Комитет Союза Северного Кавказа «в соответствии с предоставленными ему полномочиями» 11 мая 1918 г. провозгласил независимость Северного Кавказа, причём границами нового государства объявлялись: «на севере – прежние границы территорий, относящиеся к областям и центрам Дагестана, Терека, Ставрополя, Кубани и Причерноморья; на западе – Чёрное море, на востоке – Каспийское море; на юге – границы будут установлены с правительствами Южного Кавказа в соответствии с достигнутыми позже с ними договорённостями» ⁸⁵.

12 мая 1918 г. в Стамбуле было опубликовано обращение правительства Северного Кавказа к Османской империи, в котором

сообщалось, что «мусульманский народ Северного Кавказа охвачен желанием подписать мирный договор с Великим исламским халифатом – Высоким Османским Султанатом», содержалась просьба «немедленно оказать военную и политическую помощь... молодой северокавказской власти», направить ей «достаточно подготовленную и оснащенную военную силу»⁸⁶.

Разногласия с Германией помешали туркам проникнуть в Грузию, но к июню 1918 г. они захватили Ганджу, сформировали здесь «правительство Азербайджана» и «Кавказскую армию ислама» под командованием брата Энвера – Нури-паши. Турецкий автор Джемаль Анадол пишет, что в условиях гражданской войны, попыток Белой армии возродить царизм «в Дагестан через горы прибыл турецкий военный отряд под командованием Исмаила Хаккы Беркока в составе 74 офицеров и 577 младших офицеров». Он стал начальником штаба созданного им здесь Северокавказского корпуса. 15 сентября 1918 г. «турецкие войска спасли Баку, битва за него продолжалась 36 часов». 20 сентября 1918 г. Москва аннулировала Брестский договор в части, касавшейся Турции⁸⁷.

Именно в это время в Стамбуле появилось Общество Северного Кавказа, которое получало материальную помощь от правительства иттихада, прежде всего от Энвера. После перемирия оно именовалось Обществом мухаджиров Северного Кавказа. Это общество было ответственно за политику Турции на Кавказе, его члены были мало кому известны и подчинялись Энверу и Талаату, причём первый был приверженцем идей исламизма, второй – национализма. Очевидно, поэтому Общество Кавказа объединяло обе цели⁸⁸.

После взятия Баку турецкие войска под командованием Иззета двинулись на север, их численность превышала 4 тыс. человек. 10 октября при участии созданной там Северокавказской армии, вместе с А. Чермоем и командующим кавказским исламским войском Нури-пашой турки вошли в Дербент. С 13 октября 1918 г. семизвёздный национальный флаг стал развеваться над городом. Последовал жёсткий ультиматум А. Чермоя белым русским в Петровске (Махачкала) – очистить город. 7 ноября после жестокого сражения Петровск «был спасён» – взят. «Двести лет ожидавшие от Османского государства помощи и внимания кавказцы впервые своими глазами увидели, как сражаются с русскими

храбрые, пришедшие сюда с добрыми намерениями, турецкие солдаты. От всего этого кавказцы испытали чувство огромной гордости и ликования». Командующему турецкими вооружёнными силами Иззет-паше и его штабу «были предоставлены широкие полномочия для установления прочного сотрудничества с национальным правительством во имя быстрейшего утверждения Северного Кавказа в его естественных границах»⁸⁹.

Действительно, последние усилия младотурецкого милитаризма обосноваться на кавказской земле оказались напрасными. Интервенция в Закавказье истощила последние силы Османской империи, несомненно, ускорила разгром Турции в Первой мировой войне. С середины сентября и в октябре 1918 г. войска Антанты вместе с арабскими повстанцами нанесли ряд крупных поражений турецким войскам и изгнали их из Месопотамии, Палестины и Сирии. Ещё до этого, 15 сентября, войска союзников прорвали фронт в Македонии и вынудили Болгарию капитулировать. Путь к турецкой столице для войск Антанты был открыт.

Ушедшие из Баку после подписания 30 октября 1918 г. перемирия турецкие войска сменились английскими – под командованием генерала Томсона. Посланный на Северный Кавказ полковник Раулинсон практически признал правительство Северного Кавказа, его примеру последовали Грузия, Армения, Азербайджан. В декабре 1918 г. на Северном Кавказе было создано правительство Пшимахо Кошока. Делегация в составе А. Чермоя, Ибрагима Хайдароглу и д-ра Хазара Кофтана вместе с другими делегациями Кавказа отправились в Париж. В Европе уже находился Хайдар Баммат. Пока делегация пребывала в Париже, на Северном Кавказе сменялась местная власть и вожди, создавались военные кабинеты, «кавказцы оборонялись и от большевиков, и от деникинцев». После подавления крупного выступления Узун-Хаджи «большевики стали быстро наступать, вошли в Азербайджан, затем захватили весь Кавказ, учредили свою власть»⁹⁰.

Поражение Османской империи в войне решило судьбу младотурецкого триумvirата – 7 октября 1918 г. за месяц до революции в Германии и Компьенского перемирия османское правительство во главе с Энвером вынуждено было отказаться от власти. К этому времени произошла смена и султанской власти – 4 июля 1918 г. умершего Мехмеда V Решада сменил на троне

Мехмед VI Вахидеддин, что впрочем, на политике страны сказаться уже не могло, султанская власть при младотурках носила представительский характер. Младотурецкие руководители бежали в Германию, во главе нового правительства стал англофил Иззет-паша. 30 октября на британском корабле «Агамемнон» в порту Мудрос (о-в Лемнос) было подписано перемирие между странами Антанты и Турцией, по которому последняя полностью признала себя побеждённой.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К РЕСПУБЛИКЕ

Последние дни империи

Мудросское перемирие 30 октября 1918 г. завершило военные действия между Антантой и Турцией в Первой мировой войне. Оно позволило союзникам, прежде всего англичанам, не только довершить оккупацию территории империи и таким образом установить контроль над Ближним Востоком, его коммуникациями и природными (в том числе нефтяными) ресурсами, но и организовать широкую интервенцию в Советскую Россию, активно вмешаться в начавшуюся там гражданскую войну¹.

Фактически речь шла об исполнении давней мечты британских властей – установлении на Ближнем Востоке гегемонии Англии, располагавшей здесь наибольшими военными силами и стремившейся отдалить других союзников от участия в контроле над регионом. При подписании перемирия адмирал Кальторп даже не допустил французского представителя на борт корабля.

Итак, согласно перемирию, проливы Босфор и Дарданеллы, столица империи Стамбул оккупировались войсками Антанты, любая часть территории империи, в случае необходимости, также подлежала оккупации. 2 ноября 1918 г. недавний правивший триумвират султанского правительства, младотурецкие лидеры Энвер-паша, Талаат-паша, Джемаль-паша бежали из Стамбула со своими ближайшими соратниками на немецком корабле в Германию. Возвратившийся с церемонии подписания перемирия глава турецкой миссии на переговорах морской министр Рауф-бей (Орбай) заявил: «Достигнутое перемирие превзошло наши ожидания. Спасены независимость государства, султанат и честь нации».

Мудросское перемирие застало М. Кемаля в Алеппо. Чтобы принять от Лимана фон Сандерса командование над остатками турецких армий в северной Сирии, он прибыл в Адану. Великий визирь Ахмет Иззет-паша предписал ему не препятствовать

английским войскам, предложил вернуться в Стамбул, после чего Кемаль подал в отставку и возвратился в столицу в распоряжение генштаба, встретился с руководящими лицами империи, депутатами парламента и был принят султаном ².

Почти немедленно, уже 3 ноября, английские войска оккупировали район Мосула. 10 ноября французские и английские военные корабли вошли в Новороссийск, англичане после девяти месяцев турецкой оккупации, в середине ноября 1918 г., заняли Батум, потребовав от турецкого командования очищения к середине января русского Закавказья до границ 1914 года ³.

Позже, в марте 1919 г., англичане высадились в Самсуне, прибыли в Урфу. 27 ноября в Стамбул приехал и разместился здесь со своим штабом Джордж Мильн, командующий английской Черноморской армией, вскоре назначенный по решению союзников командующим союзными армиями в Турции. В том же ноябре первые оккупационные отряды и военные корабли Антанты и США прибыли в Стамбул, в проливы Босфор и Дарданеллы, появились в портах Средиземного и Чёрного морей. Десятки тысяч интервентов с многочисленной военной техникой расположились на территории Турции. Возникли зоны оккупации – французы установили контроль над Киликией, Мерсином, Аданой и Искендеруном, итальянцы обосновались в Антакье, в апреле итальянский отряд оказался в Конье, в мае греки заняли Измир.

Верховным комиссаром был назначен британский адмирал Кальторп. Султан Вахидеддин считал, что у Турции нет иного выхода, кроме сотрудничества с победителями, он и сменявшие друг друга великие визири поддерживали тесные отношения с верховным комиссаром по всем вопросам, касавшимся управления остатками развалившейся империи. То же самое происходило на местах – местные власти предпочитали сохранять мирные отношения с появившимися в их местности иностранными отрядами. 21 декабря 1918 г. Вахидеддин под давлением оккупантов распустил парламент и в начале марта 1919 г. назначил своего шурина Дамада Фериди-пашу великим везирем – главой правительства.

Уже эти события стали побудительным мотивом к возникновению первых организаций сопротивления турецкого населения, чаще всего выступавших под названиями региональных обществ защиты прав и антиоккупационных комитетов. Руководителями

таких организаций были представители торговцев, помещиков, гражданской и военной бюрократии, крестьянства, ремесленников.

С оккупацией Турции и её проливов Антанта получила дополнительную возможность активно вмешиваться в события не только в Анатолии, Восточном Средиземноморье, на Ближнем Востоке и Балканах, но также и на юге России, включая Крым, Кавказ и Прикаспийский регион. Эту возможность в максимальной степени стремилась реализовать прежде всего английская армия. В своих мемуарах генерал Деникин пишет, что, перейдя в этом обширном регионе к активным действиям, можно сказать, боевым, англичане и французы между собой разделили его некой линией, «она проходила от Босфора через Керченский пролив к устью Дона и далее по Дону на Царицын». Из его же слов ясно, какие огромные возможности получили, овладев Стамбулом и проливами, Анатолией, оккупанты в вопросах контроля и координации военных действий в огромном регионе Евразии, охватывающем юг России, черноморский и каспийский бассейны, Кавказ, Балканы и т.д.⁴

Как отмечает Деникин, все пребывшие или проезжавшие через Стамбул высокопоставленные лица говорили только о восстановлении порядка в России, хотя и избегали подчёркивать принадлежность к ней некоторых районов Кавказа⁵.

Любопытны оценки Деникиным настроения и поведения различных политических групп, выступавших от имени населения Северного Кавказа и Закавказья – у одних он видел готовность поддержать большевиков, других «тянуло к объединению с Турцией». Наиболее стойкою в борьбе с большевиками была, на его взгляд, «Дагестанская область», именно здесь турецкая пропаганда давно «раздувала всемерно религиозный фанатизм и возбуждала туркофильские настроения; в край ввозилось в довольно большом количестве оружие и боевые припасы, и с середины мая в него проникали турецкие инструкторы и аскеры. Со 2 сентября 1918 г., когда турки заняли Баку, эта связь значительно упрочилась, в Дагестане появились турецкие отряды и в результате соглашения турки обещали двинуть туда дивизию. «Все дороги, ведущие из России в Азербайджан и Анатолию, проходят через Северный Кавказ, который должен поэтому находиться в надежных руках», – таков был лозунг «пантурского движения», воспринятый по преимуществу местной политиканствующей интел-

лигенцией. Но в народе это движение, по-видимому, не имело глубоких корней: потому ли, что турецкая оккупация Азербайджана наглядно показала свою тёмную изнанку, потому ли, что связь с Россией была ещё достаточно сильна. Дагестанцы расценивали приходившие извне разноплеменные войска прежде всего как помощь против большевиков, как средство водворения порядка. После капитуляции в ноябре 1918 г. «турецкие эшелоны спешно ушли на Баку и Тифлис. Их сменил полковник Роуленсон и небольшой английский отряд. Туркофильское настроение быстро ослабло, а имам Дагестана Нажмудин Гойтинский вместо газавата стал проповедовать связь с единой Россией...»⁶

Не считая возможным углубляться во все перипетии деятельности сначала германских войск, затем сменивших их войск Антанты на Кавказе (это отдельная тема), ограничимся общим и главным наблюдением – прибытие упомянутого воинства на юг «союзной» России представляло из себя, по сути, единое целое с интервенцией в побеждённую Турцию, и наиболее удобным центром руководства этой двойной операцией, неофициальной штаб-квартирой, стал Стамбул. Это обстоятельство во многом определило дальнейшие события в Турции.

Вместе с тем Стамбул, несмотря на оккупацию, сохранял, как бы нелегально, роль и другого, давнего центра – координации пантюркистской деятельности на Кавказе. При этом сторонниками такой деятельности делаются ссылки на особые причины – «между Османским государством и народами Северного Кавказа отношения носили родственный характер. Османская власть совершила незабываемую ошибку, когда во время Крымской войны 1853 г. имам Шамиль, сражаясь на Северном Кавказе с русскими войсками, установил связь с османской армией, но никаких результатов достигнуто не было и даже по мирному договору не было получено ни одной крепости»⁷.

С весны 1918 г., по воспоминаниям Деникина, кавказские народы «в большей или меньшей степени» подпадали под влияние советской власти. «Оно оспаривается, впрочем, Турцией, с конца 1917 г. усиленно привлекавшей горцев, при посредстве своих и туземных эмиссаров, пантюркистской и панисламистской пропагандой»⁸.

После прибытия англичан на Кавказ они потребовали от деникинских войск воевать с большевиками, а не вмешиваться в

дела Кавказа, за этим стояло твёрдое намерение поддержать независимость Горской республики и других провозглашённых республик. Англичанами пресекались все попытки деникинской армии действовать самостоятельно. Так, 1 февраля 1919 г. генералу Деникину напоминалось: «последний не должен вмешиваться в район к югу от линии Кизил-Бурун – Закаталы – Кавказский горный хребет – Туапсе». «Таким образом, – пишет Деникин, – устанавливалась английская оккупация всего Закавказья. Ввиду того что Англия, вопреки первоначальным заявлениям, отказалась двинуть свои войска против большевиков, а территория Закавказья была уже свободна от турок и германцев, такое решение лишено было всяких стратегических обоснований. Оно могло быть продиктовано мотивами только политико-экономическими: грузинский марганец, бакинская нефть и нефтепровод Баку – Тифлис – Батум сами по себе определяли веки английской политики и английского распространения. Но этим обстоятельством далеко еще не исчерпывалось значение и ценность Закавказья. На очереди стояло объявление английского протектората над Персией, и Закавказье являлось естественной преградой против России и территорией, по которой пролегают пути, идущие из северной Персии к открытому морю, через главный выход Батум... Генерал Томсон, заняв одним батальоном Петровск (Махачкала), продолжал оказывать моральную поддержку горскому правительству и принимал реальные меры к вытеснению русского влияния и русских формирований с Прикаспия... все русские заводы, железные дороги и учреждения перешли к Азербайджану и что смотреть на Баку и Дагестан как на нашу (русскую) базу мы не можем»⁹.

Оценивая сложные перипетии борьбы различных политических сил за Кавказ после драматических событий октября 1917 г., мы убеждаемся, сколь настойчиво и целеустремленно, до самых последних дней пребывания у власти, стремилась вмешаться в эти события младотурецкая верхушка, сначала легально, а при англичанах – нелегально. Возникает даже предположение, что она рассматривала Кавказ как некую запасную территорию для реализации своих пантюркистских и панисламистских идеалов и после краха империи. Ведь очевидно, что и после подписания перемирия 30 октября 1918 г. некоторые высшие военные чины младотурок нашли там не просто убежище, а немалое число сторонников и сподвижников. Об этом пишет и Деникин: «Гор-

ские организации получали средства с трех сторон – от Турции, Азербайджана и Грузии, являясь одновременно орудием политики трех различных направлений». Почва для народного недовольства действительно была: «тяжелое экономическое положение, темнота масс, бытовые навыки, острая вражда между горцами и терцами, несправедливость и поборы местной туземной администрации, в Дагестане – насилия, чинимые войсками и чинами флота, и т. д. Но никогда это движение на почве внутренних неурядиц не могло бы разрастись в настоящую войну без внешних побудительных факторов, при отсутствии которых мы, в худшем случае, имели бы с Чечней и Дагестаном “худой мир”, хотя бы такой, как с Ингушетией»¹⁰.

Грузия «питала большой страх перед планами Нури-паши, грозившим в ближайшем будущем окружить и залить ее волною мусульманского фанатизма», поэтому она активно поддерживала идею образования «независимой горской республики», стремясь создать из неё буфер против России. Содействие восстанию горцев было широко, почти открыто и заключалось в пропаганде, деньгах, оружии и в подкупе влиятельных людей. Азербайджан посылал своих и турецких офицеров в качестве инструкторов и командного состава преимущественно в Дагестан. Грузия отправляла партизанские отряды из пленных красноармейцев, грузинский «легион», десятки офицеров-инструкторов под общим начальством генерала Кереселидзе, главным образом, в Чечню. Было установлено в отрядах повстанцев наличие и германских офицеров и унтер-офицеров. Было ли это результатом германотурецкого альянса и берлинской политики или мы имели дело просто с ландскнехтами? Меджлис назначил Кереселидзе «верховным главнокомандующим войсками горской республики». Али-Хаджи и Узун-Хаджи были признаны закавказскими правительствами в качестве полномочных начальников Чечни и Дагестана. И Грузия и Азербайджан обратились к иностранным миссиям, прося их поддержать «национальное движение народов горской республики». Гегечкори на съезде народной гвардии заявил прямо: «Не в интересах Англии включать Закавказье в пределы России»¹¹.

Начало сопротивления оккупантам – начало кемализма

Возвращаясь к будущему лидеру национально-освободительного движения Турции Мустафе Кемалю, напомним, что он был отозван с сирийской границы в столицу после подписания Мудросского перемирия, где он воевал с англичанами. Символично, что в столицу Кемаль вернулся 13 ноября, в тот день, когда вражеский флот бросил якорь на виду города. Наблюдая за этой операцией, он сказал адъютанту: «Как пришли, так и уйдут». Эти слова свидетельствовали о решимости «начать великую борьбу» с интервентами¹².

Особенно крупные выступления турецких патриотов-националистов стали происходить после высадки, по решению союзников, греческих войск в Измире 15 мая 1919 г. при активной поддержке их военными кораблями Англии, Франции и США. Турки начали должным образом координировать возникшее в различных районах страны движение сопротивления оккупантам. Так возникла организация, именуемая Кува-и Миллие («Национальные силы»). Это были ещё слабо организованные отряды партизанского типа, большого ущерба нанести грекам они не были в состоянии, но главное – они первыми стали бороться и действовали против врага. Что касается руководства начавшимся движением, то ни в коем случае нельзя сбрасывать со счёта и кадров иттихадистов. Бегство её лидеров за границу, самороспуск – все это не означало исчезновение партии как политической силы, весомо представленной в политической элите империи. В конце концов и М. Кемаль, не приемля курса лидеров формально распущенной партии, сохранял связи со многими её активистами, прежде всего её военным крылом. Именно военный корпус империи обеспечивал готовыми, хорошо обученными кадрами формировавшееся сопротивление интервентам.

Некоторые офицеры тайно отправлялись в Эгейский район, собирали там патриотов – интеллигентов, эфе (партизан), молодёжь, оставшихся в армии солдат, чтобы организовать выступления против греческих войск. Голландский турколог Эрик Цюрхер в своей работе, изобилующей множеством ссылок на новые источники, пишет, что первыми участниками и организаторами патриотических выступлений, в том числе вооружённых, против антантовских войск сплошь и рядом были бывшие члены партии

Единение и Прогресс, которая, объявив о своём самороспуске, вскоре учредила наследницу – партию Теджеддют («Возрождение»). Ими же были и многие либо последовательные соратники Кемалья, либо попутчики в борьбе против интервентов¹³.

Итак, первый фронт борьбы с интервентами возник на западе Анатолии, всё более заметным он становился по мере занятия греками после Измира городов Менемена, Маниссы, Тургутлу, затем их продвижения на Айдын, затем – на Назилли. Кемаль в это же время всё активнее действовал в оккупированном Стамбуле, он участвовал в беседах, спорах, тема которых – способы сопротивления оккупантам. Его квартиру посещали многие султанские военачальники, некоторые – самого высокого ранга¹⁴.

Оценив должным образом обстановку, получив информацию о первых очагах сопротивления, Кемаль и его близкое окружение приняло решение – перебраться в Анатолию. Переезд был облегчён тем, что мог осуществиться легально и с высокого «благословения» – 30 апреля 1919 г. М. Кемаль получил официальное назначение инспектора девятой армии, что означало командование этой армией. Штаб её размещался в Эрзуруме, свободном от оккупантов. Кроме того, в эту армию входила 15-я дивизия во главе с Казымом Карабекир-пашой, который вопреки перемирию свою дивизию не торопился распустить. Создав из доверенных ему людей свой штаб, Кемаль выехал в Самсун. Перед отъездом он выслушал личное напутствие султана Мехмеда VI Вахидедина – пресекать любые акты саботажа и враждебных действий против оккупантов. Ведь высадившиеся в том же Самсуне в марте 1919 г., ещё до Кемалья, 200 английских солдат явно не справлялись с наведением порядка в близлежащих регионах Анатолии. И, что не менее серьёзно, наведение англичанами «порядка» одновременно ждал оккупируемый ими Кавказ.

О серьёзных конфликтах, происходивших примерно в это же время на Кавказе, подробно пишет Деникин, поскольку его армия была в эти конфликты вовлечена непосредственно. Их источником оказалась, по мнению Деникина, независимая Грузия – «грузинские правители тянулись к сухумскому табаку, к батумским субтропическим культурам и к богатым Закаталам» – округу Азербайджана, населенному лезгинами; «они подавляли вооруженной силой сопротивление Южной Осетии, стремившейся к

национальному объединению с Северной, устремлялись к Сочи, Батуму, Ардагану, к северным уездам Армении»¹⁵.

Деникин упрекает также независимую Грузию за её действия, начиная с осени 1918 г., и в оккупированном ею Сочинском районе. Там шло «спешное расхищение грузинами русского казённого и частного имущества, всевозможные притеснения, аресты и высылки элементов, тяготевших к России, и вместе с тем оказывалось покровительство большевикам и проводилось вооружение их. Шли повальные грабежи и разбои»... Как выяснилось, «Сочинский округ по соглашению с англичанами признается нейтральным». Запросы деникинцев по этому поводу, обращенные к Лондону и Константинополю, оставались без ответа¹⁶.

Сочинский эпизод, пишет Деникин, «принял совершенно неожиданный для нас оборот, грузинская сторона утверждала, что Сочинский округ занят «по соглашению и настоянию(!) английского командования»... Посланный Уоккером полковник Уайт прибыл в Сочи и предъявил требование о немедленном выводе войск Добровольческой армии из Сочинского округа, в котором «будет установлен английский контроль». Но получил ответ, что Сочинский округ очищен не будет. В январе 1919 г. в Гаграх появилась рота англичан во главе с полковником Файнсом, ставшая по реке Бзыби, между расположением обеих сторон... Но на этом военный конфликт деникинской армии с Грузией не закончился, некоторое время спустя грузины возобновили свои попытки перейти Бзыбь. А 4 апреля 1919 г. грузинские войска, перейдя беспрепятственно линию английских постов и реку Бзыбь, ударили по деникинцам, в то время как в тылу их восстали зелёные¹⁷.

Эти и другие подробности, приведенные в мемуарах генерала Деникина, свидетельствуют, что английские оккупанты, задействованные на Кавказе в связи с интервенцией и в Россию, и в Турцию, уже с начала 1919 г. испытывали немалые трудности по поддержанию там порядка. Впереди же их ждали в этом регионе новые напасти, которые с помощью только своих войск они не были в состоянии решить. Во всяком случае, английское командование в Стамбуле вместе с султаном рассчитывали и на инспекционную поездку в восточную часть Анатолии боевого генерала османской армии М. Кемалья¹⁸.

19 мая 1919 г., через считанные дни после высадки греческих войск в Измире, Мустафа Кемаль в должности султанского

военного инспектора прибыл в Самсун, где и проживал со своим штабом в городке Хавза к югу от Самсуна, там он посетил Амасью. Убедившись лично в большом размахе освободительного движения в Анатолии, М. Кемаль еще более утвердился в намерении его поддержать, по мнению Шамсутдинова, он считал в ту пору, что «освободительная борьба в стране должна развиваться под “священным” знаменем падишаха во главе с самим султаном»¹⁹.

Призыв к султану не нашел отклика, М. Кемаль, стараясь избежать огласки, вместе с ближайшими соратниками приступил к организации, или, точнее, координации национального сопротивления интервентам²⁰. Первое, что сделал М. Кемаль – установил связи с остатками воинских частей и потребовал от них не выполнять условия перемирия, разослал уведомления о необходимости организации митингов протеста. Так, массовым стал митинг в Стамбуле²¹.

Между прочим, среди первых соратников Мустафы Кемала были недавние крупные сановники султанского режима, имевшие черкесское происхождение. Таким был, например, упомянутый Рауф Орбай, принявший участие в организации сопротивления в Анатолии с М. Кемалем. На пути из Стамбула в Анатолию в мае 1919 г. он вступил в контакт с товарищами – черкесами, которые были расселены в больших количествах в северо-западной Анатолии, призвав их к содействию. Сюда же можно причислить и такую известную в те годы фигуру, как Бекир Сами-бей, профессионального военного, дипломата²².

Национальное пробуждение в Турции выходцев с Кавказа было лишь слабым отражением того, что происходило на самом Кавказе, где одновременно или попеременно пытались решать свои проблемы и сами народы Северного Кавказа и Закавказья, и их добровольные покровители – германские и турецкие, затем английские войска, не говоря уже о двух враждовавших сторонах в гражданской войне – Белой и Красной армиях. События, связанные с Брестским миром, провозглашение независимых республик на Кавказе, гражданская война – весь этот клубок проблем пытались развязывать и штабы союзных армиях, включая Белую армию, находившиеся в оккупированном Стамбуле.

О сложившейся весной 1919 г. системе сложных подчинений, замыкавшихся в конечном счёте на едином оккупационном

английском режиме, много пишет А.И. Деникин. Он неоднократно свидетельствует, как непосредственный участник событий, о намерении англичан решать кавказскую проблему, территориальные вопросы Восточной Анатолии и юга России прежде всего в интересах Англии и путем балканизации всего этого обширного региона²³.

Если присовокупить к этому планы освоения Ирана, Ирака с Мосулом, аппетиты англичан в те годы представляются почти безграничными – на тот момент никто, казалось, не мог им уже мешать...

Что касается характера начавшегося кемалистского движения, по справедливости следует обратиться к такому авторитету среди турецких исследователей собственной истории, как Эмре Конгару. Он видит две части революции – *войну за независимость и реформы Ататюрка*. На этапе войны за независимость «кемалистская революция в своей основе – не социальная и экономическая революция, а революция политическая и идеологическая, хотя по своим итогам она была направлена на социальную и экономическую революцию»²⁴.

Летом и осенью 1919 г. в Балыкесире, Эрзуруме и Сивасе состоялись конгрессы национальных организаций, называвших себя «обществами защиты прав». В их работе приняли участие представители самых различных кругов: мелкий и крупный торговый капитал, чиновники, офицеры, адвокаты, журналисты, помещики и священнослужители. 14 июля 1919 г. в эрзурумской газете Альбайрак было опубликовано сообщение о том, что «его превосходительство Мустафа Кемаль-паша подал в отставку» с османской военной службы и что «сколь счастливо видеть во главе национального сопротивления такого уважаемого командира». Состоявшийся вскоре в Эрзуруме (в конце июля – августе) Конгресс Общества защиты прав восточных вилайетов, прошедший под его руководством, был, безусловно, его детищем²⁵.

Первый орган зарождавшейся анатолийской власти был учреждён уже на следующем конгрессе – Сивасском (4–11 сентября 1919 г.) – им стал исполнительный орган всех патриотических обществ и организаций, всех патриотических сил – *Представительный комитет* во главе с генералом Мустафой Кемалем. Сивасский конгресс определил основные принципы борьбы за независимость и принял развёрнутую программу действий.

В это же время горячо обсуждалась и решалась другая не менее важная проблема – пути выхода из враждебной изоляции, политические способы прорыва вооружённой блокады Антанты. На Сивасском конгрессе возникли споры вокруг принципа мандата, известны предложения некоторых делегатов, например Халиде Эдип, об американском мандате над Турцией. Решение об обращении с мандатом «к одной великой державе» не было включено в заключительную декларацию²⁶.

В отношении внешней помощи было принято решение исходить из принципа, принятого на Эрзурумском и подтвержденного на Сивасском конгрессах. 7-й параграф принятой в Эрзуруме декларации подчёркивал: «Мы с удовлетворением примем техническую, промышленную, экономическую помощь от любого государства, которое не питает враждебных намерений в отношении нашей страны». Турецкий автор А. Мюдеррисоглу считает, что тогда такая формулировка означала – речь идёт либо о США, либо о Советской России. Кемаль, по его мнению, склонялся к американской помощи, однако его вскоре переубедили по целому ряду причин: США были сторонниками стран Антанты, воевали с ними вместе в Первой мировой войне, и трудно было представить, что они будут поставлять в Турцию оружие, предназначенное для использования против её союзников²⁷.

Конгресс отказался принять условия мудросского перемирия и высказался против султанского правительства, возглавляемого Дамадом Ферид-пашой. Однако пока эти действия не означали противопоставления анатолийской власти султанской, стамбульскому парламенту. Возникавшее уже, по сути, двоевластие сохраняло в целом характер критического, но мирного взаимодействия, исключавшего жёсткие претензии сторон. Против начавшегося кемалистского движения выступали не только интервенты, активно вели себя в различных районах Анатолии и вооружённые отряды сторонников падишаха. Против этих действий использовались не только военные методы, но и пропагандистские – разъяснения о том, что освободительная война не направлена против падишаха²⁸.

Представительный комитет по согласованию с султанским кабинетом должен был действовать до созыва палаты депутатов (меджлиса), причем его местопребыванием была избрана Анкара.

Как только стали известны имена депутатов от Анатолии, комитет во главе с Мустафой Кемалем выехал 18 декабря 1919 г. в Анкару, чтобы уже оттуда руководить их отправкой в Стамбул²⁹.

Дорога в Анкару была в ужасном состоянии. Шёл снег, автомобили застревали, выходили из строя. Приходилось идти пешком до ближайшего селения, звать на помощь. О прибытии комитета жители Анкары знали заранее. В городе номинально сохранялась власть султана, однако временный губернатор больше действовал по своему усмотрению. Оккупационные войска были представлены небольшими группами англичан и французов. Местные власти и находившийся в Анкаре генерал Али Фуад-паша торжественно встречали прибывших. Из жителей Анкары, в те времена «запущенного полуразрушенного анатолийского городка», мало кто знал о программе кемалистов, о решениях Сивасского конгресса. Но одно анкарцам было ясно: Мустафа Кемаль и его спутники – это люди, не примирившиеся с оккупацией и собиравшие силы для изгнания чужеземцев. Поэтому на улицы Анкары вышло 27 декабря много людей – и ремесленники, и крестьяне из окрестных деревень, и не признававшие никакой власти участники повстанческих отрядов, и дервиши, и учащиеся. Отдельную группу встречавших составляли религиозные деятели во главе с муфтием города.

У деревни Гельбаши группу Кемалья встретили Али Фуад-паша и временный губернатор Анкары Яхья Галиб-бей, затем процессия направилась к железнодорожной станции. Здесь (в присутствии англичан и французов) состоялась торжественная встреча прибывших. Руководил церемонией муфтий Анкары Мехмет Рифат-эфенди (впоследствии министр по делам религии), затем Кемаль и его спутники направились к центру города, к мечети Хаджи Байрам. В тот же день было оглашено заявление о том, что местом пребывания Представительного Комитета становится Анкара.

Первые дни работы комитета были заняты главным образом совещаниями с депутатами, направлявшимися в Стамбул³⁰.

Впоследствии Мустафа Кемаль вспоминал, что не было возможности собрать депутатов всех сразу: одни только приезжали, другие были уже на пути в Стамбул. Приходилось «целыми днями повторять одно и то же» группам или даже отдельным лицам. На этих совещаниях был выработан проект Национального Обета –

программы, с которой должна была выступить в парламенте в Стамбуле фракция депутатов-кемалистов.

В Анкаре в описываемые месяцы сложилось своеобразное троевластие: власть оккупационных войск, власть губернатора, формально подчиненного султану, и власть Представительного комитета. Но господство оккупантов доживало в Анкаре последние дни, власти султана здесь фактически никто не признавал, к тому же ни у губернатора, ни у султанского военачальника Али Фуад-паши не было войск: старая армия развалилась, солдаты разбрелись по домам. Что же касается Представительного комитета, то продолжительное время он опирался скорее на идеи борьбы против оккупантов, чем на реальные возможности. У кемалистов почти не было ни средств, ни готовой военной силы. Подчинение партизанских сил кемалистам произошло позже.

В январе 1920 г. Кемаль посетил полковник генерального штаба султанской армии Исмет-бей (Инёню). Он провел в Анкаре несколько дней, обсуждая перспективы развития борьбы против оккупантов и взаимоотношений с султанским правительством. Перед возвращением в столицу Исмет-бей обещал Мустафе Кемалю отправлять в Анкару необходимую информацию о положении дел в Стамбуле.

12 января 1920 г. в Стамбуле открылась палата депутатов султанского парламента с участием представителей от Анатолии. Кемаль отправил по этому случаю его главе поздравительную телеграмму. Султан и британский верховный комиссар надеялись, что с открытием парламента национально-освободительное движение пойдёт на убыль. Первые дни его работы показали, что часть депутатов-националистов не торопилась выполнять взятые ими в Анкаре обязательства, не видя более необходимости в существовании «национальных сил» и Общества защиты прав. Не было выполнено и решение Представительного комитета о создании ими своей фракции в парламенте и о предъявлении союзникам требования вывести оккупационные войска из Киликии, Юго-Западной Анатолии, Измира, Айдына и Фракии. Впоследствии Кемаль в своей известной «Речи» («Nutuk») должным образом оценил этих людей, назвав трусами, пресмыкавшимися перед султаном и иностранцами.

А пока, 26 января 1920 г., Представительный комитет направил своим депутатам требование немедленно выполнить взятые

ими в Анкаре обязательства. Подчиняясь ему, депутаты-националисты 28 января сформировали свою фракцию и приняли проект «Национального Обета», в основе которого лежали решения Сивасского конгресса. Это была программа борьбы за независимость, определявшая территориальные границы и особенности устройства будущего турецкого государства, населенного «османским мусульманским большинством, объединенным религией, расой и идеей»³¹.

Успехи сторонников Кемаля в Стамбуле встревожили интервентов настолько, что от «мирной» оккупации столицы они решили перейти к вооружённому захвату Стамбула с введением военного положения, а султанскую власть окончательно превратить в безвластный марионеточный режим, верхушка которого, за исключением самого падишаха, менялась ими без всяких колебаний и консультаций. В феврале возобновили свои нападения на националистов и сторонники султана. Так, в соответствии с призывами из Стамбула произошли антианкарские восстания черкесов и абхазов в северо-западной Анатолии под руководством одного из их лидеров – Анзавура³².

18–20 февраля в Анатолии высадились хорошо оснащённые греческие войска, 23 февраля к Стамбулу подошла английская средиземноморская эскадра. 10 марта английские власти начали аресты в Стамбуле депутатов-националистов. Из Анкары срочно были эвакуированы английский и французский гарнизоны. Железнодорожная связь с Анкарой была прервана. 16 марта 1920 г. стамбульский телеграфист Хамди передал в Анкару на имя Мустафы Кемаля срочную телеграмму: ночью началась оккупация Стамбула. И действительно, в ночь с 15 на 16 марта 1920 г. в Стамбуле высадилась английская морская пехота, которая заняла правительственные здания, казармы, почту, телеграф, военные склады³³.

С первого дня оккупации в Стамбуле и его окрестностях было введено военное положение, 18 марта приостановилась деятельность палаты депутатов, были арестованы и сосланы на о. Мальту многие депутаты и видные политические деятели, поддерживавшие освободительное движение. 10 апреля шейхульислам Дюрризаде Абдуллах огласил фетву, в которой националистические силы были объявлены неверующими, и что это обязывает верующих убивать их. В ответ на это муфтий Анкары Рифат эфенди

огласил свою фетву, в которой объявлялось, что халиф оказался заключённым у неверных, что обязанность подданных – спасти его и его паству, что фетва, выпущенная по воле вражеских государств, лишена законности. Его поддержали сотни муфтиев и других религиозных деятелей³⁴.

Военный суд в Стамбуле заочно приговорил Мустафу Кемалю к смертной казни. Началась, таким образом, открытая война между Анатолией и Стамбулом, власть которого националисты не признавали теперь и формально. 11 апреля османская палата представителей была официально распущена султаном. Для турецких граждан был учреждён специальный военный трибунал. Правительственные учреждения, типографии, редакции газет и журналов были поставлены под строгий надзор оккупационных властей, а «порядок и спокойствие» поддерживались союзной полицией и жандармерией.

25 марта 1920 г. правительство Салих-паши подало в отставку, новое султанское правительство 5 апреля 1920 г. сформировал враг освободительного движения Дамад Ферид-паша, который, опираясь на реакционные организации «Свобода и согласие», «Общество друзей Англии», общество офицеров «Нигяхбан», «Лигу возрождения ислама», «Комитет спасения халифата», ужесточил борьбу с национально-освободительным движением³⁵.

В ответ на насильственный роспуск парламента в Стамбуле Представительный комитет во главе с М. Кемалем принял историческое и поистине судьбоносное для Турции решение – созвать в Анкаре, штаб-квартире национального сопротивления, новый парламент, включив в него представителей последнего стамбульского парламента.

Воззвания и решения, принятые Представительным комитетом в создавшейся ситуации, фактически означали, что в Анкаре приступило к работе первое Временное правительство революционной Турции. Из оккупированного Стамбула началось бегство патриотически настроенных людей. Военные, журналисты, чиновники группами и в одиночку, минуя вражеские заставы, потянулись в Анкару. Среди покинувших Стамбул сразу после его оккупации был и Исмет-бей³⁶.

Подготовка к выборам в новый парламент в Анкаре проходила в сложнейших условиях. Многие районы страны были оккупированы; во многих избирательных округах выборы не могли быть

проведены из-за военной обстановки, так что делегаты от них либо просто назначались местными властями, либо избирались на расширенных заседаниях муниципалитетов; некоторые вилайеты отказались признать законность выборов и совсем не прислали своих делегатов в Анкару.

Автор исследования о формировании Великого Национального Собрания Турции (ВНСТ), о первых в него выборах писал: «Особенностью этих выборов в Анатолии было отсутствие положения о выдвижении кандидатов в депутаты, некоторые кандидаты сами объявляли себя таковыми; другие оказались избранными, не будучи кандидатами, и отправляться в Анкару не собирались»³⁷.

Новый меджлис собрался в Анкаре 23 апреля 1920 г. в пятницу. На площади Улус, перед новым зданием, в котором перед этим размещался штаб французского гарнизона, собрались вновь избранные депутаты меджлиса и отправились во главе с Кемалем в историческую мечеть Хаджи Байрам-вели, где совершили намаз. Ходжа произнес приветственное обращение, прославляя освободителей родины и защитников ислама. Затем, после принесения жертвы, депутаты направились на своё первое заседание Великого Национального Собрания Турции. В его составе наряду с вновь избранными депутатами (312 человек) были и депутаты, бежавшие в Анкару из Стамбула (78 человек). Помещение ВНСТ представляло собой небольшое двухэтажное здание, зал заседаний освещался по вечерам двумя керосиновыми лампами, отапливался железными печками типа «буржуйки». Среди депутатов были офицеры, торговцы, помещики, кулаки, представители духовенства, чиновники, юристы, журналисты. Социальный состав первого революционного меджлиса ярко иллюстрировал, таким образом, характер элиты, представлявшей национально-освободительное движение.

Первое заседание открыл старейший депутат Шереф-бей, Мустафа Кемаль выступил вторым. Рабочие заседания ВНСТ начались 24 апреля. В этот день была оглашена декларация ВНСТ и депутаты принесли присягу на верность «Национальному Обету». Был избран президиум ВНСТ и его председатель – Мустафа Кемаль. Он оставался на этом посту до 29 октября 1923 г., когда Турция была провозглашена республикой, а Кемаль-паша избран её президентом³⁸.

25 апреля было сформировано временное правительство, объявившее себя единственной законной властью в стране и постановившее, что все приказы султана и его правительства не подлежат исполнению. Султанский режим ответил семью заочными смертными приговорами, вынесенными Кемалю и другим деятелям национально-освободительного движения.

Первым внешнеполитическим актом ВНСТ было обращение 26 апреля 1920 г. к Советской России. В Москву к В.И. Ленину было отправлено письмо за подписью Кемалья с официальным предложением установить дипломатические отношения и с просьбой помочь Турции в её борьбе за независимость. На себя Турция брала обязательство «бороться совместно с Советской Россией против империалистических правительств». Советское правительство первым в мире признало правительство ВНСТ и установило с Турцией дружественные отношения. В мае 1920 г. из Анкары в Москву выехала первая дипломатическая миссия ВНСТ, а в октябре 1920 г., несмотря на трудности с сообщением, в Анкару прибыла первая советская дипломатическая миссия.

Через некоторое время в ВНСТ дали о себе знать политические оппоненты сторонников Мустафы Кемалья, в связи с чем он создал парламентскую группу обществ защиты прав Анатолии и Румелии. Эти депутаты, не принимавшие идею республики и обвинявшие его в стремлении к личной диктатуре, создали свою, «Вторую группу» – как приверженцев иттихадистов и в целом прежнего султанско-халифатского режима. Её численность составляла примерно 120 депутатов, в то время как группа защиты прав насчитывала до 200 депутатов³⁹.

7 июня ВНСТ приняло закон, который объявлял недействительными все обязательства и соглашения, подписанные султанским правительством начиная со дня официальной оккупации Стамбула, то есть с 16 апреля 1920 г.

В это время участились реакционные мятежи против анкарского правительства⁴⁰. Для ликвидации контрреволюционных выступлений правительство ВНСТ мобилизовало часть сил, участвовавших в боях с греческими войсками. Из партизанских отрядов были созданы летучие отряды и кавалерийская дивизия. К началу июня партизаны сумели разгромить «халифатскую армию» и ликвидировать реакционные мятежи. В то же время они атаковали оборонительные укрепления англичан на Измитском полу-

острове. Против партизан выступили корабли английского флота. Силы были неравны, и партизаны были вынуждены отойти от Измитского залива.

В борьбе против французских оккупантов крупных успехов добились партизаны Южной Анатолии. В конце января 1920 г. они, разгромив французскую дивизию, освободили Мараш и Урфу. Девять месяцев продолжалась героическая оборона Антепа. Только за май его защитники отбили восемнадцать атак французских войск. В городах Тарсус, Адана, Позанты, Сис, Османие, Мерсин также шла ожесточенная борьба против оккупантов.

22 июня 1920 г. интервенты организовали против турецких патриотов всеобщее наступление греческой армии, снабдив её новейшей военной техникой. Одна группировка греческих войск, полностью экипированная Британией, повела наступление из Измира в глубь Анатолии. Другая группировка вступила в Восточную Фракию и захватила Эдирне. В результате наступательных операций греков значительная часть Западной Анатолии и Восточная Фракия оказались в руках оккупантов.

Воспользовавшись этими успехами, державы Антанты навязали султану Севрский мирный договор с целью официально закрепить по итогам мировой войны раздел союзницы побежденной Германии – Турции. Ко времени его подписания большая часть бывшей Османской империи была оккупирована странами-победительницами. Договор был подписан 10 августа 1920 г. в пригороде Парижа Севре⁴¹. По условиям договора, вся Восточная Фракия (за исключением Стамбула и прилегающих к нему районов) отторгалась от Турции в пользу Греции. Под власть Греции передавался также Измир с прилегающими районами, хотя номинально вся эта область оставалась под суверенитетом Турции. Зона Проливов передавалась в управление особой международной комиссии по Проливам, сами Проливы демилитаризовались, и устанавливалась неограниченная свобода прохода для всех военных и торговых судов без различия флага, как в мирное, так и в военное время. За Турцией Севрский договор оставлял Центральное Анатолийское нагорье. Столицей ее оставался Стамбул, но союзники имели право отнять его в случае нелояльного выполнения турками мирного договора⁴².

Отдельные части договора касались сфер влияния, капитуляций, защиты национальных меньшинств, гражданства, санкций.

Турция подлежала разоружению, восстанавливала отменённый младотурками капитуляционный режим и финансовый контроль со стороны держав Антанты. Грабительский характер носили те части договора, в которых трактовались экономические, финансовые и военные вопросы. Для финансового контроля создавалась особая союзная комиссия, которая распоряжалась как доходами, так и расходами Турции. Численность армии и жандармерии ограничивалась 50 700 человек. Войска находились под контролем союзной военной комиссии. Как отмечал А.Ф. Миллер, «если бы договор был реализован, Турция как государство должна была бы перестать существовать»⁴³.

Этот договор сформировал впоследствии в умонастроении турецких националистов так называемый «севрский синдром», ставший, можно сказать, частью национальной идеологии, в итоге он придал на долгие годы этой идеологии ожесточённость в отношении к меньшинствам в стране, к проблемам сепаратизма, целостности Турции.

Анкара – главный штаб новой власти

Великое национальное собрание Турции не только отказалось ратифицировать Севрский договор, но и аннулировало его. Турки, подписавшие его, были объявлены предателями нации. Борьба за отмену договора значительно расширила размах национально-освободительной войны.

После подписания Севрского мирного договора греческая армия, активно поддерживаемая Англией, продолжила своё продвижение к центру Анатолии, 29 августа ею был захвачен Ушак. Вместе с тем даже в западном мире по разным причинам поддержка англичан в Турции ослабла. Что касается мусульманского мира, то «Анкара сделалась в глазах мусульман второй Меккой». Дальние и близкие мусульманские соседи Турции увидели в ней центр борьбы против общего врага, направляли в адрес анкарских властей денежные пожертвования⁴⁴.

Сложная обстановка сохранялась на восточных границах Турции, они стали нестабильными. Возникший военный конфликт с Арменией перерос в войну, так и не расформированная на востоке турецкая армия под командованием К. Карабекира воспользовалась ею, чтобы в сентябре-ноябре 1920 г. реализовать пре-

тензии Турции на Сарыкамыш, Карс и Александрополь (Гюмрю). Позже по Карсскому договору 1921 г. район Гюмрю был возвращён Армении.

В это критическое для Анкары время важным делом было налаживание дружественных контактов с Советской Россией. Ни один историк в мире, даже самый недоброжелательный по отношению к советской власти, не оспаривает две истины, касающихся отношений в те годы России и Турции. Во-первых, революция в России уберегла Турцию от исполнения договорённостей стран Антанты 1915 г. о разделе Турции, передаче Проливов России. Во-вторых, эта революция превращала Россию в военного союзника перед смертельной угрозой исполнения Севрского «приговора» – территориальных обязательств Турции, содержащихся в этом мирном договоре. И действительно, оккупация турецких территорий и их делёж происходили одновременно с продолжением Антантой широкой интервенции в Южную Россию, Крым и на Кавказ. Штаб оккупантов в Стамбуле координировал свою охоту сразу «за двумя зайцами», если можно назвать зайцами российских коммунистов и турецких националистов. Расположившееся в Стамбуле командование британских сил в Турции и на Чёрном море координировало действия Белого движения в регионе; Врангель, который сменил Деникина на посту главнокомандующего Вооруженных сил Юга России, чтобы занять этот пост, был доставлен из Стамбула в Севастополь всё теми же англичанами на борту их эсминца «Emperor of India».

Торговый комиссар США в Стамбуле Э.Г. Мирс писал тогда в своей книге: «После того, как русская революция свергла прежний режим, ни на одну страну не повлияло это в такой степени, как на Турцию... Мы являемся свидетелями сенсационного возрождения Турции... Не будь коллапса царской России и взаимной вражды между союзниками и Советской Россией, кемалистское движение в любом виде оказалось бы не более чем пустяшной игрой»⁴⁵.

До сих пор нет ясности относительно того, как зародились турецко-советские отношения. Сейчас в турецкой литературе появляются утверждения, что они зародились сразу же по прибытии М. Кемаля в Анатолию в мае 1919 г., а не позже, когда анкарское Руководство послало известную телеграмму В.И. Ленину в апреле 1920 г.⁴⁶

Как бы то ни было, можно считать, что тема необходимости контактов с большевиками была тогда обсуждена самым серьезным образом, и в итоге, как пишет Гюрюн, было решено, что «во имя спасения родины необходимо установить сотрудничество с большевиками». Таким образом, во-первых, можно было бы «обеспечить получение от Советской России военной и финансовой помощи», во-вторых, союзники с большим пониманием отнеслись бы к Турции – с тем «чтобы не подтолкнуть её к слишком тесным отношениям с Россией»⁴⁷.

Как можно понять из скудных данных, приводимых К. Гюрюном, реализация взаимной готовности установить прямые контакты из-за текущих сложностей тогда не произошла, если и были такие контакты, они осуществлялись не далее пределов Кавказа, да и уровень их был невысоким. Однако в руководстве обеих сторон идея о готовности к сотрудничеству была воспринята и поиски способов её реализации в запутанной обстановке того времени продолжались.

В то же время появлялись и своего рода «самозванцы», связанные всё с тем же Караколом, «самовольно» заключавшие на Кавказе «соглашения» с местными и приезжими большевиками, предусматривавшими финансовую помощь России в обмен на обещание «проводить антибританскую агитацию по всей западной Азии, от Черного моря до Индии»⁴⁸.

В конечном счёте общим для всех национальных сил представителем оказался дядя Энвера, Халиль-паша, участник османских военных операций на Кавказе в годы Первой мировой войны. Он хорошо знал кавказские дела и своего прежнего сослуживца Карабекира, который и рекомендовал Кемалю использовать этого генерала в качестве неофициального представителя анкарской власти⁴⁹.

Советские руководители заявили о принципиальной готовности предоставить помощь. В России Халиль-паша также занялся организацией репатриации турецких военнопленных, из которых сформировал боевую часть, готовую к службе в рядах турецких националистов, а также добился отправки первой партии оружия морским путем к Трабзону и российского золота сухопутно через Азербайджан⁵⁰.

Привлечение Халиля-паши – лишнее свидетельство того, что на этом этапе все организаторы и участники национального

сопротивления нуждались в сотрудничестве всех антиантантовских сил. Кроме того, задействованные в этом процессе иттихадисты получали возможность быть ближе к мусульманскому Кавказу – он, как магнит, притягивал их (и не только их) особенно сильно.

Не ослабло внимание турок и к Северному Кавказу. Об этом свидетельствовало намерение некоторых иттихадистских военных, задействованных в кавказских делах ещё в 1918 г., вновь, уже в 1920 г., когда действовало анкарское правительство, отправиться на Кавказ, в Дагестан и Чеченистан. Речь идет об экспедиции Исмаила Хаккы Беркока. Под его началом в Стамбуле в начале 1920 г. упомянутое ранее Общество Северного Кавказа, действовавшее под разными названиями со времен правления иттихадистов и активно ими поддерживаемое, организовало с февраля по август 1920 г. военную экспедицию (под видом этнографической) в Дагестан и Чечню. В её составе были недавние султанские офицеры кавказского происхождения. Как считалось, они должны были помочь своим соплеменникам на Северном Кавказе создать под руководством обосновавшегося в Тифлисе правительства Северного Кавказа независимую республику – ту, которая была провозглашена в Стамбуле в 1918 г. в обращении к султану⁵¹.

Теперь же, как пишет об этом автор дневников, отправка миссии была одобрена также и Мустафой Кемалем. Эта «этнографическая» миссия отправилась 2 февраля 1920 г. из Стамбула на пароходе и ночью тайно высадилась под носом у англичан в Батуме, откуда она добралась до Тифлиса, где находилось временное правительство Северного Кавказа. Далее, получив у этого «правительства» азербайджанские паспорта, она «следовала его директивам» – выехала поездом в Баку, где провела несколько дней, оттуда направилась к дагестанской границе и, перейдя её, отправилась где верхом, а где и пешком в многомесячное путешествие по сёлам и городам Дагестана и Чеченистана⁵².

Автор пишет, что в ходе поездки постепенно «выяснялась правда – уверения прибывающих в Стамбул посланцев в том, что уже почти создана власть независимого Северного Кавказа, не соответствуют действительности»⁵³.

Главной задачей миссии стала организация «народного собрания», поскольку попытки способствовать созданию местной

власти самими жителями успеха не имели. Самой активной фигурой миссии предстаёт в публикации полковник генштаба Исмаил Беркок – он давно «прославился среди горцев и известен повсюду», он советует местным жителям и их вождям, как вести себя с большевиками, как организовать митинги в защиту независимости Северного Кавказа. Он и его спутники – активные участники подготовки выборов в организуемый ими национальный меджлис⁵⁴.

С ходу был подготовлен и черновик клятвы для членов национального курултая, его перевёл на чеченский язык переводчик Исмаила-паши, сами члены миссии говорили по-турецки⁵⁵.

К концу мая экспедиция решила возвращаться в Грузию, пришлось для этого пройти по горным тропам через перевалы. Вдоль р. Аргун они вышли к Итум Кале, затем прошли к «горным чеченцам» и вернулись в Грузию. В Тифлисе они узнали, что Азербайджан захвачен большевиками, наступала очередь Грузии⁵⁶.

Автор приводит полный текст отчаянного обращения к Энверу из Тифлиса в июле 1920 г. за подписью председателя бывшего меджлиса Азербайджана доктора Хасана с просьбой спасти Азербайджан и весь Кавказ от большевиков. В обращении говорится, что при вступлении русских 27 апреля в Баку Халиль-паша и д-р Фуад встретили русских как союзников, помешали жителям оказать им сопротивление. Далее он высказывал предположение, что по всей видимости, турецкие офицеры, Халиль-паша и его окружение арестованы и отправлены в Россию⁵⁷.

В Тифлисе членов экспедиции посетил вечером «министр иностранных дел республики Северного Кавказа» Хайдар Бамат, рассказал о состоянии дел в регионе. В записках высказано беспокойство по поводу отношения кемалистской власти к некоторым выходцам с Северного Кавказа⁵⁸. Также в Тифлисе автор «случайно» встретил прибывшего с двумя сирийскими чеченцами Саит-бея, внука Шамиля. Он отправлялся в Дагестан с теми же целями, что и миссия Бутбая-Беркока. «Пребывание там Саит-бея объединило бы воедино горцев, раздробленных на племена и поделенных между шейхами», они выступили бы «против русских как единая сплоченная сила»⁵⁹.

Возвратившись в Трабзон, Исмаил Хаккы Беркок посчитал необходимым направить Карабекиру подробную информацию о результатах поездки на Северный Кавказ. Очевидно, разобрав-

шись с кемалистскими планами военного сотрудничества с большевиками и создания для этого на Кавказе соответствующего коридора, в сообщении Беркока участники поездки представлены как нейтральные наблюдатели, подробностей же о настойчивых попытках организовать местные силы с целью сопротивления большевикам, провозглашения независимости, о том, как «турецкие кавказцы» буквально за руку пытались организовать в этом направлении местных жителей, в дневнике М. Бутбая вовсе нет⁶⁰. Действительно, и Халиль-паша, и Нури-паша уговаривали Кемалья и Карабекира поддержать независимость кавказских республик, связывая с этим давние пантюркистские и панисламистские планы младотурок (они хорошо просматриваются по дневнику Бутбая). Англичане же видели в такой независимости возможность реализации плана создания санитарного кордона между двумя революциями – большевистской и кемалистской. Карабеккир пишет в своей книге: «Англичане в случае прихода на Кавказ большевиков хотели создать объединённый фронт из меньшевистской Грузии, дашнакской Армении и мусаватистского Азербайджана».

Об этом же ещё в феврале 1920 г. говорил в одном из своих отчётов Кемаль: «Государства согласия имеют план прервать непосредственную связь между большевиками и турками, используя кавказские народы. Они признали независимость Азербайджана, Армении, Грузии, возможно Северного Кавказа, а теперь, чтобы победить в войне с большевиками, они таким образом их поощряют и поддерживают... Если они этого добьются и превратят народы Кавказа в барьер против нас, если Турция окажется окруженной, все возможности нашей страны сопротивляться будут подорваны в корне. Проект превращения Кавказа в китайскую стену – это безусловно проект уничтожения Турции... Необходимо принять все меры к тому, чтобы разрушить барьер, установить контакты с кавказскими государствами, понять их намерения»⁶¹.

Эти опасения не подтвердились, 11 апреля 1920 г. Красная Армия сконцентрировалась севернее азербайджанской границы и 26 апреля её пересекла. Совпадение это или нет, но именно 26 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль от имени ВНСТ обратился к председателю Совета народных комиссаров В.И. Ленину с письмом, в котором предлагалось установить дипломатические отношения с

Советской Россией, высказывались как решимость «совместно с революционной Россией бороться против империализма», так и надежда новой Турции «на содействие Советской России в борьбе против напавших на Турцию империалистических врагов».

Через день 27 апреля бакинские большевики потребовали, чтобы националистическое правительство передало им власть. Президент М.Е. Ресульзаде умолял не делать этого. Даже если Красная Армия прибыла, чтобы помочь Турции, «спасительнице Азербайджана», это окажется военным вмешательством, которое реставрирует власть России. Парламент пренебрёг этой мольбой, и 28 апреля власть перешла в руки Азербайджанского Временного революционного комитета. Была провозглашена Азербайджанская ССР.

Однако Армения, управляемая националистской дашнакской партией, также еще являлась барьером, препятствующим соединению Турции с большевиками. Она просуществовала до ноября 1920 г.⁶² В ноябре 1920 г. была установлена советская власть и образована Армянская ССР.

Письмо М. Кемаля к В.И. Ленину от 26 апреля 1920 г. принято считать началом официальных отношений новой Турции с Советской Россией. 11 мая Великое Национальное собрание Турции послало своего министра иностранных дел Бекира Сами во главе первой официальной делегации ВНСТ в Москву для подготовки общего договора. Делегация добиралась долго, преодолевая упомянутый «барьер», и прибыла в Москву лишь 19 июля 1920 г. 24 июля состоялась встреча Бекира Сами и его заместителя Юсуфа Кемаля с народным комиссаром иностранных дел Г.В. Чичериным и Л.М. Караханом, а 14 августа турки имели беседу с В.И. Лениным. 24 августа соглашение относительно сотрудничества было парафировано. В разделах, предусматривавших помощь, речь шла о двух её видах: а) вооружением, боеприпасами, материалами и деньгами, б) в случае необходимости – путём совместных военных действий. Как пишут турецкие историки, этот второй вид помощи не потребовался. Денежная помощь согласована была в сумме 10 млн. золотых рублей (то есть 1 250 000 османских золотых).

В июле 1920 г. Халиль-паша (Кут) возвращался из Москвы уже с первым вкладом северного соседа в военную помощь дружественной Турции – с золотом на сто тысяч лир. Именитый

«курьер» доставил её с огромными трудностями до Нахичевани и только 8 сентября 1920 г. эти золотые слитки прибыли в Эрзурум, взвешены и переданы по назначению – 200 кг в распоряжение Восточной армии (то есть Карабекиру), остальное золото было отправлено в Анкару.

Настойчивую попытку связаться с Москвой предприняли через германских социалистов и бежавшие в Берлин лидеры иттихадистов. Как считает Эрик Ян Цюрхер, иттихадисты первыми установили контакты с большевиками. Энвер-паша посетил в берлинской тюрьме Карла Радека и по его ходатайству Радек был освобождён⁶³. В Москве предложение хорошо известного в среде мусульман Энвер-паши, высказанное в Берлине через Карла Радека, вызвало немалый интерес и вскоре с ним было заключено соглашение о сотрудничестве⁶⁴.

Тогда же Энвер-паша предпринял несколько попыток выехать в Советскую Россию. Наконец 7 августа 1920 г. через Белосток Энвер добрался до Москвы⁶⁵.

Напомним, что именно в августе 1920 г. состоялось подписание Севрского договора. О том, что в это время Энвер-паша представлял для большевистского руководства огромный интерес, свидетельствуют телеграммы Ф. Держинского Ленину и члену РВС Западного фронта И. Смильге от 11 августа 1920 г.⁶⁶

С прибытием Энвер-паши в Москву усложнилась проблема представительства Турции. Манго пишет, что Энвер начал было переписываться с Мустафой Кемалем и представлялся как лидер Исламской революционной организации, но в вежливом ответе Кемалья прозвучало предупреждение, что «панисламская агитация может встревожить русских». Мустафа Кемаль также ответил на письма, полученные от Талаата и Джемалья, поблагодарив их за предложение содействия, но настаивал, что поскольку теперь действует должным образом созданное в Анкаре правительство, им следует за рубежом поддержать его политику. Тем временем Энвер отправился в Баку на открывшийся 1 сентября 1920 г. Съезд Народов Востока, но принят там был неоднозначно. Члены турецкой Коммунистической партии, возглавляемые Мустафой Субхи, не позволили ему выступать, говоря, что его надлежащее место – Народный трибунал. Энвер возвратился в Берлин⁶⁷. Позже, 7 ноября 1920 г., демонстрируя своё предпочтение анкар-

ским лидерам, советское руководство открыло в Анкаре посольство РСФСР.

Касаясь контактов Энвера с Карлом Радеком, русскими большевиками (и наоборот), нельзя не коснуться проблемы влияния коммунистического движения в целом на турецкую общественность. Турецкие исследователи по-разному оценивают это влияние. Некоторые пишут, что большого влияния на турецкое общество оно не оказало, несмотря на существование компартии. Однако английский турколог Манго не упрощает проблему. Он считает, что большевики оказались «опасными друзьями для М. Кемаля, попытка получить московское золото и оружие поощрила появление сочувствующих коммунизму в дезорганизованных рядах турецких националистов»⁶⁸.

Переговоры в Москве Бекир Сами с большевиками оказались трудными. 24 августа 1920 г. соглашение относительно сотрудничества было парафировано, но три дня спустя советский комиссар иностранных дел Г. Чичерин заявил, что Турция должна уступить армянам часть областей Вана и Битлиса, в дополнение к территориям, которые ранее на 1914 г. находились в пределах Российской империи (с исключением, возможно, Сарыкамыш). Бекир Сами сразу не мог связаться непосредственно с Анкарой и отправил в Турцию с соответствующим запросом Юсуфа Кемаля.

Ответ Кемаля был отрицательный – Турция не будет уступать ни дюйма территории. С этим 14 декабря Юсуф Кемаль с делегацией выехал в Россию через Баку и только 18 февраля 1921 г. они прибыли в Москву. 19 февраля новый посол Турции в Москве Али Фуад вручил Чичерину верительную грамоту, советский посол Буди Мдивани прибыл в Анкару. В закавказских республиках в это время завершалась смена режимов, 14 февраля 1921 г. Красная Армия начала наступление на Грузию, 25 февраля она вошла в Тифлис.

26 февраля обновлённая турецкая делегация уже во главе с Юсуфом Кемалем возобновила переговоры с московскими властями, а вскоре анкарские власти стали вести разговоры о вторжении в Батумский район. 11 марта «под аплодисменты населения» турецкие отряды вошли в Батум. Грузинские партизаны стали нападать на турок, Красная Армия приближалась к Батуму и 20 марта вошла в город, нейтрализовав турецкий батальон⁶⁹.

Эти события совпали с дипломатической активностью в Москве, завершившейся 16 марта 1921 г. заключением Договора о дружбе и братстве. В преамбуле договора подчёркивалось, что оба правительства разделяют «принципы братства наций и право народов на самоопределение», отмечают существующую между ними «солидарность в борьбе против империализма»; воодушевлены желанием «установить постоянные сердечные взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу». Объявлялись отменёнными и не имеющими силы все старые договоры, стороны обязались не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, претендующих на роль правительства другой страны или части ее территории. Важной составляющей этих переговоров была всё та же тема помощи, практически уже начатой.

Договор закрепил территориальные приобретения Турции по Гюмрскому (Александропольскому) договору, за исключением самого Гюмрю (впоследствии Ленинакана, а ныне вновь Гюмрю), который должен был быть возвращён Армении. Турция также сохранила за собой Артвин и Ардаган. В отношении Батумского района Турция «повела себя реалистично», отказавшись от него в пользу Грузии – это мнение и турецких авторов. Исполнявший обязанности народного комиссара иностранных дел Турции А. Мухтар заявил, например, депутатам ВНСТ 3 января 1921 г.: «Порт Батум имеет особое положение. Батум является единственным окном, через которое могут дышать кавказские республики, все живущие там около 12 млн. человек различных национальностей». В силу сказанного он считал возможным «проявить самоотверженность» и «поступиться национальными интересами»⁷⁰.

Здесь уместно вспомнить Бекира Сами, начавшего, но так и не сумевшего завершить переговоры в Москве по поводу договора. После возвращения из Москвы он тут же был отправлен во главе анкарской делегации на конференцию в Лондоне и участвовал в ней наряду с представителями другой, султанской делегации. Турецкая хроника свидетельствует о пребывании и интенсивных встречах его в Лондоне с 21 февраля по 12 марта 1921 г. После возвращения с Лондонской конференции Бекир Сами-бей встретился с Халиде Эдип и рассказал об обстоятельствах своей беседы в Лондоне с Ллойд Джорджем, ставшей причиной политического скандала. Она напоминает, что Бекир Сами-бей принад-

лежит к знатному семейству родом с Северного Кавказа. Затем она излагает содержание скандальной беседы: «Прежде всего, он (Бекир) заговорил о Турции. Но затем о том, что он хочет свободы для Кавказа в целом и для северного Кавказа – особенно. Всё, что он увидел в новой России, убедило его, что в опасности не только приграничные народы, но и внутреннее состояние, если новые русские идеалы будут приняты на Западе и в Турции. То, что он предлагает – это объединение этих пограничных народов с турками в форме федеративного буферного государства между Россией и Западом, а при необходимости, мобилизация всех этих народов под главенством Турции, чтобы сражаться с большевистским режимом, при этом и он хотел бы поддержки Англии»⁷¹.

Что касается договора, то вне его официального текста Советская Россия согласилась предоставить Турции 10 млн. золотых рублей. Речь шла не только о помощи в золоте, турецкие авторы помимо оружия и боеприпасов называют в списках помощи и оборудование мастерских по производству оружия, шорную и ткацкую. Но что особенно важно, Москва помогала оружием и боеприпасами. Их складирование осуществлялось в портах Новороссийска и Туапсе, а центром отправки этих грузов в Анатолию был выбран порт Туапсе, куда был направлен турецкий представитель с консульскими полномочиями. Затем представители Анкары появились в Батуми и Новороссийске⁷². Не прекращалась отправка в Турцию с различными оказиями и денежной части помощи – прибывший 6 октября 1920 г. в Анкару с очередной информацией о ходе переговоров в Москве министр экономики Юсуф Кемаль-бей имел при себе также 1 млн. золотых рублей. Такие возможности доставки крупных партий золота использовались и позже, уже после того, как 7 ноября 1920 г. в Анкаре открылось первое иностранное посольство в кемалистской Турции – посольство РСФСР⁷³.

Спустя полгода после подписания Московского договора республики Закавказья, установив советскую власть, 13 октября 1921 г. в Карсе подписали единый договор о дружбе с представителями кемалистского правительства. Сам договор вызвал негативную реакцию ряда влиятельных кемалистов, бывших уроженцами Кавказа. Однако его утверждение в ВНСТ прошло без особого напряжения, благодаря поддержке сторонников М. Кемалья⁷⁴.

Посетивший Турцию со 2 декабря 1921 г. по 14 января 1922 г. командарм М.В. Фрунзе 2 января подписал с Турцией от имени Украины договор о дружбе. Он провел неоднократные встречи с Кемалем, участвовал в подготовке плана контрнаступления турецких войск на Западном фронте, при отъезде принял от Кемала письмо для передачи В.И. Ленину⁷⁵. Подписание М.В. Фрунзе договора в Анкаре развеяло подозрения, возникшие у него и у других членов советского руководства относительно целей франко-турецкого договора от 20 октября 1921 г., по которому Франция признавала правительство ВНСТ и обязалась эвакуировать свои войска из Киликии. Договор свидетельствовал о понятном намерении кемалистов нормализовать отношения с Западом, но в нём не было положений, противоречивших принципам советско-турецкого сотрудничества, хотя некоторые анкарские политики и надеялись первоначально использовать франко-турецкий договор как способ односторонней переориентации на Запад внешней политики Анкары.

Кстати, поводы для подрыва такого сотрудничества возникали тогда и на советской стороне. Как пишет проф. М.С. Мейер, ещё в октябре 1921 г. Чичерин в письме Ленину обращал его внимание на произвол чекистов в отношении турецких дипломатов и коммерсантов, на действия особых органов и вообще чекистов на Черноморско-Кубанском побережье. Позже, в апреле 1922 г., чекисты, в нарушение норм дипломатического протокола, провели обыск в доме военного атташе, арестовали его помощника и конфисковали его документы⁷⁶.

Советская Россия, первой признавшая правительство Кемала, первой же направила своих дипломатических представителей в Анкару⁷⁷. Открытие советского посольства в Анкаре состоялось 7 ноября 1920 г.⁷⁸ Важно отметить, что описанные выше контакты кемалистов с Москвой осуществлялись параллельно их усилиям остановить начавшееся греческое наступление, целью которого была новая власть в Анкаре. В это время греческая армия продолжала двигаться с запада к Анкаре. 26 марта 1921 г. она вошла в Адапазары, а 12–20 июля греки смогли занять Афьон-Карахисар, затем Кютахью и Эскишехир. В конце августа – начале сентября 1921 г. уже шли ожесточённые бои под Анкарой на реке Сакарья. На поступающие из России золотые рубли кемалисты торопились закупить прежде всего оружие и боеприпасы.

Позже, 8 октября 1921 г., министр финансов Хасан (Сака) на заседании меджлиса отчитывался перед депутатами об использовании русской помощи, поступившей в 1921 г.: «В распоряжение правительства поступило некоторое количество русского золота. Эти средства дружественное нам российское правительство предоставило безвозмездно в качестве экономической помощи... Они поступали тремя партиями: 10 августа, 25 августа, 4 октября. Всё это пошло на нужды армии»⁷⁹. Надо отдать должное властям – они не уповали на помощь Москвы как на единственное средство спасения от врага. Об этом ярко свидетельствовала оборона Анкары.

Победа завоёвана

Успехи кемалистов в контролируемых ими районах страны долго не могли компенсировать неудачи на западе – там интервенты решали турецкие проблемы по принципам Версаля.

Анкара нуждалась прежде всего в своей армии, способной решать не только кавказские проблемы, но и остановить и разгромить оккупантов в Западной Анатолии, во Фракии, освободить столицу – Стамбул. Отношения между кемалистами и основной тогда боевой силой – партизанами – носили характер эпизодических контактов, отдельных переговоров по поводу проведения военных операций против сторонников султана и Антанты. Между тем антикемалистские восстания вспыхивали то в одном, то в другом районе Анатолии. В апреле 1920 г., в дни создания нового меджлиса, пламя восстаний приблизилось к Анкаре: в Болу и Дюздже восстали черкесские и абазинские поселенцы – сторонники султанской власти, соединившиеся вскоре с армией халифата, действовавшей в Адапазаре и Гейве. Единственной активной силой в борьбе против этих сил оказались в то время партизанские части под командованием черкеса Эдхема⁸⁰.

В описываемое время значительную помощь кемалистам оказывало также ещё одно партизанское соединение – Зелёная армия, полувоенная, полуполитическая организация, испытывавшая сильное влияние социалистических и коммунистических групп, возникших в эти годы в Турции⁸¹. Рост влияния Зелёной армии тревожил кемалистов, но к концу 1920 г. они смогли добиться её самороспуска. Это в значительной степени облегчило анкарскому

правительству задачу подчинения боевых партизанских групп и реорганизации их в регулярные части. К началу 1921 г. в регулярной армии насчитывалось уже 90 тыс. человек.

В ходе укрепления своей власти, подчинения одних партизанских объединений и ликвидации других, кемалистам удалось подавить и деятельность Коммунистической партии Турции (КПТ), созданной в сентябре 1920 г. на съезде в Баку. КПТ выступала не только за независимость страны, за создание общенационального антиимпериалистического фронта, но и за удовлетворение экономических и политических интересов рабочего класса, крестьянства. Кемалисты, боясь усиления деятельности коммунистов, сначала попытались подорвать влияние партии и для этого создали в октябре 1920 г. свою «коммунистическую» партию, которая под вывеской «турецкого коммунизма» выступала с лозунгами классового сотрудничества, соединяя их со «священными основами ислама». Позже, в январе 1921 г., было спровоцировано убийство председателя КПТ Мустафы Субхи и его 14 соратников в Трабзоне⁸².

Несмотря на успехи партизан и создаваемой регулярной армии (среди них – успех в январе под деревней Иненю турецких войск под командованием Исмета), в 1920 г. – первой половине 1921 г. кемалистам не удалось остановить греческое наступление вглубь Анатолии. Напомним, что в то время, когда решались кавказские проблемы, когда готовился советско-турецкий Договор о дружбе и братстве, греческая армия продолжала наступать с запада к Анкаре⁸³.

12 августа Мустафа Кемаль вместе с начальником генштаба Февзи-пашой побывал во фронтовой ставке в Полатлы, на обратном пути его лошадь внезапно шарахнулась и сбросила всадника, из-за сломанного ребра Кемаль пять дней оставался в Анкаре, затем вернулся на фронт. 15 августа греческий король Константин отдал приказ о наступлении на Анкару, в конце августа – начале сентября 1921 г. уже шли ожесточённые бои под Анкарой на реке Сакарья. На поступавшие из России золотые рубли кемалисты торопились закупить прежде всего оружие и боеприпасы⁸⁴.

ВНСТ назначило Кемалья главнокомандующим с наделением на три месяца чрезвычайными полномочиями. Исмет-паша стал командующим Западным фронтом. Правительство приняло ряд жёстких мер по укреплению дисциплины и мобилизации всех

имевшихся у населения средств для обеспечения армии продовольствием, транспортом, обмундированием. Реквизиции проводились под лозунгом: «Отдадим фронту 40% всего, что имеем!»⁸⁵

Перед последним решающим сражением за Анкару греческая армия превосходила турецкую и по количеству солдат, и по вооружению. Турецкая армия насчитывала 40 тыс. винтовок, греческая – 88 тыс., в турецкой армии было 700 пулеметов, у греков – 7 тыс., пушек у первых – 177, у вторых – 800, у греков было до 20 самолетов, у турок – только два⁸⁶.

19 августа 1922 г. в резиденции Чанкая состоялся прием, на который Кемаль пригласил многих видных людей Турции, не занятых в боевых операциях. Однако самого хозяина на приеме не оказалось. Как потом выяснилось, Кемаль в это время был уже далеко от Анкары. Он выехал на фронт, где готовилось общее турецкое наступление. Прием же был объявлен, чтобы усыпить бдительность вражеской агентуры в Анкаре. С согласия Кемалья в состав кемалистской армии была принята известная писательница Халиде Эдип, 20 августа она прибыла на фронт.

С 23 августа по 13 сентября в нескольких десятках километров западнее Анкары происходило крупнейшее за всю историю города сражение. Греческим войскам удалось овладеть восточным берегом реки Сакарья и, продвинувшись вдоль железной дороги, захватить Полатлы. Правый фланг греческой армии, действовавший юго-западнее Анкары, занял город Хаймана и к 1 сентября продвинулся к Анкаре на расстояние до 50 км. Однако наступательный порыв греческих войск был сломлен упорным сопротивлением турок. Обессиленные греческие части не могли продвигаться дальше. Огромным напряжением сил турецкая армия 13 сентября отбросила греческие войска за Сакарью. Анкара была спасена, вскоре штаб Западного фронта был переведен в Сиврихисар⁸⁷.

27 сентября 1921 г. Кемаль-паша получил письмо от своей матери Зюбейде ханым, проживавшей в Стамбуле. Она поздравила сына с присвоением ему от имени ВНСТ маршальского звания и титула Гази. Также за храбрость в сакарийской битве 129 её участникам от имени ВНСТ были вручены грамоты с благодарностью, 234 участникам – медаль Независимости. 26 августа 1922 г. началось Великое Турецкое Наступление, как называют его турецкие историки, в этот день был освобождён Эскишехир.

Наступление развивалось стремительно, турки выиграли сражение у Думлупынара, заняли Кютахью. 9 сентября был освобождён Измир, а 16 сентября – Бандырма, последний пункт на территории Турции, находившийся в руках греков.

Освобождение Измира стало важным событием и в личной жизни Кемаля. В те дни он познакомился со своей будущей женой. Грандиозный пожар, начавшийся в Измире, поиски ночлега и места для штаба привели его в дом влиятельного турецкого купца Муаммера Ушакизаде, где находилась его дочь Латифе. Свидетельницей первых встреч Кемаля с Латифе была Халиде Эдип, сопровождавшая в сентябрьские дни 1922 г. его штаб при освобождении Измира. Когда вечером, на следующий день после вступления в Измир, 10 сентября, она встретила Кемаль-пашу, ей бросился в глаза его необычно радостный вид. Оказывается, он познакомился с молодой женщиной по имени Латифе, которая только что вернулась с учёбы из Франции, где слушала право. «Он по секрету рассказал мне, что на шарфике Латифе заметил свой портрет и что, подойдя к нему, она показала шарфик и спросила – вы не против? Почему я должен быть против? Он удовлетворённо рассмеялся. Она также гостеприимно предложила ему и его штабу разместиться в её доме»⁸⁸.

Свадебная церемония 29 января 1923 г. состоялась в доме отца невесты Муаммер-бея Ушакизаде. Свидетелями от Кемаля были маршал Февзи Чакмак и Казым Карабекир, от Латифе ханым – Мустафа Абдульхак Ренда и Салих Бозок. Присутствовал также кадий Измира.

Однако этот брак оказался недолгим. Первое время их часто видели вместе и в Анкаре, и во время поездок по стране. Но затем публичные визиты и поездки вместе стали редкостью и 5 августа 1925 г. произошел их развод, о чём 11 августа 1925 г. официально сообщил Мустафа Кемаль в своём письме правительству. Детей у Ататюрка и Латифе ханым не было. По свидетельству многих авторов, Латифе была достойна внимания и уважения не только за свою красоту, но, прежде всего, за свой ум и отношение к окружающим⁸⁹.

Впоследствии кому-то из близких она призналась, что, когда они разводились, Мустафа Кемаль сказал ей: «Латиф, дай мне слово солдата, что ни с одним газетчиком ты не станешь говорить о нашей совместной жизни. И я дала ему это слово солдата»⁹⁰.

Итак, кемалисты сумели одержать победу над греческой армией, освободив к 18 сентября 1922 г. от интервентов всю территорию Анатолии, пленив даже её главнокомандующего – генерала Трикуписа. Можно представить, как «решался» в такой войне национальный вопрос. Сотни тысяч беженцев – греков, армян покинули страну, побросав все своё имущество, лавки, дома, землю, мастерские, фабрики.

Освободив Анатолию, турецкая армия попыталась переправиться на европейский берег, с тем чтобы закончить освобождение всей страны, включая Проливы, Стамбул и Восточную Фракию, но английское командование воспротивилось этому, пригрозив продолжением военных действий. Уладить конфликт взялся известный туркам по переговорам 1921 г. французский дипломат Франклен-Буйон. Ссылаясь на полномочия от всех держав Антанты, он заверил Кемалья, что Турция получит Восточную Фракию без боя, после чего Кемаль согласился на перемирие и приостановил движение войск.

3 октября 1922 г. в городе Муданья, на берегу Мраморного моря, начались переговоры по заключению перемирия. Турцию представлял командующий западным фронтом Исмет-паша, Антанту – верховные комиссары Англии, Франции и Италии в Стамбуле. Греческие делегаты фактически не принимали участия в переговорах, таким образом ещё раз подтверждалось, что державы Антанты, а не Греция – подлинные организаторы интервенции и ответственные за её последствия. Союзники противились немедленной передаче Восточной Фракии туркам, в ответ Исмет-паша прервал переговоры, а его армия направилась к проливам. В результате договорились о том, что в Восточную Фракию прибудет кемалистская администрация и жандармерия, а эвакуация союзниками войск из Стамбула произойдет после заключения окончательного мира. 11 октября 1922 г. акт Муданийского перемирия был подписан⁹¹.

По окончании военных действий ВНСТ принялось наводить «порядок в доме», хотя сам этот коллективный хозяин не отличался согласием внутри себя и что – самое опасное – в отношении судьбы стамбульского режима. Двоевластие было опасно хотя бы потому, что вскоре предстояло начать переговоры по мирному договору – 20 ноября 1922 г. открывалась Лозаннская конференция.

Принятый ВНСТ по инициативе Кемалья и его группы 20 января 1921 г. закон «Об основных организациях» считается первой конституцией, принятой новой, зарождавшейся властью. Закон насчитывал 23 статьи, уже первая статья гласила, что «верховная власть безусловно принадлежит нации». 2-я – что исполнительная власть и законодательная инициатива исходят от ВНСТ и что Турецкое государство управляется Великим Национальным Собранием, которому принадлежат, в частности, такие права, как формирование правительства, а также «проведение в жизнь постановлений, касающихся религии, опубликование всех законов и их изменение и отмена, заключение мира и договоров, объявление родины в состоянии обороны» и т. д. Закон определял функции председателя Великого национального собрания, депутатов, правительства и местной администрации, вплоть до уездных начальников и волостных старшин. Только о султানে-халифе не говорилось ни слова. Опасаясь развала национального фронта в самый разгар войны с интервентами, кемалисты не стали тогда спешить ликвидировать султанат и объявить страну республикой⁹².

Формально закон «Об основных организациях» не отменял, а лишь «дополнял» старую конституцию (то есть «конституцию Мидхата» 1876 г. с поправками 1909 г.), но на деле он не оставлял монарху никакого места в управлении страной. Это было существенным достижением кемалистов, закон оставался пока единственным основным законом новой Турции, альтернативой османской конституции и играл важную роль в становлении новой Турции. И всё же конституционный закон 1921 г. не определил чётко форму правления страны⁹³.

После изгнания из страны греческих оккупантов в сентябре 1922 г. единый национальный фронт начал распадаться. В начале 1922 г. депутаты правой оппозиции, среди которых было немало бывших иттихадистов, в противовес первой группе Общества защиты прав, организованной Мустафой Кемалем в 1921 г. из поддерживавших его депутатов, создали вторую группу этого общества. Её требованиями стали соглашение с союзниками и передача власти султану, сохранение халифата. Правая оппозиция, добившись избрания в июле 1922 г. своего сторонника Рауф-бея главой правительства, рассчитывала по-своему ликвидировать двоевластие – распустить ВНСТ и передать власть в Стамбул её «законному» обладателю – падишаху. Рауф-бей заявлял, что

«предан султану и халифу душой и сердцем и что его долг остаться верным своему падишаху».

В свою очередь султанское правительство во главе с Тевфик-пашой считало этот вопрос уже решённым. «Достигнутая победа, – телеграфировал он Мустафе Кемалю, – уничтожила всякий конфликт и раздвоенность между Стамбулом и Анкарой и обеспечила национальное единство». Султанское правительство наравне с правительством ВНСТ было приглашено союзниками принять участие в мирной конференции в Лозанне, более того, Тевфик-паша предложил создать одну делегацию из двух правительств. По мнению оппозиционных депутатов анкарского парламента, объединенную делегацию должен был возглавить бывший морской министр младотурецкого правительства Рауф-бей. Однако депутаты – сторонники М. Кемалю сорвали эти планы, председателем турецкой делегации стал его боевой соратник, командующий Западным фронтом Исмет-паша, который был назначен также министром иностранных дел Турции.

О соотношении сил сторонников и противников планов кемалистов в отношении будущей власти свидетельствует такой факт. Чтобы положить конец антинациональной деятельности оппозиции, 30 октября 1922 г. на заседании ВНСТ было внесено предложение о привлечении к судебной ответственности членов султанского правительства за государственную измену и о ликвидации султаната. Это предложение обсуждалось одновременно на заседаниях трёх комиссий – конституционной, юридической и шариатской. Реакционные депутаты, особенно представители духовенства, выступили против ликвидации султаната, утверждая, что отделение светской власти от духовной является покушением на основы религии. Мустафа Кемаль опроверг эти утверждения клерикалов, однако на объединённом заседании трёх комиссий под председательством ходжи Мюффрид-эфенди реакционеры одержали победу: большинством голосов законопроект об отделении султаната от халифата был отвергнут. После этого Мустафа Кемаль обратился к более убедительным аргументам и объяснил депутатам, что «суверенитет и власть никому не могут быть переданы в результате академической дискуссии. Суверенитет приобретается путём силы, мощи, даже насилия. Путём насилия сыновья Османа добились власти над всей турецкой нацией, над которой они господствовали в течение шести столетий. Теперь

эта нация поднимается против узурпаторов и, отбрасывая их, принимает на себя осуществление принадлежащего ей по праву суверенитета. Это является совершившимся фактом... Действительность всё равно проявит себя. Но возможно, что тогда полетит несколько голов»⁹⁴.

Судьба законопроекта была решена, 1 ноября 1922 г. ВНСТ приняло закон об отделении султаната от халифата, о ликвидации султаната с передачей ВНСТ всей полноты власти в стране, а также об избрании нового халифа из представителей Османской династии⁹⁵. Вместе с ликвидацией султаната прекратилось существование султанского правительства, кончилось двоевластие. 4 ноября 1922 г. в отставку вместе со всем своим кабинетом ушёл великий везир Ахмед Тевфик-паша, который доставил атрибуты своей власти Вахидеддину в Йылдыз⁹⁶.

Через день после отъезда Вахидеддина ВНСТ формально лишило его сана халифа, указав в соответствующей фетве, что «он перешёл на сторону противника, сражавшегося с защитниками веры, посеял семена братоубийственной резни, отдался под защиту иностранной державы и дезертировал из столицы халифата, укрывшись на борту английского корабля».

Пост халифа через третье лицо предложили кузену Вахидеддина, наследному принцу Абдулмеджиду, сыну султана Абдулазиза от его первой жены и одновременно старшему из всех оставшихся в живых представителей Османов по мужской линии. Он принял этот титул, и 19 ноября 1922 г. Мустафа Кемаль-паша телеграммой известил его об избрании халифом⁹⁷.

Сохранение халифата было кратковременной уступкой феодально-клерикальным кругам, принадлежавшим в медресе ко «второй группе защиты прав» и сохранявшим немалое влияние в стране. Её поддерживала и так называемая «генеральская оппозиция» во главе с Рауф-беем. Надо учитывать также, что в Стамбуле возобновила свою деятельность организация «Единение и прогресс». Реакционные стамбульские газеты, которыми руководили младотурки, вели активную пропаганду в пользу халифа. Нет сомнения, что пока кемалистам не удавалось справиться с греческой интервенцией, пока был жив и активно действовал Энвер, иттихадисты готовы были заменить М. Кемалья на Энвера. Они были еще сильны и хорошо организованы, связаны с члена-

ми организованной летом 1921 г. Второй группы; не прекращал свою тайную деятельность и уже упомянутый Каракол.

Победа над греками в сентябре 1922 г. несомненно укрепила позиции Мустафы Кемалю. Но одновременно стал открытым конфликт между иттихадистами и Кемалем по таким вопросам, как: а) отказ М. Кемалю и других военачальников оставить свои политические посты после ликвидации военной угрозы; б) поспешность с подписанием Муданийского перемирия, несмотря на то, что не освобождены Фракия и Стамбул; в) намерение Кемалю объявить республику; г) опасения по поводу того, что Анкара станет столицей Турции.

Ликвидация султаната 1 ноября 1922 г. обеспокоила не только консерваторов в меджлисе, но и многих других. Это беспокойство особенно сильно было в Стамбуле, где значительную часть населения составляли государственные служащие султанского режима. Они опасались, что такое решение нанесет ущерб их материальному положению.

Чтобы нейтрализовать эту оппозицию, Мустафа Кемаль добился роспуска ВНСТ и проведения новых выборов. 8 апреля 1923 г. была опубликована декларация об организации Народной партии (что официально было сделано позже, 9 сентября 1923 г.) на базе кемалистской «группы защиты прав» в меджлисе. Ещё весной Мустафа Кемаль провозгласил девять принципов, направленных на защиту и укрепление государства, завоевание экономической самостоятельности, а также на борьбу против опасности реставрации султаната. Эти принципы предусматривали: 1) сосредоточение всей полноты власти в руках нации; 2) безраздельное осуществление верховной власти в стране Великим национальным собранием Турции; 3) охрану безопасности страны как самую важную задачу нации; 4) реорганизацию судопроизводства; 5) всяческое содействие развитию национальной экономики; 6) сокращение срока действительной военной службы; 7) материальное обеспечение инвалидов войны и их семей; 8) реорганизацию и упорядочение работы правительственных учреждений; 9) поощрение вложений в экономику средств общественных организаций и частных лиц. Эти принципы одновременно служили программной установкой на выборах в меджлис второго созыва, проведенных в июне-июле 1923 г.

На этапе подготовки выборов Мустафа Кемаль в январе-феврале 1923 г. совершил поездку по стране, охватившую значительную часть Западной Анатолии – с намерением ознакомить общественность со своими взглядами. Он направился сначала в Эскишехир, затем 16 января прибыл в Измит, где провёл продолжительную встречу с прибывшими из Стамбула журналистами. 22 января он был в Бурсе, а оттуда вернулся в Эскишехир. Затем посетил Измир, побывав прежде всего на могиле матери (она умерла 14 января).

Между тем надолго затянулись переговоры в Лозанне по заключению мирного договора Турции с державами Антанты, начатые 20 ноября 1922 г. Турецкую делегацию возглавил Исмет-паша. Представители западных держав (Великобритании, Франции, Италии, Японии, Греции, Румынии, Югославии и наблюдателя от США), потерпев военное поражение, пытались теперь «мирно» добиться многого из того, ради чего они начали интервенцию в Турцию. Кроме того, в обсуждении вопроса о режиме Черноморских проливов участвовали РСФСР, Украинская ССР, Грузинская ССР (представленные единой делегацией) и Болгария, а при рассмотрении некоторых второстепенных (главным образом экономических) вопросов – также Албания, Бельгия, Голландия, Испания, Португалия, Норвегия и Швеция.

Уже в начале переговоров стало очевидно, что союзники не отказались от стремления экономически и политически закабалить Турцию. Турки настаивали на отмене режима капитуляций, финансового контроля и политических привилегий иностранных концессионеров. Французы же, на долю которых приходилось около двух третей Османского долга и значительная часть всех остальных иностранных капиталовложений в Турцию, видели в требованиях кемалистов угрозу своим экономическим интересам. Англичане более всего были озабочены территориальными уступками Турции, прежде всего Мосула, а также статусом Проливов. Советская позиция по Проливам была изложена В.И. Лениным в интервью 27 октября 1922 г. английскому корреспонденту. Он заявил, что программа Советского правительства относительно проливов содержит в себе удовлетворение национальных стремлений Турции, закрытие Проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время и полную свободу торгового мореплавания⁹⁸.

Турецкая делегация не поддержала советских предложений, Исмет-паша, по сути, согласился с проектом Керзона, возразив лишь против включения Мраморного моря в проектируемую демилитаризованную зону. От выработки окончательного проекта конвенции советская делегация была отстранена, по этому поводу ею были высказаны энергичные протесты. Таким образом, выработанная представителями Антанты и Турции конвенция о режиме Проливов нарушала жизненные интересы черноморских стран, в том числе интересы самой Турции. Пытаясь добиться от Турции уступок по финансовым вопросам, капитуляциям и т. п., союзники попытались на два с половиной месяца прервать работу конференции, однако затем её работа возобновилась. ВНСТ, отвергнув союзнический проект мирного договора, утвердило контрпроект, предусматривавший полную отмену капитуляций и предлагавший выделить из договора экономические вопросы и отложить их решение. Представители четырёх союзных держав в марте 1923 г. заявили, что турецкий проект пригоден как база для переговоров; союзникам пришлось признать капитуляции полностью отменёнными и отказаться от прочих форм неравноправного режима; они согласились оставить открытым вопрос о валюте платежей по Османскому долгу. Турки же фактически отказались от Мосула, согласившись признать будущее решение по этому вопросу Лиги Наций и т. д. 24 июля 1923 г. в актовом зале Лозаннского университета Лозаннский мирный договор был подписан. Кабальные условия Севра были отвергнуты, режим капитуляций, иностранный финансовый контроль, политические привилегии иностранцам отменены.

По ряду позиций Турция пошла на уступки, некоторые из них вызвали протест советской делегации. Так, согласно Лозаннской конвенции 1923 г. о Проливах, Турции следовало демилитаризовать Босфор и Дарданеллы, допустить в Стамбул международную комиссию по наблюдению за выполнением конвенции. Военные корабли нечерноморских держав могли заходить в Чёрное море фактически без серьёзных ограничений. Это положение вызвало наибольшее беспокойство советской дипломатии. На будущее было отложено решение таких вопросов, как порядок обмена населением между Турцией и Грецией, условия выплаты Османского долга, восстановление дипломатических отношений с США и др.⁹⁹

Немало статей Лозаннского договора со временем устарело, вместе с тем есть и такие, которые сохраняют свою актуальность и поныне, учитывая, что Турция предпринимает усилия по вступлению в ЕС. Речь идёт прежде всего о положениях, защищающих права национальных меньшинств и немусульман. Они были провозглашены в Национальном Обете и подробно оговорены в Лозаннском договоре. Им посвящен целый раздел этого документа. Так, статья 38-я исключала возможность какой-либо дискриминации и преследования населения по национальному и религиозному признаку. Специально подчёркивалось, что все перечисленные в разделе обязательства властей представляют собою «обязательства международного значения» и «поставлены под гарантию Лиги Наций. Они не могут быть изменены без согласия большинства Совета Лиги Наций».

Перевыборы в ВНСТ 13 августа 1923 г., несомненно, прошли под воздействием успеха в Лозанне и принесли успех кемалистам. Мустафа Кемаль-паша был единогласно вновь избран председателем меджлиса и смог продолжить реализацию программы Народной партии. В сформированном ВНСТ новом правительстве главою был избран Фетхи Окъяр, министром иностранных дел Исмет-паша. Продолжилась эвакуация союзниками последних занятых ими населённых пунктов и объектов в стране¹⁰⁰.

Как только 2 октября 1923 г. союзники завершили эвакуацию Стамбула, новые власти смогли решить вопрос о переносе столицы из этого крупнейшего и вместе с тем уязвимо в военно-стратегическом смысле города. 13 октября 1923 г. ВНСТ приняло закон, объявлявший столицей турецкого государства Анкару. В соответствии с этим законом и с нормами дипломатической практики все иностранные дипломатические представительства должны были переехать в Анкару. Об этом было сообщено всем иностранным государствам. Что касается советских дипломатов, то, как уже сказано, они уже более двух лет представляли своё государство в Анкаре¹⁰¹.

Западные дипломаты единым фронтом выступили против перевода столицы в Анкару. В дипломатических кругах поговаривали о том, что если закон о столице не будет отменён, то дипломатические представители Англии, Франции и Италии будут назначены в Анкару не в ранге послов, но только посланников. Агентство Рейтер опубликовало даже по этому поводу в январе

1924 г. официальное сообщение. По справедливому замечанию турецкого историка Баюра, союзники всё ещё надеялись, что правительство согласится с тем, чтобы столица «находилась под дулами иностранных броненосцев». Анкарское правительство в ответ заявило, что будет назначать своих дипломатических представителей в любую страну в том ранге, в каком прибывают в Анкару представители этой страны ¹⁰².

Через несколько дней после того как Анкара стала новой столицей страны, 29 октября 1923 г. меджлисом был принят закон № 364 «Об изменении некоторых статей конституции». В статье 1-й подтверждалось, что «власть в стране принадлежит нации» и что «формой управления Турецким государством является Республика». Вторая статья гласила, что «религия турецкого государства – ислам, а официальный язык – турецкий». Статья 4-я подтверждала, что государство Турция управляется ВНСТ через посредство исполнительной власти, представленной правительством, глава которого назначается президентом. Статья 10-я вводила должность президента, устанавливала порядок его избрания; статья 11-я определяла, что «президент является главой государства и при необходимости руководит меджлисом и правительством» ¹⁰³.

В тот же вечер 29 октября, в результате тайного голосования в ВНСТ президентом Турецкой Республики стал Мустафа Кемаль. На следующий день после его избрания было сформировано первое республиканское правительство во главе с Исмет-пашой.

СТАНОВЛЕНИЕ КЕМАЛИСТСКОГО РЕЖИМА

Светское государство, светская власть

Только военная победа над интервентами позволила национальным, патриотическим силам страны обеспечить стране право выбора качественно нового продолжения реформации, модернизации турецкого общества и государства. Как писал в 1930-е годы один автор-кемалист, «за успех турецкой революции мы более всего признательны военному происхождению этой революции... безусловно, самой большой нашей опорой стала военная победа и стали возможными последующие реформы»¹.

Принимая во внимание исторический опыт страны, кемалисты не сомневались, что первым политическим условием модернизации будет создание светского государства. Но, как часто бывает, в лагере победителей начались конфликты вокруг выбора пути развития страны, заканчивавшиеся иногда трагическими последствиями, даже виселицами.

Чем больше кемалисты упрочивали свои позиции, тем чаще они заявляли о необходимости европеизации и секуляризации. Уже 29 октября 1923 г., в день провозглашения Турции республикой и избрания М. Кемалья президентом нового государства, он в интервью французскому журналисту Морису Перно заявил: «Наша политика, наши традиции, наши устремления будут направлены на то, чтобы Турция стала европейской страной, или точнее, страной, ориентирующейся на Запад»². Вместе с тем сам Кемаль подчёркивал, что «турецкая демократия, хотя и следовала по пути, начатом французской революцией, развивалась в соответствии со своими, присущими ей особенностями. Каждый народ осуществляет свою реформацию согласно закономерностям развития собственного общества, в соответствии с внутренней обстановкой и требованиями времени»³.

Идеи европеизации примерялись уже к националистической, антиклерикальной идеологии, причём основами последней стали, во-первых, идея экономической независимости, предусматривающая необходимость индустриализации и установление равноправных связей с западным миром и, во-вторых, идея светской, независимой от института религии (в данном случае ислама), власти – так как это было в развитых странах. Ведь движущий принцип европейского возрождения, залог последующего поступательного развития в османской Турции так и не пришёл в должное действие даже после младотурецкой революции 1908 г. И после неё властная элита свои деяния совершала, ссылаясь на Аллаха и Коран. Несмотря на модификации, исламский свод законов – Меджелле – ещё продолжал во многом определять жизнь общества и государства в сфере гражданского права⁴.

Из каких социальных групп формировалась власть новой Турции? В целом кемалистская элита по своим социальным корням представляла недавнее османское прошлое, в то же время духовно её отличала приверженность идеям обновления, идеям Великой французской революции. Самой прочной опорой были молодые офицеры, они на деле демонстрировали свою верность взглядам Ататюрка на модернизацию страны. Влиятельных представителей турецкой национальной буржуазии, тогда торговой, можно было пересчитать по пальцам, это были единицы среди стамбульских, измирских и аданских торговцев с греческими, армянскими, еврейскими, левантийскими именами.

Ещё в младотурецкий период «национальной экономики» национальный предпринимательский вакуум в Турции стал заполняться верхушкой бюрократии, действовавшей в трёх лицах – бюрократической, землевладельческой, предпринимательской.

Получается, что значительное число земельных участков было собственностью, кроме государства, также и абсентеистов – крупных и средних, как правило, проживавших в городах. В системе абсентеизма оказалась значительная часть бюрократического аппарата республиканской Турции, многие деятели, составлявшие идейно-политическую элиту кемалистского режима. Сюда входили и бывшие османские чиновники и военные, высший слой интеллигенции, а в провинции – местная знать, прибравшая к рукам и землю, и внутреннюю торговлю. Читатель, знакомясь с биографией крупного чиновника, политического деятеля, литера-

тора, журналиста, неожиданно мог узнать, что указанное лицо является «наследником семейного имени»⁵.

Кемалистская революция не ликвидировала, а узаконила различные формы владения движимым и недвижимым имуществом. Конечно, и в собственность республиканского государства перешло по наследству от империи в немалом объёме государственные и вакуфные земли, и именно они становились базой земельных реформ и других форм распределения земли, например, переселенцам⁶.

К знати, продолжавшей захваты земель во время Первой мировой войны и освободительной борьбы, присоединялись и новые лица, оказавшиеся у власти в годы, когда создавалась республика. Турецкие авторы отмечают активное участие в захвате земель лиц, примкнувших к кемалистскому движению, членов Народно-республиканской партии. В их руки перешли имения и поместья иностранцев, бежавших из страны, греков и армян, земли погибших солдат и офицеров турецкой армии⁷.

Формулируя стратегию развития новой Турции, кемалисты подчёркивали, что речь идёт не об особом пути, а о движении к современной цивилизации⁸. По этой же причине весьма далёкая от консолидации новая власть по горячим следам после победы над интервентами оказалась готовой поддержать Кемаля и его ближайших сподвижников в проведении, казалось бы, невысказанных в отсталой мусульманской стране подлинно революционных мер, направленных на решительную модернизацию всех сфер жизни турецкого общества.

Первым условием модернизации было создание светского государства. В период национальной борьбы ставить вопрос об этом было преждевременно. Ведь в качестве одной из активных антиимпериалистических сил в борьбе за независимость в Анатолии выступали и исламисты. В период деятельности первого состава меджлиса в нём было весомо представлено и духовенство, по меньшей мере 20% состава меджлиса являлись улемами, 8 депутатов были шейхами⁹. О гибкой политике кемалистов в этой деликатной сфере духовной жизни многих турок пишет подробно и аргументированно азербайджанский историк Э. Гасанова. Она подчёркивает, что тогда «и речи не было о каком то негативном отношении к исламу, наоборот, он порой даже идентифицировался с национализмом. Более того, национальные

лозунги зачастую облекались и в религиозные... Традиции, унаследованные из классической исламской культуры, продолжали жить во многих сферах духовной и культурной жизни турок – литературе, искусстве, философии и т. д.»¹⁰

Но после Лозанны стало очевидным, что вера всё более активно используется политиками от религии – противниками кемалистов, что исламисты не в состоянии приспособиться к идеологической основе нового государства, а шариат – к принципам светского правового регулирования всех сторон жизни государства, общества и личности. Из многочисленных выступлений М. Кемалья и его соратников очевидно, что ислам в то время ассоциировался не просто с халифатским, султанским режимом, но и со всем косным, отсталым, консервативным, что превратило Турцию в полуколонию Европы, а затем привело к военному поражению. После провозглашения республики стало ясно, что дни халифата в Турции сочтены¹¹.

Речь, безусловно, идёт здесь об учёте европейского исторического опыта избавления от средневекового засилья церковников и реализации принципа «богу – богово, кесарю – кесарево». Как считают современные турецкие историки, появление уже в 1921 г. в первой конституции нового государства положения о том, что «власть безо всяких условий принадлежит нации», означало, что «новое турецкое государство провозгласило свой идеологический выбор – место уммета было передано нации»¹².

29 февраля 1924 г. состоялась последняя традиционная церемония пятничного посещения последним халифом Турции мечети в Стамбуле. А на следующий день, открывая очередное заседание ВНСТ, Мустафа Кемаль произнёс обвинительную речь по поводу векового использования исламской религии в качестве политического инструмента, потребовал вернуть её «к истинному предназначению», срочно и самым решительным образом спасти «священные религиозные ценности» от разного рода «темных целей и вожделений». 3 марта на заседании ВНСТ под председательством М. Кемалья были приняты, среди других, законы об отмене в Турции шариатского судопроизводства, передаче вакуфного имущества, весьма обширного, в распоряжение создаваемого генерального управления вакуфами¹³.

Предусматривалась также передача всех научных и учебных заведений в распоряжение министерства просвещения, создание

единой светской системы национального образования. В Османской империи в рамках реформ танзимата были учреждены первые светские школы, но при сохранении шариатской системы обучения. Капитуляционным режимом пользовались иностранные, как правило, миссионерские, учебные заведения различных ступеней, автономией – школы для национальных меньшинств – армян, греков, евреев ¹⁴.

Первым законодательным актом, определившим систему образования в новой Турции, был закон № 430 «О едином образовании», принятый 3 марта 1924 г. одновременно с законом о ликвидации халифата. Этот весьма лаконичный закон (семь статей) и поныне считается действующим, он входит в список первых революционных законов, не подлежащих отмене любой властью. Его первая статья устанавливала, что все научные и учебные учреждения Турции переходят в подчинение министерства просвещения. Вторая статья особо оговаривала необходимость такого перехода для министерства по делам шариата и вакуфов – все руководимые ранее им медресе и школы (имамов и хатибов) передавались министерству просвещения. Закон предписывал этому же министерству учредить при Стамбульском университете факультет по подготовке специалистов-богословов, а также создать «особые школы по подготовке служащих, которым надлежит обеспечивать отправление религиозных услуг». Принятая вскоре в апреле 1924 г. первая республиканская конституция своей статьёй 87-й обязывала всех турок, независимо от пола, овладевать в государственных школах начальным образованием ¹⁵.

Закон об упразднении халифата декларировал: «Халиф низложен. Ввиду того, что предназначённость халифата отражена в основных концепциях правительственной власти и республики, халифат как властная инстанция ликвидируется». Всем членам султанско-халифатской семьи, а их насчитывалось 144 человека, включая 36 мужчин, 48 женщин и 60 детей, запрещалось пребывание на территории Турецкой республики, предписывалось в течение 10 дней с момента принятия закона покинуть её пределы. Запрещалось указанным лицам получать гражданство республики, владеть недвижимостью на её территории ¹⁶. Рано утром с 3-го на 4-е марта 1924 г. Абдулмеджид, последний халиф Османской империи, был доставлен на станцию Чаталджа и поездом отправлен в Швейцарию. В тот же день, 4 марта, было учреждено

Управление по делам религии, и поныне регулирующее от имени государства всю религиозную деятельность в стране. Муфтии становились служащими этого управления. Под его контроль перешли не только мечети, но и различные религиозные обители, прибежища дервишей и их орденов¹⁷.

Важной мерой в деисламизации, европеизации общества стал принудительный «перевод» населения страны на ношение европейской одежды. Отправившись в конце августа 1925 г. в поездку в Кастамону и затем в Инеболу, Кемаль оделся в дорогу в европейскую одежду, а вместо традиционных папахи или фески держал в руке панаму. Визиты он наносил в маршалльской форме. На встрече в муниципалитете Кастамону он поднял вопрос об одежде: нигде не сказано, что мусульманин должен носить особую, отличающую его от других людей одежду. В Инеболу он продолжил разговор об одежде: почему турки одеваются не как все во всем мире, почему женщина не может наравне с мужчиной открывать своё лицо?¹⁸

30 августа, возвращаясь в Анкару через Кастамону, М. Кемаль сделал примечательное заявление: «Турецкая республика не может быть страной шейхов, дервишей, мюридов и их приверженцев. Самый верный, самый истинный путь (тарикат) – путь к цивилизации. У цивилизации одно требование, одно веление – быть человеком и этого вполне достаточно»¹⁹.

Итоги этой поездки были подведены в ВНСТ в конце ноября того же 1925 г., когда были приняты законы: о запрете носить фески и папахи, переходе к европейской одежде, а также о закрытии мест религиозной деятельности и поклонения – *текке* и *завии* (обители дервишей) и *турбе* (усыпальницы дервишских святых), об упразднении общественного статуса их служителей. Таких «святых мест» регионального паломничества и общения приверженцев народного ислама было тогда по всей стране немало.

Турецкий секуляризм был начат с решительной авторитарной акции кемалистов в отношении тех, кто выступал против светской модернизации, отстаивал шариатский режим в вооружённой кровавой борьбе. Некоторое время спустя, в 1926 г., были приняты действовавшие затем десятилетия два важнейших закона, утверждавших и защищавших светский путь Турции на уровне как гражданского, так и уголовного права.

Принятый в 1926 г. Гражданский кодекс устанавливал буржуазные светские принципы гражданского права (положения о физических и юридических лицах, обществах, браке, семье, имуществе, его наследовании, разделе и т. д.). В разделе о вещном праве определялись понятия собственности, владения недвижимого имущества – частного, совместного и др. Особенно детально были перечислены условия владения земельной собственностью. Кодекс был переписан с текста швейцарского гражданского кодекса, тогда – самого передового в Европе. Таким образом, ушёл, наконец, в прошлое Меджелле – многотомный свод османских законов, сохранявший еще во многом положения шариата, а также Земельный Кодекс 1858 г.

Защите светских правовых принципов были посвящены и некоторые статьи Уголовного кодекса, принятого в том же 1926 г. Его статья 163-я запрещала использование религии в политических и личных целях. В ней, в частности, говорилось: «Всякий, кто учреждает, организует общество, либо руководит обществом, целью которого является даже частичное внедрение в социальную, экономическую, политическую, правовую основы государства религиозных принципов и убеждений, противоречащих принципу светскости, подлежит уголовному наказанию сроком от восьми до пятнадцати лет». Те же, кто входит в такого рода общества или способствует вступлению в них, подлежит осуждению на срок от 5 до 12 лет. Определялось уголовное наказание на срок от 5 до 10 лет за пропаганду в любой форме, осуществляемую с вышеуказанной целью, а также «ради достижения политической цели, либо обеспечения политических выгод путем использования религии или религиозных чувств либо предметов культа»²⁰. По сути, на меньшие, если не большие, преследования и беды были обречены граждане и организации страны, занимавшиеся политической деятельностью, квалифицируемой 141-й и 142-й статьями этого закона как «коммунистическая».

Особую значимость в мерах секуляризации стало стремление кемалистов уравнивать в обществе права женщин наравне с правами мужчин. В турецких исследованиях по этой проблеме отмечается, что «исламские принципы, не ограничиваясь сферой теологии, распространяются и на правовую систему, ислам вдвойне ограничивает женщину – и в общественной деятельности, и в области права». Первыми важными шагами в светской реформации

прав турецкой женщины стали запрет многожёнства, признание равных прав в семье, в получении образования, во время выборов в органы власти²¹.

Нет сомнения, что секуляризация первоначально была принята лишь небольшой частью турецкого общества, в то время в основном сельского, почти полностью безграмотного, и потребовался период формирования влиятельной светской элиты и долгой трансформации общественной идеологии в условиях диктатуры кемалистов, когда вековые шариатские каноны в умах населения смогли уступить место идеям национализма и европеизации.

Несколько лет серьёзную проблему для самого Кемалья и его сторонников составляли отношения с иттихадистами, казалось бы, нормализовавшиеся во время боевых действий против внешнего противника. Еще весной 1923 г. во время одной из своих поездок по стране он провел в Измите закрытые переговоры с Кара Кемалем, считавшимся влиятельным политиком в стамбульских кругах. Мустафа Кемаль задал вопрос: «Что планируют делать дальше иттихадисты?» Любопытно, пишет Цюрхер, что разговор об этой партии шёл так, как будто она не была распущена 4 года назад. Чтобы выяснить мнение своих политических сторонников-иттихадистов, Кара Кемаль организовал 12–13 апреля нечто вроде собрания на дому у бывшего султанского министра финансов Джавида. Собралось примерно 15–20 видных деятелей партии Единение и Прогресс (ЕиП), которые совещались два дня. Речь шла о платформе «несуществующей» партии к приближавшимся выборам в меджлис.

Выяснилось, что её программа предусматривала принятие новой конституции, сохранение Стамбула в качестве столицы. В целом эта платформа остатков младотурок предвосхищала программу вскоре созданной Прогрессивно-республиканской партии. Они были убеждены, что в состоянии продемонстрировать свою политическую силу. В обмен на признание ЕиП они готовы были поддержать Кемалья на выборах. Но Кемаль чувствовал себя настолько уверенным, что отверг их предложение. Решения этого конгресса были ему отправлены и через неделю последовал вежливый отказ. Вскоре 8 апреля 1923 г. была опубликована декларация об организации Народной партии, провозглашены известные девять принципов. Ничего нет странного, что в последний день работы меджлиса первого созыва 15 апреля 1923 г. были приняты

изменения в законе об измене родине. Предусматривался, в частности, запрет заниматься политикой, не соответствующей 9 принципам. Когда распространились слухи о совещании иттихадистов, Кемаль заявил Анатолийскому агентству, что партия ЕиП распущена в 1918 г. и никто не может выступать от её имени. На выборах в июле 1923 г. были выбраны только кандидаты Кемалья. Однако и из этого состава во второй половине года возникла другая оппозиция – из участников национального движения в Анатолии – Рефет (Беле), Рауф (Орбай), Али Фуад (Джебесой), Казым Карабекир²². Они чувствовали себя отодвинутыми «позднепришельцами».

В 1924 г. процесс выработки новой республиканской конституции завершился, был принят её окончательный текст, представленный в 105 статьях. В правовой литературе Турции именно этот документ, принятый 23 апреля 1924 г., считается первой подлинной, «полнокровной» конституцией нового государства. Самые первые его статьи подтверждали, что Турция – республика, её религия – ислам, государственный язык – турецкий и столица – Анкара. Устанавливались такие публичные права и свободы, характерные для буржуазного права, как право и свобода договора, передвижения, трудовой деятельности, приобретения и владения имуществом, создания торговых товариществ²³.

Без сомнения, принятая таким образом структура новой власти основывалась на вере значительной части национальной элиты в Кемалья как лидера рождавшейся новой Турции, вождя, который успешно спасает турецкий народ от грозящей ему катастрофы. Это обеспечивало Кемалю, вплоть до ухода его из жизни в 1938 г., возможность авторитарного руководства страной в первые, самые трудные десятилетия становления нового государства, что не исключало дискуссий, конфликтов и даже предательства в среде, которая его окружала. Важно отметить – эта среда была представлена в немалом числе грамотными, опытными чиновниками – гражданской и особенно военной верхушкой, в которой весомо были представлены (как и сам Кемаль) бывшие иттихадисты, пережившие успехи и неудачи партии. К этому времени самый опасный конкурент Кемалья Энвер расстался с жизнью, участвуя в одной из своих авантур на поприще пантюркизма-панисламизма, что тоже было воспринято соратниками Кемалья как исторический урок²⁴.

Кемалистская власть, набирая силу в борьбе с оппозицией, корнями уходящей в младотурецкое прошлое, приобретала черты однопартийного авторитарного режима во главе с президентом Ататюрком. Эта власть представляла собою интересы двух самых влиятельных элит – военной и гражданской, высшие руководители страны – президент, премьер-министр – были недавние военные, герои боёв с интервентами. В турецком парламенте – ВНСТ – также было представлено много военных, в министерствах, госучреждениях, на госпредприятиях прослойка отставных военных оставалась значительной еще многие годы. Перед такой «военизированной» властью во главе с недавним генералом, освободителем страны, в то время даже в условиях внутренней политической нестабильности не возникала нужда в замене её прямым военным режимом – в этом не было необходимости.

Даже периодически возникавшая легальная оппозиция, представленная порою соратниками Кемалья по общей борьбе против интервентов, так и не смогла, вплоть до второй половины 1940-х годов, предложить кемалистской авторитарности свою альтернативу – постоянный институт демократической оппозиции, противопоставить его режиму однопартийной власти. Так, уже через год после Лозанны, 17 ноября 1924 г., была официально учреждена Прогрессивно-республиканская партия (ПРП). Её учредителями были выходцы из Народной партии – Али Фуад (Джебесой), Казым Карабекир, Рауф (Орбай), Аднан (Адывар), Рефет (Беле) и др. Это была легальная оппозиционная партия с программой, близкой иттихадистской программе 1923 г., однако свидетельств прямого влияния иттихадистов нет²⁵. Программа ПРП не учитывала недавний печальный опыт османской европеизации, в ней утверждалось, что либерализация экономики в новых условиях не возродит систему зависимости, что «покровительственная политика является не целью, а средством», не следует «защищать всякую отрасль, неспособную к развитию, поднимать дороговизну жизни в стране и оказаться в затруднительном положении при переговорах о торговом договоре» и т. д. Мустафа Кемаль назвал эту партию «прибежищем и опорой реакционных мятежных элементов». Программа настаивала на необходимости снижения таможенных тарифов, привлечения иностранного капитала²⁶.

Так случилось, что вскоре после учреждения ПРП в феврале началось восстание шейха накшбенди Саида. Это означало конец

ПРП. 3 марта 1925 г. Фетхи ушел в отставку с поста премьера, его заменил Исмет. На следующий день был принят закон о введении чрезвычайного положения, восстановлены суды независимости. Подавив курдское восстание в 1925 г., власти вскоре запретили Прогрессивно-республиканскую партию. Несмотря на солидарных с властью заявлений ПРП о необходимости подавления этого восстания, 3 июня 1925 г. она была запрещена властями²⁷. Запрещены были оппозиционные стамбульские газеты, некоторые журналисты задержаны. 28 июня 1925 г. суд независимости присудил шейха Саида и его сподвижников к смертной казни, которая была исполнена той же ночью.

Как показывали события, политическое умиротворение в стране в 1920-е годы (да и позже) так и не наступило. «Несмотря на то, что заставили замолчать политическую оппозицию, подавили печать, запретили организацию, Мустафа Кемаль все ещё не чувствовал себя уверенно. Призрак ожившей ЕиП наводил страх... вокруг ещё бродили люди этой партии, помогавшие ему и его движению, хотя Мустафа Кемаль во время освободительной войны и после неё воспрепятствовал им действовать независимо. Тайные организации, такие как Тешкилаты Махсуса и Каракол, ещё были управляемы и вполне могли заняться прежними делами. Их члены были еще активны, со своим опытом и профессионализмом они занимали важные посты, даже в окружении Кемалья. Он хорошо осознавал потенциальную угрозу для себя, знал методы иттихадистских заговорщиков²⁸. Самым серьёзным выступлением оппозиции против кемалистской власти считаются события лета 1926 г., вошедшие в историю молодой республики как «заговор против Кемалья». Их непосредственными исполнителями считаются иттихадисты. В очередной поездке по стране, в самый разгар реформ, жёстко вводимых судами независимости, на пути в Измир Кемаль почувствовал недомогание и задержался в Балыкесире. 15 июня властями Измира была получена и немедленно отослана президенту информация о готовившемся заговоре. В нескольких отелях Измира удалось арестовать нескольких наёмных убийц. Из полученных потом показаний следовало, что покушение готовилось давно, более года²⁹. 18 марта в Измир прибыл Анкарский суд независимости³⁰.

Арестованных группами направляли в Измир, к началу процесса арестовано было до 100 человек. В их числе были бывшие

высокопоставленные деятели – почти все активисты ПРП, члены Второй группы, иттихадисты. Было много депутатов. Процесс начался 26 июня 1926 г. в зале кинотеатра «Милли синема», а 11 июля был объявлен приговор. 15 человек были обвинены в попытке покушения на главу государства и приговорены к смерти; в ту же ночь они были повешены в центре Измира. На следующий день все герои войны за независимость – Казым Карабекир, Али Фуад и ещё несколько человек были освобождены.

Второй процесс по Измирскому заговору начался в Анкаре 1 августа, а завершился 23 августа. По тому же обвинению четверо видных иттихадистов, включая бывшего министра финансов Джавида, доктора Назыма, были приговорены к смерти и вскоре повешены. Кара Кемаль позже покончил с собой. 1 сентября 1926 г. Гиритли Шевки, сообщивший о заговоре, был премирован 6500 лирами³¹.

К концу 1926 г. кемалистам удалось упрочить свою власть в стране. Непосредственный участник тех событий И. Инёню в своих воспоминаниях не считает заговорщиками осужденных недавних соратников Ататюрка. По его мнению, корни конфликта – в отсутствии согласованности решений, принимавшихся Ататюрком в связи с реформами, с другими руководящими деятелями государства. «Они считали, – пишет И. Инёню, – что с самого начала были вместе, вместе одержали победу и также все вместе занимаются созданием государства, поэтому все должны иметь равное право принимать решение»³².

Симпатизировавшая ПРП Халиде Эдип писала, что после событий 1925 г., подавления восстания в Курдистане, разгрома Прогрессивно-республиканской партии и принятия закона об охране порядка в Турции установилась диктатура³³.

Немалые заботы приносила кемалистам и левая оппозиция, прежде всего почти не выходившая из тюрем и подполья Коммунистическая партия Турции. В рядах КПТ с 1921 г. состоял талантливый турецкий поэт Назым Хикмет, он провел 17 лет в тюрьмах Анатолии и вынужден был в 1951 г. бежать из страны и жить в СССР.

Кстати говоря, новая власть продемонстрировала намерение контролировать и решать в патерналистском, этатистском духе и рабочий вопрос, сохраняя за государством полную монополию на руководство рабочим классом и всеми трудящимися. Запреща-

лось создание политических и профсоюзных организаций трудящихся. Уже в 1920-е годы большинство существовавших в Турции профессиональных союзов власти стремились свести к «организации типа касс взаимопомощи», поставив их под контроль правящей Народно-республиканской партии³⁴. Авторитарный подход к рабочему регулированию, рабочему движению стал характерным на многие десятилетия периода республики. Все эти примеры – свидетельство того, что действие конституции 1924 г. было ограничено. Специалист по государственному праву А. Унсаль пишет: «Несмотря на декоративные формулировки, такие как власть нации, союз сил, верховенство парламента и т. п., на практике использовались традиционные преимущества исполнительной власти; представленная в конституции идея власти нации оставалась в некотором смысле абстракцией»³⁵.

Тюркизм – государственная идеология

Формирование государственной идеологии с приходом к власти кемалистов началось с крутого поворота к светскости, к отрицанию исламизма как идеологической составляющей для новой власти. Ликвидация халифата лишила исламистов надежды на предпочтение их идеологии как государственной. Жёсткая политика властей в отношении исламистов привела к формированию системы разрешённого, официального, «государственного» ислама, действия которого «вне мечети» строго лимитировались. Народный же ислам со своими шейхами, орденами и пр., сохраняясь на бытовом уровне, ушёл в подполье, а если и заявлял о себе открыто через вооружённые выступления под религиозными лозунгами, то беспощадно подавлялся властями.

Последним крупным вооружённым выступлением исламистов стал мятеж в Менемене (близ Измира) в декабре 1930 г. Его возглавил прибывший сюда проповедник дервиш Мехмед, призвавший верующих «спасти священную веру ислама и восстановить шариат». При его личном участии была организована кровавая расправа над учителем начальной школы Кубилаем, призванным на военные сборы в Менемен в качестве офицера запаса. Пришельцы развернули зелёное исламское знамя, взятое из соседней мечети, и водрузили на городской площади. Дервиш провозгласил себя мехди (мессией) и призвал свергнуть безбожную власть.

Толпа из нескольких сотен местных жителей поддержала бунтовщиков. Два офицера напрасно упрашивали людей разойтись, затем туда был направлен взвод под командованием Кубилая. Кубилай выстрелил, используя холостой патрон. Оставшись невредимым, дервиш заявил, что он неуязвим для пуль, и выстрелил сам, смертельно ранив Кубилая. Затем тело Кубилая было перенесено во двор мечети, где дервиш отрезал ему голову и насадил на шест под возгласы одобрения своих сторонников. Два сторожа, стрелявшие по толпе, были убиты. Прибывший вскоре полк разогнал бунтовщиков, дервиша и пять его спутников застрелили.

Хотя бунт был быстро подавлен, Мустафа Кемаль был возмущён этим событием. Особенно он был шокирован сообщениями, что население Менемена приветствовало убийц молодого лейтенанта. Правительство ввело смертную казнь на обширной территории западной Анатолии и направило на место события военный трибунал. Возвратившись из Эдирне, Кемаль собрал во дворце Долмабахче совещание, затем отправился в Анкару и там собрал правительство. Он был в бешенстве, будучи убеждён, что корни восстания были частью широкого заговора, возможно связанного с роспуском ЛРП (Либерально-демократическая партия). Он потребовал, чтобы Менемен был провозглашён «проклятым городом» и сровнен с землей, а его жители переселены, чтобы никакой пощады не было в отношении религиозных фанатиков, даже женщин. Кемаль потребовал «раздавить» орден накшбенди, к которому Мехмет принадлежал. По приговору суда было казнено 28 зачинщиков бунта³⁶. Долгие годы армия, полиция, органы безопасности Турции внимательно, тайно и явно, следили за исламистами, пытаясь выяснить – есть ли в их программах, учениях, тайных уставах положения о ликвидации светской власти, установлении шариятского режима в Турции.

Социальные (и финансовые) возможности государства в те десятилетия, при всей их ограниченности, превышали возможности исламистов, преследуемых властями, лишившихся доступа к вакуфной собственности. Напомним, что и мировое исламское общество в условиях колониальной системы было разобщено и лишено тех многих источников обогащения, к которым оно получило доступ после краха колониальной системы, обретения независимости нефтедобывающими мусульманскими странами.

Турецкий национализм, тюркизм заявивший о себе ещё при младотурках, после начала кемалистской секуляризации постепенно стал второй религией Турции. Восприятие этой религии не препятствовало европеизации – наоборот, цивилизованная Европа 1920–1940-х годов, во всяком случае её значительная часть, сама являла такие образцы крайнего национализма, о которых ныне цивилизованные европейцы вспоминают неохотно, а если и вспоминают, как о чём-то давнем, из другой эпохи³⁷. Турецкий национализм уже как господствующая идеология окончательно утвердился именно в форме кемалистского национализма, ставшего идеологической детерминантой выживания турок как народа и как государства. Борьба за отмену Севрского договора, вооружённая борьба с «подписантами» – и своими, и интервентами – позволила кемалистам окончательно вывести Турцию из кокона османизма, отказаться от халифа и начать жизнь национального государства. Турки окончательно осознали себя нацией. Конкретные условия определили феномен тюркизма, его жёсткость и непримиримость прежде всего в отношении греческого и армянского населения бывшей империи, которое считало себя коренным, а турок – давними пришельцами-завоевателями. Турецкий социолог Джахит Танйол пишет следующее об истоках национализма Кемаля: «Как и других представителей османской интеллигенции, Ататюрка беспокоила необходимость исторически обосновывать анатолийский тюркизм, его принадлежность Анатолии. Он боялся, что после того, как мы потеряли европейские территории, будет разделена и Анатолия», боялся «враждебности западного империализма по отношению к туркам»³⁸.

Обращение к тексту Национального Обета до 1990-х годов оставалось традицией турецкой историографии периода республики. Этим как бы подчёркивался полный отказ от претензий на любые территории, не упомянутые в тексте документа как турецкие. Турецкие историки обращают внимание именно на эти особенности национализма Ататюрка, отличавшие его от идеологии З. Гёкальпа. По Танйолу, «краеугольные понятия кемалистских реформ, такие как светскость, республиканизм, этатизм, в идейном багаже Гёкальпа отсутствуют», революция Ататюрка не имела своим источником З. Гёкальпа. Если говорить о схожести взглядов, они – «в идее турецкой государственности, турецкой нации»³⁹.

В марте 1923 г. Гёкальп был приглашён в Анкару по инициативе Кемалья в министерство просвещения. Во время подготовки выборов в ВНСТ иттихадисты пытались привлечь Гёкальпа на свою сторону, однако получили отказ, им было заявлено о вредности такой затеи. Так, провозгласив себя после революции 1908 г. активным сторонником партии Единение и Прогресс, учредив в Диярбакыре отделение этой партии, через полтора десятка лет Гёкальп разошелся с иттихадистами, но, судя по его опубликованной в 1923 г. книге «Основы тюркизма», от идей туранизма он не отказался, утверждая, что «далёкий идеал тюркизма – это Туран... понятие которого объединяет по языку, литературе, культуре огузов, татар, киргизов, узбеков, якутов». Это обстоятельство отмечают его биографы, туманно признавая (фактически солидаризируясь с Дж. Танйолом), что подобная формулировка реально учитывала и политическую обстановку того времени, и то, у кого была сосредоточена политическая сила, и ориентировалась на перемены⁴⁰.

Проф. Исмет Гиритли считает, что Мустафа Кемаль «убереж доставшийся от младотурок тюркизм-национализм от крайности панисламизма и пантуранизма, поэтому он сегодня именуется национализмом Ататюрка»⁴¹.

Конец 1920-х – 1930-е годы стали годами расцвета турецкого национализма, причем кемалистское руководство следило, чтобы даже крайние националисты понятие национализма согласовывали с Национальным Обетом. «Все считали главным, – пишет Поултон, – выживание новой республики, причём кемалисты видели в ней конечную цель, в то время как туранисты считали её лишь началом, ядром будущей Великой Турции. Однако политика нового режима в области образования привела к парадоксальным результатам: «было выращено новое поколение пантюркистов, отличающееся более откровенными расистскими позициями, нежели первое, представленное Гёкальпом, Акчурой и Агаоглу»⁴².

Поултон считает, что новые руководители во главе с Мустафой Кемалем решительно отвернулись от всяких вариантов Турана и стали разбираться, кто же представляет турецкую нацию; после некоторого размышления Кемаль окончательно определил турецкую нацию как мусульманское население Анатолии, причём акцент был сделан «на этнических турках и на их языке – за счёт других групп, таких как курды»⁴³.

Объявив себя светским государством, ориентируясь на европейский уровень духовного развития тех времен, разумеется, и внеся отмеченные Поултоном коррективы, республиканская Турция создала собственную систему национального просвещения, культуры, языка, идеологии через культурные очаги, через правящую партию, народные дома и т. д.

Одним из наиболее решительных шагов кемалистов на пути реформации, европеизации культуры была реформа турецкого языка. Дело не ограничивалось постепенной заменой арабской и персидской лексики, грамматических оборотов на турецкую. В течение 1928 г. при личном участии Кемала Ататюрка была проведена кампания, направленная на замену арабского алфавита латинским. В ноябре ВНСТ был принят соответствующий закон, а с декабря 1928 г. стали появляться вывески с новым, уже на латинице, написанием турецких слов, выходить газеты на новом алфавите.

Власть ревностно следила за приверженностью общества к государственной идеологии – кемализму. Не преувеличивая, можно сказать, что национальное самосознание подняло на ноги «большого человека Европы». Вместе с тем мы видим, что и при Ататюрке тюркизм столкнулся с проблемой национальных меньшинств. Небольшая по территории и населению страна (тогда – всего 14 млн. жителей) даже после всех разделов и войн, сопровождавшихся бегством многих её коренных жителей – греков и армян, продолжала оставаться многонациональным и многоконфессиональным государством с государственным турецким языком и с государственной (до 1928 г.) религией – исламом. Права национальных меньшинств и немусульман были провозглашены в Национальном Обете (1920 г.) и подробно оговорены в Лозанском мирном договоре (1923 г.).

В статье 38-й этого документа речь шла о запрещении дискриминации и преследования населения по национальному и религиозному признаку: «Турецкое правительство обязуется предоставить всем жителям Турции полную и совершенную защиту их жизни и их свободы, без различия происхождения, национальности, языка, расы или религии. Все жители Турции будут иметь право на свободное исповедание, как публичное, так и частное, всякой веры, религии или всякого верования, отправление которых не будет несовместимо с публичным порядком и добрыми

нравами». Следующая статья конкретизировала некоторые из упомянутых прав: «Различие в религии, веровании или исповедании не должно будет вредить никому из турецких граждан, поскольку то касается пользования гражданскими и политическими правами, в особенности при допущении к государственным должностям, службам и почестям или к занятию различными профессиями и промыслами. Не будет издаваться никаких ограничений в отношении свободного пользования всяким турецким гражданином каким бы то ни было языком, будь то в частных или торговых отношениях, будь то в области религии, прессы или печатных произведений всякого рода, будь то в публичных собраниях. Независимо от существования официального языка, подобающие льготы будут даны турецким гражданам, говорящим не на турецком языке, для устного пользования своим языком в судах».

Какие же права получали немусульмане, то есть в основном христиане и иудеи, согласно другим статьям раздела о меньшинствах? За ними признавалось право «создавать, вести и контролировать за свой счёт всякие благотворительные, религиозные или общественные учреждения, школы и иные учебные и воспитательные заведения, с правом свободно пользоваться в них своим родным языком и свободно исповедовать в них свою религию». Далее устанавливалось, что «турецкое правительство даст в городах и округах, в которых живёт значительное число немусульманских граждан, подобающие льготы в обеспечение того, чтобы в начальных школах обучение детей этих турецких граждан велось на их родном языке. Это постановление не воспрепятствует турецкому правительству сделать обязательным в названных школах обучение турецкому языку».

Согласно договору власти Турции обязались также «предоставить всяческую защиту церквям, синагогам, кладбищам и иным религиозным установлениям указанных выше меньшинств. Всякие льготы и разрешения будут даны богоугодным заведениям и религиозным и благотворительным учреждениям тех же меньшинств, существующим в настоящее время в Турции». Специально подчёркивалось, что все перечисленные в разделе обязательства властей представляют собою «обязательства международного значения» и «поставлены под гарантию Лиги Наций. Они не могут быть изменены без согласия большинства Совета Лиги Наций»⁴⁴.

Перечисленные выше статьи Лозаннского договора самым непосредственным образом влияли на сложившуюся в те годы чрезвычайную ситуацию с национальными меньшинствами в Турции, прежде всего греками и армянами, оказавшимися из-за давних политических игр великих держав в положении «пятой колонны». Во время поспешного бегства греческой армии из Анатолии под ударами кемалистов с ней ушло в качестве беженцев свыше миллиона греков – коренных жителей Турции⁴⁵.

В роли беженцев, уже который раз, оказались и десятки тысяч армян, также коренных жителей страны. Однако даже после этого поистине вселенского бегства под угрозой расправы в Турции оставалось большое число греков, армян, евреев и других меньшинств; приведённые выше статьи договора сохраняли за этим постепенно таявшим меньшинством формальное право защиты от ассимиляции и от преследований со стороны турецких шовинистов. Кстати сказать, и прибывших в Турцию переселенцев-мусульман из Греции, Болгарии, Югославии, в подавляющем большинстве турок, также было много.

По турецкой статистике, в Турцию в 1921–1928 гг. прибыли и получили жилище 463,5 тыс. человек, причем основными регионами их размещения были те, в которых раньше проживало много греческих семей – Эдирне, Балыкесир, Стамбул, Бурса, Измир, Текирдаг и др. Согласно той же статистике, в Турции в 1927 г. проживало 13 269,6 тыс. мусульман, 109,9 тыс. православных, 81,9 тыс. иудеев, 77,4 тыс. армян (так в табл. – *Н.К.*), 39,5 тыс. католиков, 24,3 тыс. христиан и др. По языковому признаку в том же году в Турции 11 777,8 тыс. жителей пользовались турецким языком, 1184,5 тыс. – курдским языком, 134,3 тыс. – арабским, 119,8 тыс. – греческим, 95,9 тыс. – черкесским (так в тексте. – *Н.Г.*), 68,9 тыс. – еврейским, 64,7 тыс. – армянским, 11,5 тыс. – татарским, и т. д. В регионе Стамбула статистика насчитывала 547 тыс. мусульман, 100 тыс. православных, 53 тыс. армян (?), 47 тыс. иудеев и т. д. То есть треть населения крупнейшего тогда города Турции, недавней её столицы, не была ни турецкой, ни мусульманской⁴⁶.

Приведённые выше постановления договора могут и сегодня составить неплохую базу для справедливого учёта интересов меньшинств в любой стране. Однако мало из написанного в Лозаннском договоре относительно меньшинств выполнялось Тур-

цией. Неудивительно, что несмотря на все «защитительные» статьи Лозаннского договора, доля прежде всего греческого и армянского населения республики таяла на глазах в результате массовой иммиграции и ассимиляции⁴⁷.

Что касается вооружённых выступлений курдов – уже мусульман, например восстание шейха Саида (февраль 1925 г.), проходившее под лозунгом создания независимого Курдистана, то они ставили страну на грань гражданской войны. После подавления упомянутого восстания власти приняли в 1927 и 1929 гг. специальные законы, по которым наиболее непокорные курдские племена были принудительно переселены в различные районы Центральной и Западной Анатолии. Другие законы предусматривали наделение землей кочевых курдских племен в районах их традиционных кочёвок, с тем чтобы перевести их на осёдлый образ жизни и держать в повиновении. В некоторых турецких публикациях одно время курды стали даже именоваться «горными турками» и были таким образом выведены из категории «нетурецкое меньшинство», защищаемое Лозаннским договором. И сегодня курды-мусульмане Турции продолжают требовать полного признания своих национальных прав, которых они были долгое время лишены только потому, что считались не национальным меньшинством, а мусульманским большинством, то есть турками⁴⁸.

Наличие шовинистических чувств у части турецкого населения объяснялась не только «плохим» поведением греков и армян во время англо-греческой интервенции. Эти меньшинства со времён империи контролировали в значительной мере экономическую жизнь Турции, особенно в городах – торговлю, ремесло. Известный армянский турколог О.Г. Инджикян пишет, что греческий капитал занимал господствующее положение в хозяйственной жизни империи. Ему принадлежало первенство (почти 50%) как в производстве и ремеслах, так и во внутренней торговле. Он контролировал более 40% всех внутренних финансовых операций. Второе место принадлежало армянским предпринимателям, торговцам и финансистам, в руках которых находилась примерно четвёртая часть производства и торговли. Вслед за ними шли евреи и левантийцы. Что касается турецкой буржуазии, то она по своему экономическому положению находилась на четвертом месте и контролировала почти 15% торговых операций и 12% производства. Ей потребовалось несколько десятилетий,

чтобы завоевать ведущие позиции в частном секторе турецкой экономики ⁴⁹.

Отказавшись от исламских знамён, объединив турок под новыми знамёнами – патриотизма и национализма, кемалисты приняли меры к тому, чтобы сохранять и укреплять это единство и далее и под теми же знамёнами. Популярными стали лозунги создания национальной промышленности, национальной банковской системы, национальной авиации, национального производства сахара, тканей, цемента и т. п. После завершения строительства первых текстильных комбинатов тогдашний министр экономики Джеляль Баяр призвал соотечественников покупать прежде всего турецкие ткани. Начало действовать законодательство по защите национальной валюты – лиры. Создавалась национальная оборонная промышленность. При всемерной поддержке властей, главным образом законодательной, турецкий предприниматель все активнее внедрялся в сферы строительства, промышленного производства, торговли, включая внешнюю, других услуг, ранее контролируемые иностранным либо инонациональным (греческим, армянским, еврейским) капиталом.

Активно используя механизм однопартийной авторитарной политической власти, кемалистская элита в 1930-е годы создала эффективную систему идеологического воздействия на население, признающего европейский путь развития как наиболее приемлемый для построения развитого турецкого общества. Была создана теория происхождения турецкого народа, его культуры чуть ли не от хеттов, тюркизм пропагандировался как концепция, спасающая страну от уничтожения, ведущая турецкое общество к прогрессу, способная обеспечить этому обществу достойное место в семье европейских народов.

Исследователь деятельности «турецких очагов» в Турции в 1920-е годы и позже – «народных домов» А.А. Колесников пишет, что начиная с апреля 1924 г. в стране в различных городах стали восстанавливаться прежние (то есть ещё с младотурецких времён) и создаваться новые «турецкие очаги», их вероятное число в конце 1920-х годов достигало 160–200 домов. Председателем этих очагов был Субхи Танрыювер, «ярый панисламист и пантюркист».

«Широкой популярностью, – отмечает Колесников, – пользовались многочисленные конференции, проводимые “очагами” на

самые разные темы... Обсуждались вопросы турецкого национализма, проблемы развития экономики, здравоохранения, сельского хозяйства, кооперирования, изучение латинского алфавита, воспитание детей и пр.». Печатным органом очагов был журнал «Тюрк юрду», на его страницах «печатались статьи идеологов пантюркизма, исторические, фольклорные и другие материалы, прославлявшие «величие турецкой нации». Как следует из исследования Колесникова, в те годы дискуссии об историческом евразийском синтезе, результатом которого стало возникновение турецкой нации, турецкой культуры, в упоминаемых идеологических организациях не велись. В 1931 г. турецкие очаги были заменены «народными домами», ставшими новым, более активным и более современным «приводным ремнем» в области идеологии и культуры в отношениях между правящей НРП и обществом⁵⁰.

Первые меры по поддержке частного сектора

На начальном этапе становления нового государства экономическая политика кемалистов определялась неразвитостью его социально-экономической структуры. Из 14 млн. населения около 77% проживало в деревнях, 81,6% было занято в сельском хозяйстве, 5,6% – в промышленности, 4,8% – в торговле и 7% – в сфере услуг. Доля сельского хозяйства в национальном доходе составляла 67%, промышленности – 10%. Большая часть железных дорог ещё оставалась в руках иностранцев. В банковском деле, страховых компаниях, муниципальных предприятиях, в горнодобывающей промышленности также господствовал иностранный капитал. Функции государственного банка с правом эмиссии продолжал выполнять Оттоманский банк, контролируемый англо-французским капиталом. Местная промышленность за отдельными исключениями была представлена ремеслом и кустарными промыслами, она удовлетворяла, и то не полностью, лишь самые необходимые потребности в еде и одежде. Спрос на фабричную продукцию обеспечивался за счет импорта. Несколько государственных фабрик работали не на рынок, а лишь на армию, поставляя ей сукно, ткань, сапоги, порох, пушки, ружья и т. п. В среде турок имелась и относительно небольшая группа влиятельных торговцев. На экономическом конгрессе 1923 г. в Измире представители семейств Авундукзаде, Немлизаде (Стамбул),

Ушакизаде (Измир), Кыннаджызаде (Анкара) и др. выступили с требованиями и рекомендациями властям всемерно поддержать национальный частный сектор в противовес компрадорскому – наследию империи. От имени созданного, например, в Стамбуле Национального турецкого союза они настаивали на роспуске Стамбульской торговой палаты, поскольку её руководство в значительной степени состояло из немусульман и деятельность палаты не отвечала интересам торговцев-турок⁵¹. Основное же требование торговцев-турок на тот момент заключалось в организации крупного торгового национального банка для предоставления кредитов национальному частному капиталу.

Уже через год такой банк – Деловой – был учреждён при личном участии М. Кемалья и ряда депутатов меджлиса, прежде всего тех же купцов в качестве учредителей-акционеров, среди них был и Ушакизаде (в то время – тесть Мустафы Кемалья). На создание этого банка Мустафа Кемаль приказал выделить 250 тыс. лир из средств, собранных от пожертвований различных мусульманских организаций, главным образом Индии, в фонд борьбы против империалистов. Было выпущено 100 тыс. акций достоинством 10 лир каждая, за первые четыре месяца деятельности банка его оплаченный капитал возрос до 409 тыс. лир. Уже в первые годы деятельности он стал владельцем 40% акций компании «Тюрк тельсиз телефон ТАШ», построил крупнейший тогда в Анкаре отель «Анкара-палас», купил и реорганизовал фабрику шерстяных тканей, предоставил кредиты нескольким анкарским торговцам, поставлявших на экспорт тифтик и шерсть.

По подсчетам А.Г. Окчуна, за десятилетие (1920–1930 гг.) в стране было создано 135 акционерных компаний с местным (турецким и инонациональным) капиталом, который составлял в суммарном подсчете около 70 млн. лир. В этой сумме доля капитала банков, ссудных касс, страховых обществ (их насчитывалось 30, что составляло 22% числа всех компаний) была равна 57,8%; доля капитала промышленных компаний несколько превышала 17%, торговых и транспортно-складских компаний – 12% и т. д. Фирмы Ушакизаде и Авундукзаде, измирский торговец Джемальбей, стамбульский торговец табаком Ибрагим-паша-заде Хюсейн (Кавалалы) и другие приняли участие в создании в 1924 г. Турецкого торгово-промышленного банка в сотрудничестве со швейцарским капиталом⁵².

Попытался воспользоваться турецкий торговый капитал и возможностью участвовать в подрядах на железнодорожное строительство. Так, фирма Немлизаде вложила в один из таких подрядов большую часть своих средств, однако не рассчитала силы и вынуждена была потом продать государству свои акции указанной дороги. Их оказалось у фирмы на крупную по тому времени сумму – 300 тыс. лир⁵³.

Эти примеры свидетельствуют, что частный торговый национальный капитал, получив после провозглашения республики благоприятные условия для активизации своей деятельности, устремился в наиболее выгодные тогда сферы предпринимательства – банковское дело, подряды, торговлю.

Свои первые успехи в торговле в 1920–1930-е годы ярко описывает первый турецкий миллионер Вехби Коч, в то время ещё не обладавший крупными средствами. Он вспоминает в своих мемуарах, что тогда вся торговля Анкары была в руках армян, греков и евреев. Турки-мусульмане, будучи хозяевами страны, жили скромно и в своем большинстве трудились под началом упомянутых групп⁵⁴.

Благоприятные возможности обогащения, обеспечиваемые во внутренней торговле, привлекали в эту сферу также политических и партийных деятелей. Писатель П. Павленко, побывавший в Турции в 1927 г., отмечал: «Секретари кемалистских райкомов торгуют шерстью, агитаторы приписались к биржам»⁵⁵.

Подобно тому как это происходило с торговым капиталом, промышленное национальное предпринимательство в Турции в 1920-х годах первоначально базировалось на уже существовавшей собственности, главным образом иностранной и инациональной. По данным, приводимым Ю.Н. Розалиевым, фабрично-заводские предприятия Турции в 1927 г. располагали 4850 двигателями общей мощностью 163,5 тыс. л. с., из них 4412 были электрическими, паровыми и двигателями внутреннего сгорания. Это свидетельствует о довольно высоком уровне развития отдельных предприятий. Наибольшее число двигателей было сосредоточено на предприятиях по переработке продуктов сельского хозяйства, текстильных, деревоотделочных, металлургических и машиностроительных⁵⁶. В подавляющем большинстве эти предприятия были созданы ранее, в конце XIX – начале XX в. Речь идёт о мукомольных фабриках и текстильных предприятиях в Измире,

Адане, Тарсусе, Стамбуле. Новая власть приняла меры к тому, чтобы постепенно овладеть этой собственностью, как мелкой, так и средней и относительно крупной. «Правительство, – отмечалось в журнале “Коммунистический Интернационал”, – продало оставшиеся после национально-освободительного движения полуразрушенные предприятия за ничтожную сумму любимцам Народной партии, открыло им кредит и выдало субсидии, так что 3 года спустя предприятия вернулись к довоенному уровню»⁵⁷.

Важнейшее значение в этой связи имел Закон о поощрении промышленности, вступивший в силу с 1 июня 1927 г. Насколько серьёзны были льготы, предусмотренные законом, свидетельствуют многие его статьи. Промышленник, намеревавшийся строить предприятие, мог рассчитывать на получение безвозмездно земельного участка до 10 га. Он освобождался от налогов на крытые помещения, на земельный участок, на прибыль и т. п. На материалы, импортируемые для строительства и производственной деятельности предприятия, не налагались таможенные сборы и налоги. Перевозка такого рода материалов по железной дороге и на судах обходилась со скидкой в 30%. В первый год производственной деятельности каждого предприятия на стоимость выпускаемой им продукции устанавливалась премия в 10% стоимости⁵⁸.

Государство стремилось также смягчить неблагоприятное воздействие таможенного тарифа. Приложенная к Лозаннскому договору торговая конвенция устанавливала, что на пятилетний срок её действия, то есть с 1924 по 1929 гг., ввозными тарифами в Турции «будут оттоманские тарифы, вступившие в силу 1 сентября 1916 г.». Это означало, что в течение пяти лет турецкое правительство не могло по своему усмотрению повышать низкие таможенные тарифы на импорт. Такая свобода позволяла выгодно завозить потребительские товары: в 1924 г., например, текстиль и продукты питания составляли около 70% турецкого импорта, в 1928 г. – около 52%⁵⁹.

Средством смягчения неблагоприятного воздействия тарифа кемалисты избрали государственную монополию на продажу или производство табака, соли, спичек, сахара, нефтепродуктов, алкоголя, взрывчатых веществ. Государство, предоставляя на эти товары концессии или действуя в этой сфере само, обеспечивало от монополий пятую часть бюджетных поступлений⁶⁰. В 1929 г. был установлен полный контроль над внешнеторговым регулиро-

ванием, принят таможенный тариф, предусматривавший увеличение пошлин примерно на 50%.

О действиях частного капитала (местного и иностранного) в сложившейся в конце 1920-х – начале 1930-х годов ситуации свидетельствуют данные, опубликованные в книге А.Г. Окчуна. Они говорят о том, что к концу 1920-х годов в стране возникла обстановка чуть ли не бума. За 1920–1930-е годы была создана (или реорганизована) 201 акционерная компания с суммарным капиталом 112,8 млн. лир, в том числе 66 компаний с иностранным капиталом (42,9 млн. лир)⁶¹. Деятельность акционерного капитала происходила на фоне значительного роста мелкой кустарной промышленности⁶².

Другая отрасль обрабатывающей промышленности, где национальный частный капитал получил возможность развиваться в 1920–1930-е годы, – текстильная, прежде всего хлопчатобумажная. Эта промышленность не тяготела к Стамбулу, была привязана к районам производства хлопка и его вывоза, размещалась в достаточно развитых районах (Аданском и Эгейском), вдали от влиятельных стамбульских импортёров, от их магазинов и складов, заполненных привозной дешёвой мануфактурой⁶³.

Развитие хлопчатобумажного производства требовало расширения хлопкоочистительной базы, а это, в свою очередь, создавало условия для налаживания промышленности переработки хлопкового семени в хлопковое масло, жмыхи, мыло и т. д.⁶⁴ Факты создания частных фабрично-заводских предприятий в текстильной промышленности на средства торговцев имели место и в других районах страны⁶⁵. Опережающий рост хлопчатобумажных фабрик по сравнению с шерстоткацкими объясним: сырьё для первых обеспечивалось в стране, причем сорта хлопка совершенствовались постоянно; сырьём для вторых является лишь частично местная шерсть (грубые, коротковолокнистые сорта), мериносовую шерсть Турция была вынуждена импортировать. Попытки выведения местных мериносовых пород долго не давали благоприятных результатов⁶⁶.

В итоге параллельно форсированному строительству крупных государственных текстильных предприятий частный сектор даже в годы наиболее эффективных государственных мероприятий сохранял важные позиции в фабрично-заводском текстильном производстве. Так, его доля в производстве хлопчатобумажной пря-

жи составляла в 1942 г. 64%, в 1947 г. — 53,8, шерстяной пряжи — соответственно 54 и 41,5%⁶⁷. Можно добавить, что в 1930-х годах турецкие промышленники получили новый стимул для расширения промышленной деятельности в стране — был введён строжайший валютный контроль.

Первые успехи частного предпринимательства в развитии текстильной и пищевой промышленности можно объяснить тем, что обстановкой защитных и поощрительных мер в наибольшей мере могли воспользоваться владельцы накоплений именно в этих отраслях. Специфика их состояла в том, что они были тесно связаны с производством соответствующих видов сырья (хлопок, шерсть, зерно), с торговлей ими (включая экспорт) и имели постоянный и достаточно стабильный источник самофинансирования. Другие отрасли промышленности больше нуждались в кредитах. Итоги их развития показывают, что эта потребность в кредитах не была удовлетворена. Как свидетельствует Дж. Ферман, несмотря на оформившуюся в 1920–1930-е годы в стране банковскую систему, она не обеспечивала потребности частной промышленности в средне- и долгосрочных, то есть подлинно промышленных, кредитах⁶⁸. Не был исключением и Деловой банк. Его кредитная политика была направлена на всемерное развитие торгового кредита, включая внешнеторговые операции. Прибыли от сберегательных вкладов и торговых ссуд составляли главный источник обогащения акционеров банка⁶⁹. Финансированием промышленной деятельности банк занимался неохотно, принадлежавшие ему акции промышленных компаний, в основном смешанных и частных (сахарные и текстильные фабрики, стекольный завод, горнорудные предприятия и т. д.), приносили незначительные дивиденды⁷⁰.

Для аграрной Турции утверждение заимствованного у Европы буржуазного права собственности, в том числе на землю, стало подлинной революцией в праве, если вспомнить, как на протяжении всего XIX в. и в начале XX шла борьба по этому направлению. Как отмечал А.Д. Новичев, Гражданский кодекс 1926 г. представлял собой крупную буржуазную реформу в земельном праве. Выиграли от реформы прежде всего помещики: они стали собственниками своих формально арендуемых земель. Положение крестьян изменилось мало. Выиграли лишь те крестьяне, которые арендовали землю непосредственно у государства⁷¹.

После курдского восстания шейха Саида были приняты законы об отмене натурального налога ашар и ликвидации иностранной табачной компании «Режи» (1925 г.). Феодалный ашар, весьма значимый для бюджета налог (в 1924 г. по Данцигу – 12,5%, по Кейдеру – около 22% бюджета), был, по выражению Б.М. Данцига, «язвой на теле Турции»⁷².

В данном ряду заслуживают упоминания и законодательные акты, создавшие правовую основу для появления в деревне таких важных атрибутов современного хозяйствования, как организованный кредит, кредитная и снабженческо-сбытовая кооперация, первые шаги по применению современных машин, удобрений и т.д.

Однако правительство до 1945 г. так и не приступило к аграрной реформе, к переделу земли в пользу крестьян. Был принят лишь ряд законодательных актов о продаже в рассрочку и распределении казённых и покинутых земель, но все эти угодья передавались, как правило, лишь туркам-мухаджирам (иммигрантам, прибывшим в 1920-х годах из балканских стран) и лицам, переселённым по политическим мотивам из одних районов страны в другие. Безземельные и малоземельные крестьяне в рассматриваемый период мало выиграли от осуществленной в 1925–1935 гг. властями передачи казённых и вакуфных земель в руки частных владельцев, эти земли смогла прибрать к рукам зажиточная верхушка крестьянства. Правда, законодательные акты предусматривали продажу казённых угодий в первую очередь безземельным крестьянам и лишь потом крестьянам, располагавшим участками менее 4,5 га. Однако наиболее ценные земли – виноградники, оливковые плантации и орешники – подлежали продаже с торгов и доставались лицам, предложившим наибольшую сумму⁷³.

Аграрные мероприятия кемалистов наряду с ростом частной земельной собственности предусматривали и формирование хозяйств крестьянской предпринимательской прослойки и тем самым расширение социальной базы режима в деревне. Указанные хозяйства были призваны не только заниматься самообеспечением, но и производить продукцию на рынок. С июня 1934 г. мероприятия в области землевладения стали базироваться на законе о поселении от 14 июня 1934 г., который, по существу, унифицировал все ранее принятые по данному вопросу решения. Закон предписал министерству внутренних дел выработать единую программу освоения и заселения районов страны. При этом вся тер-

ритория Турции делилась на три зоны: а) области с населением, «принадлежащим к турецкой культуре»; б) области, куда следует перемещать население, «приобщающееся к турецкой культуре», то есть ассимилируемые нетурецкие группы населения; в) области, в которых по социально-экономическим, военно-стратегическим и иным причинам поселение временно запрещено.

По имеющимся обобщённым подсчётам, с 1923 по 1945 гг. власти передали за выкуп или безвозмездно в собственность земледельцев около 1,1–1,2 млн. га пригодных для обработки земель, что эквивалентно 10% обрабатывавшихся в то время сельскохозяйственных площадей. Всего земельными собственниками стали около 270 тыс. семей. Перечисленные мероприятия правительства не могли существенно улучшить положение крестьянства, но в результате их реализации увеличилась прослойка мелких земельных собственников, существенно укрепился сектор мелко-товарного производства. В феврале 1937 г. меджлис принял к ст. 74 конституции страны о праве частной собственности следующее дополнение: «Отчуждение земель и лесов, осуществляемое с целью наделения крестьян землей, и огосударствление лесов, а также определение стоимости отчуждаемых угодий и условия оплаты этой стоимости регулируются особыми законами». Подобная поправка создавала правовую основу для возможности прямого вторжения государства в отношения земельной собственности, но вспыхнувшая вскоре Вторая мировая война послужила поводом для снятия земельного вопроса с повестки дня вообще, выработка закона об аграрной реформе растянулась на целых два десятилетия. Хотя меджлис и начал выработку законопроектов о земельной реформе, вопрос о земле оставался в 1930-е годы нерешённым⁷⁴.

К этому можно добавить, что уже в 1925 г. была предпринята первая попытка создать под Анкарой сельскохозяйственное производство на государственных началах – Ататюрк Орман Чифт-лиги. Это хозяйство, специализировавшееся на производстве продукции животноводства, пива, вина для снабжения населения Анкары, заняло площадь в 90 тыс. декаров (1 декар = 0,1 га). Имение было основано самим Кемалем на пустом болотистом участке, приобретённом у частного владельца. Позже в нескольких регионах страны было создано более 20 государственных имений.

Можно добавить, что поддержка предпринимательского начала в 1920-е годы и позже, развития рыночных отношений сопро-вождалась и усилиями государства по развитию транспорта и связи. Основное внимание обращалось тогда на железнодорож-ное строительство. Что касается автомобильных дорог, то даже в 1939 г. в Турции имелось всего около 4 тыс. км дорог с твёрдым покрытием, из них асфальтированных – всего 279 км. Такое поло-жение не способствовало развитию автомобильных перевозок – грузовых и пассажирских, особенно в отдаленных районах. Дорого стоил и бензин, который к тому же было трудно найти.

В 1924 г. в Турции стали осуществляться воздушные пасса-жирские перевозки. Осуществляла их итальянская компания «Аэ-ро эспрессо итальяно». Начав с почтовых рейсов между Анкарой, Стамбулом и Измиром, компания переключилась затем на экс-плуатацию линии Стамбул–Афины–Бриндизи (Италия). В том же году начались пассажирские перевозки по линии Анкара–Стам-бул на самолётах компании «Юнкерс» (Германия) и франко-ру-мынской компании. В 1933 г. эксплуатация линии Анкара–Стам-бул была передана американской компании «Кертис-Райт», в рас-поряжении которой имелось два пятиместных самолета. Деятель-ность авиационных иностранных компаний продолжалась до 1936 г., когда эксплуатация воздушных линий перешла в руки государства.

В сентябре 1926 г. впервые в Турции, в Анкаре, вступила в строй автоматическая телефонная станция, она в 1933 г. насчиты-вала 1697 абонентов. Радиовещание было представлено в столице сначала маломощным передатчиком (5 квт), установленным в 1928 г. Он эксплуатировался фирмой «Тюрк тельсиз телефон ТАШ», причём часть акций фирмы принадлежала Деловому бан-ку. В 1936 г. радиовещание перешло в руки государства.

Перенос столицы страны в Анкару повлёк за собою развитие строительной отрасли – город создавался заново. В центре старо-го города, на площади Улус и прилегающих к ней улицах, вырос-ли здания Сельскохозяйственного банка, Делового банка, Совета министров, новое здание ВНСТ, а напротив был построен самый фешенебельный по тем временам отель «Анкара-палас». Ниже площади Улус, на склоне, где начинается бульвар Ататюрка, так-же шло большое строительство: воздвигались здания Вакуфного банка, министерства таможен и монополий, а несколько дальше,

на холме – Народного дома и Этнографического музея. Город застраивался сначала стихийно, а затем в соответствии с планом, разработанным берлинским архитектором Германом Янсенем.

Началось и строительство по многим городам страны промышленных зданий, особенно широкий размах оно приняло в 1930-е годы, когда начали возводиться промышленные предприятия государственной принадлежности. Немало турецких предпринимателей, те же Коч, Сабанджы и многие другие, накопили свои первоначальные капиталы также и за счёт подрядной отстройки Анкары, железных дорог и других объектов. Турецкий экономист Ф. Акдаг писал, что рождение частного сектора в Турции в 1920–1930-е годы происходило не благодаря поощрению промышленности и созданию Делового банка, а в связи с проводимым в те годы государством железнодорожным строительством. Вначале турецкие специалисты-строители работали в качестве служащих иностранных строительных фирм, а затем сами становились подрядчиками ⁷⁵.

Турция и внешний мир после Лозанны

Стремление новой Турции жить со всеми в мире и дружбе высказывалось неоднократно её руководителями, об этом говорил тогда и сам Мустафа Кемаль (Ататюрк). После нескольких лет разрухи, вызванной войной и иностранной интервенцией, турецкие правящие круги нуждались в такой внешней политике, которая могла бы обеспечить стране мирное, независимое существование.

Первой, задолго до Лозанны, в 1920 г., признала и всемерно поддержала новую Турцию Советская Россия. Дружеские отношения между двумя государствами были продолжены и в мирное время, закреплены рядом торгово-экономических и дипломатических документов. В развитие этих отношений 17 декабря 1925 г. в Париже был заключен советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете. Для Турции этот документ получил особую значимость в период обострения её внутривосточной обстановки и одновременно конфликта с Англией по Мосулу.

Договор 1925 г. предусматривал, что «в случае военного выступления против одной из договаривающихся сторон со стороны одной или нескольких третьих держав другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать нейтралитет по отношению к пер-

вой» (ст. 1). Каждая из сторон также обязалась воздерживаться от всякого нападения на другую сторону и не принимать участия ни в каком союзе, политическом соглашении или ином акте одной или нескольких третьих держав, направленном против другой стороны (ст. 2), причём разъяснялось, что под соглашениями «политического характера» понимаются также все финансовые или экономические соглашения между державами, направленные против другой договаривающейся стороны (протокол II). Здесь уместно добавить, что попытка советской стороны при подготовке договора включить в него положение, фактически облегчающее прохождение через Проливы советских военных судов, окончилась неудачей: «турецкое правительство хотело не обострять, а укреплять отношения с другими государствами... после заключения договора с СССР турецкие дипломаты начали активно проводить в жизнь тезис «Турция желает быть мостом между Западом и Востоком»⁷⁶.

Спустя почти год в середине ноября 1926 г. подписавшие вышеуказанный договор Г. Чичерин и Тевфик Рюшту сочли необходимым вновь встретиться, на этот раз в Одессе. Объясняя причины новой встречи с турками советским журналистам, Г.В. Чичерин отметил, что потребовалась более «исчерпывающая» беседа, чтобы еще больше подвинуть вперед «дело нашего сближения»⁷⁷. Позднее Парижский договор неоднократно дополнялся анкарскими протоколами 1929, 1931 и 1935 гг., и соответственно, пролонгировался в общей сложности до 1945 г.⁷⁸

Наряду с дипломатическим в 1930-е годы серьёзной составляющей советско-турецких отношений стало активное экономическое сотрудничество.

В последующие годы Турция установила дипломатические отношения со многими странами – Германией, Австрией, Болгарией, Венгрией, Польшей, Югославией и др. Договоры были построены на принципах взаимного уважения суверенитета, предусматривали развитие торговых связей.

22 апреля 1926 г. Турция подписала в Тегеране Договор о нейтралитете со своим давним соперником на Среднем Востоке мусульманским Ираном, что способствовало нормализации ирано-турецких отношений, носивших до этого напряжённый характер вследствие частых пограничных конфликтов, связанных прежде

всего с волнениями и восстаниями курдов, как иранских, так и турецких.

Согласно договору стороны отказались от всяких актов агрессии друг против друга, обязались не вступать ни в какие политические, экономические или финансовые соглашения, направленные против другой договаривающейся стороны, а в случае военного нападения на другую сторону сохранять нейтралитет, включая вооружённый, если будет иметь место попытка использовать территорию одной договаривающейся стороны для враждебных действий против другой договаривающейся стороны. Договор предусматривал также обязательство обоих государств не допускать на своей территории организации или групп, преследующих цели, враждебные другой стороне, и принимать меры против преступной деятельности пограничных племён.

Несмотря на этот договор, ирано-турецкие отношения и в дальнейшем неоднократно обострялись из-за пограничных конфликтов. В 1927 г. в связи с новой вспышкой волнений среди курдов турецкое правительство даже послало иранскому правительству ноту ультимативного характера, которую последнее отказалось принять. Окончательное урегулирование спорных пограничных вопросов между Ираном и Турцией произошло в 1932 г. Тогда же указанный договор был возобновлён на новый срок. Большое значение придало турецкое руководство официальному визиту в Турцию иранского шаха Реза Пехлеви в июне 1934 г. Маршрут визита пролегал от турецко-иранской границы через Карс, Эрзурум до Трабзона, откуда шах на броненосце Явуз прибыл в Самсун и затем поездом – в Анкару. Здесь на вокзале он в торжественной обстановке был встречен Ататюрком и членами правительства. Все эти встречи и соглашения облегчили впоследствии заключение Саадабадского пакта.

Что же касается отношений Турции с державами-победительницами, они носили иной характер. Даже подписав в конце концов мирный договор в Лозанне, эти державы, представленные прежде всего Англией и Францией и поддержанные США, не намерены были сразу отказаться от многих своих привилегий в Турции, полученных ими ранее от султанской власти. Как писал турецкий историк А.Ш. Эсмер, учредить новую основу после лозаннских межгосударственных отношений на принципах равенства для Турции «было нелёгким делом», руководители этих госу-

дарств «привыкли к периоду капитуляций, и требовалось определённое время, чтобы они приспособились к новому положению»⁷⁹.

Английская, а вместе с ней и французская дипломатия пытались использовать в своих интересах внутренние трудности Турции, не решённые Лозанной вопросы, в частности экономические, чтобы помешать кемалистам стабилизировать положение в стране, ослабить их позиции в регионе и таким образом укрепить ещё более своё влияние на Ближнем и Среднем Востоке, заметно усилившееся после Первой мировой войны. Урегулирование вопросов «лозаннского наследия» затянулось на многие годы, проходило в острой форме, при сильнейшем политическом и финансовом давлении западных держав, и, надо признать, сопровождалось подчас значительными уступками со стороны Турции.

Со своей стороны, новая власть Турции не теряла надежд решить в свою пользу в будущем некоторые отложенные темы. Как утверждал в 2003 г. в газете «Сабах» Эрдал Шафак в связи с 80-летием Лозаннского договора, Мустафа Кемаль после победы 30 августа (1922 г., Думлупынар) заявил газете «Фигаро»: «Мы требуем себе все территории, которые остались вне и которые чисто турецкие». На просьбу уточнить – о каких турецких землях идёт речь, он ответил: «Фракия до Стамбула и Марицы, Анатолия, район Мосула и половина Ирака». В сентябре 1932 г. в беседе с американским генералом МакАртуром в Анкаре он подтвердил свою решительность: «Даст Бог, буду живым, Мосул, Киркук и Острова возьму обратно»⁸⁰.

Среди основных проблем, которые ждали своего решения и после Лозанны, были: урегулирование внешней задолженности Турции перед упомянутыми державами; мосульский вопрос, возникший в результате захвата Англией нефтеносных районов Мосула и Киркука на территории прежней Месопотамии, бывшей частью побежденной Османской империи; восстановление дипломатических отношений с США, разорванных после начала Первой мировой войны; возвращение Турции санджака Хатай (Александретта), удерживаемого Францией как её подмандатной территории в составе Сирии, а также такие, как обмен населением с Грецией, принятие нового таможенного тарифа вместо прежнего, весьма невыгодного для турок, по сути, полукOLONиального; условия деятельности в стране иностранных концессий, школ, торговых палат и другие.

Спор о территориальной принадлежности Мосула был одним из главных после лозаннских переговоров. Англичане захватили район Мосула в ходе Первой мировой войны в 1918 г. и, учитывая его стратегическую важность и нефтяные богатства, включили при содействии только что созданной Лиги Наций в состав Ирака, ставшим в августе 1920 г. по решению этой международной организации подмандатной территорией, опекаемой Англией. Турецкие власти не признали этот захват, утверждая, что вилайет населён в значительной степени турками и входит в национальные пределы новой Турции.

В Лозанне спор не был решен, 2-й пункт ст. 3 Лозаннского договора устанавливал девятимесячный срок достижения по проблеме Мосула взаимной договоренности между Англией и Турцией, а если это не произойдёт – передать решение вопроса в Лигу Наций. Уже в мае 1924 г. прошли переговоры по этому вопросу в Стамбуле между турками и англичанами, стороны остались на своих позициях и вопрос перешел в ведение Лиги Наций⁸¹.

Ввиду отказа Турции признать обязательным арбитраж Лиги Наций, оказавшийся неблагоприятным для Турции, эта организация запросила Гаагский трибунал, устанавливает ли Лозаннский договор обязательную силу для обеих сторон за решением Совета Лиги Наций по мосульскому вопросу. Постановление Гаагского трибунала признало это решение обязательным и в конце концов 16 декабря 1925 г. Совет Лиги Наций вынес окончательное решение о границе – в основном она пролегла по так называемой *Брюссельской линии*. Англии предлагалось согласиться с продлением мандата на Ирак на 25 лет и заключить с Турцией соглашение по Мосулу. Кстати, перспектива закрепить Мосул за Ираком склонила «даже наиболее крайних оппозиционеров из иракских националистов поддержать продление английского мандата», о чём и был подписан (13 января 1926 г.) соответствующий англо-иракский договор. Не рискуя ввязываться в новый вооружённый конфликт, кемалисты признали свой отказ от Мосула. 5 июня 1926 г. все споры завершились подписанием англо-ирако-турецкого договора о Мосуле. Договор признавал Брюссельскую линию с небольшими исправлениями, оставляя Мосул в пределах Ирака. Турции предоставлялось право либо получать в течение 20 лет 10% с доходов иракского правительства от мосульской нефти, либо капитализировать эту свою долю доходов в сумме

500 тыс. ф. ст. Подписание договора способствовало дальнейшей нормализации отношений Турции прежде всего с Англией, а также и с Францией ⁸².

В период Лозанны и после него кемалисты немало надежд при урегулировании «лозаннского наследства» возлагали на поддержку США. С ними турки порвали отношения в ходе Первой мировой войны, став, как известно, союзниками Германии. Несмотря на постоянную солидарность американской дипломатии с западными державами в турецких делах, в частности на лозаннских переговорах, многие политики и интеллектуалы в окружении Кемалю, например Халиде Эдип, питали определенные политические и экономические надежды в отношении США ⁸³.

Как признают и турецкие авторы, правительство Турции питало большие надежды на США из-за потребности в иностранном капитале, необходимом для экономического развития, по их мнению, американский капитал был «наиболее безопасным и заслуживающим доверия» ⁸⁴. Особенно очевидно это проявилось в попытках кемалистов реанимировать проект Честера, предусматривавший строительство новых железнодорожных линий на территории Анатолии и эксплуатацию природных ресурсов в полосе вдоль этих линий. Однако к концу 1923 г. окончательно выяснилось, что дело с нашумевшей концессией Честера провалилось, что американские дельцы не торопились тогда вкладывать большие капиталы в Турцию. Их главные интересы сосредоточились на участии в добыче совместно с англичанами мосульской нефти, которая, судя по всему, к Турции отношения уже не имела ⁸⁵.

6 августа 1923 г. в Уши под Лозанной был подписан турецко-американский договор, предусматривавший восстановление дипломатических отношений и повторивший в основных положениях Лозаннский мирный договор. Однако положения турецко-американского договора в сенате США, в обществе были восприняты с неудовольствием. Особое раздражение вызывало в договоре признание отмены капитуляционного режима. В печати, в письмах в сенат приводились небылицы и измышления о новой Турции, о том, что турецкое правительство «превратило 3000 церквей в конюшни, казармы и публичные дома», что оно «держит в отвратительном рабстве в турецких гаремах свыше 100 000 христианских женщин и детей» ⁸⁶.

Договор поступил в сенат в мае 1924 г. и надолго там застрял, а в 1927 г. под давлением демократов был окончательно отвергнут. Дипломатические отношения были восстановлены в 1927 г. путем простого обмена письмами между верховным комиссаром США в Турции адмиралом Бристолем и министром иностранных дел Турции Тевфиком Рюшту⁸⁷.

Большое значение для нормализации отношений Турции с соседней Грецией, для хозяйственного положения Турции в целом, особенно для Стамбульского и Измирского вилайетов, имело урегулирование вопроса об обмене населением с ней. Такой двухсторонний обмен был завершён (в основном) к концу 1924 г. К этому времени из Турции было выселено около 200 тыс. греков, а из Греции – свыше 300 тыс. турок. Кроме того, свыше 1 млн. греков покинули Турцию как беженцы в дни контрнаступления турецкой армии в 1922 г.⁸⁸

Государства, спровоцировавшие Грецию на интервенцию против Турции, не оказывали сколько-нибудь действенной помощи беженцам ни в Греции, ни в Турции. Бегство и переселение сотен тысяч людей усиливало дезорганизацию хозяйственной жизни, отвлекало большие средства на размещение и материальное обеспечение беженцев⁸⁹.

Ещё несколько лет продолжались споры между Турцией и Грецией по поводу компенсации за имущество, оставленное беженцами. Лишь Договор о дружбе и торговле между Грецией и Турцией, подписанный в октябре 1930 г., снял в значительной мере взаимные претензии по вопросам компенсации за имущество. Однако взаимная неприязнь, недоверие иногда до сих пор омрачают отношения между двумя странами.

На нормализацию после Лозанны был ориентирован и подписанный в 1928 г. договор Турции с Италией о нейтралитете. Итальянские войска также участвовали в оккупации Турции в период национально-освободительного движения. Договор был подписан в Риме 30 мая. Турция охотно пошла на нормализацию отношений с Италией, надеясь этим устранить угрозу итальянской агрессии в отношении Малой Азии, но разногласия между Турцией и Грецией помешали заключению намеченного Муссолини тройственного итало-греко-турецкого пакта. Визит турецкого премьера Исмета Инёню в Рим (май 1932 г.) не дал результатов. Не оправдались и расчёты Италии на экономические преимуще-

щества в Турции на основе договора 1928 г. С марта 1934 г. после воинственной речи Муссолини об «исторических задачах Италии в Азии и в Африке» турецко-итальянские отношения снова вступили в фазу обострения⁹⁰.

По Лозаннскому договору Турция признавала права союзников на «имущество, права и интересы, которые существуют и могут быть опознаны на территориях, оставшихся турецкими ко дню вступления в силу настоящего договора» (ст. 65)⁹¹. В одном из обменных писем, приложенных к договору, глава турецкой делегации Исмет-паша подтверждал, что «концессионные контракты и последующие соглашения, заключённые до 29.X.1914 г. с Оттоманским правительством относительно железных дорог Анатолийская, Багдадская, Мерсин-Аданская, Восточные и порта Хайдар-паша, сохраняются в силе», они будут «приведены в соответствие с новыми экономическими условиями»⁹². В планы кемалистских властей не входили ни ликвидация иностранного капитала, ни отказ от иностранной помощи, вместе с тем ими подчёркивалось, что иностранные компании должны подчиняться «её законам и языку». Мустафа Кемаль подтверждал: «Мы всегда готовы дать необходимые гарантии иностранному капиталу при условии признания наших законов»⁹³.

Этот иностранный капитал можно считать наследием прошлого, и в целом политика правительства Турции была направлена на то, чтобы в сроки, определяемые положениями договора и финансовыми возможностями, этот капитал по возможности национализировать. Так, в 1924 г. была ликвидирована крупнейшая табачная монополия «Режи», принадлежавшая французскому капиталу, в том же году было отклонено соглашение о передаче англичанам концессии на Анатолийскую железную дорогу, власти начали планомерный выкуп железных дорог и муниципальных предприятий. Плата за них осуществлялась в различной форме — в иностранной валюте и путём поставок турецких товаров⁹⁴.

Не все иностранные компании (промышленные, торговые, страховые и др.) национализировались таким образом, часть их реорганизовывалась в турецкие акционерные общества со смешанным капиталом и существовала ещё долгое время. Некоторые из них, например банки, страховые компании, существуют и поныне. Ограничения коснулись также Оттоманского банка, кото-

рый, как известно, принадлежал французскому и английскому капиталу, но выполнял в Турции функции государственного банка⁹⁵.

Данные свидетельствуют, что с 1924 г., то есть после подписания Лозаннского мирного договора, наблюдалась значительная активизация в реорганизации и создании частных фирм с иностранным капиталом. Наибольшая активность приходилась на 1928–1929 гг., до начала мирового экономического кризиса и спустя несколько лет после того, как стали ясными принципы политики кемалистов в отношении иностранного капитала. Оценивая эти явления, бюллетень Торгового представительства СССР в Турции в 1926 г. писал, что иностранный капитал стал проявлять стремление приспособиться к новым политическим и экономическим условиям страны⁹⁶.

Последовательно власти ужесточали меры по контролю над иностранными торговыми палатами, действовавшими в основном в Стамбуле и Измире. Членами этих палат были не только ответственные лица иностранных компаний, но и их посредники и агенты, главным образом представители национальных меньшинств – греки, евреи, армяне, зачастую имевшие подданство тех стран, с фирмами которых они сотрудничали. Осенью 1926 г. турецкое правительство предприняло шаги для ограничения деятельности иностранных торговых палат, а затем и вовсе их закрыло.

Заинтересованные не только в финансовых средствах и иностранных капиталах для развития экономики, но и в подготовке национальных кадров, турецкие власти осторожно подошли к решению вопроса о судьбе иностранных учебных заведений в Турции. Разумеется, в этих школах (французских, американских, итальянских и др.) учащимся приходилось знакомиться с идеями не только о прогрессивности западной культуры, но и о её превосходстве над другими культурами; в ряде школ религия – католическая, протестантская – была обязательным предметом. Министерство просвещения уже в начале 1924 г. издало несколько распоряжений об изъятии в иностранных школах преподавания религии и принятии официальной программы обучения. Уклонение от этих требований привело к тому, что десятки иностранных школ были закрыты. В итоге длительных и сложных переговоров иностранные школы приняли условия властей и возобновили работу⁹⁷.

Одним из немаловажных пунктов «лозаннского наследства» являлось таможенное регулирование⁹⁸. Стремясь смягчить неблагоприятное воздействие таможенного тарифа, кемалисты ввели государственную монополию на некоторые товары – табак, спички, сахар, нефтепродукты и др. В 1929 г. был установлен полный контроль над внешнеторговым регулированием и власти приняли новый таможенный тариф, предусматривавший увеличение пошлин примерно на 50%.

Внешняя задолженность Османской империи зародилась в 1854 г., в связи с участием империи в Крымской войне против России. С тех пор до 1914 г. Османской империи свыше 40 раз предоставлялись займы и ссуды от банков различных европейских государств. Лозаннский договор устанавливал, что долг необходимо распределить между всеми государствами, территории которых входили в состав бывшей империи, и что таким образом на Турцию приходится лишь часть долга. Однако в договоре не была установлена эта часть, так же как не была названа валюта платежей. Всё это и решалось на переговорах, последовавших за ратификацией и вступлением в силу мирного договора.

Ввиду возникших сразу же разногласий фактически по всем кардинальным вопросам выплат решение вопроса было передано Лигой Наций арбитражному суду, который решил, что на долю Турции пришлось 62,23% выплат по займам, предоставленным до 17 октября 1912 г., и 76,53% по займам, предоставленным после этой даты. В денежном исчислении это равнялось 84,6 млн. лир⁹⁹.

После 1925 г. проблема Оттоманского долга свелась к согласованию, во-первых, определения размеров самого оставшегося долга; во-вторых, вида валюты, в которой подлежали последующие выплаты ежегодных взносов; в-третьих, к установлению размеров этих ежегодных платежей. При этом турецкие власти всегда пользовались случаем, чтобы подтвердить свою неизменную готовность выплатить внешний долг. Вместе с тем Турция настаивала, чтобы названные 84,6 млн. исчислялись в бумажных, а не в золотых лирах. Западные же кредиторы, и главный из них — Франция, считали, что все оплаты подлежат в валюте с золотой основой¹⁰⁰.

В ходе последующих переговоров кредиторы пошли на уступки и в 1928 г. было, наконец, подписано соглашение об урегулирова-

нии условий оплаты. Общая сумма долга с учетом сумм, не выплаченных в 1924—1928 гг., составляла 104,7 млн. золотых лир¹⁰¹.

Однако этому соглашению не суждено было стать окончательным, оно действовало немногим более года. Выполнив два ежегодных платежа в различной валюте и вновь подтвердив готовность расплатиться, Турция заявила о приостановке платежей ввиду валютных и финансовых трудностей, вызванных мировым кризисом, и предложила Совету Оттоманского долга начать новые переговоры о сокращении как долга в целом, так и ежегодных платежей.

Лишь в апреле 1933 г. оказалось возможным решить этот один из важных вопросов Лозаннской мирной конференции. Время и настойчивость турок сделали своё дело, постоянно заявляя о готовности к уплате, идя на переговоры, они за 10 лет фактически так и не приступили к выплате долга, за исключением частичных платежей 1929/30 и 1930/31 гг. Соглашение 1933 г. можно считать успехом турецкой финансовой дипломатии¹⁰².

КЕМАЛИСТСКАЯ ВЛАСТЬ И РЕФОРМЫ

Мировой экономический кризис и Турция

Этот кризис конца 1920-х – начала 1930-х годов нарушил складывавшуюся в первые годы мирного времени тенденцию в формировании социально-экономической структуры республики. Она предусматривала постепенную эволюцию отсталой экономики на принципах экономической независимости, государственной поддержки национального частного капитала.

В годы кризиса подтвердилась слабость турецкой экономики, её зависимость от мирового хозяйства. Опасность социальной и политической дестабилизации вновь возросла, напоминала обстановку начала 1920-х годов. Ахмет Хамди (Башар), влиятельный в те годы защитник концепций национальной экономики, писал в июле 1931 г. в своей книге «Экономический этатизм»: «На значительной части территории нашей страны нельзя не увидеть картины страданий и мучений, повсюду невзгоды, кризис, безработица, недовольство... В деревнях, особенно тех, которые занимаются выращиванием пшеницы, царит предчувствие опасности и беды». В этих условиях, по словам автора, власти необходимо было обратиться к «новой системе», взять на себя «новые обязанности»¹.

Работа была написана по итогам поездки по стране в ноябре 1930 – марте 1931 гг., в которой автор сопровождал Мустафу Кемаля.

Действительно, в аграрной Турции кризис оказал негативное воздействие главным образом на сельское хозяйство. Так, посевные площади под важнейшей зерновой культурой – пшеницей сократились с 2,9 млн. га в 1928 г. до 2,4 млн. в 1929 г.; ячменя – соответственно с 1,5 млн. га до 1,3 млн. Посевная площадь под табаком, важнейшей тогда статьёй турецкого экспорта, с 1928 по 1929 гг. сократилась на 32,5%, а сбор его упал почти наполовину – с 69,6 тыс. т до 36,5 тыс. т. В 1932 г. было собрано табачного листа еще меньше – 18 тыс. т. Кризис сказался также и на хлоп-

ководстве: сбор хлопка в 1927 г. составил 69,3 тыс. т, а в 1929 г. — 45 тыс. т. Это было вызвано главным образом уменьшением спроса на внутреннем рынке, турецкая текстильная (напомним, в основном кустарная) промышленность испытывала трудности в сбыте своей продукции из-за увеличившегося импорта хлопчатобумажных тканей. В тяжёлом положении оказалось и животноводство — поголовье рогатого скота уменьшилось в 1927–1933 гг. с 26 млн. голов до 21,3 млн. Наблюдалось резкое падение цен на пшеницу, ячмень, хлопок, табак, фрукты, шерсть и др.

Неблагоприятная картина стала характерной и для промышленности, ремесленные и кустарные мастерские и немногие малоэффективные текстильные фабрики оказались не в состоянии конкурировать в условиях кризиса с фабричной продукцией (пищевой, текстильной и др.), ввозимой из Европы, часто по демпинговым ценам.

Необходимость чрезвычайных мер государственного вмешательства, первоначально не предусмотренных политикой умеренного этатизма, стала очевидной — власти решили «закрыть» турецкую экономику. В принятом в 1929 г. Законе о валютных биржах устанавливалось, что все валютные операции могли совершаться только через названные биржи и что «отдельные лица и учреждения не могут прямо или косвенно закупать и продавать валюту и движимость, если в этом нет необходимости — такую необходимость определяет министерство финансов». В том же 1929 г. был принят закон №1499 о таможенном тарифе, который давал правительству увеличить таможенные пошлины, вводить импортные ограничения. В феврале 1930 г. меджлис принял закон о защите турецкой валюты, уполномочивавший Совет министров регулировать и ограничивать покупки, продажи и экспорт деviz, монет, акций и облигаций.

Для поддержки курса турецкой лиры и торговли валютой в марте 1930 г. был учреждён временный консорциум, в который вошли все крупнейшие национальные и иностранные банки, действовавшие в Стамбуле, а также министерство финансов Турции. Спустя шесть месяцев после создания консорциуму было предоставлено право эмиссии. Дальнейшим шагом в упорядочении денежной системы и регулировании курса турецкой лиры стало учреждение в июне 1930 г. Центрального банка, начавшего свою деятельность в октябре следующего года. С началом дея-

тельности нового банка консорциум был ликвидирован, а право эмиссии перешло к Центральному банку ².

Все эти меры означали не просто резкое ограничение возможности вывоза прибыли в валюте из страны. Учреждался механизм строгого и детального государственного контроля над внешне-экономическими связями, ставший одним из краеугольных камней республиканского этатизма, создавались реальные возможности накопления валюты внутри страны и монополизации её государством.

Впервые применил термин «этатизм» премьер И. Инёню ³. Во время обсуждения в октябре 1930 г. представленной И. Инёню правительственной программы заместитель министра экономики М. Шериф говорил о том, что понятие национальной экономики означает не замену частного предпринимательства государственным, а их сотрудничество, о том, что вмешательство имеет задачей поощрять, укреплять частную инициативу. В то же время он подчёркивал, что «в экономике существуют определенные доминирующие позиции... Никогда правительство не позволит частной инициативе свободно и бесконтрольно занимать эти позиции... Государство всегда и полностью будет владеть ими, благодаря этому сможет обеспечиваться поддержка и частной деятельности... Если важнейшие позиции в экономике отдать в анархическое распоряжение либерализма, то за один год будут растратчены результаты десятилетних усилий».

О начале этатистских мероприятий в экономике заявлял и Ататюрк. В январе 1931 г. он говорил: «Программа нашей партии по своему направлению – полностью демократическая народная программа; вместе с тем с экономической точки зрения она – этатистская». Он также подчёркивал, что этатизм не противостоит частной инициативе: «В развитии страны большое значение имеет деятельность крупных торговцев, владельцев фабрик, крупных землевладельцев, владельцев чифтликеров. Нормально работающие и использующие технику владельцы капитала пользуются льготами и поддержкой» ⁴.

На конгрессе правящей Народно-республиканской партии в мае 1931 г. была принята обновленная программа этой партии, причём в её основе лежала концепция этатизма. Локомотивом экономики был назван промышленный сектор, а его основным инвестором – государство ⁵.

С 1933 г. преобладающее, подчас даже монопольное участие государства в создании новой экономики, в промышленном и инфраструктурном строительстве за счёт бюджетных ассигнований приобрело плановый, комплексный характер, оно сопровождалось активной идеологической, пропагандистской поддержкой партийных структур НРП, народных домов и т. п.⁶

Переход к этатистским мерам в экономике сопровождался с самого начала полемикой в печати, в публицистической и научной литературе. Справа этатизм оспаривался идеологами Либерально-демократической партии (ЛДП), созданной в августе 1930 г. с согласия Мустафы Кемалю его сподвижником в недавней борьбе Фетхи (Окъяром). Однако защита этой партией идей либерализма выглядела несвоевременной в условиях мирового кризиса⁷ и краха либеральных мировых концепций, партия в ноябре того же года объявила о самороспуске.

Примером вынужденного признания срочных государственных мер в ущерб частной инициативе была статья тогда молодого, впоследствии влиятельного политика и экономиста Мухлиса Эте, выпускника Лейпцигского университета. Он писал в одном из сборников Стамбульского университета, что, переходя к этатизму, государству следует заранее определить публично сферы, в которые оно намерено войти, что «конкуренция государства и частной инициативы в одной и той же сфере вредна для обеих сторон», необходимо также «добиваться максимальных результатов, придерживаясь принципов экономии», «столь же рационально следует работать и управленцам». Приступать к строительству новых предприятий следует, лишь добившись рациональной работы уже существующих. Система банкротства, применяемая к частым предприятиям, «оздоравливает кровь и поэтому полезна стране», убытки же государственного сектора «ложатся на плечи каждого гражданина»⁸.

Об основных направлениях пятилетнего плана 9 января 1934 г. сделал заявление для журналистов министр экономики Джемаль-бей (Дж. Баяр, будущий президент Турции): «Создать возможности производства товаров, необходимых и в мирное и в военное время – наша экономическая необходимость... Прежде всего речь идёт о производстве текстильных товаров, для чего в стране имеется сырьё в достаточном количестве. Имеется в виду план строительства фабрики в Кайсери, он готов и в ближайшее время

строительство начнётся и закончится в 1935 г. Вторая фабрика будет построена в Назилли, завершение строительства – 1936 г.».

Комментируя тогда эту информацию, газета «Акшам» подчёркивала, что выполнение пятилетки возложено на государство. Причины – частный сектор реализует план медленно, кроме того, он преследует свои собственные интересы прибыльности, а не «высшие экономические интересы нации», наконец, частное предпринимательство обладает ограниченными возможностями, гоняется за лёгкими и авантюрными делами. Другая газета «Ени Асыр» писала 12 января 1934 г., что «западные капиталисты лишены теперь возможности эксплуатировать народы так, как это было раньше. Огромная Россия закрыла свои двери перед промышленностью Запада, в Индии объявлен бойкот иностранным товарам, в умах всех народов утвердилось сознание национальной независимости и национальной экономики»⁹.

В 1935 г. принцип этатизма был вновь повторен в новой редакции программы НРП, а позже, в 1937 г., включен уже и в конституцию. Уместно отметить, что некоторые кемалисты идею этатизма стали провозглашать и как третий мировой путь для Турции – не капиталистический и не социалистический. Журнал «Кадро», в котором активную роль играл Ш.С. Айдемир, бывший коммунист, посвящал многие номера этой концепции¹⁰.

Различия в оценках целей этатизма были и в руководстве государства. Как можно судить по турецким исследованиям, такие руководители, как И. Инёню, Р. Пекер, больше абсолютизировали предназначение этатистских мер, нежели Ататюрк, что грозило превращению этатизма в неизменную бюрократическую догму. Глава же государства часто склонялся в спорах об этатизме на сторону министра экономики Дж. Баяра, считавшего этатизм вынужденной, временной мерой, выступавшего за поощрение частного предпринимательства, за развитие свободного рынка там, где это возможно¹¹.

В эти годы наиболее интенсивных этатистских мер были приняты законы о создании государственных экономических организаций (ГЭО) – Сумербанка (1933 г.), Мореходного банка (1933 г.), Этибанка (1935 г.), Народного банка (1938 г.), Управления сахарных заводов (1935 г.). 27 мая 1938 г. состоялось подписание в Лондоне соглашения о предоставлении Англией кредита Турции в размере 16 млн. фунтов стерлингов на строительство металлур-

гического комбината, а на следующий год было учреждено Управление металлургических предприятий Турции (1939 г.). Ещё раньше, в 1934 г., был принят закон о государственных торгах, последовали другие акты, регулирующие деятельность государственного сектора. Учреждение государственных предприятий, банков, обществ с их движимым и недвижимым имуществом непосредственным образом было связано не только с национализацией собственности иностранных компаний и банкротством некоторых частных национальных компаний, попытавшихся было обосноваться в железнодорожном строительстве, горнодобывающей, цементной, сахарной промышленности, но, что самое важное, в связи со строительством на бюджетные средства новых предприятий, с началом индустриализации.

Большое значение в развитии законодательства, касавшегося государственной собственности, имел закон № 3460 о ГЭО, принятый в 1938 г. Он регламентировал деятельность как уже созданных пяти крупнейших в то время ГЭО – Сумербанка, Этибанка, Сельскохозяйственного банка, Морского банка, Общества государственных предприятий сельского хозяйства, так и будущих ГЭО¹².

Государство активно вмешалось и в банковскую деятельность, установило над ней контроль через такие законодательные меры, как законы о защите вкладов (1933 г.), о ссудных операциях (1933 г.), о турецких банках (1936 г.). Важной мерой в 1930-е годы было учреждение национального Центрального банка Турции – до этого функции государственного банка выполнял иностранный Оттоманский банк. В 1930-е годы заметно расширились функции Сельскохозяйственного банка (СБ). Например, закон № 1470 (1929 г.) устанавливал, что создание сельскохозяйственных кредитных кооперативов будет осуществляться под эгидой и контролем СБ¹³.

В условиях мирового экономического кризиса кредитная деятельность Сельскохозяйственного банка приобрела особую значимость. Власти стремились стабилизировать прежде всего цены на пшеницу. Закон № 2056 (июль 1932 г.) предписывал властям через СБ в случае необходимости, для поддержания цен на пшеницу, закупать её по определяемым властями ценам, хранить её и затем поставлять потребителям. Инструкция министерства сельского хозяйства регламентировала цены, порядок закупок, места

закупок, условия перевозки, хранения, контроля за качеством, необходимые штаты работников и т. п.¹⁴

Система госзакупок постепенно распространилась на значительную долю собранного урожая зерна, сахарной свёклы, табака, чая, фундука, изюма, хлопка, шерсти, тифтика и другой продукции, она позволяла в определённой мере регулировать закупочные цены в деревне, подрывая монополию торговца и ростовщика, монополизировав экспортные поставки, значительно возросшие позже, в годы Второй мировой войны.

В июле 1931 г. турецкое правительство приняло новый закон о земельном налоге, который распространял налогообложение на все частновладельческие земли, включая пустоши, и освобождал от налогов образцовые и опытные поля, сады, орешники, фермы, принадлежавшие государству, муниципалитетам или организациям, ставившим целью улучшение методов земледелия. Налоговые льготы получали «владельцы образцовых хозяйств», то есть предпринимательские элементы.

Некоторую роль в развитии сельского хозяйства играли и государственные имения, начало которым положило создание по инициативе Кемаля лесного хозяйства в окрестностях Анкары. Они были расположены в различных климатических регионах страны, имели право льготного импорта элитных семян, садовых саженцев, породистого скота, сельхозоборудования, удобрений и т. п. с последующим снабжением всем этим частных хозяйств.

Подобные мероприятия правительства не могли существенно улучшить положение крестьянства, но в результате их реализации увеличилась прослойка мелких земельных собственников, существенно укрепился сектор мелкотоварного производства. Однако и в конце 1930-х годов основной для крестьянства вопрос о земле оставался нерешённым. Стремясь не допустить обострения политической ситуации в деревне, меджлис еще в 1935 г. начал разработку законопроектов о земельной реформе. В феврале 1937 г. меджлис принял к ст. 74 конституции страны о праве частной собственности поправку, учреждавшую правовую основу для возможности прямого вторжения государства в отношения земельной собственности, но начавшаяся вскоре Вторая мировая война послужила поводом для снятия земельного вопроса с повестки дня, выработка закона об аграрной реформе растянулась на многие годы.

Когда изменения в законодательстве вступали в противоречие с конституцией 1924 г., в неё вносились поправки. Например, прежняя редакция ст. 2 («Религия Турецкого государства – ислам, официальный язык – турецкий, столица – Анкара») в 1937 г. была расширена, в неё были включены «шесть стрел» программы НРП, в том числе принцип этатизма (девлетчилик).

В 1930-е годы получила также развитие муниципальная собственность. Закон 1930 г. о муниципалитетах предоставил им широкие полномочия по установлению прав владения над бесхозными, ничейными земельными участками (речь шла о брошенной греческими и армянскими беженцами недвижимости), бросовыми землями, вакуфными участками и т. п. Некоторые положения закона о муниципалитетах стали началом системного государственного регулирования цен. Устанавливалось, что среди других обязанностей муниципалитета является контроль над ценами. На практике речь шла о таких товарах местного производства, как мясо, хлеб, дрова, каменный уголь для отопления, овощи и фрукты.

Появление на рынке фабричной продукции национального производства (сахар, цемент, ткани и т. п.) сопровождалось установлением на них государством фиксированной цены. В 1936 г. был принят закон № 3003 о контроле и установлении властями производственных и продажных цен на промышленные изделия. Одной из причин принятия закона было намерение властей пресечь попытки некоторых промышленников завышать цены, например, на хлопчатобумажные ткани, используя новые защитительные тарифы. Об этом прямо говорил Дж. Баяр, представляя проект закона¹⁵.

Государственное регулирование розничных цен обеспечивалось через создание магазинов по торговле фабричной продукцией, прежде всего тканями и обувью. В 1928 г. имелось уже три государственных магазина, сбывавших указанные изделия – недорогие ситцы, бязь и т. п.¹⁶ Помимо своей продукции в этих магазинах Сумербанка на условиях консигнации принимались товары от частных торговцев; практиковалось и выделение в них отдельных прилавков для ведения торговли самими торговцами или промышленниками. В начале 1930-х годов Сумербанк имел уже семь магазинов, открыты были магазины в Самсуне, Мерсине, Измире, увеличено их число в Стамбуле¹⁷.

Как видим, взяв на себя роль совокупного капиталиста-предпринимателя в области промышленности, государство не просто создало условия для ускоренной индустриализации, а предприняло реальные шаги в направлении экономической независимости. Этими мерами государство одновременно закрепило за частным капиталом обширную сферу наиболее выгодных форм предпринимательской деятельности, накопления капитала, просто непроеводительного обогащения. Причём речь шла не о разделении сфер деятельности и о взаимном невмешательстве – государство взяло на себя роль «няньки» частного предпринимательства, в достаточной степени строгой, но обеспечивающей благополучный рост своего подопечного: создавались смешанные акционерные общества, в которых основная финансовая нагрузка лежала на государственном бюджете, появились первые техники, инженеры, экономисты, подготовленные на государственные средства, формировался национальный управленческий аппарат. Эти новые источники знаний и опыта затем щедро питали частный сектор, оживляя накопленные в нем миллионы и формируя новый тип турка-предпринимателя, уже не торговца, а промышленника.

Можно считать, что в результате национализации иностранных предприятий (прежде всего железных дорог, портового хозяйства и муниципальных объектов), перехода в руки государства некоторых частных заводов и фабрик, оказавшихся нерентабельными для частного капитала (например, сахарных), и, наконец, благодаря реализации планов государственного промышленного строительства в социально-экономической структуре Турции, к концу 1930-х годов возник государственно-капиталистический уклад, ставший основой экономического развития страны, её индустриализации.

Закрывать зародившиеся ещё в османское время профсоюзы, а также другие общественные организации новым властям позволил Закон об охране порядка, принятый в 1925 г. и предоставивший правительству широкие чрезвычайные полномочия. Известный социолог Дж. Талас писал, что «в течение двадцати лет республиканского периода было невозможно создавать организации рабочих как практически, так и юридически... Этот застой продолжался до 1946 г.»¹⁸.

На многие годы затянулась властями подготовка законодательства о труде. Принятый в июне 1936 г., он вступил в силу

через год, с 15 июня 1937 г., и распространялся на предприятия с числом занятых 10 человек и более. Некоторые важные положения закона долго оставались на бумаге, например, о создании организации по найму рабочей силы. В итоге указанное законодательство многие функции регулирования отношений между трудом и капиталом оставляло за властями, авторитарный характер этого регулирования не вызывает сомнений у турецких авторов¹⁹.

Следует признать, что регулирование властями в столь авторитарной форме трудовых отношений было связано и с тем, что сами эти отношения не получили ещё должного развития. Рынка наёмного труда не существовало, его формирование в годы кризиса в начале 1930-х годов замедлилось и к концу десятилетия носило скрытый характер, ограничивалось в основном деревней, всё более заметно участвовавшей в экспорте (табака, хлопка, сухофруктов).

В 1930–1940-е и даже позже, в 1950-е годы, бюрократия, управляя растущим госсектором, сумела расширить и обновить значительным образом экономический фундамент своего господства во внутренней жизни страны, в частности благодаря начавшейся индустриализации, вмешательству в агросферу, сообразуясь с неизбежными и объективными требованиями социально-экономической эволюции страны, реорганизации турецкого общества «по-европейски» – из традиционного аграрного в современное аграрно-индустриальное. Орудиями вмешательства государства в экономику стали Этибанк, Сумербанк, Центральный банк, железные дороги и пр. Этатизм приобщал бюрократию к капиталистическому хозяйствованию, к экономической инициативе. Всё это означало одновременно и приобщение бюрократии к предпринимательству, появление слоя предпринимателей-капиталистов – недавних государственных служащих. Поэтому, несмотря на все сетования, часто справедливые, представителей «исконного» частного предпринимательства в адрес этатизма и порожденных им нуворишей, в целом частный сектор не только не зачах, но и стал вровень с госсектором. Более того, два сектора отнюдь не стали антиподами, а успешно дополняли друг друга на пути вестернизации социально-экономической системы Турции.

В течение 1930-х годов претерпела изменения и влиятельная в недавнем прошлом прослойка местной инонациональной буржуазии. Турки-предприниматели все активнее овладевали недоступ-

ными им ранее сферами коммерческой деятельности, это сложное явление характеризуется то ужесточением, то смягчением ограничительных мер властей в отношении представителей немусульманского капитала. В конечном счёте они были заметно оттеснены от импортно-экспортных операций, были вынуждены сотрудничать с турецкими дельцами, делиться с ними своими успехами²⁰.

Возвращаясь к периоду этатизма в экономике, напомним, что для Ататюрка и большинства его сподвижников этатизм был не более чем средством ускоренной модернизации экономики, отнюдь не орудием идеологических экспериментов. Очевидно, тогда это был единственный способ вновь не оказаться в положении полуколонии европейских держав (сейчас это назвали бы африканизацией), обеспечив таким «способом» свою экономическую и политическую независимость.

Сотрудничество Турции с СССР

Реализация этатистской концепции в турецкой экономике в 1930-е годы осуществлялась с советской помощью, в условиях сохранения сильной инерции недавнего боевого содружества. Добрососедские отношения послелозаннской Турции с СССР приняли комплексный характер, они распространились на дипломатию, культурную, научную сферы и, особенно, на экономику. Прежде чем перейти к последней сфере сотрудничества – экономике, уместно кратко обрисовать его общую картину.

Помимо военных и дипломатов одним из первых посланцев из Советской России оказался русский художник Е.Е. Лансере – он стал живым свидетелем обороны Анкары от наступающих греческих войск, написал портреты Мустафы Кемаля, писательницы Халиде Эдип и других участников освободительного движения, сделал зарисовки быта и нравов жителей будущей столицы, часть их представлена в его книге «Лето в Ангоре». Позже, в 1933 г., С. Юткевич и Л. Арнштам сняли в Турции фильм «Анкара – сердце Турции», посвятив его жизни новой столицы страны.

В 1925 г. в Советском Союзе побывал выдающийся турецкий артист и режиссер Эртогрул Мухсин²¹. Содействие своим турецким коллегам в развитии музыкальной культуры и музыкального образования в Турции оказывали в 1930-е годы советские музыканты²².

Развивались научные связи. В 1933 г. по приглашению турецкого правительства в Турцию приезжала делегация советских лингвистов, академики Марр и Самойлович. Н.Я. Марр выступил с циклом лекций по проблемам общей лингвистики. Он был приглашён на беседу к президенту республики²³. В 1934 г. на Менделеевский конгресс приехала представительница турецких химиков госпожа Рамзие²⁴. В 1920-е годы были сделаны первые шаги в установлении советско-турецкого сотрудничества в области сельского хозяйства. В ноябре-декабре 1925 г. Советский Союз посетила турецкая сельскохозяйственная делегация во главе с министром сельского хозяйства Сабри-беём²⁵.

Советская Россия в те годы не числилась в ряду главнейших торговых партнёров Турции, её доля в турецкой внешней торговле составляла 3–4 %. Восстанавливая и развивая экономику, Турция испытывала нужду прежде всего в промышленной продукции таких стран, как Германия, Франция, Англия, Италия, США и др., поставляя в эти страны товары традиционного экспорта – табак, сухофрукты, хлопок. Вместе с тем в снабжении турецкого рынка нефтепродуктами, включая широко используемый тогда керосин, Советская Россия опережала даже американскую «Стандард ойл». Вплоть до 1939 г. поставки Нефтесиндиката обеспечивали значительную часть всех потребностей страны в нефтепродуктах²⁶. Советская сторона имела непосредственное отношение и к учреждению в Турции в 1932 г. национального Центрального банка, что дало стране возможность отказаться от давних услуг в этой сфере франко-английского Оттоманского банка²⁷.

Переходя к экономическому сотрудничеству двух стран в связи с началом индустриализации в Турции, необходимо отметить, что турки в поисках концепции развития своей страны в условиях мирового кризиса интересовались тогда не только успехами советской пятилетки, но и в целом появлением и развитием новых режимов в СССР, Италии. В конце 1930 г. в Москву отправился министр иностранных дел Тевфик Рюштю Арас, причем в составе его делегации не случайно оказался влиятельный и близкий к руководству страны публицист и издатель Фалих Рыфкы (Атай). По итогам этой поездки в СССР он издал в 1931 г. книгу «Новая Россия» («Yeni Rusya»), в которой просматривалось намерение осмыслить советский опыт индустриализации на предмет его применения в Турции. По высказанному в книге мнению автора,

«советский опыт – это синтез революционных методов приведения в короткие сроки отсталого народа и страны на уровень Запада»²⁸.

Вопрос о советском опыте вновь зазвучал, когда премьер-министр Турции Исмет-паша (Инёню) посетил СССР с официальным визитом в период с 25 апреля по 10 мая 1932 г. В составе делегации, кроме министров, политиков и журналистов, были предприниматели, директора нескольких заводов. Не следует думать, что в то время руководители новой Турции вдруг безоглядно поверили в советскую систему и бросились в крепкие объятия северного соседа. Спустя десять дней после поездки в СССР, 22 мая премьер-министр Исмет Инёню и министр иностранных дел Тевфик Рюшту Арас также с большой группой специалистов отправились пароходом в фашистскую Италию, посетив по дороге Афины. Во время пребывания в Италии с 25 мая по 2 июня они были приняты королём Италии и диктатором Б. Муссолини. В итоге Турции было обещано 300 млн. итал. лир (32 млн. лир), из них треть – деньгами, правда, потом выяснилось, что всё это осталось обещаниями²⁹.

«В Москве нас встретили с большими почестями, – писал Ф.Р. Атай, – среди встречавших были Молотов, Литвинов. Официальный протокол был полностью соблюден, нам было оказано большое уважение». В Кремле переговоры начались встречей со Сталиным, Молотовым, Литвиновым. Присутствовала вся делегация турок. Основными вопросами стали экономическая помощь Турции, торговые отношения и вопрос о кредите. Вопрос о советском содействии был обсуждён в беседе 6 мая 1932 г. со Сталиным и другими советскими руководителями в Кремле. Судя по опубликованному намного позже, уже совсем в другое время, в 1987 г., мемуарам Инёню, его поразили масштабы советских промышленных новостроек, например, только что построенного в Москве автомобильного завода.

В этой новой книге Фалих Рыфкы Атай сравнивал правительственные турецкие визиты в СССР и в Италию, написал о необходимости «извлечь опыт из ленинизма в России, муссолинизма в Италии». Он отметил, что мировой кризис породил понятие плановой экономики: «ныне повсюду на первом месте, в прессе, исследованиях, оказываются плановики. Одновременно с разговорами о кризисе используются термины дирижируемая экономика,

плановая экономика. Как вы назовёте таких плановиков – коммунистами, социалистами, фашистами, государственниками? Среди плановиков есть все, они противостоят друг другу, но несомненно, что они едины в одном – индивидуалистическая и либеральная экономическая система умерла, идут поиски нового режима»³⁰.

Под впечатлением визита в Италию в главе о фашизме Ф.Р. Атай писал, что если наступивший кризис продолжится, установление нового порядка не ограничится мелкими коррективами к экономике. «Либерализм нашёл для себя самую приемлемую модель в демократии. Новый порядок, несомненно, будет искать свою собственную модель... Критика в адрес демократии началась после того, как демократии не смогли найти способы предупреждения анархии и кризиса... Народ устал от болтовни»³¹.

Турецкие исследователи Ильхан Текели и Селим Илькин в своей книге, посвящённой этатизму в Турции, привели большой документальный материал, относящийся к реализации советской помощи Турции на начальном этапе её индустриализации.

Они писали, что после возвращения турецкой делегации во главе с И. Инёню на родину в СССР задержались специалисты по текстилю – Шериф Онай и Камиль Ибрагим. Они провели исследования в 70 учреждениях и предприятиях – строительных, промышленных институтах, станкостроительных заводах, текстильных фабриках, использующих эти станки. В итоге этих исследований названные специалисты определили, что тяжёлая индустрия Советов демонстрирует небывалое развитие. Аналогичным образом было определено, что за некоторыми исключениями текстильная промышленность Советов развивается по последнему слову науки и техники. Они пришли к убеждению, что необходимое для текстильной индустрии Турции оборудование на 90% может быть обеспечено у Советов³².

В ходе подготовки соглашения о строительстве текстильных фабрик и о кредите советские специалисты, главным образом текстильщики, прибыли в Турцию 12 августа 1932 г. Делегацию возглавлял директор «Госпроектстроя» экономист проф. Орлов³³. Объединённый отчёт (в виде докладов), представленный Орловым турецкой стороне, имеет дату 22 сентября 1932 г. Часть его, как можно понять, была подготовлена во время встречи турецких и русских специалистов в Кайсери. Тогда же были определены места для текстильных комбинатов – Кайсери и Назилли. Орлов

перед возвращением в Москву посетил Стамбульский университет, выступил с лекцией. Он, в частности, отметил: «Я с удовлетворением убедился, что по своему мышлению, квалификации и энергии турецкие инженеры ничем не отличаются ни от нас, ни от других инженеров. Они оказали нам ценнейшую помощь, я так и не понял, зачем вы приглашаете инженеров из Европы».

В марте 1933 г. в СССР отправилась турецкая делегация в составе директора фабрики Хереке Решата, директора Фесхане Шекета Тургута, Промышленное управление было представлено Камилем Ибрагимом. Они посещали советские фабрики, проработав в СССР до 9 июля. По итогам обмена мнений с ними в Москве был создан трест Тюркстрой во главе с директором Золотарёвым³⁴.

Подписание окончательного протокола о кредите состоялось 21 января 1934 г., в соответствии с этим документом кредит предоставлялся в виде машин и оборудования для строительства двух текстильных комбинатов. Советская сторона обеспечивала также помощь в проектировании, строительстве комбинатов и монтаже оборудования. Кредит был беспроцентный, сроком на 20 лет. Предусматривалось, что оборудование будет поставлено в течение 4 лет с момента вступления протокола в силу. Турецкая сторона обязывалась дважды в год осуществлять платежи по кредиту в турецких лирах в пересчете на доллары по курсу, существующему на день платежа на биржах Лондона, Нью-Йорка и Стамбула. На суммы, подлежащие выплате, советская сторона закупала в Турции необходимые ей товары³⁵.

Для Турции получение советского кредита было первым опытом равноправного экономического сотрудничества в годы, когда над ней еще тяготело бремя прежних османских долгов и обязанностей перед иностранными вкладчиками. Советский кредит давал возможность Турции начать новый, более ответственный этап этатистских преобразований – сделать первые практические шаги в индустриализации страны на государственные средства. «Можно считать, – писал в 1964 г. в своей книге Мехмет Тургут, впоследствии министр промышленности, – что с принятием этого плана в стране было положено начало этатизму».

Реализация кредита происходила в рамках выполнения первого пятилетнего плана экономического развития Турции. Советский кредит составил треть всех финансовых средств, предназначенных для исполнения этого плана³⁶. В 1935 г. министр эко-

номики совершил длительную поездку в СССР, с 13 июля по 18 августа он побывал в Одессе, Москве (встреча с наркомом Тяжпрома), Киеве, Ленинграде, посетив ряд предприятий-новостроек (автозавод, электрозавод) и радиоцентр. Затем состоялись торжественные проводы в Москве и возвращение (через Одессу) в Стамбул на пароходе «Чичерин»³⁷.

Строительство первого в стране современного хлопчатобумажного комбината (в Кайсери) Туркстрой осуществил в 1934–1936 гг., а второго (в Назилли) – в 1935–1937 гг. 16 сентября 1935 г. состоялось торжественное открытие комбината в Кайсери в присутствии Ататюрка, членов правительства, советских специалистов, десятков тысяч людей. Джеляль Баяр в своём выступлении отметил, что недавний мировой кризис показал: будущее стран, сосредоточивших свои усилия только на сельском хозяйстве, трагично. «Статистика свидетельствует, что первое место в списке импортируемых в страну товаров занимают ткани. Получается, что страна за бесценок продаёт своё сырьё, а за изготовленные из него изделия в той же мере дорого платит... Комбинат в Кайсери станет не только памятником турецко-советской дружбы, но и блестящим примером заново созданной и удивившей весь мир крупной советской индустрии... Советские специалисты и рабочие показали блестящие образцы трудовых усилий, спасибо им»³⁸.

В такой же торжественной обстановке, в присутствии Ататюрка, Баяра 9 октября 1937 г. был открыт комбинат в Назилли, включая первую в стране фабрику набивного ситца. Численность рабочих составила 2400 человек.

В период строительства было подготовлено в СССР для работы на комбинатах свыше 140 квалифицированных турецких рабочих, мастеров и техников, прошли стажировку более 15 инженеров. При комбинате в Кайсери было создано профессионально-техническое училище, которое готовило квалифицированных рабочих не только для названных комбинатов, но и для других текстильных фабрик страны. После завершения строительства оба комбината поступили в ведение Сумербанка³⁹.

К слову сказать, пытались кемалисты навести мосты и с США, несмотря на прежние неудачи (концессия Честера) и в целом на жёсткую позицию США в отношении Турции. В начале 1933 г. при участии посла Турции в Вашингтоне Ахмеда Мухтар-бея

турецкое правительство установило контакты с фирмой в Нью-Йорке «Хайнс, Ририк, Дорр и Хаммонд» на предмет исследования экономики Турции. Была организована группа специалистов в составе 10 человек, ответственным за эту работу был назначен Уолкер Д. Хайнс. Первая группа в составе двух человек прибыла в Турцию 18 июня 1933 г., глава же прибыл 25 июня. Основной отчёт был закончен в мае 1934 г., уже после подготовки первого пятилетнего плана, и представлен турецкому правительству⁴⁰.

В указанные годы упорядочились торговые отношения Турции с СССР. В 1927, 1931 и 1937 гг. были заключены на клиринговой основе торговые договора, причём последний действовал долгое время и после войны. В рамках дружественного и всестороннего сотрудничества Советский Союз добивался участия Турции во многих международных конференциях по разоружению, созданию системы коллективной безопасности и т. п. Активно развивалась и практика личных контактов между руководящими деятелями двух стран. Так, в 1930–1931 гг. обменялись визитами министр иностранных дел Турции Тевфик Рюшту (Арас) и народный комиссар иностранных дел СССР М.М. Литвинов. В мае 1932 г. СССР посетила турецкая правительственная делегация во главе с премьер-министром Турции Исмет-пашой (Инёню), на встречах с советским руководством подчёркивалось, что «политика тесного сотрудничества обеих стран в прошлом себя оправдала и что складывающаяся международная обстановка, как и интересы всеобщего мира, диктуют необходимость не только сохранения, но и расширения этого сотрудничества». С ответным визитом Турцию посетила в 1933 г. советская правительственная делегация во главе с К.Е. Ворошиловым, она приняла участие в праздновании 10-летия Турецкой республики.

Летом 1932 г. Турция была принята в Лигу Наций. По этому поводу в ноте турецкого правительства советской стороне отмечалось, что «обязательства, взятые Турцией по советско-турецкому договору от 1925 г., остаются неизменными», что вступление Турции в Лигу Наций «не может принести какое бы то ни было вредное изменение в политику, проводимую Турцией по отношению к Союзу Советских Социалистических Республик»⁴¹.

Были случаи сотрудничества и в деликатной сфере. В 1924 г. правящая советская верхушка объявила взгляды Л. Троцкого (так называемый «троцкизм») «мелкобуржуазным уклоном» в РКП(б).

В 1927 г. он был выведен из состава политбюро ЦК РКП(б), исключен из партии и в январе 1928 г. сослан в Алма-Ату. По решению того же политбюро Троцкий в 1929 г. был выдворен из СССР в Турцию. Вместе с женой и старшим сыном Львом Седовым Троцкий разместился на острове Бююкада в Мраморном море⁴².

Судя по всему, гостем Троцкого на Бююкада бывал небезызвестный Я.Г. Блюмкин, сотрудник ОГПУ, ранее – левый эсер, участник покушения на германского посла в Москве в 1918 г., в 1920-е годы резидент советской разведки по Ближнему Востоку в Турции⁴³.

Национализм и авторитарная власть

Тотальное вмешательство государства не ограничивалось сферой экономики. Всеобъемлющее его участие в 1930–40-е годы во всех сферах жизни общества – экономической, социальной, идеологической, политической было очевидным. Сращивание государственных и партийных структур на уровне верховной власти неизбежно сопровождалась усилением бюрократических начал во властных структурах, корыстным произволом сверху донизу – от правительственных чиновников и генеральных директоров ГЭО до деревенских старост.

1 марта 1935 г. открылось ВНСТ пятого созыва, в четвёртый раз президентом республики был избран Ататюрк. 25 октября 1937 г. произошла отставка правительства Исмета Инёню и был сформирован кабинет во главе с Джелялем Баяром – относительно новым лицом в близком окружении Кемалю, не являвшимся военным. Став первым руководителем Делового банка, он близко ознакомился с экономическими проблемами страны, занимал пост министра экономики. Кемалистская власть приобрела черты однопартийного авторитарного режима во главе с президентом – Ататюрком. Эта власть представляла собою интересы двух самых влиятельных элит – военной и гражданской бюрократии. Вооружённая борьба с интервенцией и султанским режимом связала их воедино, высшие руководители страны – президент, премьер-министр были недавние военные, герои боев с интервентами. В турецком парламенте – ВНСТ также было представлено много военных, в министерствах, госучреждениях, на госпредприятиях;

прослойка отставных военных оставалась значительной ещё многие годы. Перед такой «военизированной» властью не возникала угроза замены её военным режимом – в этом не было необходимости.

О том, что диктатура НРП сделала почти бесполезным существование меджлиса, пишет в своих воспоминаниях активный участник левого движения в Турции Зекерия Сертель: «Великое национальное собрание стало образцово-показательным учреждением, представлявшим не народ, а Народную партию. На выборах голоса отдавались лишь кандидатам, представляемым Народной партией. В действительности это даже нельзя было считать выборами. В конце концов народу так надоели эти показательные выборы, что он начал уклоняться от голосования. Число голосовавших не достигало 25%»⁴⁴.

Современные турецкие исследователи, стремящиеся объективно оценить авторитарный режим 1930–40-х годов, не ставят под сомнение историческую необходимость для Турции такой формы существования власти, как вынужденной, временной, переходной, отмечают краткость её существования. Так, М. Тунчай пишет, что в те годы «однопартийные демократии существовали не только в Турции, они были и в Советской России, и в фашистской Италии, однако мир, который привлекал Гази и его соратников, был мир Запада»⁴⁵.

Дважды возникавшая легальная оппозиция, представленная порою соратниками Кемаля по общей борьбе против интервентов, так и не смогла, вплоть до второй половины 1940-х годов, учредить постоянный институт легальной оппозиции, противопоставить его режиму однопартийной власти. Уже через год после Лозанны, в конце 1924 г., была создана и затем закрыта оппозиционная Прогрессивно-республиканская партия. Спустя несколько лет, в августе 1930 г., кемалисты вновь пытались инициировать деятельность оппозиционной партии, на этот раз именуемой Либерально-демократической. Однако, как и в 1925 г., легально созданная оппозиционная партия в короткое время стала средоточием не только легальной фронды, но и угрожающей всему кемалистскому режиму правой оппозиции, включая клерикалов. В ноябре того же 1930 г. она повторила судьбу своей предшественницы – была распущена⁴⁶.

Основой государственной идеологии и идейного воспитания общества был тюркизм. Правящая Народно-республиканская партия через постепенно расширявшуюся систему «приводных ремней» – местные парторганизации, культурные очаги, народные дома, сельские комнаты и другие идеологические институты, через учебные заведения, через создаваемые в условиях всеобщей этатизации госпредприятия и госучреждения, социальные службы, наконец через армию – школу обучения крестьянской молодёжи – внедряла новую «религию» – тюркизм с немалым успехом, причём приводила к туркизации и нетурецкое население.

Закон о поселении от 14 июня 1934 г. вводил в действие специальную программу переселения и размещения национальных меньшинств, которая, безусловно, способствовала процессу «ускорения» их туркизации. Турция делилась на три зоны: первая включала области, где необходимо было сконцентрировать тюрков; вторая определялась для размещения переселенцев, подлежавших приобщению к турецкой культуре; третья включала районы, которые «по санитарным, экономическим, культурным, политическим и военным причинам, а также в целях поддержания порядка требуют полной эвакуации и запрещаются для поселения и передвижения». В этой зоне проживали преимущественно курды, и они, следовательно, подлежали полной эвакуации в другие места.

Последующие дополнения к этому закону коснулись прежде всего еврейского населения, в июне 1934 г. местные власти начали массовое выселение евреев из районов Восточной Фракии и Дарданелл. Причем они делали это, как правило, без предварительного предупреждения, в результате переселяемые были вынуждены оставлять всё своё имущество⁴⁷.

Принятый 21 июня 1934 г. почти одновременно с упомянутым Закон о необходимости иметь «каждому турку кроме имени также и фамилию» вынуждал турецких граждан – евреев, греков и армян отказываться от своих традиционных фамилий и принимать новые в ходе кампании «гражданин, разговаривай по-турецки»⁴⁸. Здесь уместно привести напоминание в изданной новой официальной истории Турции о том, что тюрки всегда в своей долгой истории стремились создавать самостоятельные государства – будь это «Шумер (4000 лет до н. э.) или бейлики, ханства, империи – они были созданы тюрками»⁴⁹.

Туркизация распространялась и на выходцев с Кавказа – «черкесов». Выше мы отмечали, что жители Турции – выходцы с Кавказа в годы становления республики, как и в османский период, играли неоднозначную роль. «Вошёл» в историю черкес Эдхем, выступивший против Кемалю, в то же время Кемалю оставались верны многие видные представители кавказцев – генералы и высшие чиновники, дипломаты высокого ранга наподобие Бекир Сами-бея. Считалось, что коль скоро они были издавна мусульманами (или стали ими), они тоже турки – черкесского происхождения. Их верхушка этому особенно и не противилась, занимая издавна высокое положение в правящей элите сначала империи, а затем республики. Однако, по убеждению многих черкесов не столь высокого ранга, в условиях однопартийного режима республиканской Турции этнические группы подверглись туркизации и навязыванию однотипной культуры, поэтому черкесы Турции совершенно были не в состоянии развивать культуру. Лишь под давлением Запада, считают турецкие черкесы, стало возможным создавать свои партии и общества, были учреждены общества кавказской культуры. Однако эти возможности не включали свободу пользования родным языком, разрешался лишь турецкий⁵⁰.

Такую же картину рисуют авторы-кавказцы на примере одного из «черкесских» народов – лезгин. Отмечается, что их положение стало тяжёлым после прихода к власти в 1909 г. младотурков, их основным лозунгом был османизм, на деле означавший туркизацию «всех подданных империи». Но особенно невыносимым стало положение национальных меньшинств при режиме Кемалю Ататюрка, что подтверждается высказываниями некоторых турецких деятелей⁵¹.

В конце 1920-х – 1930-х годах стало очевидным, что преодоление кавказской проблемы во имя недавнего советско-турецкого военного сотрудничества не стало окончательным, необратимым, тем более что после подписания Лозаннского мира исчезла смертельная угроза исчезновения турецкого государства и в таком сотрудничестве Турция уже не нуждалась, ведь не зря же столько уступок было сделано недавним противникам. Кавказский конфликтный пояс-кордон, препятствовавший получению столь необходимой тогда военной помощи, вновь стал нужен некоторым турецким националистам, вознамерившимся возродить иттихади-

стские планы в отношении Кавказа, и не только им, он постепенно стал возрождаться усилиями многих стран, а с ним и возродилась деятельность на территории Турции кавказских переселенцев⁵². В конце концов и турецкие спецслужбы, и посольства некоторых стран, не говоря уже о военных атташе, аккредитованных в Анкаре, проявили интерес к услугам тех кавказцев в Турции, которые оказались готовы вводить их «в курс дела» о положении в СССР⁵³.

Так уже в новых условиях началось восстановление сотрудничества на территории Турции нескольких разведок с выходцами с Кавказа – уже с ориентацией на дестабилизацию обстановки на Кавказе. Возрождение этих тенденций произошло с оглядкой на дружбу двух стран и осуществлялось тайно, в разведке генштаба, да и в самих кавказских обществах. Турецкая сторона со своим национализмом не очень склонна была давать волю черкесам на своей территории, предоставлять какую-либо, даже мизерную, автономию, памятуя Черкеса Эдхема. По разумению националистов-турок, черкесы за своей кавказской идентичностью, если она была им так нужна, должны были отправляться на прежнюю родину – пусть тайно и при поддержке турок. Уже в 1925 г. начались мятежи на Северном Кавказе⁵⁴.

И вновь оказались востребованными для борьбы, на этот раз уже с Красной Армией, прежние борцы за независимость Кавказа, проживавшие в Турции. Среди них – внук Шамиля – Саитбей, он был весьма активен, заявляли о себе и другие. Летом 1932 г. Шамиль имел несколько встреч с начальником турецкой военной разведки Надми-беем, на которых обсуждались вопросы организации так называемых военно-разведывательных пунктов вдоль советских границ, приспособленных для работы с агентурой, засылаемой на советскую территорию, и приёма связников от людей, действовавших на той стороне⁵⁵.

Французский посол Дешнер, как следовало из оказавшегося в распоряжении советской разведки документа, доносил в свой МИД, что именно Турция является той страной, которая может способствовать новой организации Кавказа благодаря своему географическому положению, родству с мусульманской средой и своему присутствию в прошлом на этой земле. По его мнению, переход под власть Турции областей, находящихся под властью Советов, стал бы очевидным прогрессом и отвечал интересам

западных стран. Британское правительство, полагал он, не возражало бы, если бы территории Аджарии, Нахичевани, Карабаха, части Армении и Азербайджана до Куры были отданы туркам. Более того, турецкое правительство было бы в таком случае вправе претендовать на получение кредитов для освоения и поддержки новых территорий ⁵⁶.

Что касается кавказской эмиграции в Турции, она надеялась на осложнение обстановки на Кавказе и в связи с этим допускала возможность турецкого военного вмешательства в дела региона ⁵⁷. Все большее внимание при этом эмигрантами (Шамилем и другими) уделялось Германии как возможной участнице войны с Советским Союзом. В одной из своих записок (и приписок) он буквально уговаривает немцев вооружать должным образом Турцию ⁵⁸. Указанные документы показывают, что, беспокоясь о сохранении добрососедских отношений с СССР, турецкие власти не разрешали кавказским деятелям легально действовать на своей территории. По их настоянию те перебрались в Париж, появились в Польше, Чехословакии, Бельгии ⁵⁹.

Возвращаясь к внутренним турецким делам 1930-х годов, можно констатировать, что секуляризация первоначально была принята лишь небольшой частью турецкого общества, в то время в основном сельского. Поэтому некоторые авторы-кемалисты выдавали желаемое за действительное, когда говорили, что исламизм ушел в невозвратное прошлое. В разделе «Светская сущность кемализма» Сафвет Энгин в вышедшей в 1938 г. книге писал, что после ликвидации халифата «религия уже не сохраняла никакого политического смысла» ⁶⁰.

Такая убежденность покоилась и на том, что после расправы религиозных фанатиков над Кубилаем в Менемене в 1930 г. орден накшбенди был в целом сочтён виновным, его руководство было арестовано, некоторые казнены в феврале 1931 г. ⁶¹

Справедливости ради необходимо сказать, что действительно, в русле европеизации и секуляризации немало было сделано и для ознакомления населения с западной культурой. Например, именно тогда по линии министерства просвещения, то есть на государственные средства, начался массовый перевод западных, русских и советских классиков. Тогда же по инициативе Кемаля Ататюрка были созданы первые очаги национального республиканского искусства: драматические театры европейского направ-

ления, консерватория, оперный театр в Анкаре (1949 г.), кинематограф, музеи. В ноябре 1934 г. по решению правительства мечеть Аяя Софья стала музеем. Большое развитие получили живопись и скульптура, в 1920-х годах в стране появились первые молодые художники-модернисты, они учредили Общество независимых живописцев и скульпторов, стали проводить выставки своих работ. Первую такую выставку в Анкаре в 1929 г. посетил Мустафа Кемаль⁶².

Немало произведений того времени отражали идеи кемалистской революции, энтузиазм побед над прошлым, над обскурантизмом, отсталостью. Когда читаешь о юных годах Н. Эрбакана (р. 1926 г.), нынешнего яркого приверженца исламизма, идей шариата, не сразу осознаёшь, что это одно и то же лицо. Согласно опубликованным о нём биографическим данным, Эрбакан не был выходцем из глубоко религиозной семьи – его отец, глава многодетного семейства, занимал судебские посты в различных городах Анатолии и не мог не участвовать в реорганизации судебской системы после учреждения республики. Он как судья по уголовным делам был в числе тех, кто в первые годы республики вводил в действие многие радикальные реформы, такие как отмена арабского алфавита, чтение эзана на турецком языке, закрытие тюрбе, текке и завийе. Тогда ради того, чтобы утвердить республиканский режим, религия была отстранена от политической жизни, от системы образования. Неджметтин Эрбакан обучался в начальной и средней школе, лицее и университете на основе светских, современных принципов⁶³.

А вот что говорит о тех же временах другой известный политик современной Турции – бывший президент Тургут Озал. Его семья была религиозной, но, как сообщает Озал, «я не мог научиться даже в доме совершать намаз, ибо такое было время... В итоге моя мать – учительница, отец – чиновник, они – функционеры режима... По моим воспоминаниям, в касаба и городах устраивались республиканские балы, новогодние балы. Людей туда привозили, заставляли танцевать... Сегодня это невозможно. Даже говорили: меняй супругу, так делают на Западе. Мать и отец ходили на эти балы, не знаю по своей воле или нет. Могли это делать в новинку. Религию я начал познавать с первого курса Технического университета»⁶⁴.

Власти продолжали совершенствовать статус своего нового правительственного органа – Управления по делам религии (УДР) при совете министров. Оно занималось в основном организацией религиозной службы и строго соблюдало требования власти «сохранять вне политики и над политикой» религиозные дела. Первым председателем УДР стал анкарский муфтий Мехмет Рифат (Бёрекчизаде), «сослуживший добрую службу в годы национальной борьбы». Руководитель управления получал зарплату на уровне министерской, пользовался автомобилем с красным, то есть министерским номером, и занимал подобающее место на протокольных церемониях. В июне 1935 г. был принят закон, непосредственно касавшийся управления, определявший его структуру и функции – кадровый состав, деятельность в центре и на местах и т. п. В 1937 г. вышла правительственная инструкция о правилах исполнения названного закона. Именно в феврале этого года в конституцию была принята поправка о том, что Турция – светское государство⁶⁵.

Турецкие авторы справедливо относят к «светскому» решению религиозной темы такие законы, как Гражданский и Уголовный кодексы (1926 г.), а также законы о европейском календаре (1926 г.), о латинском алфавите (1928 г.), о запрете священнослужителям любой религии носить религиозную одежду вне своей службы (1934 г.), об определении воскресного дня днём отдыха (1935 г.). В той же связи следует оценивать первое прочтение Хафизом Яшаром (Окурор) Корана по-турецки в 1932 г. в стамбульской мечети Еребатан, а также письмо в том же году Управления по делам религии стамбульскому муфтиату о необходимости в ближайшее время читать эзан и камет (призыв к молитве) на турецком языке. В 1933 г. было ликвидирован Дарульфюнюн в Стамбуле и его богословский факультет, на его месте был учреждён Стамбульский университет, при его литературном факультете создан институт изучения ислама, задача которого ограничивалась исследовательской деятельностью. По мнению Тарханлы, при создании в 1930 г. Либеральной партии Кемаль обещал не вмешиваться в любые споры её с НРП, кроме одного – по поводу положения о том, что Турция – «светская республика». «Религия должна оставаться сферой личной жизни человека; когда она затрагивает социальный режим, она провоцирует вмешательство государства»⁶⁶.

Ислам вынужден был самоопределяться заново. В 1937 г. в тексте конституции среди важнейших и не подлежащих отмене принципов был назван принцип светского государства. Религии окончательно запрещено было вмешиваться в политику, правовую систему, образование, институты религии были взяты под жесткий контроль государства. Влиятельные тарикаты с их мистицизмом были объявлены вне закона, в итоге сила ислама была ограничена⁶⁷.

Особое внимание было уделено женщинам. Кемаль побуждал власти почти насильно приобщить женщин к общественной жизни страны и тем самым ослабить влияние на них исламистов. Несколько женщин благодаря таким действиям стали депутатами меджлиса, после признания в 1934 г. за ними конституционного права выбирать и быть избранными в меджлис. Доля неграмотных среди женщин составляла тогда 91,8%, причем почти все женщины были лишены возможности учиться. Даже среди мужчин доля неграмотных достигала 76%⁶⁸.

В результате всех названных мер в предвоенные годы «штаб-квартиры» некоторых религиозных орденов и общин вынуждены были покинуть Турцию. Так, руководство ордена бекташей переместилось в Албанию, последователи учения мевлеви обосновались в Сирии, сторонники орденов накшбенди, кадири и кубреви оказались в Средней Азии, часть идеологов «народного ислама» пыталась найти убежище в Боснии и Герцеговине⁶⁹.

И все же исламисты даже в 1930-е и 1940-е, самые трудные для них годы, подспудно оставались серьезным политическим оппонентом кемалистов, несмотря на все законодательные запреты по их вмешательству в политическую жизнь страны, несмотря на весьма жесткую статью 162 уголовного кодекса.

Народный же ислам со своими шейхами, орденами и пр., сохраняясь на бытовом уровне, частично ушёл в подполье, был лишён возможности расширять свою деятельность из-за угрозы уголовного преследования, а если и заявлял о себе открыто через вооружённые выступления под религиозными лозунгами, беспощадно подавлялся властями. Выше говорилось о попытке поднять восстание в Менеменском районе, крупное восстание курдов произошло в восточных вилайетах Турции, на границах с Ираном, в 1936–1937 гг. имело место восстание курдов в районе Дерсима и др.

Именно в это жёсткое для противников кемализма время начал формироваться, уже как религиозная реакция на секуляризацию, на европеизацию, на упрочение республиканского режима, новый религиозный орден и, очевидно, не случайно в Восточной Анатолии.

Речь идёт об исламистском течении нурджизма, основателем которого стал проповедник-курд Саид-и Нурси (1873–1960 гг.)⁷⁰. После восстания Саида он почти до своей смерти преследовался властями «за создание тайного общества» (то есть общение с последователями и учениками) и «организацию заговора против власти», жил в ссылках, начал писать рисале, содержание которых было поводом для тюремного заключения.

Его биографы пишут, что в то время некоторые тюрьмы Турции были, как и для левых, школами обучения для исламистов, «преподаватели», правда, были разные. Тюрьмы были «рассадниками» и коммунизма, и исламизма. Немало людей в тюрьмах обратились к исламу, некоторые присоединились к обществу Нур. Нурси и его ученики, продолжая свою работу, «затылком ощущали тайное и явное» давление государства, в таких условиях возникли нур-почталыоны, распространявшие рисале по вилайетам. Ученик-нурджист, получив рисале, тотчас его размножал. Они могли годами быть дома и изготавливать сотни копий. В этой вертикальной организации были свои ключевые личности. В 1950-е годы власти смягчили судебное преследование, в 1958–1959 гг. Саидом Нурси были написаны (продиктованы) его основные рисале. Основные положения этих рисале – необходимость замены светского режима на шариат: «не может быть сильной страна, у которой власть не основана на законах шариата»⁷¹.

Вопросы внешней политики

В 1930-е годы Турция предприняла в целом успешные шаги по определению своего места в международной политике, основываясь на принципах Лозанны, на провозглашенном Ататюрком лозунге «мир в стране, мир в мире». Летом 1932 г. для Турции произошло важное внешнеполитическое событие – она была принята в Лигу Наций.

Укрепление международных позиций Турции в последние годы жизни Ататюрка позволили ей предпринять ряд успешных

миротворческих шагов на региональном уровне – участвовать в создании в 1934 г. Балканского пакта; её многолетние инициативы в отношениях с Афганистаном, Ираном, Ираком увенчались в 1937 г. заключением Саадабадского пакта. В преамбуле договора отмечалась общая цель пакта: «обеспечение мира и безопасности на Ближнем Востоке путём предоставления гарантий в дополнение к тем, которые предусмотрены Соглашением Лиги Наций»⁷².

Что касается лозаннского «наследства», к началу 1930-х годов Турции удалось урегулировать с Западом лишь часть важнейших экономических и политических вопросов «наследства». Начиная с 1933 г., когда захват Гитлером власти в Германии создал непосредственную военную угрозу в Европе, а усилившиеся военные приготовления Италии (укрепление Додеканезских островов, расположенных в нескольких километрах от турецких берегов) возбудили беспокойство в бассейне Средиземного моря, турецкая дипломатия стала зондировать возможность пересмотра Лозаннской конвенции 1923 г. с целью ремилитаризации проливов. Этот документ, «английский продукт» Лозанны, ограничивал суверенитет страны: Турция была обязана демилитаризовать Босфор и Дарданеллы, допустить в Стамбул международную комиссию по наблюдению за выполнением конвенции. Военные корабли нечерноморских держав могли заходить в Чёрное море фактически без серьёзных ограничений. В результате инициативы Турции, поддержанной СССР, в июне-июле 1936 г. на международной конференции в Монтрё была выработана новая международная конвенция о Проливах, действующая и поныне.

Согласование положений новой конвенции далось нелегко. Советское правительство не менее турецкого было заинтересовано в пересмотре режима Проливов, соединяющих открытое Средиземное море с закрытым Чёрным. Через Проливы проходила значительная доля экспорта СССР. И что самое важное и давно известное всем, Проливы имели, как раньше для России, так и теперь для Советского Союза, огромное военно-стратегическое и торговое значение. Турецкие авторы пишут, что советская сторона поддержала требование Турции о вооружении Проливов, более того, она изъявила готовность сама их вооружить. Но турками такое предложение не было принято⁷³.

Настоящая дипломатическая баталия за статус Проливов развернулась между советской и английской делегациями. Англию

не удовлетворяли предполагаемые ограничения прохода через Проливы для военных кораблей нечерноморских держав, короткие сроки пребывания в Чёрном море и обязательно фиксируемая цель посещения Чёрного моря – визит вежливости. Советская же сторона была против пункта об ограничении прохода через Проливы военных судов черноморских держав⁷⁴. Как справедливо пишет А.Ф. Миллер (участвовавший в работе конференции), позиция британского правительства была шаткой, «международный» статус Чёрного моря никогда никем не признавался, а тезис об одинаковых условиях прохода через Проливы военных кораблей всех стран тоже был необоснован. Оказалась неприемлемой для советской стороны и турецкая позиция, предусматривавшая ограничение тоннажа военных кораблей черноморских стран при проходе через Проливы. Турцию интересовала прежде всего ремилитаризация Проливов, режим самого Чёрного моря и безопасность черноморских стран её интересовали намного меньше. Стало очевидным в этом вопросе совпадение интересов Турции и Англии, как и в былые далёкие времена, в ущерб интересам – тогда России, теперь СССР⁷⁵.

Глава турецкой делегации Арас ясно заявил: «Турция является столь же черноморской, как и средиземноморской страной. Поэтому я больше интересуюсь вопросом о Проливах. Что касается остального, я желаю, чтобы было достигнуто соглашение между черноморскими и средиземноморскими державами»⁷⁶.

В конечном счёте и англичане, и турки пошли на уступки советской стороне, срывать переговоры в условиях начала фашизации Европы они сочли неблагоприятным. Советская делегация при согласии Турции добилась для черноморских государств права проводить через Проливы свои военные суда без ограничения тоннажа. 18 июля 1936 г. участники конференции подписали новую конвенцию о режиме Проливов.

Турция восстанавливала свой полный суверенитет над зоной Проливов⁷⁷; ликвидировалась международная комиссия по контролю над Проливами, её функции перешли к турецким властям. Подтверждалась полная свобода прохода через них торговых судов всех стран в мирное время с соблюдением общепринятых правил санитарного досмотра. Некоторые ограничения предусматривались для торговых судов невоюющих стран, если сама Турция участвовала в военных действиях, а также если считала

себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности.

Положения конвенции, касавшиеся военных судов, определяли, что нечерноморские государства могли проводить через Проливы в мирное время лёгкие надводные корабли, малые боевые суда, вспомогательные суда, в количестве не более 9 единиц и максимумом общего тоннажа в момент прохода 15 тыс. т. Всего же в Чёрном море нечерноморские державы могли держать каждая корабли общим тоннажем не более 20 тыс. т, а все вместе – не более 30 тыс. т. Срок их пребывания ограничивался 21 днём. В случае увеличения в последующем тоннажа флота самой крупной черноморской державы лимит общего тоннажа в Чёрном море флота нечерноморских держав также мог превысить цифру в 30 тыс. т, но не более чем до 45 тыс. т. Что касается черноморских государств, то они могли проводить через проливы линейные корабли тоннажем свыше 15 тыс. т и подводные лодки.

Конвенция не полностью отвечала интересам черноморских держав, она фактически предоставляла Турции исключительное право толковать конвенцию и проводить её в жизнь по своему усмотрению. Это вытекало из принятого на конференции принципа суверенитета Турции над Проливами. Поэтому применение основных статей конвенции зависело от курса внешней политики Анкары ⁷⁸.

Следует отметить, что дипломатические успехи Турции в указанные годы свелись не только к пересмотру режима Проливов. Необходимо указать некоторые двусторонние и многосторонние дипломатические документы с участием Турции, такие, например, как румыно-турецкий договор 1933 г. о дружбе, арбитраже и ненападении, предшествовавший, вместе с другими договорами, созданию Балканской Антанты. Этот союз Греции, Румынии, Турции и Югославии был заключен в Афинах в 1934 г. с целью сохранения сложившегося после Первой мировой войны соотношения сил на Балканах (Вторая мировая война положила конец этому союзу).

В этом же перечне важное место занял Саадабадский пакт 1937 г., оформивший политический блок Турции, Ирана, Ирака, Афганистана. Он был подписан в Саадабадском дворце Тегерана. Пакт предусматривал неприкосновенность общих границ, отказ от агрессии, невмешательство во внутренние дела и т. д.

Успешным стало решение Турцией территориального спора с другим недавним военным противником – Францией, обладавшей мандатом Лиги Наций на управление Сирией и присоединившей к ней Александреттский санджак (Хатай), который Турция также считала своей территорией⁷⁹.

Долгое время, вплоть до 1936 г., Турция официально не возвращалась к этому вопросу, хотя в санджаке не раз по разным поводам случались столкновения турецкого населения с французскими колониальными властями. Но 9 сентября 1936 г. был парафирован франко-сирийский договор, радикально менявший судьбу санджака, – он предусматривал прекращение через три года французского мандата и вступление Сирии в Лигу Наций, причём по этому договору Александреттский санджак вошёл в состав Сирии. Это событие спровоцировало в Турции шумную кампанию против Франции, высказывались требования о том, чтобы санджак получил такую же самостоятельность, как Сирия и Ливан.

В октябре 1936 г. начались официальные переговоры и дипломатическая переписка между турецким и французским правительствами. Турция утверждала, что прежние договорённости о санджаке достигнуты были ею не с Сирией, которой в то время не существовало, а с Францией, причем санджак был передан Франции не безусловно, а условно; если теперь Франция отказывалась от власти в этом районе, суверенитет должен перейти к населению санджака; Франция не вправе передавать без согласия Турции свои договорные права третьему государству.

Франция же в своих ответных нотах заявляла, что не может согласиться на независимость санджака, в частности, потому, что создание третьего самостоятельного государства – Александреттского – явилось бы расчленением подмандатной территории (то есть Сирии) и нарушением условий мандата; что ранее достигнутые договорённости обеспечивали санджаку автономный административный режим, а не особый политический статус; прежний же режим сохранялся бы и после отмены французского мандата на Сирию. Турция добивалась независимости Александреттского санджака, имея в виду в более или менее близком будущем присоединение этой территории к Турции. Возник таким образом новый и достаточно продолжительный конфликт, сопровождавшийся волнениями в санджаке⁸⁰.

Не желая окончательно испортить дружественные отношения с Турцией, Франция пошла на уступки, уже в конце января 1937 г. на сессии Совета Лиги Наций был принят компромисс, предусматривавший, что Александреттский санджак, сохраняя связи с Сирией в вопросах внешней политики, денежной системы и таможен, получит полную самостоятельность в своих внутренних делах; он будет оставаться под контролем Лиги Наций, Франция и Турция совместно гарантируют его территориальную целостность; конституция и статут санджака будут утверждены Советом Лиги Наций; Турция получит специальные привилегии по использованию Александреттского порта для своих транзитных операций. В мае 1937 г. Совет Лиги Наций утвердил конституцию и статут Александреттского санджака, одновременно в Женеве были подписаны соответствующие франко-турецкие соглашения. Однако зимой 1937–1938 гг. конфликт разгорелся снова⁸¹. К весне 1938 г. уличные столкновения в санджаке превратились в настоящую войну между турками и нетурками.

Франции вновь пришлось уступить, опасаясь потерять поддержку Турции в той непростой ситуации, которая сложилась в канун Второй мировой войны, в частности в восточном Средиземноморье. В этом её всемерно убеждала также британская дипломатия, рассчитывая на окончательное вытеснение французского влияния из стран Леванта. 3 июля 1938 г. в г. Антакья (Антиохия) между французским и турецким генеральными штабами было подписано соглашение, которое предусматривало введение в санджак турецких войск в количестве, равном французскому (по 2500 человек). 4 июля 1938 г. в Анкаре был парафирован франко-турецкий договор о дружбе, турецкие войска немедленно вступили на территорию санджака⁸². 23 июня 1939 г. одновременно в Анкаре и Париже были подписаны два документа. Анкарское соглашение объявляло, что Хатай (Александреттский санджак) окончательно присоединялся к Турции, парижское представляло собою декларацию о взаимной помощи; её текст совпадал с ранее заключённой англо-турецкой⁸³.

Следует отметить, что сирийское правительство решительно отказалось признать переход санджака к Турции, и поныне этот вопрос остаётся предметом постоянных трений в отношениях между Сирией и Турцией.

Угроза агрессии на Балканах и в Средиземном море, прежде всего Италии, побуждала Турцию и Грецию вновь и вновь искать пути мирного сотрудничества, несмотря на недавние (и давние) трагические события в их исторических связях. Вслед за созданием Балканской Антанты в 1934 г. и с учётом нападения Италии на Эфиопию в 1935 г. Греция и Турция заключили «джентльменское» средиземноморское соглашение с Англией. Наметившееся с этого времени усиление английского влияния в Турции, которое давно уже играло решающую роль в Греции, способствовало ещё большему укреплению греко-турецкого союза. Демонстрацией этих союзных отношений был визит в Афины в 1937 г. турецкого премьер-министра Исмета Инёню. В 1938 г. Греция и Турция, обеспокоенные продвижением Германии к Балканам (захват Австрии), подписали 27 апреля в Афинах новый договор, по которому взяли на себя обязательство вооружённого нейтралитета в случае нападения одной или нескольких держав на другую сторону и обещали друг другу консультацию, если такое нападение совершится. Греко-турецкий союз получил косвенное подтверждение также и в англо-франко-турецком договоре 1939 г., согласно которому Турция обязывалась выступить на стороне Англии и Франции в случае возникновения военных действий в бассейне Средиземного моря и, в частности, если Англия и Франция начнут военные действия в связи с гарантиями, данными ими Греции (и Румынии)⁸⁴.

Турция без Ататюрка

Наступил конец 1930-х годов, завершались последние реформы Ататюрка. К концу 1937 г. заметно ухудшалось и здоровье первого президента страны, старая болезнь печени и почек обострилась, всё чаще лишая его работоспособности. К этому времени многое поменялось в политической жизни страны, в руководстве. В сентябре 1937 г. у него возник крупный конфликт с премьер-министром И. Инёню, завершившийся вскоре отставкой последнего, его сменил Дж. Баяр⁸⁵.

Вспоминая в своих мемуарах отставку, Инёню намекает на интриги против его персоны, организованные в окружении Ататюрка. Он взял полуторамесячный отпуск, и его обязанности премьер-министра 21 сентября было поручено выполнять министру экономики Дж. Баяру⁸⁶.

26 мая 1938 г. Ататюрк, тяжелобольной, на специальном поезде вновь выехал из Анкары в Стамбул. И за несколько дней до смерти он верил, что вернётся в Анкару и сможет присутствовать на стадионе на праздновании 15-летия республики. На этот случай для него был приготовлен специальный подъёмник в президентской ложе. Однако планам этим не суждено было осуществиться. 29 октября 1938 г. День Республики Анкара отмечала без своего президента, умиравшего в Стамбуле в отведённых для него покоях во дворце Долмабахче. Ататюрк скончался 10 ноября в 9 часов 5 минут. Этот день до сих пор отмечается в Турции как день национального траура. На следующий день 11 ноября ВНСТ избрало новым президентом страны Исмета Инёню. Был сформирован новый кабинет министров во главе с Дж. Баяром. Вместо Араса министром иностранных дел стал Шюкрю Сараджоглу (в 1942–1946 гг. – премьер-министр).

До 19 ноября 1938 г. гроб с телом Ататюрка находился во дворце Долмабахче, а затем морем до Измитского порта и далее специальным поездом был доставлен в Анкару. Жители города в течение двух дней прощались с Ататюрком у тогдашнего здания ВНСТ на площади Улус, после чего гроб был водружен в Этнографическом музее и находился там 15 лет, пока в 1953 г. не был с почестями перевезён (10 ноября) в специально построенный мавзолей и там, под траурным залом, погребен.

Среди многих иностранных правительственных делегаций в траурной церемонии прощания с первым президентом Турецкой Республики приняла участие с 16 по 26 ноября и советская делегация во главе с В.П. Потёмкиным, первым заместителем наркома иностранных дел. От Севастополя до Стамбула делегация проследовала на борту эсминца «Москва» под флагом командующего Черноморским флотом флагманом 2-го ранга Юмашева. В Стамбуле советский корабль, произведя салют наций в 21 выстрел, присоединился к другим прибывшим на церемонию кораблям – английскому линкору «Малайя», французскому крейсеру «Эмиль-Бертин», немецкому крейсеру «Эмден», румынскому эсминцу «Реджина-Мария» и греческому эсминцу «Гидра». 19 ноября 1938 г. в течение двух часов все корабли приняли участие в эскорте линейного крейсера «Явуз» с телом Ататюрка до Принцевых островов. Затем до Анкары похоронную процессию сопроводили.

вождал взвод краснофлотцев в составе 40 человек под руководством двух лейтенантов и политрука⁸⁷.

Ататюрк не оставил какого-либо политического завещания, ограничившись частным, хотя по своему содержанию оно касалось не только родных и близких президента, но и созданной им Народно-Республиканской партии. Единственной наследницей Ататюрка по закону оставалась его младшая сестра Макбулеханым, жившая с ним вместе в Чанкая. У него была другая сестра, Наджие, но она умерла ещё в 1901 г. Мустафа Кемаль был женат, однако брак этот оказался недолгим и детей у него не было.

Вскрытие пакета с завещанием Ататюрка состоялось 28 ноября 1938 г. в помещении третьего мирового суда Анкары в присутствии министров юстиции, внутренних дел, иностранных дел, генерального секретаря НРП, а также сестры Ататюрка, представителей прокуратуры Анкары, нескольких депутатов ВНСТ, судей, адвокатов⁸⁸.

Как видно из текста завещания, который мы приводим по книге М. Левентоглу «Завещание Ататюрка»⁸⁹, все имевшиеся на его счетах средства Ататюрк передавал Народно-республиканской партии при условии, что, во-первых, они будут в обороте Делового банка и, во-вторых, доходы от них будут использованы на пособия перечисленным в завещании лицам и организациям. Что касается отдельных лиц, указанных в завещании, первой стоит родная сестра Мустафы Кемалья – Макбуле. Ей по завещанию было предназначено самое высокое пособие⁹⁰. В указанное время ей было 53 года, в 1956 г. она умерла в возрасте 71 года. Она была последней из близкой родни Кемалья Ататюрка. После Макбуле в завещании названа Афет (Инан), приёмная дочь Ататюрка, спутница жизни и помощница в работе в последние годы его жизни⁹¹.

Что же касается ежегодных ассигнований двум обществам, созданным Ататюрком, историческому и лингвистическому, то размеры их составили солидные суммы. Первая выплата была сделана в 1940 г., и тогда общества получили по 49 тыс. лир каждое. В последующие годы ассигнования каждому из обществ составляли сотни тысяч лир, а начиная с 1964 г. – ежегодно около 2 млн. лир. До настоящего времени благодаря завещанию Ататюрка оба общества имеют большие возможности для проведения ширококомасштабных исследовательских работ по турецкой

истории и лингвистике, организации крупных международных конгрессов.

Болезнь, а затем смерть Ататюрка пришлись на тревожное время – не только для Турции, но и многих других стран, прежде всего европейских. В Италии, Венгрии, Испании, Германии у власти оказались фашистские режимы, осуществлявшие экспансионистскую, захватническую политику и в самой Европе и на её окраинах.

В этих условиях кемалистские преобразования на принципах нейтралитета и равноудаления от великих держав постепенно стали уходить в прошлое. Кемалистскому режиму недолго пришлось выбирать, на кого ориентироваться. Конечно, учитывался исторический опыт, кстати, полученный в той же Крымской войне; учитывалась идеология европеизации с её принципами собственности – для турецкой бюрократической верхушки, правящей элиты с её явными признаками «большого и малого» абсентеизма это было очень важно. Конечно, на выбор влияли и коминтерновские дела, лозунги мировой революции. Но кемалисты уже свою революцию осуществили, их ждал следующий этап – не участие в мировой революции в качестве её резерва, а эволюция, то есть европеизация, вариант которой в немалой степени олицетворяла Англия. О том, как выбор союзников на этом пути определялся при Ататюрке, свидетельствуют шаги турецкой дипломатии при подготовке и проведении конференции в Монтрё. Л. Живкова приводит в своей книге свидетельства эволюции этого выбора. Она начала описание с 1934 г. В этот год, 17 июня, после банкета в Анкаре в честь шаха Ирана Ататюрк предложил английскому послу поиграть в покер. Как потом сообщал в Форин офис Перси Лорэн, игра продолжалась до утра. Затем состоялась беседа, которая завершилась к 10.30 утра... «Гази сказал, что он питает величайшее уважение к Англии и стремится к дружбе с ней. Почему мы не можем быть ближе друг к другу?» Когда в ответ посол иносказательно намекнул на наличие «препятствия», близости между Турцией и Россией, Гази напрягся и прервал бы беседу, если бы не дипломатическая ловкость посла, уверившего президента, что для англо-турецкой дружбы указанное обстоятельство препятствием быть не может. Тот же Перси Лорэн сообщал в другой, уже намного более поздней телеграмме в Форин офис от 8 мая 1936 г.: «Согласно версии,

имеющей здесь хождение, один турецкий друг сказал как-то Ататюрку: “Я вижу, Вы значительно сблизились с Англией”, на что Ататюрк ответил: “Значительно сблизился? Да я бросился в объятия Англии!”»⁹².

Столь успешное развитие турецко-английских отношений достигло своего апогея в сентябрьские дни 1936 г. 4 сентября английского короля Эдуарда VIII торжественно встречал на стамбульской набережной президент Турции Ататюрк. 20 ноября состоялась другая торжественная встреча – боевые корабли турецкого флота прибыли с дружеским визитом на о. Мальту. После всех этих торжеств в Турции «об Англии впервые начали писать как о дружественной державе».

Так формировались и внешнеполитические, и иные важные предпочтения Турции в преддверии мировой войны. Изменение отношения турецкого генерального штаба к Англии в 1936 г. сразу же отразилось на перспективах вооружения Турции. Она начала предоставлять военные заказы преимущественно английским фирмам. Дело не ограничилось военными заказами, после конференции в Монтрё Англии было разрешено создавать в районе Проливов военно-морские укрепления, пользоваться турецкими военными базами, начать реконструкцию портов в Измире, Стамбуле, Трабзоне и строить военные корабли и аэродромы на турецкой территории. На строительство металлургического комбината (в Карабюке) английской фирмой «Брассерт» в 1936 г. был предоставлен кредит на 3 млн. английских фунтов стерлингов⁹³.

Однако самым крупным торговым партнером стала Германия. В 1938 г. общая сумма кредитов Германии Турции достигала 87 млн. лир, тогда доллар был равен лире. В октябре 1938 г. было подписано соглашение с Германией о кредите в 150 млн. марок.

ТУРЦИЯ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Внешняя политика нового руководства страны

Смерть Ататюрка 10 ноября 1938 г. стала причиной существенных перемен во властных структурах страны, в них оказались некоторые видные деятели, находившиеся ранее в оппозиции к первому президенту. Среди них были лица, близкие к пантюристским кругам, что отразилось и на внутренней, и на внешней политике. Президентом страны был избран человек номер два в Турции – Исмет Инёню, правда, в эти дни он уже не был, как ранее в течение многих лет, премьером (этот пост с 25 октября 1937 г. занимал Джелаль Баяр, а с 25 января 1939 г. – Рефик Сайдам). Турецкие историки отмечают наличие конфликтных ситуаций между Ататюрком и Инёню, пишут и о некоторых причинах: «В ближайшем окружении Ататюрка были и идеалисты, и интриганы, и карьеристы. Исмет-паша относился к этому окружению сдержанно и даже жёстко и держался от него подальше»¹.

К новому президенту, как к национальному шефу, перешли все полномочия сохранявшейся авторитарной власти. 26 декабря 1938 г. собрался чрезвычайный съезд НРП, на котором президент Инёню был провозглашён Национальным шефом (лидером) и бессменным Генеральным председателем партии. Основной задачей внешней политики, поставленной им, – было удержать Турцию вне войны. Он решительно проводил её, несмотря на давление как союзников, так и Гитлера².

Наметившиеся ранее, с середины 1930-х годов, признаки переориентации Турции на Францию, а ещё более на Англию недавних противников в борьбе за национальную независимость, превратились в устойчивую тенденцию, новое руководство активизировало сближение с Англией и Францией. В результате перед началом Второй мировой войны для всех, включая СССР, было очевидно, что внешняя политика страны ориентировалась на

политический и дипломатический союз с этими странами, прежде всего с Англией.

Ушло в прошлое боевое содружество Советской России и новой Турции, Турция в нём уже не нуждалась, сумев договориться с западными державами, прежде всего Англией и Францией. Правящие круги этих стран, в то время мировых колониальных держав, в отношении Советского Союза, своего идеологического противника, проводили открыто враждебную политику, что неизбежно исключало сохранение прежней доверительности в советско-турецких отношениях. Активным сторонником такой линии, очевидным «прозападником» был новый министр иностранных дел Сараджоглу, сменивший на этом посту в 1938 г. Тевфика Араса. Названные страны в предвоенные годы проводили политику соглашательства с фашистскими режимами Европы, не спешили вовремя противопоставить реваншистской политике Германии что-либо, кроме дипломатических протестов. Более того, Англия и Франция надеялись (и стремились к этому) на то, чтобы германскую агрессию направить в сторону СССР. Турция, её политики всё с большим интересом и даже пониманием относились к такой позиции³.

События 1930-х годов свидетельствуют, что большевистскому руководству СССР не удалось убедить Францию и Великобританию отказаться от политики невмешательства в фашизацию и территориальный передел Европы, осуществлявшихся Гитлером и Муссолини. Не встречая достойного противодействия, Гитлер добился аншлюса (присоединения к Германии) Австрии. Следующей его жертвой стала Чехословакия. По инициативе Муссолини 30 сентября 1938 г. в Мюнхене была проведена конференция представителей Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладье), Германии (А. Гитлер) и Италии (Б. Муссолини). На ней западные страны фактически предали своего союзника – Чехословакию, согласившись на отторжение от неё промышленно развитой Судетской области. В марте 1939 г. немецкие войска оккупировали Чехию, а в Словакии было создано марионеточное государство. Союзниками Германии стали и многие другие страны Центральной Восточной Европы – Финляндия, Венгрия, Румыния, Болгария, руководители которых примкнули, как им казалось, к стану будущих победителей.

Об отношении Турции к этим событиям можно судить по циркулярному письму её МИД от 4 мая 1939 г., в котором, частности, отмечалось: «Правительство Республики с самого возникновения гитлеровского режима с полным беспристрастием отнеслось к наблюдаемой в Германии динамике, а позже таким же образом оценило наблюдающееся сближение между Римом и Берлином; оно не отказалось от продолжения своих дружеских отношений с обоими государствами, особенно с Германией, основанных на экономических связях, предоставив таким образом великим державам право самим решать свои разногласия». В таком же духе, отмечено в этом документе, турки восприняли и мюнхенское решение о передаче Германии чехословацких Судет, «это было согласованное между участниками встречи решение». Первым (!) актом германской политики, привлёкшим внимание Турции, стала ликвидация Чешского государства⁴.

Что касается международного авторитета СССР в эти годы, серьёзный ущерб ему нанесли внутренние события – массовые репрессии, показательные процессы над «врагами народа», уничтожение военных кадров. Такого рода действия заставляли задуматься о целесообразности сотрудничества со сталинским режимом соседей Советского государства. Турция не стала исключением. В глазах ведущих турецких политиков (многие из них посетили СССР) этот режим становился опасным, тем более что были налицо и успехи индустриализации, и воздействие этих факторов на левые круги Турции.

Реальность германской угрозы заставила всё же Англию, Францию и СССР искать пути для военного сотрудничества. Весной 1939 г. между ними начались переговоры. Однако ни одна из сторон не спешила брать на себя определенные обязательства в случае нападения на партнёров по переговорам⁵. В конце концов переговоры зашли в тупик. Убедившись в их бесплодности, Сталин принял предложение Гитлера заключить пакт о ненападении. Документ был подписан наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым и министром иностранных дел Германии И. Риббентропом 23 августа 1939 г.⁶

Турецкий автор Кямуран Гюрюн по дням описал драматические события, сопровождавшие переговоры в Москве советских руководителей с немцами, и почти синхронно – с военной англо-французской делегацией, в составе которой, как он признаёт, не

было никого, кто имел бы право подписать готовившийся документ. Он приводит слова Ворошилова 25 августа на последней встрече с англо-французской делегацией: «В связи с изменившейся политической ситуацией продолжение переговоров потеряло смысл»⁷.

На другой день после ратификации договора 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу – так началась Вторая мировая война. 19 октября 1939 г. в развитие всех ранее достигнутых договорённостей и деклараций в Анкаре был подписан англо-франко-турецкий договор о взаимной помощи. Этот документ, в частности, предусматривал, что Турции будет оказана помощь со стороны Франции и Англии, «если Турция будет вовлечена в военные действия с европейской державой в результате агрессии, совершённой этой державой против Турции»; также предполагалась помощь со стороны Турции «в случае акта агрессии, совершённого европейской державой и приведшего к войне в зоне Средиземного моря, в которую будут вовлечены Франция и Соединенное королевство», наконец договор обусловил помощь в ряде случаев Греции и Румынии со стороны Турции и т. д. Он оформил союз между тремя странами, однако развернувшаяся вскоре война в Европе продемонстрировала его несостоятельность.

Турция предприняла шаги по заключению с СССР своего варианта пакта о взаимопомощи, его задачей было добиться военного союза с Советами в рамках такого союза с Западом. Но Советы были убеждены, что западные державы не принимают серьёзно их союз с ними. Особенно укрепили их в этом убеждении Мюнхенское соглашение 1938 г. и последовавшие за ним действия. Сталин и Молотов были готовы на такой союз при условии, что он: 1) не приведёт к конфликту с Германией, 2) внесёт поправку в конвенцию по Проливам о том, что нечерноморским государствам будет запрещено проходить Проливы. Так ещё оставалась надежда договориться. Но советско-германские переговоры отодвинули советско-турецкие на второй план и они были прерваны⁸. Получалось, что Советский Союз через систему параллельных пактов (советско-турецкого и англо-франко-турецкого) оказался бы нарушителем только что подписанного с Германией пакта о ненападении. Поэтому предпринятый в этих целях визит в Москву министра иностранных дел Турции Сараджоглу оказался неудачным⁹.

Как отмечают турецкие историки, после подписания Германией пакта с СССР наблюдался рост советско-германского сотрудничества, включая экономическое, например увеличилось поставки советской нефти в Германию. Воспользовавшись осуждением СССР в Лиге Наций (и исключением затем из этой организации) в связи с началом им войны против Финляндии, союзники вознамерились ослабить это сотрудничество, разбомбив бакинские и батумские нефтепромыслы и нефтепереработку. Но была, отмечает Дж. Кочак, и другая цель: спровоцировать таким образом беспорядки в регионе под исламистскими лозунгами и поддержать их. Французский посол в Анкаре Масигли в январе-феврале 1940 г. стал автором плана Великого Турана, объединяющего «миллионы тюрок», проживавших в СССР. Он был убеждён, что при реализации этого плана власти Турции его поддержат. Речь шла о авианалётах на Кавказ с аэродромов Сирии и Ирака через территорию Турции с промежуточной посадкой в Турции и Иране. Англичане поддержали план; любопытной, пишет Кочак, была реакция Сараджоглу: он лишь спросил, не возникнут ли со стороны Ирана трудности ¹⁰.

Но, надо думать, мир ожидал от союзников действий в самой Европе, турки, во всяком случае, надеялись на действенность недавно заключенного пакта с Англией и Францией. Не без иронии Надир Нади пишет: «Мы с нетерпением ждали того дня, когда мы начнём на деле наше сотрудничество с нашими друзьями при разгроме Гитлера. Турецкий народ был готов пролить кровь во имя спасения западной цивилизации. Именно таким сочинительством от имени нации занимались мы, редакторы». В другом месте мемуаров он подробно описывает драматическую оккупацию Франции и сообщает, что собравшиеся по этому поводу 26 июня 1940 г. члены парламента от НРП спрашивали себя, что делать с обязательствами перед Францией по военному союзу, причём некоторые горячие головы потребовали спасти честь страны и вступить в войну с Германией. Но была найдена оговорка (не совсем убедительная), которая позволила руководству страны уклониться от выполнения пакта ¹¹.

В это же время Германия пыталась вести двойную игру и с Турцией, и с СССР. По мнению армянской исследовательницы Р. Корхмазян, после нападения в конце октября 1940 г. Италии на Грецию только Германия могла удержать Италию от дальней-

шего продвижения к турецкой границе, вместе с тем для самой Германии вопрос о войне с Турцией всю ту осень оставался открытым. Только в ноябре было решено отказаться от южного варианта (через Анатолию на Кавказ) войны против СССР¹². Германия также активно заманивала Советский Союз в пакт Оси и предметом торга называла Турцию, одновременно ставя Турцию в известность об этом. Опасаясь сближения двух стран и готовясь к нападению на СССР, немцы с весны 1941 г. начали с помощью посулов и угроз «готовить» Турцию к заключению турецко-германского договора о ненападении. Договор долго согласовывался, немцы пытались включить не отвечающие нейтралитету Турции положения, наконец, 18 июня 1941 г. германо-турецкий пакт о дружбе и ненападении был подписан.

Стороны обязались «уважать нынешние обязательства обеих стран»; целостность и неприкосновенность национальной территории обеих сторон; не принимать никаких мер, которые были бы направлены прямо или косвенно против другой стороны; впредь поддерживать дружественный контакт по поводу всех вопросов, касающихся их взаимных интересов, чтобы достигать согласия по этим вопросам и т. д. Далее мы увидим, что, выполняя такого рода обязательства, например в части использования Проливов немцами, Турция нарушала тем самым другие обязательства — перед советской стороной¹³.

Так Германия получила гарантию для своего южного фланга, начав через 4 дня войну против СССР. Турция же, считая турецкие историки, после всего этого, наконец, ощутила спокойствие и удовлетворение, поскольку осталась вне войны. Но главное, она была спасена от самой большой опасности: разделить судьбу Польши, подвергнувшейся совместному нападению Германии и Советов¹⁴.

Турция лавировала между двумя блоками, стремясь сохранить свой нейтралитет, хотя поражение Франции в войне, слабость Англии превращали Германию в партнёра, казалось бы, более предпочтительного. При этом учитывались, очевидно, и такие события в непосредственной близости к Турции, как вторжение Италии, а затем Германии в Грецию, участие Болгарии в «тройственном пакте», что сопровождалось появлением германских войск в этой приграничной Турции стране. О выполнении Турцией

обязательств перед Францией и Англией речь уже не шла, Турция стремилась быть невоюющей стороной «в пользу Германии».

Соответственно, в самой стране возросло число сторонников дружбы с фашистской Германией. Цитируемый нами Надир Нади, например, в издаваемой им газете «Джумхуриет», считавшейся в те времена правой, опубликовал передовую, в которой написал, что немецкое господство – это реальность для мира. Это вызвало шумную полемику в печати, но Надир Нади продолжал утверждать, что германский союз – это историческая необходимость¹⁵.

Турция и Великая Отечественная война СССР с фашистской Германией

22 июня 1941 г. фашистская Германия и её союзники обрушили на Советский Союз удар огромной силы: 190 дивизий (5,5 млн. человек), свыше 3 тыс. танков, около 5 тыс. самолётов. На советско-германском фронте находилось от 62 до 70% действовавших дивизий фашистской Германии. Кроме того, в боевых действиях на советско-германском фронте принимали участие итальянские войска, испанская дивизия, хорватские, словацкие, французские части, подразделения добровольцев из других оккупированных Германией стран. Для военно-экономического обеспечения похода против СССР использовались ресурсы почти всех европейских государств.

Выступление Черчилля по лондонскому радио вечером 22 июня 1941 г. в поддержку Советского Союза, заключение союзного договора с СССР в мае 1942 г. и другие шаги отразили трезвое понимание им государственных интересов Британии (в том числе и колониальных, тогда весьма весомых) в процессе борьбы с общим противником. Вскоре он вспомнил и Турцию, сообщив И. Сталину 30 августа 1941 г. о намерении снабдить её всем необходимым, «с тем чтобы привлечь её на нашу сторону». Сталин ответил 3 октября согласием как в отношении Турции, так и Китая¹⁶.

Лето и осень 1941 г. стали критическими для Советского Союза. Немецко-фашистские войска вторглись в пределы страны на глубину от 850 до 1200 км. Миллионы людей погибли на фронтах, оказались в оккупации или в гитлеровских лагерях. Однако Германии не удалось достичь своих стратегических целей,

захватить Ленинград и Москву¹⁷. Летом 1941 г. было положено начало созданию антигитлеровской коалиции. 14 августа 1941 г. правительства США и Великобритании подписали Атлантическую хартию, в которой было сказано о целях войны против фашистской Германии и её союзников, о послевоенном устройстве мира, в частности об отказе от территориальных захватов и праве народов избирать себе форму правления. 24 сентября 1941 г. на Лондонской межсоюзной конференции СССР объявил о присоединении к основным положениям Атлантической хартии, что создало предпосылки для образования антигитлеровской коалиции. США и Великобритания начали осуществлять в СССР значительные военные поставки¹⁸. В 1941 г. война окончательно приняла характер мировой – Япония развязала войну против США. США, Великобритания и другие страны объявили войну Японии, Германия и Италия объявили войну США¹⁹.

Положение Советского Союза в 1941–42 гг. было чрезвычайно трудным. Украина, Белоруссия, Прибалтика, западные, северо-западные и некоторые южные области РСФСР были оккупированы противником. В летне-осенней кампании 1942 г. основные военные события развернулись на юго-западном направлении.

Сталин сообщал Черчиллю 8 ноября 1942 г. об ухудшении положения на Кавказском фронте: «Немцам удалось захватить Нальчик». А ранее Черчилль обрисовал тяжёлую ситуацию в Средиземном море, в сражении за Мальту был потоплен английский авианосец «Игл». «Если мы сможем открыть путь для военного транспорта через Средиземное море, проблема нашего судоходства будет значительно облегчена – и мы войдём с Турцией в контакт более тесный»²⁰.

Как в Турции было воспринято сообщение о германском нападении на Советский Союз? Кочак пишет: «Германо-русская война породила в стране атмосферу праздника. Все сердца, памятуя о пяти веках истории, начали биться в унисон с немецкими победами. Все поздравляют друг друга, говорят: “С праздником вас, война отодвинулась”». Автор приводит и такие отрывки из мемуаров Барутчу, своего современника: «В коридорах меджлиса я увидел министра Сараджогу и сказал: “Поздравляю с политическим газаватом”, а в ответ услышал: “Поздравим всех нас”. Родовался и Инёню, а некий маршал, улыбаясь, сказал: “Будет просто стыдно, если война не кончится через неделю”». В докладе

Папена в Берлин от 22 июня сообщалось, что ему позвонил Сараджоглу и пожелал хороших шансов. А в день нападения в газете «Джумхуриет» 22 июня 1941 г. утверждалось, что Гитлер — это единственный лидер, понимавший Ататюрка²¹.

Однако вступать в войну на чьей-либо стороне Турция не собиралась. После нападения Германии на Советский Союз она в тот же день объявила о своём нейтралитете, а 25 июня эту позицию подтвердила вербальной нотой, переданной Советскому правительству. За четыре дня до начала гитлеровской агрессии против СССР, 18 июня между Турцией и Германией был заключен пакт о дружбе и ненападении. При этом сохранялся и союз с Англией (Франция была оккупирована), оформившийся ещё в мае 1939 г. Уместно вспомнить сохранявший свою силу, неоднократно продлеваемый и модифицируемый, Парижский договор 1925 г. о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией. К этим дипломатическим документам турецкое правительство периодически и всегда в подходящее для него время обращалось, чтобы свидетельствовать о том, что страна вынуждена оставаться в стороне от мировой войны.

Стало очевидно, что доверия у двух стран друг к другу не осталось. Уже со времен Монтрё СССР не слишком доверял Турции, а теперь восторги в Турции по поводу того, что началось на полях сражений в СССР, кажется, привели в шок советское руководство. Турция же после подписания пакта Молотова—Риббентропа не только не доверяла своему северному соседу, но и боялась его, хотя и сочла обречённым на поражение в начавшейся войне с фашистской Германией.

Вместе с тем уже с первых дней войны СССР с Германией Турцию начинали беспокоить английские заявления относительно совместных действий с СССР. Турция потребовала от Москвы информации согласно договору 1925 г. о содержании англо-советских переговоров. Москва, со своей стороны, обвинила Турцию в нарушении конвенции Монтрё. Случилось то, чего опасались советские дипломаты в Монтрё по поводу обязательств турецкой стороны относительно запрета нечерноморским державам проводить свои военные суда через Проливы. Уже в июле 1941 г. имела место дипломатическая переписка между советской и турецкой сторонами относительно несоблюдения Турцией конвенции Монтрё. В первой советской ноте от 12 июля 1941 г. обраща-

лось внимание на пропуск турецкими властями 9 июля в Чёрное море через Проливы немецкого военного катера «Зеефальке» в нарушение действовавшей конвенции по Проливам²².

В переписке по этому поводу турецкие ответы сначала сводились к тому, что властям неизвестно об этом случае, затем, что судно «Зеефальке» имело немецкий торговый флаг и другие свидетельства торгового судна. В этом и в более поздних случаях, когда советская сторона высказывала соответствующие упреки, она в ответ неизменно получала пространные и поучительные «разъяснения», что речь идёт о торговых судах и Турция скрупулезно выполняет условия конвенции и не может их нарушать. Неслучайно в это же время шведская газета «Стокхолмс Тиднинген» опубликовала сообщение из Анкары о том, что будто бы Советский Союз и Великобритания заключили тайный договор, предусматривавший, в частности, признание «русских претензий на установление контроля над Босфором и Дарданеллами»²³.

Случаи такого нарушения Германией конвенции Монтрё продолжались и позже, пока её войска не были изгнаны Советской армией из черноморских портов. В 1944 г. эти попытки Германии были особенно заметны, немцы пытались выводить свои небольшие военные вспомогательные корабли, закамуфлированные под торговые. Часто они проходили как торговые под честное слово Папена. По требованию английских и советских дипломатов турки нехотя стали проверять некоторые суда и оказывалось, что они провозят вооружение, электронное оборудование, боеприпасы и даже переодетых в гражданское военных. Произошел случай, когда шедшее из Чёрного моря в Эгейское судно «Кассель» турки попытались досмотреть, но получили от экипажа отказ. Досмотр всё же состоялся и стало очевидно, что это – вспомогательное военное судно с 9-миллиметровой броневой обшивкой, перевозившее 30-тонный кран и тяжёлую пулемётную установку²⁴.

Очевидно, что, несмотря на объявленный нейтралитет и стремление правящих кругов Турции избежать её вовлечения в войну на стороне одной из воюющих сторон, в этих кругах были влиятельные группировки, симпатизировавшие либо Англии, либо фашистской Германии. Но какими бы симпатиями или антипатиями в отношении названных держав ни различались эти группировки (а многие из них не доверяли Германии, опасаясь её вторжения в Турцию), они были едины в одном, когда демон-

стрировали открытую враждебность к СССР в самые трудные для него дни и месяцы. Одни их представители могли заявлять об этом публично, другие, ввиду занимаемых ими официальных постов, делали это в конфиденциальных беседах. Дело не ограничилось Проливами, обнаружилась в это грозное для советского государства время другая опасность – попытки упомянутых турецких группировок спровоцировать раскол страны. Суть этой опасности проявилась менее, чем через два месяца после нападения фашистов на СССР во время беседы в Берлине статс-секретаря германского МИД Вейцзеккера с турецким послом в Берлине Хюсревом Герееде. Как докладывал Вейцзеккер Риббентропу в начале августа 1941 г., турецкий посол навёл разговор на тему о пограничных советских племенах тюркского происхождения на советской территории. Он обратил внимание на возможность антисоветской пропаганды через эти тюркские племена. Потом он довольно откровенно заявил о том, что впоследствии можно объединить кавказские народы в одно буферное государство, и намекнул, что на восток от Каспийского моря также могло бы возникнуть самостоятельное тюркское государство. Герееде не замедлил затронуть основной вопрос, охарактеризовав Баку как город, где всё население говорит по-тюрки ²⁵.

Так уже с первых месяцев советско-германской войны и дружеского нейтралитета с Германией заметно активизировались крайние формы турецкого национализма – шовинизм, расизм, пантуранизм (пантюркизм), фашизм. Не воевавшая Турция внимательно и подчас благосклонно выслушивала идеологов и дипломатов рейха о скором крушении СССР и готовности фашистов «поделиться» с Турцией некоторыми советскими территориями на Кавказе, в Крыму и в Средней Азии, населёнными тюрками. На наш взгляд, такого не случилось бы при Ататюрке, будь он жив. Как прагматик он прекрасно осознавал наличие подводных камней в отношениях его республики с коммунистическим режимом на севере и, учитывая эти «камни», находил всё же способы сохранять с СССР добрососедские отношения. Во всяком случае, памятуя о «руке дружбы», протянутой с севера кемалистам в дни битвы на Сакарье, аналогичным образом в дни битв под Москвой, под Сталинградом, он именно в такое смертельно опасное для Москвы время не позволил бы «разгуляться» пантюркистам, которых и в его время было достаточно.

На «тюркскую» тему Папен 28 августа 1941 г. беседовал и с президентом Турции И. Инёню. В ответ он не услышал резкой отповеди, ему было лишь сказано, что «по этим темам можно будет поговорить только после поражения Советов и только тогда у Турции появится желание говорить об этом». В такого рода полуофициальных беседах члены турецкого правительства не заходили слишком далеко – не далее создания в данном регионе буферного государства, тесно сотрудничающего с Турцией. Пантуранистские же круги Турции стремились к непосредственному присоединению этих территорий и для осуществления этого хотели немедленно вступить в войну на стороне Германии. С другой стороны, переселенцы и беженцы, националистические лидеры тюркского происхождения в Турции и Германии были намерены договориться с Германией о том, чтобы в районах германской оккупации создать независимые тюркские государства. Подход же Германии был совершенно иной: чтобы облегчить победу над Советами и развалить их изнутри, среди тюркских народов на оккупированных землях действительно следовало проводить пропаганду националистических взглядов и устанавливать контакты с лидерами сторонников независимости. Однако основной целью этих мер должна быть германская колонизация указанных земель по причине их богатых природных ресурсов.

Осенью 1941 г. Инёню направил на Восточный фронт начальника военной академии Йылдыз Али Фуад Эрдена и специалиста по советско-германской войне отставного генерала Эркилета. Они объездили с 15 октября по 5 ноября некоторые города военных союзников немцев – Болгарии, Румынии, а также посетили оккупированные Одессу и Николаев, побывали в лагерях советских военнопленных, беседовали с «военнопленными тюркского происхождения», были приняты Гитлером. Папен затем доносил в Берлин, что оба генерала на встречах с ним высказали удовлетворение предоставленной немцами возможностью, что итоги поездки генералы немедленно доложили Инёню, причём Эрден сообщил Инёню, что «война с Советами вот-вот должна закончиться». На этой шестичасовой встрече присутствовали также Сараджоглу и Чакмак²⁶. Несколько ранее, в сентябре, в Берлине побывал «пантюркист со стажем» Нури-паша, брат Энвера, для установления пантуранистами «полуофициальных» отношений с Германией. Он встречался и с послом Геререде. Целью поездки

было ознакомить Берлин с программой пантуранистов Турции по кавказской проблеме. Она, в частности, предусматривала создание в этом регионе независимых государств, политика которых определялась бы Турцией. Речь шла о Крыме, Азербайджане, Дагестане, Волго-Уральском районе, Туркестане, Северном Азербайджане. Нури-паша утверждал, что «окончательный разгром СССР зависит от прочности связей между Турцией и Германией». Он уверял Вейцеккера, что хорошо знает Кавказ, где может возникнуть восстание с участием ста тысяч людей. Он называл политику Ататюрка по вопросу национальной границы оппортунистической, в ситуации, когда Германия разгромила Советы, такая политика исчерпала себя. «Неизвестно, в какой мере Нури-паша представлял турецкое правительство, однако, действительно, это правительство обдумывало создание в этом регионе буферных тюркских государств – независимых, но управляемых Турцией и полуофициально об этом заявляло». Автор (Кочак) пишет, что по рекомендациям Нури-паши в Германии началось формирование воинских частей из пленных мусульман тюркского происхождения. По официальным данным на 22 декабря 1941 г., число названных пленных достигало 200 тысяч. В 1942 г. было сформировано несколько боевых подразделений по территориально-национальному происхождению, все они относились к 162-й тюркской дивизии. Помимо тюркских частей, сюда входили грузинские и армянские части²⁷. Поддержка грузинских и армянских националистов была важной составляющей германских планов в отношении народов Кавказа. Согласно архивным исследованиям и докладам разведывательных комиссий немцы заявляли представителям Армении и Грузии, что после провозглашений их республик армяне и грузины должны «приготовиться к победоносной и священной войне против давнего угнетателя – Турции»²⁸.

Путь турецких визитеров на оккупированные фашистами южные территории Советского Союза, как правило, пролегал через Берлин, где не обходилось без визитов к Геббельсу или Гитлеру и почти обязательного обсуждения планов создания кавказской федерации и Великого Туркестана. Владелец газеты «Джумхуриет» Надир Нади описывает, например, в своих мемуарах, как обхаживали тогда фашисты турецкие власти, журналистов. Он сам, будучи мобилизованным в армию, получил в 1942 г. возможность

отправиться в составе делегации журналистов в Германию, а затем в оккупированные районы СССР. Делегацию принимал Гебельс, потом она направилась в оккупированный фашистами Крым, где были организованы встречи с татарами ²⁹.

В начале 1942 г. в Анкаре произошло неудавшееся покушение на Папена. 24 февраля от взрыва свёртка в руках погиб шедший по бульвару Ататюрка в сторону района Чанкая мужчина, было ранено несколько прохожих. Позже было установлено, что погибшим был переселенец из Югославии, студент Стамбульского университета Омер Токат. Вскоре были задержаны два его товарища, Абдурахман и Сулейман. Арестованные заявили, что покушение было якобы организовано находившимися в Турции советскими дипломатами с целью убийства фон Папена. Он действительно прогуливался недалеко как раз в момент взрыва, целью заговора было втянуть Турцию в войну на стороне СССР ³⁰.

После этого турецкие спецслужбы немедленно организовали охоту на двух советских граждан – сотрудника советского генерального консульства Георгия Павлова и эксперта по транспортным операциям торгпредства Леонида Корнилова. Драматические события этого громкого дела детально описаны в книге Ю. Батурина «Досье разведчика». Сразу следует сказать, что даже хорошо ознакомившись с архивом своего отца Батурина М.М. (1904–1978 гг.), советского разведчика, в разных рангах работавшего в Турции в 1941–1947 гг. под именем М.М. Бакланова, Ю.М. Батурин не утверждает, что покушение было организовано советской разведкой. Как он пишет, официальная позиция Службы внешней разведки РФ следующая: «В архиве СВР России документов, свидетельствующих в пользу этой версии, нет». Однако из книги П.А. Судоплатова ему известно о том, что «Сталин приказал ликвидировать фон Папена» и что «попытка покушения оказалась неудачной», но он приводит в своей книге и другие версии, например, утверждение одного из сотрудников немецкой разведки В. Хёттля, постоянно следившего за Папеном (в связи с событиями в «ночь длинных ножей» в 1934 г.) по приказу руководителя спецслужб Германии Р. Гейдриха: «Предположение, что попытка покушения на его жизнь в Анкаре, которую приписывают русским, была в действительности делом Гейдриха» ³¹. В конце концов, если не в ликвидации, то, по крайней мере, нейтрализации Папена, удалении его из Турции не меньше советских властей

были заинтересованы англичане и те близкие к Инёню турки, которые любой ценой готовы были сохранить нейтралитет страны, тем более что они и сами опасались в одинаковой мере и тех, и других. Ведь Папен стал послом в Турции отнюдь не по инициативе последней, скорее наоборот. Организовать такой заговор и затем изобразить дело как столкновение двух противников на арене тайной войны турецким спецслужбам ничего не стоило³².

Итак, Турция, продемонстрировав уже в который раз «дружественный нейтралитет» в отношении Германии и в такой же мере недружественный в отношении СССР, предъявила советскому посольству ультиматум о выдаче Павлова и Корнилова. То, что они являлись сотрудниками советских спецслужб, власти Турции, без всякого сомнения, догадывались и теперь были намерены доказать, что именно Павлов и Корнилов организовали покушение на Папена. Турецкий ультиматум Генконсульству СССР был отклонён, после чего это обладающее правом экстерриториальности советское учреждение в Стамбуле, где находился Павлов, было подвергнуто блокаде³³.

В тот же день, 5 марта 1942 г., в три часа пополудни от перрона столичного вокзала отошёл поезд Анкара–Эрзерум. В одном из купе вагона первого класса расположились второй секретарь посольства СССР в Турции Михаил Кузнецов и сотрудник торгпредства Леонид Корнилов. В последнюю минуту в купе появился ещё один пассажир-турок, в котором они без труда распознали полицейского агента. В соседнем вагоне отдельное четырёхместное купе заняли дипкурьеры НКВД Никитин и Хохлов, сопровождавшие дипломатическую почту в Советский Союз. Когда поезд остановился на станции Кайсери, в купе дипкурьеров вломилась группа полицейских и людей в штатском³⁴.

Другая группа полицейских ворвалась в купе Кузнецова и Корнилова, им вывернули руки и, нанося удары, потащили в тот же полицейский участок. Корнилов успел заметить, что поезд был оцеплен солдатами, державшими винтовки наизготовку. Чувствовалось, что операцию подготовили основательно. Правда, было непонятно, при чём здесь, в любом случае, дипкурьеры³⁵.

Осуществив в Кайсери в результате грубой силовой акции захват Корнилова, невзирая на протесты советской стороны, полиция стала готовиться к штурму территории советского Генерального консульства и его помещений. Стало очевидно, что

штурм неизбежен. Кроме того, из-за глухой осады в консульстве кончились продукты. Мордвинов (он же Павлов), чтобы сохранить ценнейшую секретную документацию, принял решение выйти добровольно.

1 апреля 1942 г. начался суд. Георгий Павлов и Леонид Корнилов категорически отрицали свою вину, в то время как Абдурахман Сайман и Сулейман Сагол её признавали. Они утверждали, что покушение совершено по заданию советского правительства, чтобы подорвать хорошие отношения между Турцией и Германией и вовлечь Турцию в войну на стороне СССР. В этом случае русские могли бы использовать территорию Турции для защиты своих южных флангов³⁶.

В целом процесс сложился не в пользу подсудимых. Журналист Эмин Каракуш следил за процессом, за его нарушениями. Он писал потом в своих воспоминаниях: «Суд решил, что подсудимым адвокат не нужен, это решение бросилось в глаза». Суд отверг просьбу прибывшего из России юриста оказать правовое содействие подсудимым. Автор отмечал также, что некоторые странности так и остались без ответа, высказывались сомнения в определении личности убитого. Судьи торопились вынести приговор, что и произошло 17 апреля 1942 г. Корнилов и Павлов были приговорены каждый к 20 годам тюрьмы, Абдурахман и Сулейман – к десяти каждый. Прокурор опротестовал приговор и расследование было продолжено в декабре, при этом Сулейман отказался от прежних показаний против обвиняемых русских. На этот раз приговор был смягчен с 20 до 16 лет³⁷.

Как справедливо отмечала Р.С. Корхмазян, «приветствуя факт нападения Германии на Советский Союз, откровенно проявляя свою заинтересованность в германской победе над СССР», значительная часть правящих кругов Турции в то же время не была заинтересована в конечной победе ни Англии, ни Германии. Поддерживая Германию в войне против Советского Союза, турецкие правящие круги предполагали, что Германия победит в войне, но закончит её ослабленной, пойдя затем на компромиссное урегулирование англо-германского конфликта³⁸.

Лето и затем осень 1942 г. были отмечены успехами немцев на Северном Кавказе, их армии продвигались к Грузии и Азербайджану, всё ближе к турецкой границе, за этим внимательно следили и в Советском Союзе, и в Турции. Советское командование

вынуждено было укреплять фронт против немцев и одновременно проводить оборонительные меры на случай вторжения турецких войск. В августе работавший в Генштабе генерал С.М. Штеменко докладывал в Кремле о ситуации на Кавказе. Он пишет в своих мемуарах: «Когда стало очевидно, что немецко-фашистские войска обязательно будут пробиваться на юг вдоль Каспийского побережья и через Кавказский хребет, перед нами очень остро встал новый неотвратимый вопрос: не поддержат ли их турецкие сторонники. Если в Иране все обстояло теперь относительно благополучно, то с Турцией было иначе. В середине 1942 г. никто не мог поручиться за то, что она не выступит на стороне Германии. Неспроста ведь на границе с Советским Закавказьем сосредоточились тогда двадцать шесть турецких дивизий. На случай, если турецкое наступление пойдет через Иран на Баку, принимались необходимые меры предосторожности и на ирано-турецкой границе». Перечисляя силы Закавказского фронта, автор писал, что всех этих сил было явно недостаточно. По предложению Генерального штаба началась спешная переброска войск из Средней Азии и иных мест³⁹.

Ситуация сложилась действительно опасная, она определялась в немалой степени и организацией здесь тайных операций против вооружённых сил и местной власти. Вот что вспоминал об этом Вальтер Шелленберг: «В 1942–1943 годах нам, благодаря плодотворному сотрудничеству с турками, удалось забросить из Турции в южные районы России и за Урал агентов восточных национальностей, представителей кавказских и тюркских народностей, прошедших особенно основательную подготовку. Они ... передавали нам неплохую информацию. В Турции, в городе Игдыре, немцы создали “Кавказскую организацию”, состоявшую и действовавшую под видом фирмы, торговавшей овчиной. Организация располагала значительными средствами, оружием и кадрами. Члены организации проникли в Баку, Тбилиси, Кировабад, Нахичевань и другие города Кавказа».

Германское военное руководство, готовя летнее наступление 1942 г. на Северном Кавказе, нацеливало свои и турецкие спецслужбы на формирование так называемых «чёрных партизанских отрядов» в пограничной полосе Турции для совершения диверсионно-террористических актов и организации повстанческого движения на территории СССР. Такие отряды появились уже в

июле-августе 1941 г. Руководители немецкой и турецкой разведок хотели приурочить их действия к моменту наступления немецких войск на Кавказе. Во время встречи с Бенито Муссолини в Зальцбурге 29–30 апреля Гитлер заявил, что Турция медленно, но верно идёт по направлению к «оси».

22 апреля 1942 г. НКВД СССР за подписью Берии сообщал в Государственный комитет обороны: «Командование турецкой армии приступило к переброске войск из всех районов Анатолии на восточную границу. Военские части, расположенные в районе г. Битлис, спешно перебрасываются в район г. Карс. Высший командный состав турецкой армии настроен пронемецки и склонен вступить в войну на стороне Германии. Эти сведения, по сообщению источника, передавшего их нам, исходят из осведомлённых военных кругов Турции»⁴⁰.

По словам генерала Штеменко, 24 августа 1942 г. в Закавказье было введено военное положение. «Все войска, организованно отходившие с севера, сажались в оборону на Тереке, в предгорьях Кавказского хребта, на туапсинское и новороссийское направления. На главном, бакинском, направлении 28 августа стала формироваться 58-я армия. В районе Кизляра сосредоточивался сводный кавалерийский корпус. Было решено создать оборонительные районы оперативно важных центров. Всего таких районов насчитывалось три: Бакинский особый, Грозненский и Владикавказский»⁴¹.

Ожесточённые бои шли на Тереке. Там наступали 1-я танковая армия и несколько армейских корпусов противника. Удар наносился с расчётом вырваться одновременно на Каспийское побережье и к Военно-Грузинской дороге. Однако ни там ни тут немецкие войска не получили успеха. Борьба на подступах к Орджоникидзе и Грозному окончилась для них полной неудачей и большими потерями, до грозненской и бакинской нефти враг добраться не сумел. А заодно провалился и его замысел открыть себе путь на Ближний Восток⁴². В январе 1943 г. Кавказ был очищен от гитлеровских войск.

Чтобы картина явной и тайной борьбы в 1942–43 гг. за Кавказ была полнее, следует вспомнить, что тогда же активизировалась деятельность давней горской и закавказской эмиграции, базировавшейся и в Турции, и за её пределами. Летом 1942 г., когда вермахт выдвигался на Северный Кавказ, в Анкару со своего рода

демонстрационной миссией были командированы потенциальные гаулейтеры Азербайджана и Грузии, назначенные Гитлером в преддверии оккупации этих советских республик немецкими войсками ⁴³.

О тревожной ситуации в те времена на Северном Кавказе напоминает в своей книге Г. Трошев: «Стоило только проявиться признакам ослабления центральной власти с началом Великой Отечественной войны, как пламя сопротивления вспыхнуло вновь... В Шатое и Итум-Кале выступил со своими сторонниками М. Шарипов... Вскоре отряды Шарипова и Исраилова объединились. Повстанцы выпустили воззвание к народу, в котором говорилось, что кавказцы ожидают немцев как гостей и окажут им гостеприимство только при признании их независимости» ⁴⁴.

Как пишет Кочак, от маршала Чакмака в 1942 г. через посредников поступило обращение в Анкаре к фон Папену: «В турецкой армии находится много офицеров – выходцев с Кавказа и Азербайджана, близко знающих данный регион. В случае успеха германского наступления будет обеспечена отправка их туда». В планах Чакмака такие действия увязывались с намерением направить турецкие войска, если Турция начнёт войну с СССР, прежде всего на Баку – по проторенной «младотурецкой» дороге ⁴⁵.

В июне-июле 1942 г. Турция провела военные манёвры на своей кавказской границе и увеличила там численность войск. 10 октября глава правительства Сараджоглу заявил: «В высшей степени естественно, что Турция не остаётся равнодушной к 40 миллионам советских граждан тюркских корней». Понимая, что почти невозможно в тех условиях реализовать пантуранистские планы объединения региона с Турцией, Сараджоглу говорил о поиске способов создания «сильного культурного воздействия Турции» на эти районы. «Сначала следует прислать на учёбу в Турцию из этих регионов тысячи учащихся, а во время этой учёбы пробудить тюркский национальный дух, доселе остающийся у этих масс под гнётом». В одном из сообщений Папена говорится: «Сараджоглу как турок страстно хочет разгрома Советского Союза, это событие турецкий народ ждал столетия. Гитлер откроет новую эру, если сумеет это осуществить. Ни один турок, даже безусловный сторонник англичан Хюсейн Джрахит Ялчин, в этом вопросе не думает иначе. Лишь убив половину русских, Германия сможет решить эту проблему и полностью спасти от русского

влияния русифицированные регионы национальных меньшинств, поднять их с колен, воспитать как союзников Оси и врагов славыянства. Сараджоглу отметил, что он не знает, как Гитлер намерен решать будущее этих регионов. Но поскольку большинство населения их составляет тюркская раса, то естественно и справедливо, что Турция чувствует близкую заинтересованность в том, каким будет решение проблемы». В одном из приложений книги Кочака (№ XIII) показано, сколь обильно и яростно сопровождала в 1941–1943 гг. приведённые выше высказывания пантюркистская и независимая пресса («Бозкурт», «Тюрк юрду», «Джумхуриет» и др.) с их постоянными авторами ⁴⁶.

Национализм и мировая война

Рост влияния пантюркистской идеологии в годы войны отразился не только на внешнеполитических планах турецкой элиты, касавшихся многонационального СССР. В полной мере это проявилось и во внутренних акциях властей, обратившихся к младотурецкой идеологии пантюркизма и обновлённой концепции расизма, предложенной в турецком варианте Нихалем Атсызом (1905–1975 гг.) и именуемой часто пантуруанизмом. Его работы весьма широко распространялись наряду с работами других пантуруанистов во второй половине 1930 – 1940-х годах в соответствующих журналах и книгах.

Некоторые западные авторы, например Поултон, уверены, что при Инёню ситуация в сфере государственной идеологии ухудшилась. Они без всякого сомнения называют Инёню (как и близкого ему по духу маршала Февзи Чакмака) «крайним националистом, ненавидевшим иностранцев». Кемалистским афоризмом «какое счастье называться турком» были украшены школы и армейские казармы по всей стране, он бросался в глаза во всех общественных местах. В таких условиях не оставалось места для отдельной курдской идентичности. Им надлежало быть «горными турками» в кемалистском государстве ⁴⁷.

В годы Второй мировой войны панисламизм ещё не мог претендовать на столь широкую негласную поддержку, какой имел тогда пантуруанизм и пантюркизм. Об этом можно судить по молодым годам такого влиятельного религиозного лидера, каким стал в последние десятилетия XX века Н. Эрбакан. Один из его

биографов пишет, что когда Эрбакан был студентом третьего курса Технического университета (в 1944 г.), «в университетах началось расистско-туранистское движение» под руководством таких активистов, как Реха Огуз, Нихаль Атсыз, Фетхи Тевелоглу. Молодой Эрбакан и учившийся с ним Сулейман Демирель испытали влияние расистско-туранистских писателей, правда, не в такой степени, как братья Озалы – Тургут и Коркут, которые участвовали в разгроме 4 декабря 1945 г. редакции социалистической газеты Тан. Можно с большой вероятностью допустить, что в этом участвовал и Неджметтин Эрбакан, поскольку был известен как активный участник политических споров. Братья Озалы были столь активны, что носили на лацканах значки с изображением волка. Однако Неджметтин и Сулейман дальше чувства симпатий к расистам-туранистам не шли ⁴⁸.

С участием властей эта идеология смогла «эффективно» проявить себя в экономике. В попытках захватить господствующее положение в хозяйственной жизни страны турецкая национальная буржуазия действовала не только методами, характерными для В. Коча, постепенно вытеснявшего из выгодных сфер торговли конкурентов-немусульман. В годы Второй мировой войны был введён так называемый налог на имущество («варлык вергиси»), разоривший многих владельцев торгового капитала – греков, армян, евреев. Взыскание налога сопровождалось конфискацией и распродажей имущества недоимщиков, а затем и судебным преследованием тех, кто так и не смог расплатиться. По суду было арестовано более 2 тыс. человек, причём среди арестованных не оказалось ни одного мусульманина. Большинство осуждённых (1400 человек) подверглись ссылке на принудительные работы, включая горные рудники ⁴⁹.

Вехби Коч в своих мемуарах пишет, что этот налог распространялся и на турок, в каждой провинции были созданы комиссии, определявшие условия налога. Так, В. Коч после всех льготных скидок уплатил 600 тыс. лир – огромную по тому времени сумму. Он смог это сделать хотя бы уже по той причине, что в годы войны власти платили ему огромные комиссионные за импорт в страну грузовиков ⁵⁰.

Налог на имущество власти представляли как борьбу за социальную справедливость. В предложениях правительства (по министерствам), представленных в 1943 г. 6-му съезду НРП в

связи с готовившимися изменениями программы партии, о налоге на имущество было сказано: «Этот недавно принятый налог имеет целью, с одной стороны, ликвидировать социальную несправедливость, возникшую из-за обогащения некоторых деловых и состоятельных слоёв в ущерб другим в обстановке вызванной войной трёхлетней экономической дестабилизации; с другой стороны, он предполагает обеспечить более весомое участие в покрытии государственных расходов на четвёртом году войны тех слоёв общества, которые более всего выиграли оттого, что Турция остаётся невоюющей страной»⁵¹.

В нынешней Турции уже трудно найти человека, который оправдывает этот налог. Этьен Махчупьян писал в 2001 г. о нём, что действительно, «военное время вынуждало власти искать дополнительные источники для пополнения бюджета, и в частности повышать налоги и вводить новые. Чрезвычайные налоги были введены и в других странах. Правильно и то, что *варлык вергиси* не был единственным введённым тогда налогом». Однако всё, что было проделано сверх сказанного, стало направленной против немусульман политикой, осознанного лишения их имущества. Согласно намерениям властей мусульманам не следует беспокоиться, так как его цель – немусульманская часть общества. На бумаге вышедший закон выглядел уравновешенным, но в действительности главной его сутью было разделение налогоплательщиков по трём спискам – мусульмане, дёнме (обращенцы в ислам) и немусульмане, причём на немусульман были установлены размеры налога, не сравнимые с двумя другими категориями. В комиссиях по исполнению закона не было ни одного немусульманина. От этих комиссий требовалось определить размеры налога по всем плательщикам в течение 15 дней. Однако на практике, если бы заниматься этим комиссией все 24 часа, за 15 дней можно было учесть лишь треть налогоплательщиков. Очевидно, что размеры налога определялись произвольно. При всех равных условиях получалось, что на акционера-немусульманина размер налога был в среднем в десять раз выше, чем налог на мусульманина. Среди внесённых в списки плательщиков примерно 26 тыс. человек не обладали никаким состоянием, они с трудом сводили концы с концами. Ни одного мусульманина с такими условиями существования в списках не было.

Поскольку срок уплаты денег устанавливался в 15 дней, немусульмане вынуждены были распродавать своё имущество по стоимости, намного ниже аукционной. Хотя оспаривать размер налога было нельзя, некоторые предприниматели-мусульмане негласными способами это делали и добивались его снижения. Не уплатившие налог немусульмане, согласно принятым затем постановлениям осуждались на физический труд, их насчитывалось примерно 1380 человек. Они были затем разделены на три группы и отправлены в три лагеря. «Разгром немцев под Сталинградом, — пишет автор статьи, — положил конец этим действиям, те, кто так и не уплатил, были прощены, сосланные же вернулись домой»⁵².

Как свидетельствует пример с налогом на имущество, все авторитарные, в том числе идеологические, меры распространялись в годы войны и на экономику, которая в условиях нейтралитета могла рассчитывать на выгоды, особенно от экспорта. Ведь даже сельскохозяйственная продукция страны, включая продовольствие и сырьё, после трудностей сбыта в период мирового кризиса, стала стратегическим товаром. Сразу отметим без излишней детализации, что предприниматели, действовавшие в этой сфере (табак, хлопок, зерно, скот, сухофрукты и т. д.), обогатились благодаря войне более и быстрее всех других. Именно они стали лидерами частного предпринимательства в последующие годы.

Но особенно стремительно в среде экспортёров обогащались поставщики хлопка, ставшего стратегическим сырьём. Они поставляли хлопок с выгодой и внутри страны по закупкам Сумербанка, фабрики которого не испытывали трудности со сбытом, особенно военного обмундирования. В эти годы нажили миллионные состояния нынешние короли хлопка в Адане, Измире, контролирующие сейчас значительную часть производства в стране хлопчатобумажной пряжи и тканей. Другое дело, что организация импорта, прежде всего инвестиционных товаров (машины и оборудование), стройматериалов (цемент, прокат), потребовала больших затрат и усилий, учитывая географическое положение страны, оказавшейся в окружении воевавших между собою государств. Но и в этой сфере обладатели достаточного первоначального капитала, тот же Коч, сумели обогатиться по нормам максимальной прибыли. Ведь крупным потребителем промышленной продукции, готовых изделий и сырья, а также строитель-

ным заказчиком, стал государственный сектор, представленный ГЭО. Его верхушка, тесно сотрудничая с посредником-частником, также накопила в немалых объёмах первоначальный капитал. Классическим для Турции примером метаморфозы госкапитала в частный может быть Кязим Ташкент, в годы войны генеральный директор ГЭО «Управление сахарных заводов Турции», затем, после войны, учредитель первого общенационального частного банка страны и системы его дочерних компаний по различным отраслям экономики.

Упомянутый налог на имущество не был каким-то крайним исключением в вопросах вмешательства власти в экономику и в целом в жизнь общества. Хотя Турция не участвовала в войне, вся её внутренняя политика приобрела чрезвычайный характер, диктовалась законами военного времени с явным преобладанием, абсолютизацией этатистской составляющей. В 1938/39 финансовом году прямые военные ассигнования составляли 30% расходной части бюджета, в 1944/45 г. – более половины ассигнований, то есть увеличились более чем в 5 раз⁵³. Был увеличен призыв в армию, в итоге вплоть до 1950-х годов рост городского населения (как показатель формирования наёмной рабочей силы) был незначительным. Эта «чрезвычайщина» была юридически узаконена принятым в 1940 г. Законом о национальной защите, регламентировавшим многие сферы внутренней жизни страны, включая экономику. Так, статья 19 закона разрешала увеличивать на 3 часа рабочий день, использовать детский труд в промышленности, подростков – на шахте. В комментарии к этой статье отмечалось: «Те, кто не призван на защиту родины, должны работать больше, работать даже в дни отдыха». Правительственное решение, принятое в декабре 1941 г., устанавливало, со ссылкой на статью 19, новые условия труда женщин и подростков, отменявшие ограничения на использование их на тяжелых работах.

Даже после войны, в 1947 г., разрешалось увеличить на 3 часа ежедневно оплачиваемый рабочий день в каменоломнях, в цементной промышленности. Аналогичные решения принимались и позднее, в начале 1950-х годов, то есть при многопартийном «либеральном» режиме, когда европеизация Турции трансформировалась в военно-политическое сотрудничество. Например, на сооружения гидроузла Эльмалы под Стамбулом рабочий день, в нарушение закона о труде, был в 1952 г. увеличен на два часа,

вплоть до окончания строительства. Такие же решения были приняты во время строительных работ в Измирском порту в 1953 г., на строительстве аэродромов в Адане, Батмане, Мерзифоне.

Жёстко регламентировался и сбыт промышленной продукции. Например, одна из статей закона гласила: «Правительство может закупать продукцию промышленных и горнорудных предприятий с доплатой к себестоимости товара определённого процента прибыли. Правительство может продавать эту продукцию, распределять её, накапливать и транспортировать». Очевидно, что статья признавала за государством право по своему усмотрению распоряжаться указанной продукцией, перепродавать её по нормативным ценам. Целый ряд других статей закона давал властям право декретировать себестоимость товара, размер прибыли, комиссионные, транспортные наценки. Контролировались цены на невытую шерсть, хлопок и пряжу, ткани, цемент, стекло, гвозди, железо, медь. Однако закон не предотвратил инфляцию и спекулятивное обогащение некоторых групп частного капитала ⁵⁴.

Как важный статистический шаг в годы военной экономики следует отметить принятие в 1944 г. закона о создании Общества снабжения сельского хозяйства («Зираи донатым куруму»). Задачи были поставлены обширные: обеспечить технические нужды сельского хозяйства, снабжать его сельхозмашинами и орудиями, удобрениями, средствами защиты агросферы – как за счёт внутренних возможностей, так и импорта. Последующая деятельность этого ГЭО действительно ускорила модернизацию этой сферы производства. Для организации снабжения различных потребителей нефтепродуктами, прежде всего армии, было создано другое крупное государственное объединение Офис нефти («Петроль офиси»).

Продолжалось государственное промышленное строительство, росло число инфраструктурных объектов, в том числе в социальной сфере – больниц, школ, вузов, техникумов ⁵⁵. В течение всего периода войны уделено было внимание созданию сети так называемых сельских институтов. Соответствующий закон о сельских институтах был принят 17 апреля 1940 г. Статья 1-я определяла его цели: «В местностях, располагающих пригодными для ведения сельского хозяйства землями, с целью подготовки сельских учителей и других сельских специалистов, министерство просвещения открывает сельские институты». Ст. 3-я гласила: «В инсти-

туты принимаются, путем отбора, здоровые и способные деревенские дети, получившие полное начальное образование. Полный срок обучения в институтах – минимум пять лет»⁵⁶.

За первые пять лет действия закона, главным образом в 1940–1943 гг., было открыто 18 таких училищ в деревнях различных вилайетов – Кайсери, Малатья, Карс, Кастамону и др. В этот период в них обучалось 12 198 учащихся и работал 401 преподаватель. Менее всего учащихся (150) было в дер. Пулур (Эрзурум), более всего (1310) – в дер. Чифтелер (Эскишехир)⁵⁷. Создание этих сельских училищ приветствовали демократические силы страны. Журналист, издатель газеты «Ватан» Ахмет Эмин Ялман (1888–1972 гг.) написал в 1944 г. об этом событии книгу, назвав её «Путешествие в завтрашнюю Турцию». Считая, что это – доброе и подающее надежду дело, он утверждал, что такие училища в турецкой деревне могут стать «прототипом будущей Турции»⁵⁸. Однако эта попытка в духе кемалистского просветительства так и не получила развития, вскоре последовали меры реформирования школы, «из-за происков консерваторов их жизнь оказалась короткой, предусмотренные при их создании функции были в 1946 г. утрачены»⁵⁹.

Военная обстановка не позволила властям приступить к проведению намеченной перед войной земельной реформы. Однако полностью процесс постепенного перехода части государственных земель в руки крестьян не прекращался на всём протяжении периода с 1923 по 1945 гг. В указанные сроки власти передали за выкуп или безвозмездно в собственность земледельцев около 1,1–1,2 млн. га пригодных для обработки земель, что эквивалентно 10% обрабатывавшихся в то время сельскохозяйственных площадей. Всего земельными собственниками стали около 270 тыс. семей⁶⁰.

Завершающий этап мировой войны

Возвращаясь к главным внешнеполитическим заботам Турции этого периода Второй мировой войны, следует отметить, что они претерпели значительные перемены в процессе постепенного наращивания успехов антигитлеровской коалиции. На советско-германском фронте, к которому, безусловно, было приковано пристальное внимание также и турецких властей, в зимней кампании

1942–43 гг. основными военными событиями были Сталинградская и Северо-Кавказская наступательные операции, прорыв блокады Ленинграда. Красная Армия продвинулась на запад на 600–700 км. Затем в летне-осенней кампании 1943 г. решающим событием стала Курская битва. К маю 1943 г. англо-американскими войсками была освобождена Северная Африка⁶¹.

В такой обстановке Англия продолжала свои усилия по привлечению Турции в союзнический блок, имея в виду добиться реализации своей стратегической задачи: в сотрудничестве с Турцией восстановить свое влияние в Восточном Средиземноморье и на Балканах и уже в этих условиях добиваться полного разгрома держав Оси вместе со своими союзниками. 30–31 января 1943 г. в окрестностях турецкого средиземноморского города Адана близ станции Енидже, в салон-вагоне, состоялась встреча У. Черчилля с президентом И. Инёню. Как вспоминает турецкий дипломат Эркин, «в ней участвовали президент, премьер Сараджоглу, глава МИД Н. Менеменджиоглу, министр внутренних дел Хильми Уран, начальник генштаба маршал Февзи Чакмак, командующий ВВС Шефик Чакмак и я. Другую сторону представляли Черчилль, от МИД Александр Кадоган, начальник генштаба сэр Алан Брук и командующие фронтами»⁶².

Наиболее важным было решение Англии и США снабдить Турцию современными видами вооружения, чтобы, как сказал Черчилль, «её территория, её интересы и права были эффективно защищены». Темпы англо-американских поставок должны были быть весьма быстрыми. «Мы можем, – говорил Черчилль, – дать ей (Турции) столько, сколько она в состоянии взять, и мы поставим это оружие так же быстро и даже быстрее, чем турецкие войска способны его освоить». В намерения Черчилля входило обеспечить поддержку Турцией его планов вторжения на Балканы, чтобы заменить этим проект открытия второго фронта в Западной Европе и вместе с тем создать для Англии выгодные политические позиции на Балканах до появления здесь Советской Армии. В свою очередь премьер-министр Турции Сараджоглу и другие руководящие турецкие деятели, а также турецкая печать выражали удовлетворение результатами Аданской встречи и подчёркивали незыблемость англо-турецкого союза, основанного на договоре 1939 г.⁶³

Черчилль сообщил Сталину свою версию встречи, информировал его о «длительных и самых дружеских беседах» в Адане, которые касались снабжения Турции «современным оружием», предоставлением пароходов для перевозки его из Египта. «Мы создаём в Анкаре смешанную англо-турецкую военную комиссию, чтобы улучшить коммуникации для перевозки военных материалов. Мы составляем совместные планы оказания им помощи, если они подвергнутся нападению со стороны Германии или Болгарии». Коснулся Черчилль и советско-турецких отношений: «Они, конечно, озабочены тем положением, в котором окажутся после войны, ввиду большой силы Советского Союза. Я сообщил им, что на основании моего опыта СССР никогда не нарушал ни обязательств, ни договоров, что сейчас для них настало время заключить выгодное соглашение и что самое надежное место для Турции – это место возле победителей как воюющей стороны. За столом мирной конференции... Я уверен, что они откликнулись бы на любой дружеский жест со стороны Союза Советских Социалистических Республик»⁶⁴.

Нет сомнения, что Черчилль смягчал реакцию Инёню на упоминание им своего советского союзника, в действительности она была жёстче и ни для кого не составляла секрета, выше были приведены высказывания представителей властной элиты Турции в дни ожидания разгрома СССР и победы немецкого оружия и в целом победы фашизма в Европе. О том, что она хорошо была известна и Сталину, ясно из его ответа Черчиллю 6 февраля 1943 г. «По поводу Вашего заявления о том, что турки откликнулись бы на любой дружеский жест со стороны Советского Союза, я считаю уместным напомнить, что с нашей стороны по отношению к Турции как за несколько месяцев до начала советско-германской войны, так и после начала этой войны был сделан ряд заявлений, дружественный характер которых известен Британскому Правительству. Турки не реагировали на шаги, опасаясь, видимо, разгневать немцев. Можно предположить, что предлагаемый Вами жест встретит со стороны турок тот же прием»⁶⁵.

Как явствует далее из переписки этих лидеров двух государств, между советскими и турецкими дипломатами была принята договорённость о начале переговоров. Однако из той же переписки следует, что и намного позже, в июле 1944 г., Сталин

констатировал в письме Черчиллю: «Вы, конечно, помните о том, как настойчиво Правительства трёх наших стран предлагали Турции вступить в войну против гитлеровской Германии на стороне союзников еще в ноябре и декабре 1943 г. Из этого ничего не вышло. Как Вам известно, по инициативе Турецкого Правительства в мае-июне этого года мы снова вступили в переговоры с Турецким Правительством и дважды предлагали ему то же самое, что предлагали в конце прошлого года три союзных Правительства. Из этого также ничего не вышло. Что же касается тех или иных полумер со стороны Турции, то в настоящее время я не вижу пользы в этом для союзников. Ввиду занятой Турецким Правительством уклончивой и неясной позиции в отношении Германии лучше оставить Турцию в покое и предоставить её своей воле, не делая новых нажимов на Турцию. Это, конечно, означает, что и претензии Турции, уклонившейся от войны с Германией, на особые права в послевоенных делах также отпадут».

Что же касается англичан, они начали интенсивно готовиться к новой фазе сотрудничества с Турцией, которая, как им казалось, благополучно завершится присоединением Турции к союзникам и совместным действиям согласно английским планам. Вскоре после Аданской встречи в Турцию прибыла английская военная миссия для наблюдения за ходом поставок и для оказания содействия турецкой армии по внедрению нового вооружения. Дальнейшим развитием англо-турецких отношений в духе Аданы явилась встреча Черчилля, Рузвельта и Инёню в Каире в декабре 1943 г., породившая в мировой печати упорные слухи о близком вступлении Турции в войну против гитлеровской Германии. Однако Турция, получая оружие от Англии и США, не прекращала своё многостороннее сотрудничество с Германией и воевать с ней не собиралась.

Упорно продолжал Черчилль развивать свой проект сотрудничества с Турцией и на Тегеранской конференции руководителей трех держав (28 ноября – 1 декабря 1943 г.), хотя в целом эта конференция занималась другими вопросами: о совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве трёх держав, об открытии второго фронта в Европе, о послевоенных границах Польши и т. д. Как отмечает историк А.И. Ганусец, на первом же пленарном заседании Черчилль завёл разговор о Турции, о том, чтобы убедить её вступить в войну.

«Это дало бы возможность открыть коммуникации через Дарданеллы и Босфор, и мы могли бы направить снабжение через Чёрное море. Кроме того, мы могли бы использовать турецкие аэродромы для борьбы против врага». Реплика И.В. Сталина о том, что четыре конвоя, отправленные Англией в северные порты Советского Союза, «пришли без потерь, не встретив на своём пути врага», была как бы не услышана Черчиллем. В ходе дальнейших переговоров в Тегеране выяснилось, что Черчилль пытался подменить вопрос о втором фронте на севере Франции более выгодным для Великобритании, но менее эффективным балканским вариантом – с привлечением Турции.

Глава советской делегации И.В. Сталин на заседании заявил: «Что же касается Турции, то я сомневаюсь, что Турция вступит в войну. Она не вступит в войну, какое бы давление мы на нее ни оказывали». Отвечая далее на неоднократные напоминания Черчилля о Турции, И.В. Сталин сказал: «Турция является союзником Великобритании и находится в дружественных отношениях с СССР и США. Надо, чтобы Турция больше не играла между нами и Германией». Именно это последнее обстоятельство, пишет Ганусец, «являлось главным в определении советской позиции по турецкому вопросу. Советский Союз, неся основное и наиболее тяжёлое бремя войны против гитлеровской Германии и её сателлитов, был заинтересован прежде всего в строгом соблюдении Турцией официально провозглашенного ею нейтралитета, который она неоднократно нарушала»⁶⁶.

В марте 1944 г. из полемики между английской и турецкой прессой стало известно, что турецкое правительство намерено по-прежнему воздерживаться от участия в военных действиях и что Англия поэтому прекращает поставки вооружения и отзывает свою военную миссию из Турции. Надир Нади вспоминает, что «начиная с первых недель 1944 г. английские газеты начали яростно критиковать наш нейтралитет. Даже “Таймс” не осталась в стороне: “Какие мы союзники? Получая от Запада необъятную помощь, Турция в ответ даже пальцем не шевелит”. В кампанию, начатую английской прессой в пользу отказа Турции от нейтралитета, постепенно включились политические круги Англии, в начале марта стали появляться сведения о прекращении поставок в Турцию оборудования и материалов. После этого, 20 апреля правительство приняло решение о приостановке продажи хрома в

Германию. Но этого оказалось недостаточным для нашего английского союзника. Они потребовали полного прекращения нашего экспорта в Германию, разрыва с ней всех отношений, предоставления союзникам баз на турецкой территории, вступления в войну на их стороне». 24 мая Черчилль в палате общин заявил следующее: «Наши надежды на то, что Турция в феврале или марте вступит в войну или, по крайней мере, предоставит необходимые для воздушных операций базы, оказались пустыми. Мы прекратили поставки Турции материалов из США и Англии, которые в 1943 г. обошлись нам в 20 млн. фунтов стерлингов». Вместе с тем Черчилль заверил, что симпатии в отношении Турции сохраняются и ей оказывается поддержка для принятия в создаваемую ООН.

Как пишет Надир Нади, «эти полузапугивание и полуодобрение, полуторговля показывают, со сколь острыми внешнеполитическими проблемами мы сталкивались тогда носом к носу. Не будем забывать, — пишет Н. Нади, — что немецкие войска не были изгнаны тогда ни из Болгарии, ни из Греции»⁶⁷.

15 июня 1944 г. И. Инёню отправил в отставку министра иностранных дел Нумана Менемеджиоглу, его политика «нейтралитета в пользу Германии» уже не соответствовала изменившейся международной обстановке — 6 июня произошла высадка союзников в Нормандии, завершалось изгнание с территории СССР фашистских войск, менялась власть у балканских соседей Турции. 2 августа власти Турции прервали все политические и экономические отношения с Германией. После всего этого вдруг выяснилось, что именно уволенный министр закрывал глаза на проход через Проливы немецких военных кораблей. «В результате экспертного (!) расследования выяснилось, — пишет Надир Нади, — что под видом немецких торговых судов действовали вспомогательные военные корабли, перевозившие зенитные орудия и другое военное снаряжение, что противоречило конвенции Монтрё». Ему вторит Эркин, он подробно описывает, как долго турецкие власти прикрывались конвенцией Монтрё, пропуская через Проливы немецкие военные корабли. Ни словом не упомянув давние протесты по этому поводу советской стороны, он пишет о протесте англичан⁶⁸.

В 1944 г. в стране происходили и большие внутренние перемены. По словам Надир Нади, ещё больше усилилась автори-

тарная власть и личный культ Исмета Инёню. Как и ранее, кандидатов утверждали Генеральный председатель НРП, премьер-министр и генеральный секретарь НРП. Всем кандидатам надлежало быть членом партии. Печатались почтовые марки с его портретом, учреждались премии имени Инёню, издавалась Энциклопедия Инёню, строился стадион Инёню ⁶⁹.

В мае 1944 г., когда исход войны уже стал очевиден, власти решили ограничить публичную активность расистов. В газетах было объявлено о существовании тайной туранистской организации и о начавшихся арестах её членов. Последовало заявление И. Инёню 19 мая 1944 г.: «Мы – тюркские националисты, но мы враги расизма в нашей стране... Туранисты находят тысячу и одно заклинание, чтобы немедленно превратить турецкую нацию во врага всех её соседей. Нашей национальной политике чужды намерения искать приключения за пределами своей страны, следует и внутри страны избегать этих авантюристических настроений».

7 сентября 1944 г. в Суде чрезвычайного положения Стамбула началось судебное расследование по делу о 23 человек, обвиняемых в расизме-туранизме, в том числе таких известных в пантюркистских кругах, как Нихаль Атсыз, Зеки Велиди Тоган, Хамза Сади Узбек и др. В итоге 29 марта 1945 г. 13 подсудимых были оправданы, 10 человек осуждены к тюремному заключению на 10 лет каждый. Через два года все эти осуждённые были амнистированы (освобождены они были ещё раньше, в октябре 1945 г.). Среди них был и молодой офицер Альпаслан Тюркеш, впоследствии, вплоть до своей смерти в 1997 г., лидер националистического движения в Турции ⁷⁰. В своей книге «Основные взгляды», вышедшей в марте 1975 г., Тюркеш приводит обширные выдержки из протокола упомянутого судебного процесса, свидетельствующие о претензиях пантюркистов тех времен на их лидерство в среде тюркских народов, прежде всего Советского Союза: «Поскольку самая большая масса тюркского населения проживает в России, самый наш большой враг – Россия. Россия нас привела к нынешнему состоянию, Россия точила на нас зубы, Россия разрушила нашу империю» ⁷¹.

Как пишет Дж. Кочак, продвижение советских войск на Балканы в осенние месяцы 1944 г. обеспокоило турецкие власти, они вынуждены были предпринять некоторые шаги по смягчению напряжённости в советско-турецких отношениях, возникшей с

начала войны. В перечне этих мер он называет и принятие 8 августа 1944 г. меджлисом Турции Закона об амнистии осуждённых ранее советских граждан Павлова и Корнилова. К этому времени в турецкой тюрьме Павлов и Корнилов провели 2 года 5 месяцев и 6 дней. Кроме того, советской стороне были переданы те её переселившиеся в Турцию граждане-тюрки, которые обвинялись в сотрудничестве с нацистами. Наконец, в январе 1945 г. турецкое правительство разрешило советской стороне провести через Проливы суда с военными материалами.

В некоторых турецких газетах даже обсуждалась возможность возрождения идеи советско-турецкого пакта⁷².

Не сумев уговорить Турцию вступить в войну против Германии, всю осень 1944 г. и зиму 1945 г. западные союзники добивались её присоединения к антигитлеровской коалиции. На Крымской конференции, проходившей с 4 по 11 февраля 1945 г., её участники кратко обсудили два вопроса, касавшиеся Турции, будет ли она приглашена на конференцию в Сан-Франциско и статус Проливов. Как пишет К. Гюрюн, Сталин заявил: «Невозможно согласиться с тем, что рука Турции лежит на горле России», вместе с тем пересмотр конвенции не должен нанести ущерб законным интересам Турции. Министрам иностранных дел следует должным образом рассмотреть этот вопрос. Черчилль якобы согласился с тем, что «Россия, обладающая крупными интересами в Чёрном море, не должна зависеть от узкого прохода, если вопрос будет поставлен на совещании министров иностранных дел, надеюсь, русские объявят свои предложения. Турок следует уведомить, что возможен пересмотр конвенции Монтрё, это особенно необходимо, если они хотят вступить в войну на стороне союзников. Туркам надо в то же время дать гарантии независимости и территориальной целостности».

По словам Гюрюна, Сталин тут же спросил о критериях приёма в ООН, в связи с этим упомянул Турцию. Он сказал, что наряду с участниками войны, перенесшими страдания, есть государства, не участвовавшие, но спекулятивно желавшие оказаться рядом с теми, кто станет победителем. Председатель (Черчилль) ответил, что предполагается пригласить государства, объявившие войну, и последней датой такого объявления войны предусматривается 1 марта. Сталин это предложение принял.

Гюрюн пишет, что Черчилль, в качестве председательствующего, высказался о Турции благожелательно: «Турция в трудное время заключила с Англией союз. Однако пока шла война, стало ясно, что она не на том уровне, чтобы участвовать в современной войне. Хотя год назад она и не использовала предложенный ей шанс вступить в войну, её поведение было дружеским и благожелательным». Сталин: «Если до конца февраля она объявит войну, согласен, чтобы она была приглашена на Конференцию». Председатель благодарит маршала за его позицию. Так, по инициативе англичан, констатирует Гюрюн, согласились, что «Турцию следует пригласить принять участие в провозглашении ООН, если она объявит войну Германии до конца февраля».

После завершения Ялтинской конференции 20 февраля 1945 г. английский посол в Анкаре сообщил туркам, чтобы Турция стала членом ООН, она до 1 марта должна объявить войну Германии и Японии. На чрезвычайном заседании ВНСТ 23 февраля было оглашено сообщение турецкого МИД о том, что по итогам Ялты союзники «желают объявления Турцией войны Германии, чтобы присоединиться ей к Декларации ООН». Резолюция об объявлении войны Германии и Японии была парламентом принята единогласно, после чего Турция получила официальное приглашение на конференцию в Сан-Франциско⁷³. 7 марта посол США в Турции Стейнхардт посетил МИД Турции и от имени держав-победительниц официально пригласил власти Турции на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско.

Прошло всего несколько дней после этих церемоний и 19 марта 1945 г. В.М. Молотов, пригласив в МИД турецкого посла Селима Сарпера, официально заявил ему, что Советское правительство денонсирует договор 1925 г. со всеми относящимися к нему протоколами и актами как утративший своё значение и нуждающийся в серьёзных изменениях. Кстати, срок его действия, согласно последнему продлению, истекал 7 ноября 1945 г.⁷³

По поводу советской ноты в Анкаре состоялось заседание правительства Турции, на нём был обсуждён и затем утверждён проект ответной турецкой ноты. В нём сообщалось о готовности заключить новый документ, более соответствующий времени, и предлагалось советской стороне как инициатору предложения об отмене договора 1925 г. представить советский вариант основных положений будущего договора. Как пишет Эркин, на после-

дующих встречах советских и турецких дипломатов турки запрашивали советские предложения по проекту предполагаемого нового соглашения и получали ответ, в том числе от Молотова, что работа идёт, в то же время высказывалось мнение советской стороны о готовности рассмотреть турецкий вариант. Наконец, Сарпера принял Молотов «с присущим ему холодным и угрюмым выражением лица» и сообщил, что заслужить советскую дружбу можно, но для этого, прежде всего, необходимо вернуть СССР восточные вилайеты, взятые у него после 1918 г., когда страна была очень слаба. Следует также обеспечить советской стороне возможность базироваться в Проливах. Сарпер заявил, что такие условия не могут быть приняты»⁷⁴.

2 мая 1945 г. Красной Армией был взят Берлин. В полночь 8 мая в предместье Берлина Карлсхорсте представители германского верховного командования подписали Акт о безоговорочной капитуляции. Вторая мировая война закончилась, а два её участника – истинный и мнимый – продолжили свой спор по поводу Проливов.

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» НАЧАЛАСЬ

Поиск модели сотрудничества с западным миром

В результате победы антигитлеровской коалиции была ликвидирована фашистская угроза, нависшая над всем человечеством. Советский Союз понёс в завершившейся войне самые тяжёлые утраты, он потерял 27 млн. человек. Участие СССР во Второй мировой войне вывело страну из того состояния международной изоляции, в котором он оказался в результате сотрудничества Сталина с Гитлером в предвоенные годы. Значительно возрос международный авторитет СССР.

Безусловно, укрепили свои позиции и экономические, и военно-политические в мире, прежде всего в разоренной Европе, Соединенные Штаты Америки. Американское военное присутствие в Европе и Азии стало постоянным фактором послевоенной мировой политики, США превратились в реального лидера Запада. 24 июля 1945 г. на конференции союзников в Потсдаме под Берлином сменивший Рузвельта новый президент США Гарри Трумэн сообщил Сталину о том, что у Америки имеется новое оружие «огромной разрушительной силы». Можно считать эту дату неформальным началом «холодной войны» – именно в Потсдаме произошла первая попытка использовать обладание атомной бомбой как инструмент политического шантажа в межгосударственных отношениях¹.

С этими глобальными событиями совпали и другие, относящиеся уже непосредственно к советско-турецким отношениям. Почти в те же дни, а именно 22 июля 1945 г., на Потсдамской конференции советская делегация представила двум другим её участникам – Трумэну и Черчиллю предложения по Черноморским проливам. В них предусматривалось:

1. Международная Конвенция о режиме Проливов, подписанная в Монтрё, как не отвечающая современным условиям, должна быть отменена в соответствующем нормальном порядке.

2. Установление режима Проливов, единственного морского пути из Чёрного моря и обратно, должно находиться в компетенции Турции и Советского Союза, как наиболее заинтересованных и способных обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасности в Черноморских проливах.

3. Новый режим Проливов должен предусматривать в числе других мероприятий также следующее:

Турция и Советский Союз, в интересах своей безопасности и поддержания мира в районе Чёрного моря, обеспечивают совместными средствами в Проливах недопущение использования этих Проливов другими государствами во враждебных черноморским державам целях (наряду с турецкими военными базами — советские военные базы в Проливах).

Обсуждение этого документа, по существу, на конференции не предполагалось, её участники в то же время в заключительном протоколе Берлинской конференции сочли возможным записать следующее: «Три правительства признали, что конвенция о Проливах, заключенная в Монтрё, должна быть пересмотрена, как не отвечающая условиям настоящего времени. Согласились, что в качестве следующего шага данный вопрос будет темой непосредственных переговоров между каждым из трех правительств и Турецким правительством».

Как потом стало очевидным, с момента этой договорённости в Берлине проблема Проливов в первые послевоенные годы оставалась предметом обсуждения не только на двухсторонних встречах и при обмене нот, происходивших в Москве и Анкаре по поводу нового договора между двумя странами (после денонсации 19 марта 1945 г. Советским Союзом договора 1925 г.). В дискуссию по Проливам и другим близким проблемам были привлечены, прежде всего, Турция, Англия, США, а позже и Франция. Все это намного осложнило и затянуло принятие каких-либо новых решений относительно безопасности черноморских государств и в конечном счёте сделало принятие этих новых решений невозможным. Конвенция Монтрё так и не была пересмотрена, она действует и поныне.

Такое развитие событий определилось не в последнюю очередь тем, что после Второй мировой войны единство стран-победительниц не могло сохраняться долго. СССР, с одной стороны, и США, Великобритания и Франция – с другой, представляли различные социальные системы. Обе стороны стремились к расширению территорий, на которых было бы распространено именно их влияние, как идеологическое, так и общественно-политическое.

В начавшейся «холодной войне» большинство государств, та же Турция, были вынуждены действовать в фарватере политики сверхдержав, а цели внешней политики США и СССР явно противоречили друг другу, и это не могло не привести к расколу Европы и всего мира на две противостоящие друг другу военно-политические группировки. Узловыми моментами борьбы сверхдержав стали гонка вооружений, создание военных баз (американские базы появились впоследствии и в Турции), соперничество в Европе, участие в региональных конфликтах и идеологическая борьба.

В создавшихся условиях одной из важнейших внешнеполитических задач советского руководства в послевоенные годы являлось обеспечение безопасности границ от внезапного нападения потенциального агрессора, подобного тому, которое в июне 1941 г. осуществила Германия. Эта цель казалась достижимой за счёт создания блока дружественных государств. Кроме того, Сталин рассчитывал использовать присутствие вооружённых сил СССР в сопредельных странах для того, чтобы осуществить «экспорт коммунизма». Эти задачи реализовывались и в черноморских странах – Болгарии, Румынии, близких соседей Турции.

С другой стороны, в знаменитой доктрине, фактически военной помощи, президента Трумэна, провозглашённой в марте 1947 г., было заявлено «о необходимости поддержки Соединёнными Штатами свободных наций, оказывающих сопротивление внешнему давлению и вооружённой борьбе меньшинств».

22 мая в рамках этого документа Трумэн подписал закон о программе помощи Греции и Турции, обратившись к конгрессу с просьбой выделить на эти цели 400 млн. долл. Формальное начало американской военной помощи Турции, согласно доктрине Трумэна, датируется 1 сентября 1947 г., когда был принят соответствующий закон. По согласованию с властями Турции предусматривались поставки ей вооружения, посылка американских

инструкторов, разработка программ широкого военно-стратегического сотрудничества, предоставления военных кредитов и т. д. Как писал Кочак, «одиночество Турции периода 1944–1947 гг. кончилось позитивными импульсами не из Европы, а из-за океана – с доктриной Трумэна». Турецкие источники подчёркивают, что «предоставляемая помощь почти полностью была направлена на военные цели, если не считать программы развития автодорог». Уже в июле эта помощь стала поступать в Турцию (1947/1948 финансовый год США), она составила примерно 100 млн. долл. и целиком предназначалась для военных нужд. В октябре 1947 г. в страну стали прибывать американские военные и гражданские лица для координации работ по исполнению договорённостей.

Турецкая дипломатия и позже, к моменту учреждения в апреле 1949 г. НАТО, предпринимала активные шаги, чтобы убедить Запад в том, что причиной избранной Турцией прозападной военной ориентации стала советская угроза. По мнению турецкой стороны, она содержалась в предложениях СССР о пересмотре режима судоходства в Проливах, учитывая горький опыт его применения в годы войны. Общеизвестно, что в западной и, особенно, турецкой историографии принято воспринимать эти советские предложения как покушение на территориальную целостность страны, что явилось аргументом в пользу включения её в систему американской помощи Европе, защиты от военных угроз со стороны СССР, принятия Турции в НАТО.

Так начался период широкомасштабного военно-политического приобщения Турции к западному миру, и этот новый этап её европеизации характеризовался уже не ориентацией на Англию, а жёсткой привязанностью к всестороннему сотрудничеству с США. В формировавшейся модели взаимодействия военно-политический фактор был главным, поэтому и экономическое сотрудничество Турции с Западом начиналось после Второй мировой войны заново и сразу приобрело характер неотъемлемой части военно-политического стратегического союза.

В сложившихся условиях глобального противостояния в любых переговорах с Турцией о Проливах, базах и т. п. советской стороне не следовало рассчитывать на поддержку стран Запада, и Турция это осознавала. Возможно, не все советские политики также это осознавали после триумфальных побед советского оружия и освобождения пол-Европы от фашизма. В то же время в

самой Турции некоторые авторы, например профессор-политолог Тюрккая Атаёв, даже спустя годы вновь и вновь убеждались, что вызвавшие тревогу Турции предложения в советских нотах были не более чем результатом упомянутого решения, принятого совместно США, Англией и Советским Союзом в июле 1945 г. на Потсдамской конференции. В сущности, в своих нотах советское правительство в течение всего 1946 г. заявляло о необходимости обновления конвенции по Проливам и приводило при этом конкретные случаи нарушения этой конвенции, причём это не оспаривала ни одна из участвовавших в дискуссии стран и соглашалась с необходимостью выработки новой конвенции, готова была принять в этом участие.

Другое дело, что пункт третий советских предложений, представленных в Потсдаме, а именно о необходимости учреждения в Проливах совместной советско-турецкой оборонительной системы для их защиты, повторяемый в советских нотах как условие и обновления конвенции и подписания нового двухстороннего договора вместо денонсированного как безнадёжно устаревшего, отвергался Турцией, а за нею и её западными союзниками в соответствующих нотах, направленных и Турции, и СССР². Последняя советская нота по данному вопросу повторила этот ключевой пункт советско-турецких разногласий:

«Турецкое Правительство возражает также против пункта 5 Советской ноты от 7 августа, в котором предусматривается, что Турция и Советский Союз, как державы наиболее заинтересованные и способные обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасность в Проливах, организуют совместными средствами оборону Проливов для предотвращения использования Проливов другими государствами во враждебных Черноморским державам целях.

Турецкое Правительство заявляет, что данное советское предложение несовместимо с суверенными правами Турции и что оно якобы ликвидирует её безопасность. Турецкое Правительство пришло к такому заключению еще до того, как оно выслушало какие-либо конкретные соображения Советского Правительства по этому вопросу, не сделав даже попытки совместного рассмотрения соответствующих предложений СССР. Огульно отклоняя всякую возможность совместного с Советским Правительством изучения этой важной проблемы, неразрывно связанной с

интересами обеспечения безопасности СССР и других Черноморских держав, Турецкое Правительство вступает в явное противоречие со своим собственным заявлением о желании восстановления дружественных, основанных на доверии отношений с СССР, находя при этом возможным высказывать такие подозрения, которые не имеют под собой никакого основания и к тому же несовместимы с достоинством Советского Союза.

Несмотря на высказанную в турецкой ноте точку зрения, Советское Правительство держится того мнения, что только совместными средствами Турция и Советский Союз могут обеспечить как свободу торгового мореплавания, так и безопасность в Проливах. При этом Советское Правительство полагает, что осуществление указанного советского предложения отнюдь не должно затронуть суверенитет Турции и вместе с тем должно в наибольшей мере соответствовать интересам ее безопасности, поскольку совместные мероприятия Турции и СССР могут обеспечить охрану Проливов в большей мере, чем мероприятия одной Турции.

Отказ Турции от совместной с Советским Союзом обороны Проливов лишает Черноморские Державы возможности гарантировать должную безопасность в этом районе. Во время последней войны страны оси использовали Черное море для своих военных операций против СССР, чему содействовало и то обстоятельство, что они имели возможность проводить в Черное море некоторые военные и военно-вспомогательные суда. Хорошо памятен и такой факт, как внезапный проход через Проливы в Черное море в 1914 г. немецких крейсеров "Гебен" и "Бреслау", которые, ворвавшись в Черное море, произвели нападение на русский флот и на Черноморские порты. Все это учитывается предложением о совместной советско-турецкой обороне Проливов, имеющей целью обеспечить надежную оборону Проливов как в интересах Турции, так и в интересах других черноморских держав, что не может быть в полной мере обеспечено одной только Турцией. С другой стороны, если бы Турция, отказавшись от предложения СССР, стала осуществлять военные мероприятия в Проливах совместно с какими-либо нечерноморскими державами, то это, разумеется, оказалось бы в прямом противоречии с интересами безопасности черноморских держав. Было бы неправильно забывать, что советское Черноморское побережье, простирающееся на

2100 километров, открывает доступ к экономическим важнейшим районам страны, в силу чего необходимость обеспечения его безопасности при непосредственном участии Советского Союза в обороне Проливов вытекает из жизненных интересов СССР. Все это объясняет, почему Советское Правительство считает необходимым, чтобы оборона Проливов осуществлялась совместными силами Турции и СССР и имела бы целью обеспечить безопасность для всех черноморских государств»³.

Упомянутый ключевой пункт советских предложений в конце концов стал квалифицироваться турецкой дипломатией как безоговорочное требование, как угроза её суверенитету и категорически отвергался. Последним, весьма пространным ответом Турции на советские ноты по вопросу о Черноморских проливах стала её нота от 18 октября 1946 г. В этом документе, как и в прежних, отвергались все претензии и упреки, высказанные советской стороной относительно случаев неисполнения турецкой стороной своих обязательств по контролю над режимом Проливов во время войны, в результате которых имелись случаи прохода через Проливы немецких судов. Случаи проходов объяснялись наличием пробелов в Приложении II конвенции, затруднявшей определение характера судов и т. д. В заключительной части этого турецкого документа было сказано, что «представило бы интерес рассматривать исчерпанной дискуссию на дипломатической арене, так как Турецкое Правительство находится в распоряжении Советского Правительства, чтобы обратиться в третейский суд». Турцией таким образом высказывалось намерение прекратить «нотную» дискуссию и готовность предстать перед третейским судом для доказательства своей добросовестности и лояльности в отношении выполнения конвенции. Была подтверждена в ноте и готовность пересмотреть Конвенцию при участии подписавших её держав и США.

Были отвергнуты советские аргументы и в определении статуса Чёрного моря как особого закрытого моря и права только черноморским державам определять этот статус. Турецкой стороной подчёркивалось, что конференция в Монтрё «уже установила режим, отдающий предпочтение прибрежным державам». Более того, принимая за основу дискуссии первые три пункта советских предложений, Турция тем самым признала в отношении черноморских держав преференциальный режим. «Турция ясно осоз-

нает свою роль Черноморской Державы. Но она не может в то же время забывать, что она является Средиземноморской страной». Что касается пункта советской ноты, рекомендовавшего смешанную систему турецко-советской обороны в Проливах, в турецком ответе было сказано: «Согласие Турции на совместную оборону Проливов означало бы ничто иное, как разделение своего суверенитета с иностранной державой»...

Советская сторона на эту ноту не ответила и не потребовала созыва конференции по пересмотру конвенции Монтрё, а когда наступил срок окончания её действия, она не сообщила об аннулировании конвенции. Конвенция Монтрё остается действующей и до сих пор.

Турецкие авторы убеждены, что ещё в конце 1945 г. советская сторона нашла способ давления на Турцию – в США, Франции, Англии армянскими комитетами были организованы кампании с территориальными требованиями к Турции. Состоялись в сентябре митинги армян в Бейруте, Дамаске и других городах Сирии с требованием воссоединения с Советской Арменией армянских земель, насильно захваченных Турцией. 20 декабря 1945 г. в одной тбилисской газете два грузинских профессора опубликовали письмо о том, что всё черноморское побережье до Гиресуна принадлежит Грузии и эту территорию следует ей вернуть⁴.

Характерно для тех времен, что ещё когда шел обмен нотами между СССР и Турцией и исчезали последние иллюзии относительно будущего советско-турецкой дружбы, в Турции появился первый признак, символ начавшейся её новой дружбы, уже с Соединёнными Штатами. Этим «весомым» символом стал громадный американский линкор.

Турецкий автор Хюсейн Багджы считает, что «история любви» между Турцией и США началась с прибытием в Стамбул в апреле 1946 г. американского линкора «Миссури», доставившего на родину умершего в США турецкого посла Мюнира Эртегюна. «Эта акция символизировала поддержку Америкой турецкой позиции в ответ на территориальные требования Советского Союза к Турции... Советская угроза сориентировала Турцию на установление ею тесных дружеских отношений с западными странами, особенно с Соединёнными Штатами»⁵.

Заключив военно-политические соглашения с США, а позже, в 1952 г., вступив в блок НАТО, Турция определилась в выборе

стратегии своего развития, в том числе экономического, выбрав новую модель модернизации в рамках НАТО.

Условия плана Маршалла предусматривали необходимость заключения с США отдельных двухсторонних соглашений о помощи с получающими её государствами, поэтому своё соглашение с американской стороной об участии в ОЕЭС готовила и Турция. По поводу целесообразности участия Турции в этой организации для того, чтобы получать через неё американскую помощь, в политических кругах Турции, стран Запада прошли дискуссии, затем началась подготовка совместной программы. О запросе для Турции 615 млн. долларов сообщил 2 февраля 1948 г. в меджлисе министр иностранных дел Неджметтин Садак, добавив при этом, что заявка на эту сумму отвергнута американскими специалистами. Причины отклонения запроса Турции были следующими: Турция в состоянии сама решать свои экономические проблемы, она за время войны развила свою экономику. Садак не соглашался с тем, что Турция достигла успехов, но турецкие представители в Париже не сразу сумели убедить в этом участников ОЕЭС. При прямом вмешательстве США она наконец получила согласие и смогла начать пользоваться программой помощи. 4 июля 1948 г. Турция подписала с США Соглашение об экономическом сотрудничестве в рамках плана Маршалла, 8 июля 1948 г. ВНСТ его ратифицировало. Отделение американского Агентства международного развития (US AID) открыло своё представительство в Анкаре и наладило сотрудничество с Минфином. Турции было выделено 10 млн. долл. помощи, но Вашингтону было сообщено, что власти страны нуждаются в 300 млн. долл. ОЕСД направило в Анкару миссию, среди задач которой предусматривалась совместная подготовка программы помощи Турции, контроль за её исполнением, предоставление ежегодных отчётов⁶.

О том, что экономические меры США в отношении Европы составляли часть их военно-политической глобальной стратегии, пишет видный турецкий специалист по финансовым и банковским проблемам Эрхан Бенер, ссылаясь на П. Семуэльсона: «Руководители и экономисты США не намерены были повторять ошибки, совершенные ими после Первой мировой войны. Война закончилась, однако стало очевидным, что на горизонте возникла серьёзная опасность для мировой капиталистической экономики, возглавляемой США. Этой опасностью стала система социализма,

которую представлял Советский Союз. Чтобы предупредить развал капиталистической системы, воспрепятствовать включению Европы в коммунистическую систему, прежде всего следовало вырвать Западную Европу из той нищеты, в которой она оказалась, а затем вновь привести в действие систему свободной конкуренции»⁷. Отмечая это, в другом разделе своей книги Бенер пишет ещё более определённо: «не протяни США руку помощи Европе, очевидно, её восстановление стало бы невозможным». Повторив ещё раз, что доля для Турции в плане Маршалла оказалась меньшей в сравнении с другими странами при учёте уровня её экономики и населения, автор признаёт, что Турция обладала большими резервами золота и валюты, оставалась нейтральной в войне и воспринималась поэтому страной, которая экономически в помощи не нуждалась. «Первоначально подготовленный турками план свидетельствовал о блестящем состоянии турецкой экономики, однако потом, когда возникло опасение, что такой вывод неблагоприятно скажется на размерах помощи, потребовалось показать положение очень тяжёлым». В то время в США был опубликован доклад о положении тех стран Европы, которым предназначалась помощь. В нём отмечалась, что Турция, вступив в войну с запозданием, спасла от развала свои производственные ресурсы, более того, сумела поставлять по высоким ценам воевавшим странам различные виды сырья, поэтому ей вообще не следует оказывать помощи, либо если оказывать, то в минимальном объёме. Всё же потом Турция также смогла начать пользоваться планом Маршалла через ОЕЭС⁸.

Располагая ограниченными и противоречивыми статистическими данными, мы тем не менее можем считать, что в первые примерно два десятилетия, то есть в самые трудные годы формирования новых, послевоенных отношений Турции со своим новым военным союзником, в целом с крупнейшими странами Запада Турция, как участник антигитлеровской коалиции, получила 2251 млн. долл. экономической помощи⁹.

Чтобы завершить рассказ о самом остром периоде в истории советско-турецких отношений и самом решающем в послевоенном сотрудничестве с Западом, можно добавить, что 30 мая 1953 г. Молотов пригласил в МИД посла Турции и зачитал, а затем вручил ноту, в конце которой сообщалось, что Советский Союз не имеет никаких территориальных требований к Турции.

Спустя полтора месяца, 18 июля 1953 г., турецкий посол в Москве вручил В.М. Молотову ноту следующего содержания:

«Правительство Турецкой Республики ознакомилось с текстом заявления, зачитанного и переданного 30 мая 1953 года Его Превосходительством г-ном Молотовым, Министром Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик Послу Турции в Москве, которое гласит:

“Советское Правительство, занимаясь в последнее время вопросами отношений СССР с соседними государствами, в числе других вопросов обратило внимание и на состояние советско-турецких отношений.

Как известно, в связи с истечением срока советско-турецкого договора от 1925 г., вопрос об урегулировании советско-турецких отношений затрагивался в официальных беседах представителей обоих государств несколько лет тому назад. В этих беседах фигурировали некоторые территориальные претензии Армянской ССР и Грузинской ССР к Турции, а также соображения Советского Правительства относительно устранения возможной угрозы безопасности СССР со стороны Черноморских проливов.

Правительственными и общественными кругами Турции это было воспринято болезненно, что не могло в известной мере не отразиться на советско-турецких отношениях.

Во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции. Что же касается вопроса о Проливах, то Советское Правительство пересмотрело свое прежнее мнение по этому вопросу и считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции.

Таким образом, Советское Правительство заявляет, что Советский Союз не имеет никаких территориальных претензий к Турции”.

Правительство Турецкой Республики с удовлетворением принимает к сведению заявление, в котором Правительство Союза Советских Социалистических Республик объявляет, что не имеет никаких территориальных претензий к Турции. Правительство Турецкой Республики заявляет, что забота о сохранении добрососедских отношений и об укреплении мира и безопасности, на что

делается ссылка в этом заявлении, полностью соответствует той заботе, которую всегда проявляла и будет проявлять Турция.

Правительство Республики считает необходимым подчеркнуть в этой связи, что вопрос о Черноморских проливах, как, впрочем, это известно Советскому Правительству, регулируется положениями Конвенции в Монтрё».

Первым практическим свидетельством нормализации отношений стал визит в СССР в 1959 г. турецкой делегации во главе с министром здравоохранения Лютфи Кырдары. Весной 1960 г. было принято решение о визите в СССР премьера Мендереса, однако визит не состоялся – 27 мая в Турции был совершен военный переворот.

Послевоенная внутренняя политика. Переход к многопартийности

Глубокие изменения в первые послевоенные годы отмечены не только во внешней, но и внутренней политике Турции. Страну в условиях начавшейся «холодной войны» ожидала давно назревшая перестройка социально-экономической системы, трудный переход от диктатуры Народно-республиканской партии к многопартийности в соответствии с новыми ориентирами её послевоенной вестернизации. Авторитарный режим медленно приспособлялся к избранному варианту европеизации. Процесс кемалистских преобразований исчерпал себя, Турция вступала в новый период своей республиканской истории, по многим параметрам – политическим, идеологическим и многим другим характеризующийся как период посткемализма.

Однако обострение отношений с СССР обеспечило большую свободу всем формам антикоммунизма, включая пантюркизм. В 1946 г. возникло Общество турецкой культуры («Тюрк кюльтюр оджагы»), представлявшее националистические и пантюркистские круги в стране. Оно ставило задачу вдохновлять и укреплять турецкую культуру от внутренних и внешних воздействий иностранных идеологий. В 1950 г. Н. Атсыз определял пантюркиста следующим образом: «Это турок, уверенный в превосходстве турецкой расы, почитающий своё национальное прошлое, готовый пожертвовать собою во имя идей тюркского единства, особенно в борьбе с непримиримым врагом – Москвой»¹⁰.

Ещё на 6-м съезде Народно-республиканской партии в 1943 г. Инёню заявил: «Наш единственный недостаток – отсутствие оппозиционной партии». На майском съезде 1946 г. из устава и программы были изъяты все упоминания о государственной партии. Уже не стало понятий «бессменный председатель», «вождь» («шеф») и т. п. «шесть стрел» были удалены из конституции, была принята система одноступенчатых выборов. При И. Инёню концепция демократии стала более востребованной, так, закрытие в 1930 г. Либеральной партии было признано неправильным.

Перемены затронули и сферу официальной идеологии, духовной жизни общества. Турецкие авторы, например И. Тарханлы, пишут, что в конце 1940-х годов «началось оживление религиозного потенциала, превратившегося во влиятельный политический фактор. Даже правящая Народно-республиканская партия Ата-тюрка вынуждена была обновить свою концепцию религии и светскости и проводить более мягкую политику». В декабре 1946 г. в меджлисе был обсуждён вопрос о расширении религиозного образования, причём некоторые депутаты (например, Танрыювер) были убеждены, что такая мера обеспечит возможность морального противодействия коммунистической опасности. Комментируя этот аргумент, премьер-министр заявил, что предлагать заменить коммунизм шариадом означает уберечь больного от одного яда, дав ему другой, столь же смертельный. Частично это также можно объяснить реакцией общества на стремительное послевоенное сближение с Западом, желанием противодействовать не самым лучшим образцам западной «массовой» культуры¹¹.

На очередном съезде НРП в ноябре 1947 г. были утверждены положения, которые, по мнению Тарханлы, означали «либерализацию этатизма и светскости». В том же году впервые государством были выделены средства для хаджа. В 1949 г. в учебные программы 4 и 5 классов были включены в качестве факультативных уроки ислама, при Анкарском университете для подготовки религиозных деятелей был создан богословский факультет. В 1949 г. министерство просвещения открыло два первых десятимесячных курса имамов-хатибов в Анкаре и Стамбуле, за этим последовало открытие таких же курсов в других вилайетских центрах. Запреты всё более конкретизировались вокруг «политического ислама», соответствующая и весьма жёсткая статья 163 Уголовного кодекса, категорически запрещающая использование

ислама в политических целях, не раз редактировалась. Против её ужесточения выступало немало депутатов, утверждавших, что эта статья – «агрессия против ислама, полностью противоречит светскости, защищает безбожие, отдаёт коммунистическим духом».

НРП ещё в 1941 г. во время войны, осознавая возможность участия армии в войне, разрешило в армии институт армейских проповедников. В 1945 г. начались новые льготы возможному электорату и некоторые члены НРП предложили проект реформы религии, более чётко определяющий светскость. Разногласия по поводу смягчения политики по исламу возрастали, но 7-й съезд партии не принял предложений консерваторов, хотя после него пошёл им навстречу. В 1950 г. в первую статью закона о запрете тюрбе и прочих мест религиозного поклонения был включён пункт о том, что вновь разрешается посещение мест погребения «великих тюрок и тех тюрбе, которые являются произведениями искусства». Включение в программу начальной школы уроков религии, учреждение курсов подготовки имамов-хатибов, выделение валюты для хаджа – произошло ещё при власти НРП после назначения профессора-историка, близкого исламистам, Ш. Гюналтая премьером, когда консерваторы одобрили это назначение. Исламский журнал «Себильюльрешат» писал, обращаясь к нему, рано или поздно «эти давления на религию нации прекратятся, нация не забудет твоих усилий»... Их противники в партии утверждали, что во всём исламском мире, включая Турцию, так и не наступило обновление ислама согласно современным представлениям. Если государство будет уступать, вновь произойдут события типа восстания шейха Саида и резни в Менемене.

Демократическая партия перед выборами 1950 г. обвинила НРП во враждебности исламу, а тот же Гюналтай оправдывался в меджлисе, уверяя, что НРП сделала много для религии. Происходило использование религии в политике двумя партиями, а журнал «Себильюльрешат» даже утверждал, что НРП пустило в страну коммунизм. После 1945 г. НРП перед угрозой коммунизма и вследствие ухудшения отношений с СССР стала выводить ислам на передний план, появился целый список происламских партий. Впервые после 1923 г. исламская мысль начала занимать место в политической жизни. Однако сразу же следует отметить, что эти партии не представляли независимые исламские концепции, в обществе не наблюдалось серьёзных религиозных движений¹².

Тем не менее светская культура, как символ европеизации, не оказалась в загоне. Так, после создания государственного театра Турции в 1949 г. её жители у себя могли знакомиться с западной оперной и классической музыкой, драматургией. Театр сначала объединял оперу, балет и драму. Несколько лет он не имел собственного помещения и первые спектакли проходили в помещении Народного дома Анкары. За 1949–1953 гг. государственный театр дал всего 53 представления (оперных, балетных и драматических). Основное свое здание театр получил на бульваре Ата-тюрка. Бывшее до того выставочным помещением, оно было перестроено в соответствии с театральными нуждами. В этом помещении идут с тех пор оперные и опереточные спектакли театра. В программе Анкарского театра оперы и балета появлялись произведения европейской оперной и балетной классики, в том числе Чайковского, Глазунова, Сметаны, оперы современных турецких и западных композиторов Аднана Сайгуна, Гершвина и др.

Ещё в 1933 г. в Анкаре был создан симфонический оркестр, однако первоначально его выступления носили эпизодический характер. Создание в 1953 г. в Анкаре Турецкого филармонического общества способствовало расширению деятельности оркестра, впоследствии было построено и здание Анкарской филармонии. В программе симфонического оркестра были произведения Баха, Моцарта, Бетховена, Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского, Рахманинова, Дебюсси, Равеля, Стравинского, современного турецкого композитора Сайгуна. Однако даже намного позже редкие концерты симфонического оркестра не стали значительными событиями культурной жизни.

Возникновение драматического театра в столице Турецкой Республики было неразрывно связано с созданием в 1949 г. государственных театров. Вслед за открытием основной сцены первого государственного театра на бульваре Ата-тюрка «Бююк тиятро» («Большого театра») была открыта и вторая сцена Анкарского государственного театра «Кючук тиятро» («Малый театр») в помещении декорационных мастерских. В 1956 г. открылся третий театр в освободившемся к тому времени Народном доме. В том же году начал работать «Ода тиятросу» («Камерный театр»), ещё один государственный театр, получивший в 1960 г. название «Ени сахне» («Новая сцена»), открылся в 1958 г. в самом центре столицы. В репертуаре государственных театров были произведе-

дения мировой классики, начиная с древнегреческих авторов. Значительное место в репертуаре анкарских драматических театров занимали произведения русских писателей – А.Н. Толстого, М. Горького, А.П. Чехова и других; немало ставилось с тех времён и произведений современных турецких авторов.

Сразу после войны власти попытались возобновить попытки планирования экономического развития. Появились даже проекты планов развития, сначала на 1946 г., затем на 1947 г. В чём-то они представляли собою продолжение принципов довоенного статистского планирования, особенно второго пятилетнего плана на 1939–1943 гг., так и не реализованного в условиях начавшейся мировой войны. Попытки инициаторов плана 1947 г. увязать его финансирование с ожидаемыми поступлениями по плану Маршалла не были успешными¹³.

В эти годы, как отмечалось в одном официальном издании, «от идей индустриализации пришлось отказаться», речь шла уже о минимизации негативного воздействия войны на экономику страны. В этом же издании признаётся, что «после 1946 года началось открытое обсуждение необходимости передачи промышленных предприятий, созданных на государственные средства, частному сектору, но нигде это не было осуществлено»¹⁴.

Конец 1940-х и 1950-е годы стали для турецкой буржуазии временем новых возможностей роста и упрочения влияния в обществе, не в последнюю очередь благодаря сотрудничеству, прямому и косвенному, с капиталом Запада, прежде всего США. Турецкий предприниматель, преимущественно импортёр и экспортёр, подрядчик получил возможность пустить в дело средства, накопленные в годы турецкого нейтралитета благодаря активной торговле с воевавшими державами и поставкам стратегического сырья (хлопка, табака и т. п.). Кроме того, в страну широким потоком хлынула американская военная помощь, американское оборудование, потребительские товары. Началось ускоренное военное строительство стратегических путей, портов, аэродромов, военных баз, промышленных сооружений, жилищ для американского военного персонала.

Действительно, с конца 1940-х и далее в 1950-е годы, после отказа правящей элиты от однопартийной системы, с приходом к власти Демократической партии впервые на правительственном уровне зазвучали заявления о необходимости приватизации, отказа

от крайностей этатизма, от односторонней ориентации на государственный сектор, о том, что частное предпринимательство уже в состоянии участвовать в промышленном развитии. К этому времени частный капитал активизировал свою деятельность в текстильном производстве, подрядном строительстве, учредил первый крупный частный банк «Япы ве креди». Полностью изменились внешние условия существования Турции после того, как она стала членом НАТО, приняла план Маршалла, доктрину Трумэна.

Западный мир, согласившись признать Турцию своим союзником и партнёром, ненавязчиво, но постоянно напоминал турецким властям, что время этатизма прошло и что пора переходить к всемерному поощрению частного предпринимательства, к приватизации, открывать турецкий рынок для иностранных частных инвестиций. Основным и неизменным объектом критики деятельности ГЭО стала их убыточность, вынужденно компенсируемая из бюджета. Излюбленная тема споров – природа этой убыточности: врожденно дисфункциональная либо преходящая, объясняемая поведением находящихся у власти политиков. Защитники ГЭО продолжали утверждать, что в Турции госсектор выполняет «вечную» функцию защиты национальной экономики, оптимизации социального баланса в обществе, дотирования малоимущих слоёв либо перспективных предпринимательских групп, а также науки, культуры, социальной сферы.

В первые послевоенные годы с начавшимися поступлениями помощи жёсткость внешнеторгового контроля была смягчена. В частности, сокращены были масштабы такасных и клиринговых операций. Расширение внешнеторговых и финансовых операций с западными странами, растущая потребность во внешней помощи (представленной в то время американской помощью) все более вынуждали турецкие власти идти на либерализацию внешней торговли.

В марте 1950 г., доживая последние месяцы как правящая партия, НРП приняла поправки к закону 1945 г. о так и не начатой земельной реформе. Его наиболее важной статьёй была 17-я, предусматривавшая отчуждение и передачу безземельным и малоземельным арендаторам, издольщикам и постоянным сельскохозяйственным рабочим всех фактически обрабатываемых ими земель. Основным принципом, который лёг в основу обновлённого закона, была неприкосновенность частной земельной собствен-

ности. Пугавшая помещиков ст. 17, допускавшая привлечение в фонд земельной реформы помимо государственных земель также и помещичьи, была упразднена. В самом деле, в отличие от варианта 1945 г. даже самая полная реализация положений, сформулированных в 1950 г., не затронула бы крупного землевладения¹⁵.

Важным свидетельством перемен в стране можно считать утверждение принципа многопартийности в политической жизни. После того, как в августе 1945 г. меджлисом был одобрен устав ООН, возникли и затем обострились дебаты в правящей партии и вне её по вопросам целесообразности сохранения авторитарного однопартийного режима. Эти дебаты привели в конечном счёте к крупнейшему послевоенному внутреннему политическому конфликту в Турции. Соответственно предложениям прежнего, последнего при Ататюрке премьер-министра Баяра, а также депутата Аднана Мендереса и ещё двух членов НРП, в правящей элите усилились требования внести изменения в турецкое законодательство с учётом тех принципов, с которыми правительство якобы согласилось, принимая Устав ООН. Когда это предложение было отвергнуто, его четыре сторонника вышли из НРП. После этого правительство всё же было вынуждено ослабить излишний контроль военных и согласилось на дальнейшую демократизацию политического процесса.

В январе 1946 г. Демократическая партия (ДП), возглавляемая Баяром и Мендересом, была официально зарегистрирована как политическая партия и вскоре стала главным центром оппозиции НРП как правящей партии. На всеобщих выборах в июле 1946 г. из 465 мест в ВНСТ НРП получила 396, ДП – 61, «независимые» – 7 мест. Завоевав 61 мандат в меджлисе, ДП получила общенациональную трибуну для пропаганды своих требований, прежде всего создания в стране многопартийной системы, она стала серьёзной соперницей НРП в борьбе за власть¹⁶.

Во всеобщих выборах в мае 1950 г. примерно 88% электората (приблизительно 8,5 млн.) участвовало в голосовании и в огромном большинстве избиратели поддержали ДП, ей досталось в ВНСТ 408 мест и только 69 мест получила НРП, её нерушимое господство в политике со времени основания республики было таким образом закончено. Законодательная и исполнительная власть в стране перешла к лидерам ДП, кончилась однопартийная авторитарная эра кемализма.

Демократическая партия у власти

Итак, возникшая многопартийная система принесла первые плоды: после целого периода авторитарного режима НРП во главе с И. Инёню оказалась в непривычной роли оппозиции. Президентом страны стал известный по 1930-м годам Джеляль Баяр, последний глава правительства при жизни Ататюрка, а премьер-министром – мало кому известный недавний член НРП и депутат ВНСТ Аднан Мендерес, крупный владелец плодородных земель на юго-западе страны в долине р. Мендерес провинции Айдын.

Новые власти освободили на первых порах часть политических заключённых, включая и тех, кто отбывал сроки за коммунистическую деятельность, из тюрьмы вышел и великий поэт Турции Назым Хикмет, правда, не доверяя новой власти, он вынужден был бежать за границу, чтобы потом, лишённый турецкого гражданства, обосноваться в СССР. Дальнейшие события подтвердили, что турецкие демократы, в отличие от «демократов» у власти, были правы, не доверяя победителям на выборах – обещанные ДП демократические законы так и не были приняты. В первые годы у власти они специальным законом национализировали всё имущество и все средства Народно-республиканской партии, в том числе и те, которые она унаследовала по завещанию от Ататюрка. (Однако после военного переворота 1960 г. Конституционный суд в соответствии с обращением НРП отменил названный закон, и эта партия вновь получила права владельца акций Ататюрка в Деловом банке и соответственно – право представительства в правлении этого банка¹⁷). Успех ДП в 1950 г. был затем подтверждён также и на выборах 1954 г., она ещё более увеличила свое парламентское большинство.

Торговые накопления в период Второй мировой войны, а также послевоенная мирохозяйственная, военная и политическая обстановка, в которой оказалась Турция, стремительный рост торгово-экономических связей с Западом дали новые импульсы развитию частного промышленного предпринимательства за счёт роста импорта и экспорта, комиссионных операций, складирования, перевозок, за счёт нового строительства (включая военное). Турецкий торговец и подрядчик устанавливал прямые связи с крупным бизнесом за границей. Расширились возможности использовать государственный сектор с его солидной промыш-

ленно-сырьевой базой, кредитами, кадрами, наконец, в страну начал поступать иностранный капитал, сначала государственный в ссудной форме, а затем и частный предпринимательский, что прямо и косвенно способствовало расширению финансовых источников, используемых частным капиталом.

Торговый капитал использовал эти средства и для постепенного перевода в финансирование промышленного строительства. По данным Н. Серина, основанных на итогах анкетирования группы турецких предпринимателей в 1950-е годы, у 34% опрошенных и у 36% их супругов сферой предпринимательской деятельности отца была торговля¹⁸.

Именно 1950-е годы считаются переломными, с точки зрения трансформации частного торгового капитала в промышленный. Если ещё в начале 1950-х годов, по мнению органа Стамбульской промышленной палаты, известных промышленников можно было пересчитать по пальцам, то спустя 15 лет частный промышленный капитал мог уже считать себя равным партнёром с крупным торговым капиталом.

Прежде всего это была текстильная промышленность, базировавшаяся на национальном производстве, национальном сырье, экспорте хлопка, также как и на кадрах, подготовленных и набравшихся опыта в госсекторе. Эта отрасль продолжила своё развитие, давно проявившееся в двух районах – Эгейском и Адано-Мерсинском, она постепенно вовлекла в частное крупное производство текстиля Стамбул и другие турецкие города. В текстильной промышленности число веретён увеличилось в 1949–1960 гг. со 126 тыс. до 217 тыс. в государственном секторе и со 140 тыс. до 544 тыс. – в частном. В 1950 г. государственный сектор (предприятия Сумербанка) произвёл 77,4% хлопчатобумажных тканей и 55,2% всей хлопчатобумажной пряжи, в 1960 г. эти доли снизились соответственно до 30 и 29,5%¹⁹.

Другая сфера, в которой преобладали уже новые отрасли, возникла на базе импортных и сборочных операций, перешедших под контроль крупного турецкого капитала, сотрудничавшего с инонациональным и иностранным. Здесь промышленные сборка и производство с самого начала зависели от стимулов со стороны западных монополий, которые стали активно использовать каналы кредитов и помощи своим подопечным в Турции. Ведущими фирмами этого потока стали автосборочные, электросборочные и

другие компании. Особенно на этапе первоначального формирования этих потоков они могли рассчитывать на помощь Делового банка – не обходилось без его акционерного участия.

Частная промышленность в короткие сроки стала разнообразна по своему характеру – от множества мелких предприятий до крупных современных промышленных комбинатов. Сборка лицензионной техники, строительство жилья и офисов породили множество небольших частных фирм узкой специализации. Частный промышленный капитал на глазах превращался в самостоятельную, влиятельную силу со своими интересами и практическими задачами.

Конец 1940-х и 1950-е годы – это подлинно золотой век турецкой буржуазии, активно поддержавшей лозунги и обещания ДП. Центральной фигурой во всех торгово-строительных операциях уже был турецкий крупный импортёр, посредник, комиссионер. Львиная доля доходов от этих операций оставалась в их руках. Немало доставалось и поставщикам сырья (хлопка, табака и т. п.) на американский и европейский рынки.

Новые отрасли возникали не только на базе импорта, техобслуживания, а впоследствии сборки. При участии капитала ГЭО стали создаваться и смешанные, государственно-частные компании, в систему госсектора были вовлечены крупнейшие кооперативные объединения по сбыту и экспорту хлопка, сухофруктов, фундука (Тариш, Чукобирлик, Фискобирлик и др.)²⁰.

В таких условиях после прихода к власти Демократической партии её руководство стало заявлять о намерении ограничить госкапитализм, об ориентации на «постепенную передачу» частному предпринимательству.

Однако правительство ДП так и не приступило к приватизации госпредприятий, что объяснялось турецкими экономистами их исключительной значимостью не только в сфере производства и снабжения, но и в социальной сфере. Защитники ГЭО утверждали, что в Турции госсектор выполняет «вечную» функцию поддержки и развития национальной экономики, оптимизации социального баланса в обществе, дотирования малоимущих слоев либо перспективных предпринимательских групп, а также науки, культуры. Лишь небольшая доля весьма значительной западной помощи могла быть освоена частным сектором через Банк промышленного развития, специально созданный в 1950 г. при учас-

тии американского Агентства международного развития, львиную долю западные кредиторы вынуждены были предоставлять ГЭО. Вместе с тем признаётся, что начиная с 1950 г. государственные инвестиции «окольными путями» использовались в проведении политики поощрения частного предпринимательства²¹.

При всём желании новой власти в тот период оказалось невозможным перевести в частные ни одного госпредприятия, более того, именно в 1950-е годы были созданы новые Государственные экономические организации (ГЭО), связанные прежде всего с агросферой и энергетикой. Правда, на этот раз они учреждались уже в статусе акционерных компаний, иногда с привлечением частного капитала, их базой часто были соответствующие управления экономических министерств. Так в этот период возникли государственные акционерные компании ПТТ (почта, телеграф, телефон), Мореходный банк, Морские перевозки, Турецкая нефть, начавшая добычу (в небольших количествах) нефти в стране, Банк туризма и др. Одновременно в 1950-е годы широко развернулась деятельность смешанных и частных промышленных фирм в ряде отраслей турецкой промышленности.

В 1953 г. статус ГЭО с собственным капиталом получили государственные железные дороги Турции, владевшие и всеми крупными морскими портами страны. В созданной в 1954 г. госорганизации «Турецкая нефть» («Тюркие петроллери А.О.») 51% акций были у казначейства, оставшиеся – у Пенсионной кассы, Этибанка, Делового банка, Сумербанка. Аналогичным образом в возникшей год спустя ГЭО «Азот санаи тюрк А.Ш.» акционерами были крупнейшие госорганизации. Тогда же, в 1955 г. Государственное Управление воздушных линий было реорганизовано в акционерное общество. Его акции были в распоряжении казначейства, но предусматривалась возможность их продажи частным физическим и юридическим лицам. Таких примеров было немало. Последовало и разукрупнение некоторых ГЭО, например, в 1957 г. из системы Этибанка были выделены угольные предприятия, образовав новую независимую ГЭО «Тюркие кёмюр ишлетмелери».

В 1950-е годы по рекомендациям западных советников наиболее серьёзные перемены были осуществлены в агросфере, получило своё основное завершение её многолетнее реформирование прав собственности. Находясь у власти, Демократическая

партия приняла в 1955 г. и 1957 г. такие дополнения к Закону об аграрной реформе, которые окончательно делали главный акцент в земельном вопросе на освоении и заселении целинных и залежных земель, то есть на государственном фонде.

Аграрная реформа в Турции в несравненно меньшей степени, чем в ряде других стран, затронула материальные интересы класса крупных землевладельцев, свидетельство тому – анализ категорий земель, составивших фонд аграрной реформы. В 1950–1960 гг., то есть в период нахождения у власти ДП, этот фонд формировался из следующих источников (тыс. га).

Таблица 1
Формирование земельного фонда

Категория земель	Площадь, тыс. га	Доля от общей площади, %
Государственные земли	1815	96,9
Земли, отчуждённые по закону, в том числе:	59	3,1
у вакуфов	48	2,5
у частных лиц и организаций	11	0,6

В Турции основу аграрной реформы составил почти исключительно государственный колонизационный фонд, а перераспределение частной собственности практически не начиналось. Но нельзя не заметить косвенного влияния её на феодальные слои деревни. Реформа ускоряла их переход от докапиталистических к современным формам организации хозяйства не путём прямого отчуждения, а угрозой отчуждения. Такая угроза была, несомненно, одним из побудительных мотивов, усиливших тенденцию капиталистического перерождения помещичьего класса.

Земельная реформа в определённой степени затронула и другой класс деревни – крестьянство, породив у него иллюзию стать земельным собственником без борьбы. С 1947 г., когда реформа только начала практически претворяться в жизнь, и до государственного переворота 1960 г. всего крестьянам было передано на условиях выкупа (по умеренным ценам) 1937 тыс. га из числа пустовавших и бесхозных земель. Кроме того, в общее пользование деревень поступило 1440 тыс. га пастбищ и лугов. Эти в значительной степени малоудобные земли, для освоения которых требовались большой труд и средства, получили 368 650 семей

(около 12% всех земледельческих семей). Это очень скромный результат, если учесть число безземельных и малоземельных крестьян (по переписи 1952 г. две трети сельского населения)²².

Основными формами государственной поддержки сельского хозяйства были закупки государством по гарантированным ценам части продукции, льготные кредиты, снабжение хозяйств на выгодных условиях машинами и инвентарём. Поскольку дело не обошлось без рекомендаций кредиторов, уже в 1948 г. в сельское хозяйство Турции стали поступать первые кредиты по плану Маршалла. Начался импорт в значительных количествах тракторов, что позволило распахать значительные площади неосвоенных земель, особенно в Центральной Анатолии. Прямая иностранная помощь, использованная в 1948–1965 гг. на развитие сельскохозяйственного сектора, составила 586,2 млн. долл., причём треть её была американскими кредитами. Эти средства пошли на строительство оросительных сооружений, на импорт и производство ядохимикатов по борьбе с вредителями сельского хозяйства, закупку сельскохозяйственных машин и запчастей, улучшение методов ведения животноводства, земледелия, подготовку специалистов в области сельского хозяйства и т. д.

Начался же технологический прогресс в турецком сельском хозяйстве именно с расширения применения тракторов и других сельхозмашин. Если до 1948 г. в стране использовалось примерно две тысячи тракторов, их число стало расти с началом применения плана Маршалла. Стремительность такого роста очевидна – в 1953 г. их было уже 35 тысяч, в 1956 – 44 тыс., в 1960 – 42 тыс. и в 1970 г. – почти 106 тыс. Такое использование тракторов способствовало расширению обрабатываемых площадей с применением механизации – в 1951 г. из 15,3 тыс. га тракторами было обработано 1,8 тыс. га, в 1970 г. из 24,3 тыс. га – около 8 тыс. га. То же можно сказать о расширении орошаемых площадей и применении химических удобрений. За период 1962–1972 гг. их применение возросло в 10 раз. Официальная статистика приводит данные об увеличении в 1951–1970 гг. производства пшеницы почти в два раза, сахарной свёклы – в три раза, хлопка – почти в 3 раза и т.д.²³

Несомненно позитивное воздействие американской экономической помощи на модернизацию турецкой экономики. Общий итог очевиден: страна получила возможность покончить с остат-

ками феодализма, в том числе в госсекторе, создать условия для роста частного предпринимательства и в будущем – перехода к рыночной экономике. Вместе с тем выгоды, полученные США от своего экспорта в виде помощи, были также существенны, даже если не обращаться к их политико-стратегической составляющей.

В те годы будущее этатизма, государственного капитализма всё более занимало умы турецких и зарубежных теоретиков. Видный турецкий экономист Осман Окьяр писал тогда, что «знамя либерализации, дестатизации было поднято ДП с момента её возникновения в 1946 г.» и после прихода к власти в 1950 г. она попыталась проводить эту политику либерализма во внутренней и внешней торговле. Однако после сентября 1952 г. эта политика начала откладываться на будущее, государственное участие было востребовано повсюду, создавались новые ГЭО. Менялось либеральное течение, изменялось и отношение к законодательству относительно внешнеторгового режима и иностранного капитала. Смягчались идеи относительно самодостаточности Турции, о том, что иностранный капитал опасен. Поэтому философия экономической помощи с опорой на план Маршалла была воспринята очень благосклонно²⁴. Об основных торговых партнерах в описываемый период можно судить по приводимой ниже таблице 2.

Таблица 2
Доля ведущих стран в импорте Турции в 1957–1962 гг. (%)

Страны	1957	1958	1959	1960	1961	1962
США	30,7	27,9	26,3	25,8	27,5	29,1
Зап. Германия	11,2	14,4	16,9	21,0	16,7	17,1
Англия	7,7	7,2	11,0	11,3	13,2	11,3
Италия	9,2	10,6	7,1	6,4	8,4	5,4
Франция	3,2	2,9	3,7	3,5	3,5	4,6
Япония	0,4	0,3	0,4	1,0	2,6	2,7
Иран	0,3	0,0	0,6	0,0	0,5	2,2
Голландия	1,2	1,6	3,0	2,6	2,4	1,9
Чехословакия	6,1	3,9	2,7	1,5	2,3	1,9
Австрия	1,1	1,5	3,3	2,1	1,6	1,7

Источник: İktisadi Rapor 1963.

По турецким данным, на начало 1970-х годов доля внешних источников в общем объёме инвестиций в экономику составляла 25,4%. Можно предположить, что в первые послевоенные годы эта доля была значительно выше и обеспечивалась она прежде

всего поставками из США или, по крайней мере, финансированием из США этих поставок. В период 1948–1967 гг. в среднем структура импорта на 47% была представлена инвестиционными товарами, 40% – сырьевыми, 13% – потребительскими. Однако в 1953 г. доля потребительских товаров в турецком импорте значительно превышала этот показатель, достигая 25%, что свидетельствовало об интенсификации поставок американских сельскохозяйственных излишков²⁵.

В эти же годы начался новый этап в истории ввоза иностранного капитала в Турцию: в 1954 г. были приняты законы о поощрении иностранного капитала и о нефти. Правда, они содержали ещё много ограничений по свободному использованию прибыли. По-прежнему поступление займов и кредитов от стран Запада и прежде всего от США по государственной линии (ежегодно 200–300 млн. долл.) являлось основой модернизации не только агросферы, но и промышленности, инфраструктуры.

Соотношение между различными формами ассигнований по плану Маршалла менялось по годам. До 1950 г. эта помощь Турции в основном шла в виде займов, что определяло большую задолженность Турции. Правительство Демократической партии утверждало в своих отчётах, что, придя в указанном году к власти, оно сумело добиться постепенного увеличения в предоставляемой помощи доли безвозмездной ссуды до 100%. Однако позднее, в 1960-е годы, после военного переворота 1960 г., затем создания консорциума помощи Турции, укрепления сотрудничества с Общим рынком доля безвозмездной ссуды постепенно сократилась почти до нуля. Что касается выплат долгов по займам, процент по ним составлял 2,5% при длительных сроках их выплат.

По плану Маршалла осуществлялись американские поставки в Турцию машин для сельского хозяйства, прежде всего тракторов, энергетического и промышленного оборудования, судов, химических удобрений, лекарств и многого другого. Ассигнования по плану Маршалла активно использовались практически во всех отраслях турецкой экономики – и на крупные проекты, и на модернизацию имевшихся предприятий и на поставки для них запчастей, сырья и т. п. Указанная помощь стала первоосновой реорганизации и развития важнейших отраслей экономики – торговли, промышленности, инфраструктуры, сельского хозяйства и др.

Причём, сначала вынужденно, её основным получателем был госсектор, затем – частный, в сотрудничестве прежде всего с американским частным капиталом. Помощь по плану Маршалла помогла осуществлять широкомасштабные инвестиции в механизацию агросферы, сохранявшей в немалой степени свою полуфеодальную структуру, а также в орошение, энергетику, строительство дорог, сахарную, текстильную, пищевую и другие отрасли промышленности, развившиеся на сельскохозяйственном сырье²⁶.

То обстоятельство, что львиная, почти стопроцентная, доля помощи поступала в распоряжение госструктур и государственных экономических организаций, составляло важную особенность индустриализации Турции за счёт американской помощи. Её наиболее активно использовали организации и крупнейшие предприятия страны, находившиеся под контролем ГЭО – Этибанка, Сумербанка, железных дорог, министерств экономики, здравоохранения, Управления автомобильных дорог, государственных управленческих и производственных структур в аграрном секторе, например Офиса продуктов земледелия, монопольно ведавшего продажей и закупкой зерна, растительного масла, жиров и т. п. Особый канал здесь был выделен для поставок через Офис продуктов земледелия сельскохозяйственных излишков – зерна, мясомолочных продуктов, хлопкового и соевого масла, жиров. Лишь небольшая доля их была направлена в сферу частного предпринимательства.

Отмечая получение Турцией немалых сумм по каналам невоенной помощи, прежде всего по линии Агентства иностранной помощи (АИД), следует иметь в виду, что они составляли лишь часть всей американской помощи. Так, из 2,9 млрд. долл. этой помощи, полученной Турцией в 1948–1959 гг., $\frac{2}{3}$ составляла прямая военная помощь, что позволяло Турции содержать и обучать огромную, более чем полумиллионную армию (тогда в основном крестьянскую). На её территории была создана система военно-воздушных и военно-морских баз НАТО, площадок для запуска ракет, радиолокационных установок, пунктов прослушивания и т. д.

Военная составляющая экономической помощи неразрывно связана с сотрудничеством Турции с НАТО. Первоначально некоторые члены НАТО высказывали нежелание позволить Турции войти в эту организацию. Ей указывали, что географически Турция не входит в оборонительную концепцию НАТО. Считалось,

что Турция была не столько европейской, сколько азиатской страной и, если Атлантический союз должен был расширяться путём включения Турции, надлежащая защита членов союза становилась невозможной. В то же время Соединенные Штаты готовы были принять Турцию именно потому, что это была бы единственная страна – член НАТО, граничащая с Советским Союзом, а это обстоятельство обеспечивало названному военному союзу возможность создания авиабаз в непосредственной близости к СССР. Турция потратила два года на соответствующие уговоры и добилась своего.

Из различных аспектов военно-политического союза Турции с западными странами следует отметить некоторые важнейшие. Например, уместно вспомнить такую акцию, как отправка в июле 1950 г. турецкой бригады в Корею, что вскоре привело к тяжёлым боевым потерям Турции, но ускорило, несомненно, её принятие (в феврале 1952 г.) в НАТО. Советский официоз того времени газета «Правда» писала в декабре 1951 г.: «В конце ноября прошлого года бойцы корейской Народной армии и китайские добровольцы загнали турецкую бригаду в узкий горный проход и почти полностью разгромили... То была первая, но не последняя "чёрная пятница" турецких солдат в Корее...». Газета указывала, что более чем четырёхтысячный состав бригады пришлось обновлять трижды почти заново²⁷.

Несколько позже, уже в 1955 г., Турция оказалась среди учредителей регионального военно-политического блока на Ближнем Востоке СЕНТО (Багдадский пакт). После выхода из пакта Ирака в 1958 г. штаб-квартира СЕНТО переместилась в Анкару. Пакистанский автор считает, что Багдадский договор «установил три тысячи миль идеологического и военного санитарного кордона против дальнейшего советского проникновения», Турция стала выполнять функцию «непотопляемого авианосца»²⁸.

Турция поддержала англо-франко-израильскую агрессию против Египта в 1956 г., правительство Баяра–Мендереса выступало на стороне США в период их острых вооружённых конфликтов с некоторыми арабскими странами. Из 2,9 млрд. долл. американской помощи, полученной Турцией в 1948–1959 гг., большую часть составляла прямая военная помощь. Вся система инфраструктуры страны модернизировалась и расширялась в соответствии с военно-стратегическими планами НАТО в этом районе.

По официальным данным турецкой статистики, из проживавших в 1965 г. в Турции иностранцев больше всего было «гостей» из США – 26,4 тыс. человек. В основном это были американские военнослужащие, обосновавшиеся в крупнейших городах страны – Стамбуле, Анкаре, Измире, Адане. Они же составляли широкую «защитную полосу» вдоль побережья Чёрного моря с городами Зонгулдак, Синоп, Самсун, Трабзон и т. д. Все эти «мероприятия» были направлены против её соседей, прежде всего против Советского Союза. Забытыми оказались уверения Турции во время её «нотной войны» с СССР в том, что она не допустит никогда присутствия иностранных баз на своей территории.

Надо признать, что вторая половина 1940-х – конец 1950-х годов были периодом наихудших, конфликтных отношений между СССР и Турцией, годами самой «холодной войны» между ними. Советская пропаганда не скупилась на обвинения Турции в том, что она была пособником фашистской Германии, а затем превратилась в «вассала американского империализма», стала «вотчиной Уолл-Стрита»²⁹. Турецкая пропаганда не оставалась в долгу – книжные магазины страны были забиты литературой о «красной опасности», «советском империализме». В первых рядах в анти-советских кампаниях выступали в те годы пантюркисты.

В 1953 г. после смерти Сталина новое советское руководство стало искать пути улучшения отношений с Западом, прилагало усилия и к тому, чтобы нормализовать отношения с Турцией. 30 мая 1953 г. от имени Советского правительства было сделано соответствующее заявление турецкому послу в Москве. Однако это заявление не сразу получило должный отклик со стороны Турции, оно некоторое время замалчивалось.

Багджы признает, что после начала американской помощи туркам они прекратили поддержку борьбы арабов за независимость, признали Израиль и разрешили турецким евреям уехать в Израиль. «Это на многие годы определило плохие отношения с арабскими странами». Другой ошибкой Турции он считает отказ от политической поддержки тех стран Азии и Африки, которые боролись за свою независимость. Например, неучастие турок на азиатской конференции в поддержку Индонезии в январе 1949 г. власти мотивировали тем, что Турция далека от этого региона, является европейским государством. Туда не был направлен даже наблюдатель³⁰.

В годы правления Демократической партии было продолжено принятие новых мер, начатых НРП и способствовавших усилению влияния религиозного фактора в жизни страны: был отменён запрет на чтение эзана на арабском. Уроки религии, сохраняя свою факультативность, превратились в неотъемлемую часть учебной программы. Открылись новые школы имамов-хатибов – в Анкаре, Стамбуле, Адане, Испарте, Мараше, Конье и Кайсери, впервые уроки религии были включены в программу средней школы. Эти уступки властей вызывали всё большее недовольство в руководстве турецкой армии. Часть военных была убеждена, что режим ДП попирает принципы Ататюрка, игнорирует решающую роль армии в эволюции республиканской власти, действует в интересах новой правящей элиты, узкой прослойки крупной буржуазии, связанной прежде всего с Деловым банком и обогатившейся на спекуляциях, провоцирует рост недовольства народных масс.

В те годы другим эффективным способом отвлечь общество от социальных проблем продолжал оставаться крайний национализм, переходящий в пантюркизм, возникали новые вспышки враждебности против остатков нетурецкого населения страны, особенно его предпринимательской прослойки. Одна из них 6 и 7 сентября 1955 г. приняла форму массовых погромов в отношении греческого, армянского и еврейского населения городов Стамбула, Измира и Анкары. Как писал Р.П. Кондакчян, погром был задуман Мендересом и Зорлу. 24 августа 1955 г. Мендерес выступил в Стамбуле, в ресторане «Лиман», с подстрекательской речью против греков. В начале сентября он встретился с руководителями общества «Кипр – турецкий». Мендерес потребовал активизации деятельности общества для поддержки позиции Турции в период работы Лондонской конференции по Кипру. Непосредственным поводом к погрому послужила провокация, связанная со взрывом дома-музея Ататюрка в Салониках, в котором помещалось турецкое консульство. Турецкий консул в Салониках Бали и его помощник Четинер заложили бомбу под здание консульства и взорвали его, а вину взвалили на греков. Весть эта молниеносно распространилась по стране через вечерние газеты и радио, заведомо ждавших её и оставивших для этого места на своих страницах и в программах.

В течение двух дней двадцатитысячная толпа громила и грабила лавки, магазины и дома греков, евреев и армян в Стамбуле,

а также Измире. Было разрушено и сожжено 73 церкви и два монастыря греков. Были вскрыты могилы греческих патриархов, а их кости разбросаны в сторону Греции. Было осквернено также христианское кладбище Шишли и разрушены 24 греческие школы. Значительный ущерб был нанесен и армянам: совершено нападение на здание армянского патриаршества, разрушено несколько церквей и 8 школ. Толпа напала также на еврейскую синагогу и здание главного раввина. Во время погрома было убито 3 человека. Есть данные о том, что было ранено 600 человек. Общий материальный ущерб, нанесенный национальным меньшинствам, составил около 250–300 млн. лир. Турецкие власти явно занизили общую сумму ущерба до 69,578 млн. лир. Правительство Мендереса виновниками и организаторами этих событий объявило коммунистов.

Толпы погромщиков были подогреты националистическими и весьма популярными в то время лозунгами типа «Кипр – турецкий»³¹. В общественных кругах сложилось мнение, что погромы были специально организованы, поскольку службы безопасности не сразу вмешались в события. Впоследствии это подтвердилось на процессе в Яссыда³².

Намного позже обозреватель «Джумхуриет» Орал Чалышлар привёл воспоминания Саркиса Черкезьяна о событиях 6–7 сентября 1955 г. в районе Едикуле Стамбула. «Врывались в дома, ломали, разливали, выбрасывали на улицу вещи. На Едикуле джаддеси была греческая церковь, её сожгли». Как пишет Чалышлар, за событиями стояли две силы: политическая власть и печать³³.

Значительные военные расходы, усиление экономической и политической зависимости Турции от США в 1950-е годы, быстрое обогащение верхушки крупной турецкой буржуазии и помещиков сопровождалось ростом инфляции, дороговизны, безработицы. М. Сингер следующим образом описал монетарную ситуацию тех лет: «Денежная масса возрастала ежегодно в среднем на 19,2%, при этом 10,5% в год питало инфляцию, из оставшейся части 6% поглощалось реальным экономическим ростом, 2% – снижением скорости обращения денег, остальные 0,7% – статистическая погрешность». В период с 1946 по 1952 г. среднегодовой рост цен составил 2,2%, а в следующий период, с 1953 по 1959 г., почти 17%. По словам М. Сингера, в период демократов инфляция превратилась в наиболее значимую экономическую

проблему Турции. Западные эксперты «умоляли» премьер-министра А. Мендереса пересмотреть политику, которая оборачивалась серьёзной инфляцией. Тем не менее в своём стремлении к экономическому росту и популярности правительство ДП длительное время игнорировало предупреждения, поступавшие как изнутри системы, так и извне.

С расчётом на гарантированное финансирование по линии АИД инвестиционных программ власти в середине 1950-х годов прибегли к «освобождению» импорта, ввозу «всего, что только возможно»; при перманентной инфляции это обернулось дефолтом 1958 г., первым, но не последним в Турции, когда страна оказалась не в состоянии расплатиться по своим стремительно возросшим долгам, прежде всего краткосрочным. Бенер пишет, что первоначальные ответные меры властей носили сиюминутный характер, в то время как для стабилизации внутри- и внешнеэкономической ситуации требовались коренные и взаимоувязанные меры.

В конце концов, правительство пошло на эти меры, был создан комитет из представителей всех заинтересованных министерств и ведомств, который 12 апреля 1958 г. подготовил соответствующий доклад, обсуждавшийся затем в Париже и Вашингтоне международными экономическими организациями, прежде всего ОЕЭС и МВФ.

4 августа 1958 г. власти объявили о начале целой серии мероприятий, названных Программой стабилизации³⁴.

Программа включала девальвацию турецкой лиры (примерно на 120% в отношении к доллару США), переход к системе ступенчатого курса в зависимости от вида товара в экспортных и импортных расчётах, жёсткий контроль над денежной и кредитной эмиссией, увеличение цен на продукцию государственных экономических организаций (ГЭО), пересмотр импортного режима в сторону квотирования, меры по поощрению экспорта, приоритет в инвестиционных программах краткосрочных и высокоприбыльных проектов, сокращение дефицита государственного бюджета. В свою очередь ОЕЭС перенесла сроки уплаты кредитов на сумму 420 млн. долл., по которым подошли сроки, и выделила Турции 359 млн. долл. новых кредитов. Тогда же помощь Турции начала оказывать ФРГ: был предоставлен и кредит в размере 210 млн. марок³⁵.